

Е.М. Мегрегов

Очерки
истории
Инду
до XIII века

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Е.М.Медведев

Очерки истории Индии до XIII века

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

1990

ББК 63.3 (5 Ид)
М42

Составитель
Р. В. МЕДВЕДЕВА

Ответственные редакторы
Л. Б. АЛАЕВ, В. И. ПАВЛОВ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
АН СССР*

Медведев Е. М.
М42 Очерки истории Индии до XIII века.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.— 331 с.
ISBN 5-02-016902-1

В книге собраны труды советского индолога Е. М. Медведева (1932—1985). Опубликованные в свое время в виде статей и разделов в коллективных монографиях, они объединены в настоящем издании в тематические очерки, что создает цельное представление о взглядах ученого.

М 0503000000-102—162-90
013(02)-90

ББК 63.3 (5 Ид)

ISBN 5-02-016902-1

© Е. М. Медведев, 1990
© Р. В. Медведева (составление),
1990

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ МЕДВЕДЕВ

Евгений Михайлович Медведев родился 23 ноября 1932 г. в Москве. Большую часть своей жизни прожил в доме, расположенном в одном из самых старинных переулков города — Вспольном, где семья занимала комнату в коммунальной квартире.

Отец Евгения Михайловича — Михаил Петрович Медведев был сыном крестьянина из деревни Михали Вяземского уезда. Осиротев в раннем детстве, он вместе с братьями и сестрами был взят на воспитание в семью дальних родственников — Ястребовых. Окончив гимназию, он поступил на юридический факультет Московского университета, который закончил в 1912 г. В студенческие годы зарабатывал себе на жизнь репетиторством.

Елизавета Николаевна Медведева (Бочкова) была родом из деревни Марфино, подмосковного имения графов Паиных, где служили ее предки: бабушка ключницей, а дедушка — камердинером. Отец Елизаветы Николаевны был портным и писался мещанином. Интересно национальное происхождение семьи Бочковых: дедушка Елизаветы Николаевны по отцовской линии Иогани Феликсович Бочковский — поляк, бабушка Пелагея Никифоровна — цыганка; бабушка по материнской линии Луиза Иоганновна Пипо была финкой. В шестнадцатилетнем возрасте Елизавета Николаевна приехала в Москву работать и вскоре встретила Михаила Петровича Медведева, полюбила и можно сказать, что трудный путь к личному счастью, а потом любовь к сыну заполнили всю жизнь этой замечательной женщины: красивой, умной и очень сильной духом.

Семья Медведевых жила очень дружно и скромно, отдавая все силы и средства воспитанию сына. Михаил Петрович научил его плавать в трехлетнем возрасте, и летом в Марфино они любили вместе плавать вокруг острова на пруду; в семь лет Евгений уже был обучен пилить и колоть дрова, носил воду из колодца. Но основное внимание, конечно, уделялось умственному и духовному развитию. Евгений Михайлович очень часто вспоминал те далекие времена, когда они с отцом, сидя вечером дома, обсуждали прочитанные книги (а читать он научился рано и читал запоем) и рисовали. Эти рисунки сохранились, и на них рядом нарисованное отцом и сыном: животные, рыцари, корабли. Да, отец Евгения Михайловича был хорошим для любителя художником и сумел привить сыну любовь к рисованию, особое, художественное, образное восприятие окружающего мира. О какой бы черте характера Евгения Михайловича я ни хотела сказать, мне тут же приходят на память его рассказы об отце, и возникает тесная связь образов двух этих людей. Напри-

мер, подумая о скрупулезности и основательности, характерных для Евгения Михайловича,— и тут же вспоминаю его рассказы об увлечении отца цветоводством, гляжу на книги по цветоводству его отца с закладками и понимаю, что отец отдал ему часть своей души. Гуляя в лесу и рассказывая о своих приключениях на охоте в молодости, делая кораблики и воздушных змеев, отец формировал маленького человека.

Мы познакомились с Евгением Михайловичем в начале 1977 г. случайно. Мне нужны были для работы над рефератом при сдаче кандидатского минимума книги по индийской философии. Хорошо помню свои первые впечатления об Евгении Михайловиче: в выражениях — изысканность, в тоне — деликатность, в поступках — предупредительность, т. е. поведение прекрасно воспитанного, интеллигентного человека. Еще я почувствовала тогда, что судьба свела меня с человеком того редкого типа, который я называю людьми внутренней ориентации: для них важнее быть, а не казаться.

С удивлением узнала я, что некоторые знакомые считали Евгения Михайловича человеком малообщительным и молчаливым. Мне же чаще всего приходилось быть слушательницей, и все, о чем я пишу, черпаю из воспоминаний о рассказах Евгения Михайловича. Он был очень хорошим рассказчиком, и я даже советовала ему написать что-нибудь, хотя бы об истории столь дорогого его сердцу Марфино, которую он хорошо знал. Говорил он часто с увлечением и, будучи человеком артистичным, мог изображать в лицах, например, придя домой после конференции, ее участников, чтобы я смогла лучше понять смысл докладов и дискуссий. Мои родители любят вспоминать, как часто Евгений Михайлович весело и задорно хохотал, любил шутить сам и очень ценил хорошую шутку. Он как-то очень легко и естественно стал членом нашей большой семьи, особенно тепло относясь к моим пожилым родителям и младшему племяннику, с которым много играл в шахматы, рисовал ему все, что тот просил, и еще перепечатывал с большим удовольствием его первые стихи, берег их в своих бумагах. Иногда они устраивали такую возню, что приходилось их разнимать: «Медвежата, разрушите окружающую среду!»

Учась в школе, Евгений Михайлович мечтал стать военным моряком, как его сводный брат Дмитрий, читал книги о морских путешествиях, экспедициях на Север, изучал карты и очень старательно учил географию, глубокие и обширные знания по которой помогли в его дальнейшей жизни и работе. Но к девятому классу стало ясно, что ухудшающееся зрение не даст сбыться этой мечте. В 1951 г., окончив школу, он подает документы в Московский институт востоковедения, но опять осечка: медицинская комиссия обнаруживает болезнь легких и не допускает к экзаменам. Тогда Евгений Михайлович подает документы на исторический факультет МГУ, который заканчивает в 1956 г. с отличием. Студенческие годы были для Евгения Михайловича, видимо, самыми счастливыми в его жизни. У него появилось много настоящих друзей, дружбе с которыми он оставался верным до конца своих дней. На первом и втором курсах он вместе с однокурсниками ходит в походы на Кавказ и Урал, впечатления от которых остались с ним навсегда, а с 1954 г. становится членом парусной секции общества «Буревестник». Сначала в гонках на одиночных яхтах класса «Финн», потом в качестве рулевого I класса более крупных яхт Евгений Михайлович все-таки остается верен своей детской мечте о морских путешествиях.

В 1982 г., тщательно подготовившись, Евгений Михайлович сдает экзамен на должность помощника капитана и в этом качестве совершает на крейсерахской яхте «Архимед» походы на Север. В 1984 г. — последнее и самое дальнее путешествие до п-ва Рыбачий. Экипаж яхты был в гостях на кораблях Северного морского флота, и Евгений Михайлович выступал там в кают-компаниях с лекциями об Индии — древней и современной. В том же походе он и его товарищи приняли участие в Соловецкой регате. Этот поход был нелегким из-за штормовой погоды и уже плохого самочувствия Евгения Михайловича, но в письмах было столько впечатлений от выхода в Северный Ледовитый океан, радости от противоборства со стихией, пребывания на боевых кораблях, общения с военными моряками! По отзывам товарищей Евгения Михайловича по походам на парусных судах, он был очень знающим и опытным яхтсменом, не уклоняющимся ни от каких тяжелых работ на палубе и ночных вахт. Евгений Михайлович был очень скромным человеком, и его яхтенный экипаж не знал ничего о том, что Евгений Михайлович — кандидат исторических наук и доцент. Для них он был опытный яхтсмен, художник и фотограф (он много рисовал и фотографировал в походах).

В походах, на прогулках и даже на работе Евгений Михайлович был всегда во всеоружии: с карандашами, фломастерами и блокнотом; он делал зарисовки везде, где мог. А о том, что Евгений Михайлович — художник, знали далеко не все его коллеги-историки. Изучению живописи и рисунка он посвящал немало лет (с 1963 по 1978), занимаясь в изостудии Московского дома ученых АН СССР. Любимые темы — уголки старой Москвы и пейзажи Подмосковья. Иногда, когда он видел, что строители возводят заборы, бросал все дела и спешил запечатлеть на бумаге дорожки сердце коренного москвича переулки и старые особняки. За восемь лет совместной жизни мне ни разу не пришлось увидеть с его стороны спокойствия во время заката солнца. Где бы мы ни были в это время, его лицо становилось одухотворенным, и он говорил: «Какая красота!».

Любимым художником Евгения Михайловича был Роквелл Кент. Я вспоминаю, как, приехав с дачи, мы выкладываем на стол наш урожай: огурцы, помидоры, кабачки и пр., а Евгений Михайлович с присущим ему юмором и в то же время сокрушенно говорит: «Ну разве можно это съесть, это надо писать!» Евгений Михайлович, конечно, старался не пропускать художественных выставок в Москве, но отдавал предпочтение старым мастерам. Любил писать портреты родных и друзей сангиной.

Есть среди рисунков Евгения Михайловича и портреты его любимого учителя — индолога Александра Михайловича Осипова, который всегда был для него примером ученого и человека. Под его руководством Евгений Михайлович с 1960 г. начал работать в Институте восточных языков (теперь Институт стран Азии и Африки) при МГУ. Очень много рассказывал мне Евгений Михайлович об А. М. Осипове и И. М. Рейснере, которые оказали огромное влияние на становление его как педагога и ученого.

Евгения Михайловича трудно назвать кабинетным ученым, ибо свои труды он как бы вынашивал сначала в себе. Бывало так, что он отправлялся на целый день писать этюды в лесу или в арбатских переулках, а вернувшись домой, садился за машинку и начинал писать, благодаря прекрасной памяти никуда не заглядывая и ни с чем не сверяясь. Когда сроки поджимали, он просил меня ему помочь, и мне было всегда вдвойне интересно делать это,

т. е., печатая, получать удовольствие от смысла и формы текста, а также от того, как человек, ходя из угла в угол, диктует так, как будто это уже где-то написано. Эта видимая легкость достигалась большим повседневным трудом по изучению научной литературы и благодаря творческому общению с коллегам.

Последняя работа Евгения Михайловича — статья по типологии индийского общества — вобрала, по-моему, в себя большой философский смысл и носит обобщающий характер, хотя автор не знал, что она будет последней. Напротив, он строил обширные планы на будущее — после издания сборника своих статей по социально-экономическим проблемам истории Индии приступить к написанию докторской диссертации на тему, к которой подходил все ближе, если посмотреть его работы последовательно, — генезис и специфика кастовой системы в Индии. «Если ты мне поможешь, то я сделаю это быстро», — сказал он мне в начале 1984 г.

Но болезни и несчастья начали сыпаться на нас и наших близких. Особенно тяжело Евгений Михайлович перенес смерть своего любимого брата Дмитрия, после которой его здоровье стало ухудшаться. Во время болезни Евгений Михайлович проявил мужество и выдержку, удивлявшие даже врачей, и когда незадолго до смерти ему стало лучше, он попросил меня начать печатать статьи к сборнику, план которого составил сам в больнице. До самой смерти все его мысли были заняты заботой о работе и своих близких.

Я очень признательна Л. Б. Алаеву, который не только помог мне морально в самые трудные дни моей жизни, но и взял на себя труд в память о былой дружбе подготовить к печати издание научных трудов Евгения Михайловича, положив в основу план сборника, составленный им самим.

Выражаю самую глубокую благодарность всем, кто в той или иной мере способствовал появлению этого издания.

Р. В. Медведева

О ТВОРЧЕСТВЕ Е. М. МЕДВЕДЕВА И ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

I

Эту книгу Е. М. Медведев создавал всю свою недолгую жизнь. Из-под его пера выходили статьи, рецензии, главы в коллективных монографиях, он издавал переводы источников, составлял исторические карты,— казалось бы, работал в малых жанрах. На самом же деле все эти отдельные исследования являлись частями монографического замысла, они были направлены на всестороннее изучение древней и раннесредневековой истории Индии. Наш общий учитель, Александр Михайлович Осипов, завещал ему изучение этого периода, и Евгений Медведев принял наследство с полным осознанием ответственности.

Высота ответственности определялась тем, что после смерти учителя Е. М. Медведев остался единственным советским специалистом по раннему средневековью Индии, в одиночку «борющимся» с огромной массой трудных для исследования источников и с историографическими проблемами этого сравнительно «темного» периода. Индологов-историков в СССР вообще крайне мало, гораздо меньше, скажем, чем арабистов, иранистов, китаистов. В истории Индии есть периоды, еще недавно изучавшиеся коллективами по крайней мере в три-пять человек,— это период древности (примерно III в. до н. э.— V в. н. э.) и период Великих Моголов (XVI—XVIII вв.). Но помимо этих индологических «оазисов», где журчит, или еще совсем недавно журчала, живительная влага обмена мнениями и дискуссий, есть и индологические «пустыни», и наиболее «засушливая» из них — период с VI по XII в. Именно здесь «наводили мосты» между более исхоженными участками индийской исторической дороги А. М. Осипов и его верный ученик и последователь.

Конечно, «пустынность» данного участка не случайна. Ученых, как и жителей пустыни, влечет туда, где больше воды и пищи. А пищей историка служат исторические источники. Древняя Индия — это Индия дхармашастр и «Артакшастр», время создания огромного буддийского канона, эпических поэм, драм Калидасы и Бхавабхути, наконец, от этого периода сохранились эпиграфика и свидетельства иностранцев. По другую сторону «пустынного» участка — Моголы с их персоязычными хрониками, налоговыми и административными трактатами, огромной художественной литературой на десятке языков, с полусотней описаний страны дотошными европейцами, побывавшими в то время в Индии. Одним словом, историку есть где развернуться. Существуют, кроме того, архивы, но они в тот период, о котором сейчас идет речь,

советскими историками еще не изучались. Главное — многообразие источников, позволяющее взаимно скорректировать их данные.

Совершенно по-иному выглядит источниковая «карта» страны «раннее средневековье». Основной источник — эпиграфика, надписи на медных табличках и на камне, фиксирующие отдельные события — поход, жертвоприношение, дарение. Кроме надписей — два-три китайских паломника, два-три европейских путешественника, несколько сборников рассказов (так называемых «обрамленных повестей»), одна историческая хроника, да и то относящаяся к периферии ареала цивилизации (к Кашмиру).

Работа с эпиграфикой напоминает восстановление осыпавшейся древней мозаики. Под ногами грома осколков разной фактуры и цвета — надо понять, какое место каждый из них занимал в картине, уже унесенной временем. Литературные и археологические источники могут сыграть роль контуров и неосыпавшихся фрагментов, но их для данного периода крайне мало. Заведомо не все кусочки смальты сохранились, принадлежат же они не одному, а нескольким слоям, находящимся в разных плоскостях. Известно, что общество многомерно.

Вот такого рода работу и завещал учитель своему ученику, и тот смог, благодаря трудолюбию и таланту, не потонуть в море неупорядоченных фактов, а представить логичную и яркую, хотя порой спорную, картину общественной жизни того времени.

Чтобы справиться с задачей, Е. М. Медведеву пришлось специально заняться источниковедением. В раздел I данной книги включены его статьи, после опубликования которых методы использования индийской эпиграфики и литературных произведений жанра «обрамленной повести» как исторических источников стали значительно яснее. Он показал, что объектом изучения должны стать не только содержание, но и форма надписи, что проблемы раннего средневековья надо решать в комплексе с проблемами древности, и в дальнейшем его концепция строилась на материале обоих периодов.

Исследовательские задачи вели автора и к постановке теоретических проблем всемирно-исторического масштаба. К числу наиболее последовательно разрабатывавшихся им проблем следует отнести роль географического фактора и соотношение собственности, права собственности, ренты и налога. (Эти теоретические, или методологические, вопросы объединены в разделе II.) Что же касается проблем собственности, то я сам отдал им много сил и могу судить, что Е. М. Медведев разобрался в вопросе, который до крайности запутан в советской исторической, юридической и политэкономической литературе.

Решение этого вопроса внешне выглядит очень просто: если мы считаем собственность производственным отношением, то должны понимать ее именно экономически, а не юридически. Если же кто-то под собственностью подразумевает право собственности (юридическую форму), то запретить этого нельзя, но пусть он тогда не кладет ее в основу своих размышлений об экономическом строе. Однако все это легче сформулировать, чем следовать этим советам практически. На практике в большинстве исторических работ происходит незаметная для автора подмена экономической категории категорией юридической, а затем уже правовые нормы самозванно выступают в роли демиургов всей системы общественных отношений.

Проблема собственности на средства производства была центральной в

решении Е. М. Медведевым конкретно-исторического вопроса об общественном строе древней и раннесредневековой Индии. Концепция Е. М. Медведева о феодализме в Индии на всем протяжении древности и средневековья явилась его главным вкладом в индологию и в изучение истории человечества в целом. Дело в том, во-первых, что Индия, т. е. Южноазиатская цивилизация, — это весомая часть человечества, и никакая теория исторического процесса невозможна, если Индия будет в ней исключением. Во-вторых, Медведев, чтобы обосновать свою концепцию, вынужден был искать и находить собственные решения и вопросы, выходящих за пределы Индии, — проблем рабовладения в целом, оценки илотии, проблем возникновения классового общества и государства и т. п. И во всех областях суждения Медведева были столь основательны, что с ними нельзя было не считаться. Оригинальность его подхода обрекала его на роль критикуемого и опровергаемого, но это означало, в частности, что он был одним из часто цитируемых авторов, в споре с которым многие суждения советских историков приобретали большую стройность и строгость.

Нельзя сказать, что Е. М. Медведев стоял совершенно один. У него были частичные союзники. Но главными его союзниками были его логика и настойчивость. Он бил и бил в одну точку, и так как точка была избрана правильно — это действительно было слабое место в построениях сторонников «рабовладельческой» концепции, — то они стали поддаваться.

Я сам не являюсь сторонником точки зрения Е. М. Медведева. Мне вовсе не хочется приписать все положительные результаты этой историографической борьбы моему другу ради того, чтобы выдержать тон мемориального издания. Наконец, нельзя было бы утверждать, что его точка зрения «победила». Несомненно только то, что Е. М. Медведев своими работами в меру сил способствовал серьезному продвижению советской исторической науки в изучении древних и средневековых обществ. Ему «пришлось» внести этот вклад, потому что перед ним стояла весьма конкретная цель — понять и объяснить читателю традиционное индийское общество.

Будучи непримиримым в научных работах, он никогда не переносил ученые споры в плоскость личных отношений. Он уважал своих противников, а они, в свою очередь, платили ему тем же. Творческое наследие таких ученых, как Е. М. Медведев, — залог того, что плодотворные дискуссии будут и далее основной формой движения советской исторической мысли.

Что касается чисто индологических проблем, то здесь его вклад может быть оценен немногими, но он также существен и пока уникален. Это относится к изучению двух основных структурных элементов раннесредневековой Индии — сельской общины и города. Опять-таки вопреки мемориальному характеру издания я хочу сделать оговорку, что вопрос о формах землевладения в раннее средневековье был изучен Е. М. Медведевым менее оригинально. Он начал с анализа иммунитетных формул в грамотах, подобно тому как это начали делать индийские историки еще в 30-е годы и продолжают работать в том же ключе до сих пор. Затем Е. М. Медведев воспринял мою идею о двух видах (этажах) собственности в Индии и проанализировал собранный материал под углом зрения этой концепции. Но никаких аналогов нельзя привести тому, что сделано им по индийской общине и раннесредневековому городу.

Я понимаю, почему это произошло в отношении изучения общины. Нужен

был нестандартный подход к источнику — такая редкость в среде профессиональных историков! Нужно было удивиться: как это нет в надписях сведений по сельской общине? Они должны там быть! Надо было долго смаковать загадочные названия населенных пунктов, встречающиеся в надписях: Вишалапатаграма, Панчакульявапака, Дханнаваллика, Тапасапоттака и сотни других, столь же звучных, чтобы неожиданно увидеть в них определенную систему. Увидеть процесс эволюции от однодворных поселений к деревням, затем их распадение на кварталы, выделение дочерних поселений, формирование сложных по составу общинных образований, их распад и повторение уже пройденного пути. И вот мы уже знаем о раннесредневековой общине нечто такое, чего раньше не знали. И я уверен, хотя это может показаться спорным, что, если бы не Медведев, мы не узнали бы этого по сию пору. О подобной работе с надписями индийские историки даже еще не помышляют.

Но непонятно, почему именно Е. М. Медведеву принадлежит приоритет в подробном анализе надписей из Лохаты и Ахара и тем самым новое в изучении города. И та и другая надпись очень необычны и по форме, и по информативности и тем привлекают внимание. Обе надписи изданы и переведены в Индии, на них не раз ссылаются видные индийские ученые. Чтобы использовать их материал, никаких особых приемов применять не надо, достаточно пересказать их содержание (поняв его, конечно, предварительно). Видимо, несмотря на усилия по развитию социально-экономической истории, даже среди прогрессивных индийских ученых нет подлинного вкуса к вопросам организации производства, распределения продукта, форм эксплуатации.

Еще одно направление исследований Е. М. Медведева тоже довольно необычно для индолога-историка, хотя его значение ясно, по-видимому, всем. Это стремление понять процесс сложения кастовой системы. Создалась весьма странная ситуация. Все вопросы, связанные с изучением касты, монополизировали социологи (их же можно назвать социоантропологами или этнографами), в том числе и вопрос об истории касты, вопрос, в котором ученые данной специализации не могут считаться компетентными. Между тем все имеющиеся сейчас теории происхождения каст принадлежат людям, никогда не изучавшим исторические источники (Д. Ч. Иббетсон, Ч. Несфилд, Дж. Хэттон, Г. Рисли, Э. Сенар, Л. Дюмон и др.). Историки же пишут об изучаемых обществах древности и средневековья так, как будто бы касты вообще не было или же она была своего рода идеологическим институтом, не имевшим отношения к политике и экономике. Объясняется это, конечно, просто. Каста — это социальный институт, не находящий отражения в источниках, которыми может пользоваться историк. Она всегда пряталась в тени, в недрах сознания, психологии, быта. И сейчас ее можно изучать лишь в «поле» — на месте, путем социологических опросов и т. п. А историк, приученный своей «строгой» наукой опираться только на источник, считает себя вправе не задумываться о том, почему же он не обнаруживает касты, которая логически должна здесь быть.

Как я уже заметил, говоря о проблеме общины, такие профессиональные шоры Е. М. Медведеву были несвойственны. Он считал своей задачей не регистрировать то, что говорят источники, а понять устройство и генезис данного общества. Выполнив деструктивную задачу — показав, что индийское общество древности не могло базироваться на рабовладении, и теоретически обосновав, что господствовавшие в древней Индии отношения следует охарак-

теризовать как феодальные, Е. М. Медведев стал размышлять дальше: а как же все это могло произойти? И логически пришел к выводу о роли кастовой системы и к необходимости изучить ее генезис. Отсюда был один шаг до изучения этнической истории, взаимоотношений отсталых племен и населения более цивилизованных районов, процесса арианизации и т. п.

Я ставил целью выше лишь остановить внимание читателя на наиболее интересных и выигрышных частях научного творчества Е. М. Медведева и соответственно этой книги.

Нужно осветить еще один вопрос — каково же соотношение между творчеством, продолжавшимся четверть века (к сожалению, всего 25 лет!), и книгой, пытающейся это творчество отразить? Е. М. Медведев как исследователь, конечно, не стоял на месте. В ранних своих работах он исходил из того, что древняя Индия была рабовладельческой. Потом он отказался от подобного взгляда. К вопросам землевладения он подходил сначала традиционно, затем стал развивать идею о двух «разрядах» собственности, наложенных друг на друга. Если бы он сам готовил свою книгу, он со свойственной ему требовательностью к себе, вероятно, написал бы заново многие ее части. Составитель и редакторы отнеслись к работам, вошедшим в данную книгу, максимально бережно, может быть бережнее, чем обошелся бы с ними сам автор. Сняты были лишь повторы, а также места, которые явно противоречили более поздним высказываниям Медведева. Интересы монографического изложения заставляли иногда компоновать разделы из частей разных статей, опубликованных в разные годы, что отмечается в подстрочных примечаниях. Значительному сокращению подверглись ссылки — убраны повторы, перекрестные ссылки и т. п. Проведена унификация написания терминов, географических названий и т. п. По техническим причинам латиница в тексте (но не в сносках) заменена русским шрифтом. Отточием в угловых скобках отмечены опущенные места. В угловых скобках даны также редакторская правка и заголовки, если они сделаны редакторами.

Вместе с тем книга сложилась легко и естественно. Творчество Е. М. Медведева отличалось удивительной цельностью. Я начал с того, что Е. М. Медведев как бы всю жизнь писал одну книгу. А закончить нужно тем, что она практически была написана, а нам осталась только грустная, хотя и приятная, миссия ее оформления. Главное, что двигало нами, — твердое убеждение, что основные научные свершения Е. М. Медведева должны быть собраны в единую книгу и предстать перед всеми советскими историками в цельном виде.

Подготовка данной книги к печати выявила еще раз, что Е. М. Медведев пользовался уважением и любовью многих людей, практически всех, с кем он сталкивался в жизни. Особую благодарность следует выразить Т. Н. Загородниковой, выполнившей большой объем технической работы с рукописью.

Дань памяти человеку, оставившему глубокий след в душах многих людей, — эта книга.

Л. Б. Алаев

II

Появление этой книги в том монографическом жанре, в котором она предлагается читателю, — заслуга Л. Б. Алаева. Тяжелая болезнь настигла

Е. М. Медведева в самом начале его творческого отпуска, в течение которого он предполагал решающим образом продвинуться в завершении своей докторской диссертации, основы будущей монографии. Поэтому, когда при подготовке этой книги пришлось выбирать между сборником статей Е. М. Медведева, расположенных в порядке их публикации, и книгой монографического характера, сформированной по проблемно-тематическому принципу, был избран второй вариант. Этот путь, как и ожидалось, оказался более трудоемким и ответственным. Однако монографический вариант облегчит восприятие книги историками-новостоковедами, а также ее использование в качестве учебного пособия преподавателями и студентами. Для читателей, которые пожелают изучить творческий путь Е. М. Медведева по этапам, расширение диапазона исследований и эволюцию его методологии и концепций, предлагается список трудов ученого.

Но по какому бы принципу ни готовилось издание трудов Е. М. Медведева, оно в любом случае подтверждает неразрывность его научного мышления и преподавательской практики, их взаимное обогащение и дополнение, т. е. истинно университетский уровень и стиль работы ученого-педагога. Каждый работник такого типа знает, что подобное оптимальное сочетание не дается изначально, а требует неустанных и целенаправленных усилий на протяжении всей профессиональной деятельности. Так, Е. М. Медведев, приняв на себя четверть века тому назад преподавание древней истории Индии в Институте восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки) при МГУ, мог на первых порах обеспечить собственными исследовательскими и теоретическими разработками лишь сравнительно небольшую часть лекционных курсов и семинарских занятий. Поэтому он все последовавшие годы планомерно замеснял компилятивные звенья своих курсов собственными фундаментальными концепциями и оригинальными материалами из первоисточников. Конечно, научные интересы Е. М. Медведева имели и свою самостоятельную последовательность, но о ней лучше Л. Б. Аласвâ не напишешь.

Не следует, однако, думать, что возраставшая эрудиция доцента Медведева облегчала его педагогический труд. В некотором смысле она, напротив, порождала новые затруднения: Евгению Михайловичу приходилось работать со студентами первого-второго курсов, подготовка которых исчерпывалась школьными знаниями по истории и начальным освоением социально-экономических дисциплин. Практически они приступали к древней истории с нулевой отметки, поскольку в школе они её «проходили» еще в пятом классе. Сказывалось и известное пренебрежение студентов, ориентированных на практическую деятельность, к якобы ненужным им «древностям». Чтобы преодолеть эти объективные трудности и субъективные настроения, требовались педагогическое мастерство и неукоснительная настойчивость.

Здесь в действие вступало ценное качество Е. М. Медведева, которое только в первом измерении можно обозначить как требовательность к себе и своим подопечным. По сути же дела, сам Е. М. Медведев ни в какой «подгоняющей» требовательности к себе не нуждался, ибо повседневной рабочей нормой для него было выполнение любой работы — научной, педагогической, административной — на пределе его возможностей и способностей. Именно поэтому Е. М. Медведев утвердил себя по конечным результатам труда талантливым исследователем и педагогом. Именно поэтому, думается, он не демонстрировал показной заинтересованности в распространении своего или в ус-

воснии чужого педагогического опыта и методики. Хотя, конечно, он многое перенял, но по-своему, и у учителей, и у коллег.

Нормативность его оценок результатов собственного труда порой приводила к неожиданным для поверхностного наблюдателя казусам. Так, однажды Е. М. Медведев вместе со своим коллегой с исторического факультета выставили половине экзаменовавшихся по общему курсу древней истории Востока неудовлетворительные оценки. Нашлись поклонники вала по успеваемости, которые обвинили обоих университетских востоковедов в «недоработке». Доцент Е. М. Медведев не стал объясняться, а ограничился фразой: «Подготовятся — пересдадут». Действительно, почти все пересдали, а студенты получили предметный урок, осознав, что они не просто переползли из средней школы в высшую, а оказались в качественно иной, университетской среде с качественно иными нормами и критериями.

Утрата Е. М. Медведева не только невосполнима, но и негаданна для нас, его друзей и коллег по кафедре истории стран Южной Азии ИСАА при МГУ. Нам и в голову не приходило готовить подмену этому цветущему человеку, который еще только приближался к зениту своей научной зрелости и педагогического мастерства. Поэтому нам особенно нужна и дорога эта книга. Она послужит указанием — как и чему надо учить, следуя традициям Александра Михайловича Осипова и Евгения Михайловича Медведева.

В. И. Павлов

1. <ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА>

<Индийские дарственные грамоты> *

В руках ученого, изучающего историю древней и средневековой Индии, находится огромное количество литературных и эпиграфических источников, содержащих разнообразный материал о древнем индийском обществе. Однако получить этот материал не так-то просто: многие источники еще плохо изучены, малоизвестны, труднодоступны из-за сложности чтения и большого объема, сведения по интересующим историка темам разбросаны ничтожными крупинками и утопают в массе ненужных в каждом данном случае подробностей.

Важнейшим видом эпиграфических источников для изучения социально-экономической истории Индии в раннее средневековье (V—XII вв.) являются дарственные грамоты на землю. Большинство их выгравировано на медных пластинках, некоторые вырезаны на камне.

Земельные пожалования, которые регистрировались найденными грамотами, представляли собой религиозные дарения брахманам (брахмадейя) и храмам (девадайя). Объектами дарений выступали (1) участки земли и (2) части деревень, деревни или несколько деревень. <...>

Правила составления грамот приводятся в некоторых дхармашастрах первой половины I тысячелетия н. э. В дхармашастре Яджнавалкьи (II—IV вв.) царю, дарящему земли, рекомендуется делать запись об этом «для извещения будущих добрых царей». Такой документ, как говорит Яджнавалкья, следует писать на ткани или медной пластинке; надлежит назвать в нем имя царя и его предков, определить размер дара, четыре его границы и скрепить документ царской подписью (с датой) и печатью¹. Это первое упоминание в литературе о дарственных грамотах на землю. Подобные рекомендации содержат дхармашастры Вишну, Брихаспати² и др.

* Сокращенный текст статьи «Эволюция формы индийских дарственных грамот и их происхождение (III—XII вв.)». — История и культура древней Индии. М., 1963, с. 177—188. Первый абзац взят из помещенной далее статьи «Памятники средневековой индийской литературы как источник по истории социально-экономических отношений в феодальной Индии („обрамленная повесть“)».

Древнейшие грамоты лаконичны и часто отличаются одна от другой по форме. С течением времени она все больше унифицируется, наблюдается стандартизация терминологии и фразеологии.

Рассмотрим типичную формулу грамот и изменение ее элементов в период раннего средневековья. В начале грамоты указываются место издания ее (ставка правителя), год царствования и имя правителя, затем идет родословная и прославление царя и его предков. В ранних грамотах последняя часть отсутствует и лишь иногда к имени царя добавляются положительные эпитеты или краткая характеристика. Так, во вступительной части южноиндийской грамоты IV в. сообщается: «Из Канчипура праведный император Шиваскандаварман Паллава Бхарадваджа, совершающий жертвы... [приказывает]»³. Аналогично начало Индурской грамоты Скандагупты⁴, Байграмской грамоты 448 г.⁵, Дамодарпурских⁶, Фаридпурских⁷ и др. В грамотах Паривраджаков (V — начало VI в.) приводится краткая генеалогия⁸. В Мадхубанской грамоте Харши 631 г. названы не только князья дома Пушьябхути, но и имена их жен, при этом перечисление предков сопровождается их восхвалением. О предшественнике Харши на троне Стханешвара, его брате Раджьявардхане, говорится в таких выражениях: «Он покрыл весь мир балдахином своей сияющей славы, который полностью присвоил блеск стражей света: Дханады, Варуны, Индры и других, радовал сердца нуждающихся дарами многочисленных превосходных [участков] праведно приобретенной земли...» и т. д.⁹.

В Валабхской грамоте Дхрувасены III вступительная часть, составленная в витиеватых выражениях, свойственных стилю кавья, занимает сорок строк из пятидесяти¹⁰. В более поздних документах она получает стихотворную форму и генеалогия реальная дополняется вымышленной. В Джаббальпурской грамоте Яшакарнадевы 1122 г. род царя возводится к богу Луны, от которого произошел легендарный герой Пуруравас. В браке последнего с апсарой Урваши был рожден Бхарата и от него произошел Картавирия, основатель рода Хайхайя, который дал начало роду Калачуриев. Таким образом, генеалогия царя связывается с мифологическими традициями эпоса и пуран. Все это излагается в написанных по правилам изощенной индийской поэтики стихах, возвышенным слогом, полным иносказаний и намеков¹¹.

Далее в грамотах идет сам указ о пожаловании; открывается он обращением к феодалам, должностным лицам и населению. В ранних документах обращение обычно кратко: в Кохской грамоте Джаянатхи Уччакальпа 496/7 г. указ адресован «всем кутумбинам, от брахманов и до ремесленников»¹², в Индурской грамоте Свамидасы (V в.) — всем царским чиновникам¹³. Иногда подобного обращения вовсе нет¹⁴. В грамотах VI—VII вв. становится обычным перечисление вассалов, чинов-

ников и представителей общин; в более поздних число упомянутых феодальных титулов и названий должностей достигает иногда двадцати-тридцати¹⁵.

После обращения указывается повод или причина пожалования: забота об увеличении религиозных заслуг родителей и своих собственных, солнечное или лунное затмение; реже приводятся другие основания для дарения (просьба феодала¹⁶, свадьба дочери царя¹⁷, желание оказать милость¹⁸ и др.). Затем перечисляются объекты пожалования (деревня или деревни, часть деревни или участки земли) и описываются их границы; сообщаются условия дарения. Важнейшую часть их обычно составляет иммунитетная формула. В грамоте V в. она выглядит примерно так: 1) владелец освобождается от обязанности платить налоги *шулка*, *бхагабхогакара*, *хиранья*, а жителям надлежит подчиняться его приказам¹⁹; 2) имение передается брахману с правом взимать налоги *удранга* и *упарикара*, но без права наказывать воров; запрещается вступать на территорию пожалования *чатам* и *бхатам* — представителям царской администрации²⁰.

В первом случае перед нами податной и административный иммунитет. во втором — податной, административный и косвенно судебный; однако здесь иммунитеты выражены недостаточно определенно. В Кохской грамоте Самкшобхи 528/9 г. иммунитетная формула включает лишь слова, отмечающие неподсудность <получателю дара> «воров и совершающих дурное»²¹. В Суратской грамоте Вьягхрасены 490/1 г. сообщается, что чатам и бхатам не разрешается вступать на территорию пожалования, за исключением тех случаев, когда необходимо подвергнуть аресту разбойников или государственных преступников²².

В документах VII—VIII вв. перечисление податей, земельных угодий и возможных источников дохода становится все подробнее. Полнее и конкретнее выражены административный и юридический иммунитеты. Так, в грамотах подчеркивается недопустимость вступления на пожалованную землю «людей царя» (*раджанупушанам аправешаниям*)²³; им запрещается указывать на эту землю рукой или пальцем [*сарва-раджакьянам-а-хаста* (или *ан-ангули*), *пракишепаниям*]²⁴. Говорится также, за какие именно преступления может судить владелец дара. Для этого употребляется термин *дашапарадха* («десять преступлений»), подразумевающий мелкие преступления, обычно, видимо, разбиравшиеся общинным судом; суд над разбойниками (*чора*, *чаура* — букв. «вор») осуществлялся государственной администрацией. В поздних грамотах различия в иммунитетных формулах встречаются очень редко.

«Вечный» характер пожалования брахмадеям выражается в стандартной формуле: «До тех пор, пока светят луна, звезды и солнце». В грамотах отмечается, что из пожалованных земель исключаются участки, уже подаренные «богам и брах-

манам» (т. е. предшествовавшие религиозные дарения в этой местности).

В основной части документа называется имя брахмана, получающего дар, его готра и ведическая школа (*шакха*), к которой он принадлежит.

В конце следует защитительная формула, присущая записям о религиозных пожалованиях земли на правах брахмадей. В древнейших грамотах защитительные стихи, обязательные для грамот VI и более поздних веков, отсутствуют. Предупреждение о необходимости соблюдать неприкосновенность дара и о греховности его захвата написано в прозе и определенной формулы не имеет²⁵. В ряде документов V—VI вв. приводятся 1—2 стиха²⁶ (встречаются стихи, не зарегистрированные в других грамотах этого периода и более поздних²⁷), позже — 3—6 стандартных стихов, повторяющихся во всех грамотах²⁸; в некоторых из них 16²⁹, 15³⁰, 13³¹ стихов и т. п.

Увеличение и усложнение защитительной формулы³² показывает, что этой части грамот на медных табличках, оговаривающей особые права привилегированного владения брахмадей, со временем стали придавать все большее значение.

Земли брахмадей представляли собой идеальный тип частного феодального владения, безусловного, наследственного, освобожденного от всех податей и налогов и к тому же огражденного религией от конфискаций и захватов. Естественно, феодалы всеми правдами и неправдами старались получить грамоты на подобное владение.

Известны поддельные грамоты на медных табличках. Таковы Наландская и Гайская грамоты, являющиеся подделками или, возможно, восстановлением утерянных либо испорченных табличек³³. В Мадхубанской грамоте Харши рассказывается о захвате деревни по подложной грамоте (*кута шасана*)³⁴. Имеются документы, подтверждающие полученные при прежних государях права брахмадей или возобновляющие дар³⁵. Нидхалпурская грамота VII в. возобновляет дар на землю, в то время уже облагавшуюся налогом (*карада*)³⁶.

Следовательно, правители иногда отнимали пожалованные земли, а иногда лишали брахманов-феодалов привилегий брахмадей. Есть и прямые свидетельства тому³⁷. Защитительные формулы, призывающие правителей и их вассалов не захватывать земли брахмадей, косвенным образом доказывают, что на практике подобные случаи бывали нередко. Появление в дхармашастрах статей, касающихся такого рода поступков, весьма показательно³⁸.

Итак, форма дарственных грамот на протяжении раннего средневековья усложнялась (они становились более полными и подробными), эволюция ее отражала процесс укрепления феодальной собственности на землю. Незрелая форма ранних грамот подтверждает, что возникновение этого типа документов примерно совпадает с периодом, к которому относятся наиболее

древние грамоты, т. е. к III—IV вв. Поскольку медные пластинки хорошо сохраняются и их сравнительно много, можно предположить, что если бы грамоты на табличках существовали ранее III в., то они были бы обнаружены. Тем не менее таких находок нет. Очевидно, до появления документов на меди подобные грамоты записывались на легко разрушающихся материалах (ткань, кожа, пальмовые листья, береста). На это указывают тексты дхармашастр, а также тот факт, что древнейшие грамоты следуют определенной схеме. Это предполагает существование традиции составления аналогичных документов, несмотря на отмеченные выше черты примитивности и некоторые формальные различия. Такой вывод подтверждают, в частности, некоторые надписи на стенах пещер в Карли и Насике (II в. н. э.), представляющие собой документы о дарении деревень буддийским монастырям. Эти документы в общих чертах сходны с древнейшими дарственными грамотами на меди³⁹. Грамоты на медных табличках являются копиями оригинального текста, нанесенного на легко разрушающийся материал. Это видно из того, что в заключительных строках ряда документов, где перечисляются должностные лица, причастные к их изданию, сообщается имя того, кто писал (*ликхита*) грамоту (обычно это важный чиновник с титулами крупного феодала) и кто затем гравировал (*уткирнна*) ее (ремесленник)⁴⁰, а в некоторых отмечается, что они подписаны «собственноручно» царем⁴¹. Эта деталь дает основания думать, что перечисление имен должностных лиц соответствует их личным подписям в оригинале.

Вероятно, не дошедшие до нас документы о светском землевладении также записывались на ткани, коже и других материалах, но дорогостоящие копии их на меди не делались⁴².

Дарственные документы на землю, послужившие прототипом грамот на медных табличках, появились, наверно, незадолго до III в.

Чем же объяснить возникновение в III—V вв. обычая изготавливать такие копии для владельцев земель брахматей? Ведь религиозные дарения брахманам земли и деревень известны в Индии с древнейших времен⁴³. Примечательно следующее предписание Каутильи: «[Царь] должен дать жрецам, наставникам, домашним жрецам и ученым брахманам положенные брахманству земли, свободные от взысканий и налогов и приносящие соответствующий [доход]»⁴⁴. Земли, «положенные брахманству» (неточный перевод), названы брахматей, так же как в эпиграфике. Здесь подчеркнут их характерный признак — налоговый иммунитет (*а-данда-кара*). <...>

В Индии догуптского периода существовали также светские земельные владения феодального типа: служебные и «кормления» членов царской семьи. В главе «Заселение и устройство области» Каутилья рекомендует царю давать земли «надзира-телям» (*адхьякша*), учетчикам (*санкхьяяка*) и тому подобным старостам, старшим (*гопа*), дрессировщикам слонов, лекарям,

тренировщикам коней и посыльным, но без права продажи или заклада»⁴⁵. У Ману сказано следующее: «Управитель десятью (деревнями.— Е. М.) пусть пользуется (*бхунджита*) одной кулой, управитель двадцатью (деревнями.— Е. М.)— пятью кулами, управитель над сотней деревень — деревней, управитель тысячи — городом»⁴⁶. Подобные же указания о земельных пожалованиях содержатся в «Махабхарате»⁴⁷. Видимо, так же вознаграждались управители деревень, упомянутые у Вишну⁴⁸ и в ряде других источников⁴⁹. <...>

<Все же,> по-видимому, до III в. формы светского землевладения феодального типа, сходные с землями брахматей, не получили распространения, и, таким образом, религиозные пожалования деревень брахманам (вероятно, немногочисленные) являлись совершенно особым, единственным в своем роде институтом. С развитием формы светских частных феодальных владений, аналогичной брахматей, последняя теряет свою исключительность. В условиях складывающихся феодальных отношений и борьбы феодалов за захват и раздел общинных земель возрастает потребность в защите собственных прав владельцев религиозных пожалований, которые становятся одной из главных форм феодальной собственности на землю. В связи с этим очень большое значение приобретают документы, подтверждающие (авторитетом государственной власти) собственные права феодала на землю и выполняющие две основные функции: 1) утверждение власти феодала в сопротивляющихся крестьянских общинах и 2) ограждение земельного владения от притязаний конкурирующих собственников земли — феодалов. В этот период и возникает обычай вырезать дарственные грамоты на медных табличках, как видно имевший целью подчеркнуть особый религиозный и «вечный» характер владения брахматей, причем, наверно, гравирование грамот на меди еще в течение какого-то периода не считалось обязательным.

Изложенное позволяет предположить, что время появления дарственных грамот на землю совпадает со временем возникновения в Индии частной феодальной собственности; следовательно, процесс складывания феодальных отношений датируется III—V вв. <...>

<Памятники средневековой индийской литературы как исторический источник> *

<...> Источники древности и раннего средневековья дают чрезвычайно мало сведений по социально-экономическим отно-

* Сокращенный текст статьи «Памятники средневековой индийской литературы как источник по истории социально-экономических отношений в феодальной Индии („обрамленная повесть“)». — Историография стран Востока. М., 1969, с. 152—179.

шениям. Наиболее полно такие сведения собраны в «Артхашастре» и дхармашастрах, однако тенденциозность этих источников, отражающих умозрительные концепции общественного устройства, заставляет историка быть очень недоверчивым к ним. Для получения надежных результатов необходимо всемерно расширять круг источников, в первую очередь за счет эпиграфики. Но и литературные памятники могут дать много полезного.

В самом деле, в произведениях древней и средневековой литературы мы не можем не найти отражения реальной жизни общества в ситуациях, деталях и лексике. Авторы и редакторы различных рецензий, подвергавшие их переработке, дополнявшие новым материалом,— все неизбежно вносили в эти произведения черты современной им жизни, даже если это было сочинение в сугубо традиционном стиле. Внелитературная действительность вторгалась в ткань произведения прежде всего в виде разнообразных бытовых деталей, индифферентных к сюжетной линии, основному содержанию произведения. Один и тот же сюжет различными авторами в разновременных вариантах мог излагаться в различном оформлении, поскольку изменение, например, имени или указание на то, что герой являлся ткачом, плотником или тележником, ничего не меняло. Подобные детали использовались в арсенале создателей древних книг факультативно, в соответствии с их социальным положением, бытом, психологией, короче говоря, в соответствии с их представлением о жизни. Поэтому этот материал обладает большой достоверностью. Разумеется, и основное содержание, сами фабулы в той или иной мере отражали реально возможные ситуации, но тут дело обстоит сложнее в связи с тем, что ядро произведения и его последнюю редакцию разделяли нередко многие века, а то и тысячелетие. Например, древнейшую основу «Махабхараты» можно отнести к IX—VIII вв. до н. э., в то время как сохранившаяся редакция датируется примерно IV в. н. э. В данном случае перед текстологами встает сложнейшая задача установления относительной и абсолютной хронологии огромного исторического материала эпоса.

Подобные же трудности встают и перед исследователем произведений жанра так называемой «обрамленной повести» (определение советского индолога П. А. Гринцера⁵⁰) — «Панчатантры», «Хитопадеша», «Викрамачариты», «Шукасаптари», «Веталапанчавимшати» и др. Однако здесь хронология определена относительно точно и разброс дат небольшой. Кроме того, когда речь идет об общественных отношениях, бытовых условиях и подобных характеристиках, ошибка на один-два века несущественна.

Идея использования исторического материала художественной литературы, разумеется, не нова. Существует множество работ, авторы которых пытались воссоздать черты жизни индийцев, анализируя данные «Махабхараты», «Рамаяны», джа-

так, произведений Калидасы, Шудраки, Дандина, Баны и других авторов. Вопрос заключается лишь в том, как подойти к выбору материала, какие стороны жизни освещать.

Книгам «обрамленной повести» посвящена большая исследовательская филологическая литература. Историки же ими почти не интересовались и сравнительно мало использовали в качестве источников. Лишь в недавнее время было обращено внимание на большую историческую ценность этих произведений. В 1948 и 1950 гг. появились две статьи Л. Стернбаха, предпринявшего сравнение «обрамленной повести» с дхармашастрами, однако автор ограничил себя довольно узкими задачами⁵¹.

В этой связи большим успехом советской индологии следует считать появление книги П. А. Гринцера «Древнеиндийская проза», в которой автор, филолог по образованию, специальную главу «„Обрамленная повесть“ и индийские общества» посвятил сопоставлению данных литературы смрити и книг исследуемого им жанра относительно положения варн и каст, характера царской власти и семейно-брачных отношений. Легко заметить, что эти темы традиционны в индологической литературе. Тем не менее работа П. А. Гринцера оказалась весьма плодотворной и показала серьезные перемены, происшедшие с названными институтами со времени составления дхармашастр (первые века до н. э.—первые века н. э.) до X—XIII вв. Автору удалось показать фиктивность ряда традиционных положений брахманских правоведческих трактатов. <...> <«Обрамленные повести»> могут быть успешно использованы как источник не только по проблемам, затронутым в книге П. А. Гринцера, но и по социально-экономической истории средневековой Индии. <...>

<...> По абсолютной датировке известные тексты «Шукасаптати» и других книг «обрамленной повести» (за исключением «Тантракхьяики») относятся к первым векам II тысячелетия н. э., а их оригиналы (за исключением «Викрамачариты») относятся приблизительно к концу I тысячелетия н. э. <...> Учитывая медленность развития феодальных общественных и экономических институтов, мы, как нам кажется, имеем право сопоставлять материал «обрамленной повести» с данными эпиграфики и других источников раннего средневековья. Представляется допустимым в некоторых случаях рассматривать материал «обрамленной повести» для характеристики эпохи раннего средневековья в целом. Попытаемся указать на сведения, до сих пор не привлекавшие внимания историков.

Одна из проблем, стоящих перед советской индологической наукой,—изучение индийской общины. Общине позднего средневековья и нового времени посвящен ряд статей и глав монографий; истории общины в древности и средневековье «повезло» меньше, в этом направлении делаются только первые шаги. Однако, несмотря на отсутствие сколько-нибудь полных иссле-

ований, существует априорное представление о большой крепости общин в более древние времена⁵².

С позиций этого представления вызывает затруднение истолкование многих важных источников древности, где община вообще никак не фигурирует и не упоминается. Напротив, тексты дхармашастр трактуют о хозяйственно и юридически независимых семьях. Все вопросы собственности и имущественных отношений имеют в виду частных собственников. Управление деревнями и группами деревень рассматривается как прерогатива государственной власти, а управители — как назначенные государственные администраторы, получающие за свою службу вознаграждение от казны. Лишь в немногих случаях община подразумевается в дхармашастрах, когда речь идет, например, о праве соседей на преимущественную покупку земли. Это умалчивание источников о важнейшем общественном институте древней Индии заставляет историка проявлять большую изобретательность, чтобы связать разрозненные намеки воедино и дать им обоснованное истолкование.

Книги «обрамленной повести» также чрезвычайно бедны упоминаниями об общине, и, если бы мы не знали определенно о ее существовании по другим источникам, нам нечего было бы сказать. Все сведения о ней имеют косвенный характер.

В рассказах выступают независимые крестьяне — собственники земли. <...> Нет и намек на какое-либо совместное владение земель, совместные работы и т. п., <...> на что-либо подобное коллективному производству <...> При малочисленности конкретных данных нельзя пренебрегать и негативным методом доказательства. Однако в нашем распоряжении есть более убедительные аргументы.

В 37-м рассказе «Шукасаптити» говорится о кутумбине⁵³ Шуре, который держал работника Пурнапалу. «Работник смотрел за всем у своего хозяина, — говорится в тексте, — за домом, полем, гумном». Здесь дом, гумно и поле перечисляются вместе как объекты собственности крестьянина Шуры, как видно, довольно богатого. <...> К сожалению, в других случаях, когда упоминаются крестьяне, нет прямого указания на их имущество и владения⁵⁴. Однако мы можем предполагать, что это были самостоятельные хозяева, имущественно не связанные друг с другом.

20-й рассказ «Шукасаптити» начинается словами: «На берегу реки Сабхрамати есть местность Шанкхапура. Там жил богатый крестьянин Сура». Эпитет «богатый» в сообщаемом далее анекдоте не несет никакой смысловой нагрузки, но он появился в тексте неслучайно. Автор «Шукасаптити» во многих случаях отмечает имущественное положение героев своих рассказов. Так, в 33-м рассказе выступает «богатый плетельщик венков Шанкара», в 32-м рассказе — «богатый купец Мадхава», в 4-м рассказе — «бедный брахман по имени Говинда», в 12-м — «богатый горшечник», в 24-м — «зажиточный плотник Сурапа-

да», в 46-м — «мудрый бедный брахман», в 56-м — «торговец Сантака, очень богатый, но скупой и злонравный».

Очевидно, эти характеристики отражают психологию составителя книги, считавшего важным указывать имущественное положение человека. Возможно, такие подробности попали в рассказы в какой-то мере случайно, но, несомненно, они придают изложению более реалистическую окраску, создают привычный читателю, на которого была рассчитана книга, будничный фон для забавных и увлекательных историй. Таким образом, подобную детализировку изложения можно рассматривать как особый художественный прием. <...>

Следует заметить, что подчеркивание имущественного положения героев типично и для Пурнабахдры — составителя наиболее солидной рецензии «Панчатантры». В «Панчатантре» детализировка, как правило, органически связана с содержанием, и слова о бедности героя мотивируют сюжет эпизода. Начало одного рассказа в III книге таково: «Жил в одном селении бедный брахман, все имущество которого состояло в одном подаянии...»⁵⁵. В другом случае говорится о брахмане, все имущество которого состояло в горшке с крупой, полученной как милостыня⁵⁶. В 6-м рассказе III книги фигурирует брахман-крестьянин, «проводивший время в бесплодных занятиях земледелием». Однажды «он лег спать в тени дерева посреди своего поля» и увидел змею, жившую в муравейнике. Тогда он подумал: «Наверное, я ни разу не почтил это божество поля. Вот и не приносит мне плодов занятие земледелием». Нищета, в которой жил герой другого рассказа, брахман Девашарман, видна из того, что он получил в виде милостыни «пену от вареного риса»⁵⁷.

Приведенные примеры, как нам кажется, дают основания утверждать, что авторы «обрамленной повести» рассматривали действительность с точки зрения частного собственника, признавая важнейшей характеристикой человека его богатство или бедность. Подтекст «обрамленной повести» в этом плане таков: каждый человек — собственник, самостоятельный хозяин, бедный или богатый, будь то купец, ремесленник или крестьянин.

Такая психология автора наглядно проявляется в 36-м рассказе «Шукасапатаи». Жена деревенского старосты просит мужа купить шелковое платье, на что тот отвечает: «Мы, пахари, посим рубище из хлопка. У нас и слова такого никто не знает — шелк». Тогда на деревенской сходке жена сказала старосте: «Господин, пойди домой, поешь своей бурды». Эти слова были восприняты как свидетельство позорной бедности; чтобы избавиться от срама, староста Шурапала был вынужден купить жене шелковое платье, а она устроила для членов деревенского собрания великолепное угощение. «Крестьяне стали говорить: А богат этот Шурапала. Жена-то его про бурду говорила, чтобы не заноситься [перед нами]», — заключает автор рассказа. Несомненно, пикантность этого анекдота состоит в том, что бедность и должность старосты воспринимались как несовме-

стимые понятия. Но в то же время в данном случае староста выступает лишь «первым среди равных», и содержание рассказа характеризует в известной мере имущественные отношения среди крестьянства вообще. <...>

Сведения, полученные в книгах «обрамленной повести», являются дополнением и подтверждением ситуации, вырисовывающейся из материалов основных наших источников (эпиграфики, дхармашастр и др.).

Наш вывод является лишь одним из элементов характеристики индийской деревни, которую можно составить по данным «обрамленной повести». С ним тесно связано другое наблюдение, имеющее и самостоятельное значение. Почти без исключений в рассказах выступает индивидуальная моногамная семья, живущая отдельным домом и ведущая самостоятельное хозяйство. В рассказах «обрамленной повести» фигурируют муж и жена, иногда дети, причем по контексту можно видеть, что семья живет отдельно от родственников. Последние вообще упомянуты лишь в нескольких случаях.

Так, в 11-м рассказе «Шукасаптити» говорится, что женщина, чтобы запугать и принудить исполнить ее желание заночевавшего в доме прохожего, подняла крик. На шум прибежали «муж и родные». Тут не сказано, что собой представляли эти «родные», жившие как будто по соседству. Но вряд ли целесообразно пытаться точно истолковывать то или иное выражение в художественном произведении такого рода. Главное, в этом рассказе очевидно, что хозяевами были именно муж и жена, а наличие родственников представлялось автору книги естественным, но совершенно необязательным обстоятельством. В другом (16-м) рассказе той же книги также упоминаются родные, но по контексту видно, что купец Джанаваллабха и его жена Мудхика живут отдельно от родственников. В 15-м рассказе сообщается, что некий Гунакара жил с женой Шриядеви в доме отца — купца Шалиги. То же самое мы узнаем из 32-го рассказа, где говорится о легкомысленной жене сына богатого купца Мадхавы, которую свекровь послала на рынок за пшеницей.

<...>

В «Панчатантре» Пурнабхадры родственники также упоминаются несколько раз⁵⁸. В одном случае это отец-брахман, в доме которого живет «зять-змея» с женой. В другом случае говорится о «домочадцах»: «...несмотря на брань жены, детей и других домочадцев Дханагупты, он вошел во двор дома и уселся там». По-видимому, эти «домочадцы» играли в семье какую-то второстепенную роль. В анекдоте о глупом тележнике, обманутом женой⁵⁹, рассказывается, как он, посадив жену и ее любовника себе на плечи, «танцуя, начал подходить к дверям домов всех родственников». Из этого следует, что каждая супружеская пара занимала отдельное жилище, причем вряд ли все родственники этого тележника занимались тем же ремеслом, что и он.

Лишь в 5-м рассказе книги IV «Панчатантры» Пурнабхадры можно предполагать существование большой семьи. Там сказано: «Жил в одном селении некий брахман. Была у него жена, любимая им больше жизни. Каждый день не уставала она ссориться с его родными, и брахман этот, не в силах выносить ссор, покинул из любви к жене свою родню и пошел с брахманкой в другую отдаленную страну». Вероятно, этот отрывок имеет в виду подчиненное, зависимое положение героя рассказа в семейном коллективе, почему он и был вынужден уйти из своей деревни. То обстоятельство, что он порвал с родней, решился, по существу, на добровольное изгнание, должно было, как нам кажется, подчеркнуть, по мысли автора, размер жертв, принесенных брахманом ради своей негодной жены.

Уже приведенные примеры довольно определенно свидетельствуют о преобладании индивидуальной семьи в Индии в эпоху создания «обрамленных повестей». Но содержание других рассказов уже не оставляет в этом сомнения, так как там речь неизменно идет об индивидуальной семье, живущей в отдельном доме и располагающей собственным имуществом. Например, в 8-м рассказе книги IV «Панчатантры» сообщается, как жена обокрала своего мужа-крестьянина и бежала с любовником. «Когда уснул супруг,—рассказывается там,—она взяла все деньги и пришла на рассвете к условленному месту» (свидания с вором-любовником). Что же касается «Шукасаптити», то здесь почти каждый рассказ может служить аргументом в пользу высказанного выше утверждения.

В 6-м рассказе повествуется о приобретении бедняком чудесных хлебов, дарованных ему богом Ганешей. Каждый день он получал пять хлебов. «Забирая эти пять божественных хлебов, сдобных и с сахаром, его жена кормила свою семью. Относила всегда этого хлеба и родственникам...»

В 7-м рассказе брахман Кешава решает пуститься в странствования, подумав: «Не буду я пользоваться отцовским наследством...». Это свидетельствует о личном характере наследования.

Особенно отчетливо видно, что, кроме мужа и жены, в доме никто не живет, в 10, 12, 24, 26, 29, 33, 35, 38, 40, 53, 62-м рассказах. В 40-м рассказе, выиграв спор, Кубуддхи получает право взять в доме Субуддхи все, что сможет захватить обеими руками. Хитрец Субуддхи, «заподозрив дурное, взял и поместил все, что было в доме, и жену тоже, на чердак, а лестницу положил наземь». Кубуддхи, чтобы залезть на чердак, был вынужден взять обеими руками лестницу и не получил ничего. Таким образом, здесь речь идет о личном имуществе, движимой собственности, в которую, кстати сказать, включалась и жена.

Очевидно, индивидуальная семья, владеющая отдельной собственностью и живущая своим домом, представлялась авторам «обрамленных повестей» наиболее обычной, нормальной жизненной ситуацией и в качестве таковой вошла в литературу.

Как видно, такая форма семьи считалась в равной мере присущей всем встречающимся в «обрамленных повестях» социальным категориям и кастам (если, разумеется, семья упоминалась в какой-то связи с тем или иным действующим лицом). В «Шукасаптити», дающей в силу специфики своего содержания особенно много сведений в этом плане, часто говорится о купцах и их женах, но не забыты также крестьяне, раджпуты, брахманы, представители ремесленных профессий — горшечник, сапожники, плотник, плетельщик венков.

Сведения об индивидуальной семье интересны прежде всего потому, что большесемейные общины в этот период были и играли, видимо, большую роль в общественной структуре. Они дожили в некоторых районах Индии до XX в., а в пережиточной форме встречаются и в настоящее время. <...> <В то же время> уже в древних источниках (ранних дхармашастрах, джатаках и др.) можно усмотреть существование индивидуальной хозяйственно независимой семьи. Но раздел имущества между сыновьями-сонаследниками при жизни отца и против его воли был узаконен обычным правом, вероятно, довольно поздно (первые века н. э.). <...>

Мы почти ничего не узнаем из «обрамленной повести» о функционировании каких-либо общинных органов и даже о самом их существовании. В уже приводившемся 36-м рассказе «Шукасаптити» о старосте деревни Сарада Шурпале и его хитроумной жене Найини упоминается деревенская сходка, на которой, как явствует из текста, вместе с мужем-старостой присутствует и его жена. Можно предположить в связи с этим, что на таких собраниях общинников присутствовало все население деревни, включая женщин; вероятно, они не имели права голоса, но уже одним своим присутствием могли оказывать некоторое влияние на решение собрания. Мы уже отмечали, что по контексту староста здесь выступает как человек, равный односельчанам, но более богатый. Во всяком случае, рассказ отражает представление о богатстве деревенских старост как несотъемлемом качестве этих должностных лиц.

Вообще сведения о старостах деревень довольно разноречивы. В других случаях староста предстает как лицо, пользующееся большой властью и внушающее страх жителям. В рассказе 26-м «Шукасаптити», не совсем понятном из-за чрезмерной краткости, повествуется о разбитной жене раджпуты — Ратнадеви. К ней ходили староста деревни Дева и его сын, «не зная этого друг о друге». Когда они оба были у нее в доме, появился муж. Тогда «по ее знаку отец (т. е. староста Дева.—Е. М.) вышел из дома, грозя пальцем. Когда он отошел, муж в страхе спросил: «В чем дело?» Жена объяснила, что сын старосты укрылся у них в доме, но она не выдала его отцу, чтобы поддержать честь мужа-кшатрия, ибо «тот считается кшатрием, кто может защищать добрых людей». Таким образом, даже раджпут, не являвшийся обыкновенным крестьянином-общинни-

ком, испытывал беспокойство и опасения, видя старосту у своего дома.

Еще более наглядно проявляется власть старосты в 55-м рассказе, где пройдоха брахман, чтобы избежать уплаты долга, спрашивает сапожника, удовлетворен ли он тем, что у правителя деревни родился сын. «Если бы сапожник ответил: „Я не удовлетворен“, — говорится в тексте, — то правитель приказал бы его схватить. А если бы сказал: „Я удовлетворен“, то пропали бы деньги. И сапожник сказал: „Я удовлетворен“». В данном случае, правда, могут возникнуть сомнения, был ли этот «правитель деревни» в действительности старостой. Нам кажется, что этот эпизод зафиксировал тот этап феодализации старост общины, когда они из глав демократического органа управления общиной превратились уже, по существу, в мелких феодалов, забравших постепенно власть в свои руки и доводящих ее со временем до прямого деспотизма.

В «Панчатантре»⁶⁰ рассказывается о начальнике деревни Бхилла, «расположенной возле дороги в окрестностях непроходимых гор». Название деревни и обстоятельства рассказа наталкивают на мысль, что имеется в виду поселение бхиллов. Этот «начальник деревни» (*грамадхипати*) регулярно занимался грабежом путников, для каковой цели у него была даже вещь птица, узнававшая возможную ценность добычи. Разбойник бросил путников в тюрьму, а затем, догадавшись, что они проглотили драгоценности, начал вспарывать им животы. Здесь староста-разбойник предстает скорее как феодал. Нет и намека на обычную роль старосты деревни. В конце I тысячелетия н. э. термин *адхипати*, применявшийся наряду с другими для обозначения старост деревень, имел весьма широкое значение, и не всегда можно различить, когда он означал старосту, а когда феодала. Нам кажется, что в «обрамленной повести», главным образом в «Шукасаптати», отразились различные этапы эволюции общинной верхушки, ее постепенной феодализации. Этот процесс продолжался и на заре феодализма и послужил главной основой формирования феодального класса «снизу».

Ввиду неравномерного развития общин, а также неравномерности развития отдельных районов Индии синхронно существовали весьма разнообразные формы общин, соответствующие разным стадиям их эволюции. В зависимости от типа общин в значительной мере изменялась и роль старост. Но, как показывают факты, и при однотипных общинах положение старост могло быть весьма различным.

В монографии Л. Б. Алаева «Южная Индия...» высказывается мнение о том, что феодализация общинной верхушки происходит очень поздно, и в XIV—XVI вв. этот процесс еще только начался. Более того, он утверждает, что общинной верхушки вообще не было в раннее средневековье, в частности еще не возник институт старост или их функции были крайне ограни-

ценны⁶¹. Эта точка зрения представляется довольно странной, поскольку ей противоречат многочисленные данные самых разнообразных источников. В их числе можно назвать и «обрамленные повести». Если можно оспаривать наше толкование 55-го рассказа «Шукасаптати» как свидетельство превращения старосты деревни в феодала, то большая административная роль старост и их авторитет кажутся, по данным «обрамленных повестей», очевидными. <Например,> в 4-м рассказе «Шукасаптати» староста обрисован как лицо, ответственное за порядок и правосудие на территории своей деревни. Содержание рассказа таково. Жена брахмана Говинды Вишаканья сходитя с встретившимся на дороге брахманом Вишну. Вишаканья и Вишну прогоняют Говинду, объявив его сумасшедшим, вообразившим, что он муж этой женщины. Староста деревни, расположенной у дороги, задержал обманщиков и, допросив обе стороны, решил дело. <...>

В произведениях «обрамленной повести» упоминаются раджпуты, представители военно-феодалного сословия-касты <...> Раджпутские племена, этнически; видимо, не представлявшие собой сколько-нибудь четкого единства, в VII—IX вв. начали движение из степных и полупустынных районов Раджастхана в плодородные земледельческие области — долину Ганга, Мальву, Гуджарат, завоевывая и подчиняя себе местное население. Раджпутские кланы становились феодальными собственниками завоеванной земли и деревень, вытеснив прежде сидевших там феодалов местного происхождения. Сохраняя многие черты родового строя, раджпуты делили захваченную добычу — землю — по генеалогическому принципу, так что рядовым членам племени или клана, состоявшим в отдаленном родстве с вождем, доставались весьма незначительные доли (*грас*), оставлявшие мало возможностей для феодальной эксплуатации коренного населения. <...> Мы почти не располагаем свидетельствами о начальном этапе процесса оседания раджпутов на землю и их взаимоотношениях с коренными земледельческими общинами. Поэтому наличие в «обрамленной повести» персонажей из касты раджпутов является, как нам кажется, немаловажной деталью, тем более что речь здесь идет о представителях низшего слоя раджпутов — мелких собственниках, живущих в деревнях и как будто мало отличающихся от крестьян.

Выше уже приводился рассказ о находчивой жене раджпута и старосте деревни, застигнутом мужем в доме⁶². Когда староста, грозя пальцем, отошел от дома, «муж в страхе спросил: В чем дело?» В этом эпизоде положение старосты обрисовывается довольно определенно, но какова роль раджпута в деревне — неясно. В тексте говорится лишь, что храбрый раджпут Кшемараджа с женою Ратнадеви жил в деревне Джалауда. Можно высказать два предположения: или раджпут жил в нераджпутской общине, или это была община раджпутов и староста Дева также был раджпутом.

Аналогичный текст мы находим в 42-м рассказе «Шукасап-тати». «Есть деревня Деула; жил в ней раджпут по имени Рад-жасинха. Его жену звали люди Калахаприя. Однажды, поссо-рившись с мужем, она забрала с собой обоих своих детей и пошла к отцу...»

«Есть деревня Сангама. Там жил сурового нрава раджпут по имени Рахада. Его жену звали Рукмини» — так начинается 59-й рассказ того же сборника. В этом анекдоте раджпут вы-ступает вооруженный луком и колчаном со стрелами — атрибу-тами его военной профессии. Рассказ заканчивается тем, что же-на садится на приведенного любовником коня и уезжает из де-ревни. Кони в Индии всегда представляли большую ценность и в хозяйственном обиходе не использовались. Поэтому есть осно-вания думать, что, когда автор сборника детализировал анек-дот таким образом, он имел в виду, что и любовник Рукмини — раджпут.

В 62-м рассказе «Шукасап-тати» повествуется о проделках двух жен ревнивого раджпута Куханы, жившего в деревне Гамбхира. Чтобы держать жен под охраной, он построил дом за деревней.

Наконец, в 64-м рассказе «Шукасап-тати» мы встречаемся с раджпутом Сомараджей, живущим в деревне Кутапура. Любов-ник его жены приходил по почам во двор и по уговору давал знать о себе колокольчиком. Однажды Сомараджа, услышав звон колокольчика, выбежал из дома с дубинкой в руках, «ду-мая, что это ходит бык». В этом случае, как и в предыдущих, описание совершенно такое же, как в рассказах о крестьянах. Нет и намек на какое-то отличие дома раджпута от крестьян-ских жилищ, на присутствие слуг, как это могло бы быть в до-ме феодала.

Сюжеты двух рассказов⁶³ достаточно известны и, вероятно, уже в отдаленные времена были очень широко распространены. Присутствие в них персонажей — раджпутов, так же как в рас-сказах 59, 62 и 64-м, вполне факультативно. Тем более харак-терно, что автор (или редактор) книги на том бытовом фоне, который окружал его и перешел в литературное произведение, счел уместным поместить и раджпутов — жителей деревень. Следует отметить и такую реалистическую деталь, как типич-ные раджпутские имена — Кшемараджа, Раджасинха, Сома-раджа.

Сведения относительно феодального землевладения, которые можно обнаружить в «обрамленных повестях», соответствуют тому, что мы знаем из эпиграфики. Так, в «Панчатантре» и «Шукасап-тати» упоминаются брахманские земли. Сын брахмана говорит дочери министра: «У моего отца есть деньги и земля, полученная по дарственной записи. Отдам тебе все это»⁶⁴. Здесь, очевидно, имеется в виду пожалование типа брахмадея. В «Панчатантре» Пурнабхадры добрый и честный брахман Яджняратта, исцеливший царицу, получил от царя тысячу де-

ревень и был назначен министром⁶⁵. В данном случае можно предполагать, что это скорее дар за заслуги, чем брахмадея.

В другом рассказе этого же сборника сын купца по прозвищу «Что суждено» получил от царя в жены его дочь вместе с тысячью деревень⁶⁶. Это земельное владение мы можем рассматривать как пожалование в знак милости или как приданое царевны. Размер пожалований в тысячу деревень, разумеется, имеет чисто условное значение, но отражает представление о распространенности крупных феодальных владений. <...> В обоих случаях нет религиозной мотивировки дарения брахману <...> В связи с малочисленностью упоминаний в источниках о светском феодальном землевладении каждое такое соображение приобретает ценность.

В «обрамленных повестях» довольно часто фигурируют ремесленники и слуги, причем часто говорится, что эти лица живут в деревне⁶⁷. В «Панчатантре» рассказывается о живущем в деревне ткаче Мантхаре. Там же мы встречаем упоминания о красильщиках в деревнях⁶⁸. Очевидно, ремесленники этих специальностей действительно жили в сельской местности в конце I — начале II тысячелетия вопреки распространенному представлению о том, что крестьяне сами полностью обеспечивали себя тканями в порядке домашнего производства. <...>

По-видимому, красильщики в раннее средневековье занимали низкое социальное положение, во всяком случае принадлежали к беднейшим слоям населения. Так можно истолковать ситуацию, являющуюся завязкой сюжета в трех рассказах «Панчатантры»⁶⁹. В одном из них повествуется об осле деревенского красильщика, совсем ослабевшем от недостатка пищи. Чтобы прокормить осла, красильщик Шуддхапата надевал на него шкуру тигра и пускал пастись на поля. Когда однажды мнимый «тигр» заревел по-ослиному, «сторожа поля» убили его. При сходных обстоятельствах «сторожа поля» избили принадлежавшего красильщику осла, пробиравшегося через сломанную изгородь на поле с огурцами. В третьем рассказе осел Ламбакарна, пасшийся у деревни, говорит: «Безжалостный красильщик изнуряет меня непомерным грузом и не дает ни горсточку пищи».

В «обрамленных повестях» о деревенских ремесленниках рассказывается как о товаропроизводителях, что идет вразрез с обычным представлением об исконной и всеохватывающей системе «соединения ремесла и земледелия» в индийской общине. Несколько отрывков из «Шукасаплати» показывают, что в индийской деревне начала I тысячелетия между крестьянами и ремесленниками существовали отношения купли-продажи.

В 55-м рассказе говорится: «В деревне Чамакута жил брахман Шридхара. Там же проживал и сапожник Чандана. Шридхара заказал ему сандалии и получил их. Сапожник долго требовал с него деньги...». Далее рассказывается, как брахман хитростью избавился от денежного долга.

Герой 53-го рассказа «Шукасаптати» — глупый сапожник, живущий в деревне Чармакута на берегу реки Чарманвати. «Когда однажды этот сапожник ушел купить кожи», жена привела любовника.

Подобным же образом говорится о сельском ткаче Мантихаре в упоминавшемся выше рассказе «Панчатантры». Не послушавшись друга-цирюльника, Мантихара обратился за советом к жене. Та ответила: «Ты ведь всегда производишь по одному куску ткани, которого хватает на оплату всех расходов. Теперь же попроси себе (у лесного духа.— *Е. М.*) еще пару рук и голову, чтобы и спереди и сзади производить по одному куску ткани. Тогда благодаря цене одного куска оплатятся домашние расходы, а благодаря цене второго ты станешь проводить время, совершая необычайные дела и прославляемый родными».

В 12-м рассказе «Шукасаптати» упоминается богатый горшечник, живший в деревне Налауда. Эпитет «богатый» уместен лишь в том случае, если автор разумел гончара, торгующего своей продукцией.

Вероятно, в раннее средневековье система натурального обмена сельскохозяйственными продуктами и ремесленными изделиями внутри общины не была развитой или, во всяком случае, всеохватывающей. Вообще, как нам представляется, натуральность хозяйства древней и средневековой общины Индии нельзя понимать как абсолютную. Разнородные источники свидетельствуют о том, что внутриобщинные и межобщинные торгово-рыночные связи играли довольно заметную роль, так же как и товарообмен между городом и деревней. Конечно, мы ясно осознаем, что удельный вес продуктов, попадавших таким образом в сферу торговли, был ничтожен, но в то же время считаем, что вряд ли правильно закрывать глаза на сложность реальных отношений в обществе и не придавать этим фактам никакого значения. По-видимому, в более развитых районах, особенно вокруг больших городов, торгово-рыночные отношения могли оказывать существенное влияние на хозяйственную жизнь уже в древности, в то время как в отсталых районах сохранялось примитивное хозяйство с полностью замкнутым циклом.

53-му рассказу «Шукасаптати» предшествует экспозиция: «Есть город Лохапури, жил в нем пекий ничтожный человек по имени Раджада. Его жена Духшила увлекалась мужчинами. Пошла она однажды с приятельницами продавать пряжу в город Падмавати...». Мы узнаем, что городские ткачи покупали пряжу у окрестных крестьян. Пряжу пряли в индийских деревнях женщины, обязанностью мужчин в домашнем разделении труда было ткачество. В городской округе крестьяне, как видно, приспособлялись к спросу и превращали прядение в подсобный промысел. В данном эпизоде сказано, что Духшила с мужем живут в городе Лохапури, но эта деталь не должна нас смущать. Ниже это селение названо деревней; это можно за-

ключить и по контексту. Вообще авторов книг «обрамленная повесть» не очень беспокоили такие несоответствия⁷⁰.

О существовании значительных рыночных связей свидетельствуют упоминания о деревенских купцах. В 38-м анекдоте «Шукасапати» рассказывается, как брахман «зашел с дороги в деревню Сударшана в дом одного купца», но хозяина не было — «уехал на базар».

«Есть деревня Кхорасама, там жил молодой купец по имени Паршванага» — сообщается в начале другого рассказа⁷¹. Подобным же образом мы узнаем о купцах, живущих в деревнях, из 13-го и 29-го рассказов. В 68-м рассказе брахман Кешава встречается с купеческой дочерью, живущей в брахманской деревне Видьястхана. Очевидно, автору «Шукасапати» присутствие торговцев в деревнях казалось самым обычным делом.

Некоторые подробности о деятельности сельских торговцев мы узнаем из 35-го и 56-го рассказов.

В первом из них повествуется о деревенском купце Шамбаке, скупавшем сезамовое семя (*ваниктилагаграхака*). «Он отправился в деревню Сара. Там он заехал к местному лавочнику, но не застал его». Далее рассказывается, как хитрый Шамбака получил обратно перстень, подаренный жене лавочника. «Скупщик сезама» пошел на рынок и, сославшись на договор с женой торговца, потребовал с него сто мер сезама за перстень. Судя по этому эпизоду, существовала известная специализация в торговой деятельности купцов <...>

Скупщик, обслуживавший целый ряд деревень, выступает во втором из названных рассказов: «Есть тут деревня Трипатха. В ней жил торговец Сантака, очень богатый, но скупой и злонаправленный. Он любил ездить по другим деревням. Однажды он, получив с одной такой деревни выручку (*удграханикам*), ехал домой и на дороге его захватили разбойники...». На основании этих слов <...> <можно достаточно уверенно> заключить, что автор подразумевал здесь какую-то постоянную связь между купцом и крестьянскими общинами.

Некоторые данные имеются в наших источниках о положении городского купечества. Так, упоминаются персонажи — начальники купцов, что свидетельствует о профессиональной организации купечества⁷². Как мы знаем, это были гильдии — шрени. В «Панчатантре» о купеческой шрени говорится в следующем контексте: «Купеческое дело приносит доход семью путями. Это: взвешивание неправильными весами, назначение неверной цены, прием на хранение под заклад, привлечение знакомых покупателей, деятельность товарищества купцов, торговля благовыми и вывоз товара в другую страну»⁷³.

Отрывок из той же книги показывает власть феодального правителя над городом. Начальник купцов Дандила был поставлен над всем городом. «Он исполнял и городские и царские дела», и, как выясняется далее, царь свободно смещал и назначал таких градоначальников⁷⁴. Характерно, что в этом случае

во главе города оказывается начальник купцов, что соответствует материалам источников о господстве купечества в органах старинного городского самоуправления. Указанное место «Панчатантры» отразило этап ослабления городского самоуправления и подчинения города феодалом.

В «обрамленных повестях» встречаются также и некоторые другие сведения, в той или иной мере характеризующие детали жизни и быта средневековой Индии. Например, упоминания о лесных отсталых племенах могут оказаться бесполезными при сопоставлении с данными других литературных произведений, эпиграфики и прочих источников. В «Панчатантре»⁷⁵ «храни-тель леса» сообщает царю: «Господин! Отпали все цари лесных областей. Во главе их — лесной житель по имени Виндхьяка». Эта фраза невольно заставляет вспомнить «18 лесных царств», встречающихся в документах Паривраджаков (V в.), и наставления Каутильи об осторожной и дальновидной политике в отношении лесных вождей. Отсталые племена продолжали оставаться важным фактором в экономической и политической жизни Индии и в более позднее время, чем данная рецензия «Панчатантры». Располагаясь на периферии относительно передовых феодальных областей, они оказывали сдерживающее влияние на социальное развитие этих районов и в то же время служили полем экстенсивного развития феодализма, постепенно подчиняясь феодальным правителям и ассимилируясь более культурным населением.

Из рассказа той же книги о царе лягушек Гангадатте, выбравшемся из колодца, «поднявшись в ковше водочерпательного колеса»⁷⁶, мы узнаем, по-видимому, о достаточно широком применении в сельском хозяйстве «персидского колеса», известного в Средней Азии под названием чигирь. Это относительно сложное техническое приспособление для орошения нашло применение в Северной Индии с VI—VII вв. — оно упоминается впервые в «Харшачарите» Банабхатты. Эти сведения представляют значительный интерес для характеристики производительных сил в сельском хозяйстве Индии.

Число примеров подчас весьма интересных подробностей такого рода можно было бы умножить. Но, как нам кажется, и приведенного материала достаточно, чтобы увидеть, что произведения художественной литературы, даже такие популярные и широко известные в переводах, могут содержать неожиданно интересный и многозначительный исторический материал. Может быть, некоторые выводы, которые мы предлагаем читателю, покажутся недостаточно обоснованными, если иметь в виду лишь материал разбираемых книг, но дело в том, что эти данные весьма удачно дополняют сведения тех источников, которые пользуются главным вниманием историков и являются основной базой исследований. <...>

<Советские историки
о формировании традиционного общества
в Индии> *

<...> В индологической литературе (особенно зарубежной) все чаще и чаще встречается понятие «традиционное общество», под которым подразумеваются формы, отношения и институты, отличные от капиталистических и противостоящие таковым. <При этом буржуазные историки имеют в виду главным образом> ** особенности индусской психологии, доминирование религиозного фактора, неизбежность социально-политического строя индусов и т. д. Индийские авторы при этом исходят из постулата об исключительности исторических судеб Индии. В то же время буржуазные историки отвергают материалистическую философию истории <...> Подобные воззрения зачастую приводят к неоправданной модернизации, нивелировке разнородных явлений и, конечно, к пренебрежению социально-экономической тематикой. Обычно история сводится к истории исключительно политической, а точнее, к истории правителей и династий.

Те индийские ученые, которые стали заниматься со второго десятилетия XX в. общественным и политическим строем древней Индии (К. П. Джаясвала, Н. П. Банерджи, Р. Ч. Маджумдар, Н. Н. Лоу, У. Н. Гхошал, Р. К. Мукерджи и др.), достигли больших успехов и выявили весьма ценный исторический материал. Они обратились к социальным проблемам из политических мотивов, желая внести свой вклад в национально-освободительную борьбу индийского народа против английского колониального господства и доказать, что индийцам еще в древности были свойственны такие институты цивилизованного общества, как демократия, городское и провинциальное самоуправление, конституционная монархия и т. п. Таким образом, прошлое должно было доказать способность индийцев к независимому государственному существованию. Понятно, что реальные отношения при таком подходе не всегда получали адекватное толкование. Показательно, например, что общинная организация практически не подвергалась в индийской историографии изучению, поскольку, видимо, предполагалось, что она сохранилась до наших дней неизменной и ничего любопытного не представляет. Явления, которые можно понять лишь из разложения первобытнообщинных отношений и развития общины, модернизировались и характеризовались как результат политической и административной мысли древних государственных деятелей.

---

* Изучение советскими историками проблемы формирования традиционного общества в Индии.— Современная историография стран зарубежного Востока. Роль традиционных институтов в историческом развитии народов Востока. М., 1975, с. 3—31.

** Далее текст из статьи «Памятники средневековой индийской литературы...», с. 152—154.

Что же касается изучения собственно экономики, то это направление не получило большого развития; немногие же весьма ценные сами по себе работы являются, по существу, фактографическими и могут быть использованы обычно лишь как материал для исследования.

Если в лучших работах зарубежной историографии по индийской древности и средневековью мы найдем анализ налоговой и административной терминологии, попытки уяснения отношений собственности и землевладения и т. п., то в большинстве исторических сочинений помимо политической истории сообщаются лишь краткие сведения о быте древних индийцев — их одежде, пище, привычках, производимых товарах и торговле. Такая структура характерна, в частности, и для капитального издания «История и культура индийского народа», в котором среди тысяч страниц текста не нашлось места коренным проблемам социально-экономического строя.

<...> Однако имеющиеся источники представляют широкие возможности социально-экономических исследований, плодотворность которых показали работы индийских историков прогрессивного направления — Р. Ш. Шармы, Л. Гопала, Д. Д. Косамби, Д. Р. Чананы и других <...>

* Советские историки всегда уделяли большое внимание изучению докапиталистических отношений в Индии, имея в виду, что эти отношения сохранялись в стране в течение длительного времени и в определенной степени оказывают воздействие на жизнь современной Индии. Вместе с тем основной упор в советской исследовательской литературе был сделан на генезис традиционных общественных структур, институтов и стереотипов сознания. Это отнюдь не случайно. Так называемые традиционные институты и формы трактовались в нашей литературе как результат развития отношений собственности в индийском обществе, в том числе форм эксплуатации непосредственных производителей. Поэтому до недавнего времени усилия советских индологов сосредоточивались не столько на особенностях данных отношений, породивших устойчивость таких институтов, как община, каста, патриархальная семья, сколько на изучении типологических черт этих социально-экономических отношений и процесса их развития. <...>

Впервые указанная проблема была поднята в дискуссиях об «азиатском способе производства» в конце 20-х — начале 30-х годов⁷⁷. Сама постановка вопроса о социально-экономическом строе стран Востока, и в частности древней Индии, была большим шагом вперед в развитии исторических исследований. Индологи российской школы до этого времени практически не изучали социально-экономическую историю Индии. В зарубежной литературе этой тематике также уделяли очень мало внимания. Поэтому обсуждение пришлось начинать фактически на

---

* Продолжение текста статьи «Изучение советскими историками...».

пустом месте. Как сторонники «азиатского способа производства», так и их противники не были специалистами по истории древней Индии, не обладали достаточным знанием источников. Дискуссии шли в основном в общеметодологическом плане. Соответственно и изучение общественного строя древней Индии было начато с конструирования общего определения. Научная же специализация по истории древней Индии возникла в советском востоковедении только в конце 40-х — 50-х годах.

Многие участники дискуссий считали древнюю Индию страной с «азиатским способом производства». Характерными чертами ее общественного строя называли: сельскую общину, препятствовавшую возникновению частной собственности на землю, централизацию государственной власти на почве организации оросительных работ, централизованную эксплуатацию общин господствующим классом через ренту-налог, деспотическую власть царя. По этой схеме происходила своеобразная коллективная эксплуатация общинников, зависевших от государственной системы ирригации, классом бюрократов, или чиновников.

Некоторые участники дискуссии выдвигали тезис о феодальном характере древневосточных обществ. Этот взгляд сказался, в частности, на историческом очерке Е. А. Беляева (в статье «Индия», опубликованной в 1937 г. в Большой Советской Энциклопедии); там говорилось о наличии в древней Индии и феодальных и рабовладельческих отношений.

В 1933 г. В. В. Струве сформулировал концепцию рабовладельческой формации в странах Древнего Востока при неразвитом рабстве. С середины 30-х годов эта концепция возобладала в советской исторической науке. Она нашла отражение и в толковании проблемы общественного строя древней Индии.

Первой работой, посвященной специально древней Индии, в которой утверждалось, что там был рабовладельческий строй, явилась статья А. В. Мишулина, опубликованная в 1934 г.⁷⁸ Эта идея проводилась в работах Н. А. Шолпо и В. И. Авдиева, изданных в 40-х годах. Для объяснения социально-экономических процессов в Индии в тот период (а также позже, в 50-х годах) характерно применение метода аналогии. В. И. Авдиев, например, писал: «Само собой разумеется, что рабовладение должно было возникать в древней Индии совершенно так же, как оно возникло в других древневосточных странах»⁷⁹.

В изданную В. В. Струве в 1940 г. книгу «История Древнего Востока», явившуюся первой капитальной обобщающей работой по этой теме в СССР, был включен очерк Н. А. Шолпо о древней Индии. Его автор сделал попытку обосновать наличие рабовладельческой формации тем, что рабство было достаточно массовым, ошибочно считая шудр рабами⁸⁰. Однако в этой работе не было анализа системы производственных отношений. В самой лаконичной форме была дана оценка социально-экономических отношений в учебных курсах В. И. Авдиева. По его мнению, в Индии был рабовладельческий строй, основанный на

патриархальном, главным образом домашнем, рабстве и на «угнетении широких свободных масс». В этом определении В. И. Авдиев не уточнял, имел ли он в виду политическое или экономическое угнетение свободных, т. е. преимущественно общинников⁸¹. <...>

В 1948 г. появилась первая глубоко фундированная советская работа по древней истории Индии — книга А. М. Осипова «Краткий очерк истории Индии до X века». Автору пришлось провести большое самостоятельное исследование. А. М. Осипов проанализировал практически все основные виды источников по затронутой теме, включая ведическую литературу, эпос, пураны, дхармашастры и другие памятники индийской литературы, античные и китайские источники; особенно существенным было использование богатейшей индийской эпиграфики. Поскольку книга должна была стать учебным пособием для студентов, аргументация автора могла быть представлена лишь с относительной полнотой. Тем не менее она весьма убедительна, все выводы обоснованы. В работе впервые была показана эволюция социально-экономических отношений в древней Индии от разложения первобытного строя у ведических ариев до раннего средневековья.

Через весь труд проходит мысль о сложной структуре классового общества древней Индии, отличавшегося слабостью рабовладения и преобладанием феодальных форм эксплуатации. Отметив, что рабство в Индии при всем его многообразии имело много черт, сходных с античным, А. М. Осипов пришел к выводу, что оно, «как об этом можно судить по санскритской литературе, играло подчиненную роль в экономической жизни». Он писал: «Рабство как уклад в отдельные моменты истории Индии получало толчок своему развитию, но так и не сумело стать доминирующим способом производства»⁸². Таким образом, рабовладельческие производственные отношения рассматривались им как один из укладов древнеиндийского общества.

«То, что рабство не овладело производством, наложило отпечаток на ход исторического развития Индии. Рабство не выполнило своей прогрессивной роли. Оно не разрушило до конца родовые отношения, и пережитки их продолжали крепко держаться в обществе в течение всего средневековья и перешли в новое время. Рабство в Индии не положило основания развитию частной собственности и широкому разделению труда, отделению города от деревни». Именно по этой причине, писал А. М. Осипов, «в основе экономической структуры Индии оставалась деревенская община»⁸³. Это последнее замечание было, однако, весьма далеко от концепции «азиатского способа производства», во взглядах сторонников которой и в 30-е годы, и впоследствии, в дискуссиях 60-х годов, община играла подчас главную роль.

Точка зрения А. М. Осипова была выражена в достаточной мере определено. «На смену общинному строю (имеется в ви-

ду первобытнообщинный строй.— Е. М.) пришел новый строй, основанный на эксплуатации господствующим меньшинством массы непосредственных производителей»⁸⁴. Эту эксплуатацию он считал феодальной. Подробно разъясняя свои взгляды на характер общественных отношений в древней Индии, А. М. Осипов писал о разложении первобытнородового общества на антагонистические классы на основе превращения господствующим слоем «организации родовой администрации в инструмент, обеспечивающий ему господствующее положение». Основным в этом процессе, по его мнению, была трансформация «когда-то добровольного признания общинами права племенного вождя на прибавочный продукт в прерогативу государственной власти... Бывший племенной вождь, а теперь деспот, раджа, стал реализовывать это узурпированное у общин право собственности на средства производства в интересах господствующих родов. Он заставляет теперь общинников платить в принудительном порядке ренту-налог за обрабатываемую ими землю»⁸⁵.

Аргументированное описание процесса установления власти вождя во главе с кшатрийской военной дружиной, возвысившегося над племенем благодаря выполнению полезной общественной функции, разрушения институтов народного самоуправления и установления господства кшатрийской и брахманской знати над племенем, т. е. возникновения государства с последующим усугублением и развитием форм эксплуатации, звучит убедительно в свете последующего развития исторической науки. Процесс возникновения государства из отчуждения социальных функций и сословного разобщения общества показан теперь на большом историческом и этнографическом материале и может рассматриваться как имеющий универсальное значение.

Этот путь сложения государства объясняет и развитие в качестве ведущей коллективной формы эксплуатации посредством взимания натуральной ренты-налога. Соответственно возникает государственная собственность на землю. Для А. М. Осипова было совершенно ясно и взаимоотношение господствующего класса и государственной собственности на землю: «Но что значит государственная собственность на землю в классовом обществе, как не то, что она принадлежит самому сильному и экономически господствующему классу. За государственной собственностью в древней Индии скрывалась собственность мощных родов военной и брахманской знати». Концентрированный в руках государства продукт распределялся среди господствующего класса⁸⁶.

Предложенное А. М. Осиповым описание социальной структуры древней Индии создавало цельную, весьма логичную картину общества и хорошо объясняло данные источников. Правда, эта работа отнюдь не разрешала всех трудных вопросов, а некоторая недоговоренность и нечеткость формулировок дала повод для критики даже в тех случаях, когда взгляды автора не вызывали сомнений.

Вопрос о социально-экономическом строе древней Индии был также поставлен в докладе Д. А. Сулейкина, прочитанном в 1947 г. и опубликованном уже после смерти автора, в 1949 г. В отличие от А. М. Осипова Д. А. Сулейкин отстаивал мысль о рабовладельческом строе древнеиндийского общества. Основные положения доклада Д. А. Сулейкина состоят в следующем: в Индии было рабовладельческое общество, однако рабство было неразвитым, домашним, с преобладанием рабынь; рабовладельческому укладу противостоял слой общинников, который не являлся классом и был унаследован от первобытнообщинного строя. При этом, однако, оставалось неясным, какое место в экономической жизни занимали сельские общины, составлявшие «естественную основу складывавшегося нового феодального способа производства,— основу, которая была подготовлена в недрах рабовладельческого общества»⁸⁷. Из этих слов, к сожалению, нельзя понять, как именно представлял себе Д. А. Сулейкин роль общин в процессе генезиса феодализма.

Возникают сомнения и относительно экономической базы рабовладения: могло ли ею быть преобладающее домашнее рабство, или оно само нуждалось в более широкой экономической основе? Кто выступал как основная производящая сила, кто кормил рабовладельцев и рабов? Почему общество, в котором рабский труд имеет такое ограниченное применение в производстве материальных благ (причем это даже, по мнению Д. А. Сулейкина, преимущественно труд женский), называется рабовладельческим? Можно ли объяснить возникновение государства необходимостью подавления классом рабовладельцев сопротивления класса рабов, если это домашние рабы, и притом в большинстве случаев женщины?

Представление о рабовладении на Древнем Востоке, и в частности в Индии, было в 40—50-е годы общепринятым в советской исторической науке. Оно соответствовало утвердившимся теоретическим взглядам, и спорность многих положений этой концепции могла быть выявлена лишь в ходе дискуссий 60-х годов. Поэтому идеи Д. А. Сулейкина, несмотря на их недостаточную обоснованность, имели большое значение для дальнейшей работы советских индологов в данной области. Они были положены в основу концепции рабовладения в древней Индии, их развитие мы находим главным образом в трудах Г. Ф. Ильина⁸⁸. <...>

Наиболее полно позиция Г. Ф. Ильина <...> выражена в статье-рецензии на книгу А. М. Осипова, <...> содержащей резкую критику точки зрения А. М. Осипова на социально-экономический строй древней Индии <...>

Сельские общины, объединявшие большинство населения древней Индии, Г. Ф. Ильин считал элементами первобытнообщинного уклада, противостоящего рабовладельческому укладу. Иными словами, он отрицал различия между общинами, вовлеченными в государственную сферу в качестве налогоплатель-

щиков и подданных, и вольными общинами отсталых племен, обитавших в еще не подчиненных государством или недоступных районах. <...>

Основная критика Г. Ф. Ильиным книги А. М. Осипова была направлена против истолкования вопроса о ренте-налоге, от которого зависела интерпретация всего комплекса общественных отношений. Г. Ф. Ильин писал, что рабовладельческая знать старается перенести расходы по содержанию государства на счет общинников, «но это не значит, что общинники стали эксплуатируемым классом»⁸⁹. Данное положение, высказанное в зачаточной форме в этой его ранней работе, <было развито Г. Ф. Ильиным при обосновании им концепции рабовладения в дальнейшем>. Не изъятие прибавочного продукта у непосредственного производителя, не безвозмездный труд земледельца на царя и господствующую верхушку создают отношения эксплуатации; есть эксплуатация или нет, по Г. Ф. Ильину, можно решить, только установив, на каком основании изымается прибавочный продукт. Практически это означает, что понятие эксплуатации рассматривается как обусловленное правовыми отношениями.

Другой важный аргумент Г. Ф. Ильина заключался в утверждении, что «сама по себе уплата поземельного налога не может представлять собой основной элемент феодальной эксплуатации, так как такой налог платился не только при феодализме»⁹⁰. Нетрудно заметить и в данном случае формально-логический подход к вопросу. <...> Между тем индологи-медиевисты как в 1950 г., так и в настоящее время единодушно признают государственный поземельный налог в средневековой Индии формой эксплуатации — формой феодальной ренты, или рентой-налогом. <...> Здесь, таким образом, теоретические посылки Г. Ф. Ильина впервые решительно разошлись со взглядами медиевистов. Однако это расхождение долгие годы оставалось затененным всеобщим убеждением, что древнее общество естественным образом является рабовладельческим и не может иметь ничего общего с феодальным.

Во всяком случае, существенные различия между древностью и средневековьем в Индии в сфере социальных отношений действительно были заметны, и, имея это в виду, Г. Ф. Ильин обратил внимание на серьезное противоречие во взглядах А. М. Осипова. «С одной стороны,— писал Г. Ф. Ильин,— автор считает необходимым в истории Индии отделять античность от средневековья, с другой стороны, неясно, зачем это ему понадобилось, так как существенной разницы между ними нет, ибо раннее средневековье унаследовало от античности феодальные методы эксплуатации»⁹¹. Поскольку в то время А. М. Осипов считал господствующей формой феодальной собственности в раннее средневековье государственную собственность, объяснить перемены в общественном строе Индии в первые века нашей эры было трудно. Стремление преодолеть это противоречие в

концепции феодальных отношений в древности явилось, по-видимому, одной из причин, заставивших А. М. Осипова отказаться от своей точки зрения и встать на позиции сторонников рабовладения.

Характерным для взглядов Г. Ф. Ильина в этой работе является также освещение вопроса о возникновении государства. Он писал, что «разложению общества на классы рабовладельцев и рабов предшествует его разделение на богатых и бедных в первобытнообщинном строе. Когда возникает рабство и развивается до такой степени, что становится необходимым создать государство для удержания рабов в угнетенном состоянии, то рабовладельческая знать, выросшая из родовой знати, старается перенести расходы на содержание этого государства также на счет родовых общинников»⁹². <...> Рецензент отрицал роль племенных институтов в генезисе государства и возникновении эксплуатации: «Хотя пережитки первобытнообщинного строя были весьма значительны, однако они не могли определить структуру государства, так как они были пережитками доклассового общества, тогда как государство является институтом классового общества. Поэтому государство, созданное в интересах подавления рабов, не может не быть рабовладельческим...»⁹³. Таким образом, акцент здесь сделан на том, что государство должно было возникнуть не иначе как для подавления рабов, между тем проблема антагонизма рабов и рабовладельцев могла стать острой лишь тогда, когда рабство оказывалось достаточно массовым. <Однако Г. Ф. Ильин, как и другие сторонники рабовладения, признавал, что>классовые противоречия затушевывались патриархальностью отношений между рабом и рабовладельцем, спецификой применения рабского труда главным образом в домашнем хозяйстве, преобладанием женщин-рабынь.

<В целом> Г. Ф. Ильин занимал позицию, аналогичную упомянутой выше точке зрения Д. А. Сулейкина. Основными чертами рабовладения в древней Индии Г. Ф. Ильин считал его неразвитость, выражавшуюся, в частности, в отсутствии крупных рабовладельческих хозяйств в земледелии и в ремесле, применение рабского труда в основном в домашнем хозяйстве, патриархальность рабства, связанного с натуральным производством, неотчетливость различий между категориями свободных и рабов.

Конкретные характеристики особенностей рабства <в работах 50-х годов> даже с учетом некоторых уточнений и новых данных <...> сохраняют свое значение. Однако в 60-х годах, когда в ходе дискуссий об «азиатском способе производства» тезис о рабовладении в древности стал во все большей степени подвергаться критике, подход Г. Ф. Ильина к изучению древнеиндийского общества изменился и этот же материал стал получать несколько иное истолкование, центр внимания был перенесен со специфики древнеиндийского рабовладения на черты,

сближающие его с античным. Вследствие этого некоторые интересные наблюдения не получили в дальнейшем развития.

В частности, анализ термина «даса» отчетливо показывал, что так назывались многочисленные категории зависимых, которых причислить к рабам в обычном понимании невозможно. Автор отмечает также, что слово «дасья» имеет значение не только «рабство», но — и это главное — «услужение». Представляется важным замечание о том, что в древнеиндийских источниках не нашлось места для категории вольноотпущенников, распространенной в античности в период развитого рабовладения, и нет соответствующего термина.

Эти и подобные наблюдения хорошо согласуются с оценкой рабства как примитивного, неразвитого. «Нет никаких данных, на основании которых можно было бы заключить о значительной роли рабского труда (в сельском хозяйстве.— Е. М.): упоминаемые в наших источниках рабы — это все подсобные работники или домашние слуги...»⁹⁴. Это высказывание <...> в целом представляется правомочным и в настоящее время. Однако утверждение о том, что общество со столь незначительной ролью рабского труда в производстве может быть отнесено к рабовладельческой формации, слишком уязвимо для критики.

Позднее мысль о существовании рабовладельческой формации была развита в статье А. М. Осипова для «Советской исторической энциклопедии»⁹⁵. В своей периодизации он выделил «период развитого рабовладельческого общества и его разложения (ок. IV в. до н. э.—ок. V в. н. э.)». Он обосновывал это тем, что, по его словам, существовало рабовладельческое производство для рынка в некоторых районах Индии, в частности в Магадхе. Период наивысшего расцвета рабовладельческого строя (в I—III вв. н. э.) он связывал с развитием международных торговых связей Индии, предполагая, что высокий уровень товарного производства являлся следствием развития товарного рабовладельческого хозяйства. В свою очередь, рост обмена и разделение труда были вызваны, по его мнению, строительством дамб и отводящих каналов для борьбы против опустошительных наводнений в Магадхе.

Характер указанной публикации не позволял автору аргументировать эти положения. Между тем возразить против этой гипотезы можно многое. Так, массовый экспорт изделий индийских ремесленников и некоторых специфических продуктов сельского хозяйства, главным образом пряностей, легко объяснить связью ремесленников и незначительной части крестьян с рынком, о чем имеется большой фактический материал в источниках. Роль же рабовладения в обмене еще предстоит установить. Большое сомнение вызывает факт мелиоративного строительства в Магадхе в сколько-нибудь существенных масштабах. Если же крупные общественные работы производились, то в основном руками общинников, о чем также есть свидетельства. Наконец, понятие «развитого рабовладения» более или менее яс-

но, когда речь идет об античном варианте, поэтому такое определение предполагает аналогичный уровень развития общественных отношений в Индии. Если это не так, то необходимо предварительное определение комплекса показателей, которые оправдывали бы применение этого понятия к Индии. <...>

В опубликованной в 1963 г. статье «Основные проблемы рабства в древней Индии» Г. Ф. Ильин отводит рабству гораздо более важную роль в экономической жизни, чем в своих ранних трудах, стремится показать применение рабского труда в самых различных сферах. Однако, на наш взгляд, его высказывания в защиту гипотезы рабовладельческого строя не являются аргументированными.

Так, автор пишет: «Одним из блестящих подтверждений правильности материалистического учения о единстве исторического процесса служит то, что рабство и в Индии, и в Греции или Риме по своим основным признакам было поразительно похожим»⁹⁶. В подтверждение этой мысли Г. Ф. Ильин приводит большой исторический материал, касающийся статуса индийских рабов. Тем не менее эти естественные черты сходства не решают интересующего нас вопроса. Более важен в этом плане другой вывод Г. Ф. Ильина: «На каждого раба приходилось несколько потенциальных рабов — людей, находящихся в разной степени зависимости, т. е. прошедших неодинаковые расстояния на пути превращения их в действительных рабов. Что касается форм зависимости, то они в древней Индии отличались исключительным многообразием, причем одна незаметно переходила в другую»⁹⁷. Именно преобладание различных форм зависимости, переходных к рабской, представляется характернейшей чертой древнеиндийского общества, указывающей на слабое развитие рабовладения и позволяющей предполагать, что рабство в Индии осталось на ранней стадии.

Решающее значение для нас имеют данные об использовании труда рабов в производстве.

Труд рабов применялся в крупных земледельческих хозяйствах, принадлежавших царю и частным лицам. По мнению самого Г. Ф. Ильина, «число рабов в хозяйстве определялось возможной загрузкой их в течение всего года. Поэтому даже рабовладельческие хозяйства базировались, наверное, не исключительно на рабском труде, даже в крупнейших из них рабов было не очень много. И в напряженные периоды (сев, жатва) наемные работники, видимо, преобладали»⁹⁸. В царском поместье, судя по «Артхашастре», преобладали кармакары и арендаторы, а не рабы. Сдача земли в аренду широко практиковалась крупными земельными собственниками. Таким образом, ограниченность применения рабского труда в этих «рабовладельческих» хозяйствах, по существу, признается самим Г. Ф. Ильиным. <...> Он упоминает крупные землевладельческие хозяйства, где применяли труд рабов, наемных работников и арендаторов, — царское, о котором говорится в «Артхашастре»,

и поместье некоего Линдаки, о котором говорится в «Махавагге».

В вышедшей в 1969 г. монографии, к которой мы обратимся ниже, помимо указанных примеров приводятся еще сведения из джатаки № 484 о поместье, где половину земли обрабатывали арендаторы, а остальную — слуги и рабы⁹⁹. Другие примеры представляются неубедительными. Так, причисление дасов-ило-тов у шакьев и колиев к социально-экономической категории рабов, на наш взгляд, неправомерно, поскольку дасы в <...> *ганах* и *сангхах* (кшатрийских олигархических республиках) представляли основное земледельческое население, имевшее собственное хозяйство. Когда же речь идет о дасах безотносительно к производительному земледельческому труду, нет оснований говорить о крупном земледельческом хозяйстве рабовладельческого типа ввиду многозначности термина «даса» и применения труда рабов в основном в домашнем хозяйстве, в качестве слуг.

Конечно, столь скудные данные не могут служить аргументом в пользу широкого распространения рабовладельческих латифундий. Между тем Г. Ф. Ильин делает на этом основании весьма далеко идущие выводы. По его мнению, именно крупные рабовладельческие хозяйства «определяли объем и формы товарообмена, денежного обращения и т. д. Им принадлежала и важная политическая роль, ибо от их существования и размеров в немалой степени зависели отношения внутри господствующего класса — между царем, вельможами, кшатрийской знатью, жречеством и т. д.»¹⁰⁰. Излишне говорить, сколь желательно было бы подкрепить эти мысли о возможном значении крупных рабовладельческих поместий данными источников.

Все же Г. Ф. Ильин вынужден признать, что «в источниках более всего сведений содержится о труде рабов в домашнем хозяйстве»¹⁰¹. Опровергая тех историков, которые делают из этого вывод о непроизводительном использовании рабов, Г. Ф. Ильин выдвигает три положения. Во-первых, частое упоминание домашних рабов, непропорциональное их действительному удельному весу в обществе, обусловлено характером источников. Во-вторых, домашний труд включал важные производственные процессы: «молотьбу, помол зерна, очистку риса, выжимку масла, уход за скотом на усадьбе, изготовление молочных продуктов, транспортировку грузов, доставку воды, заготовку топлива и т. д.». По мнению Г. Ф. Ильина, «работы по дому, даже не приводящие непосредственно к созданию материальных ценностей», имеют отношение к производству, так как «освобождаются силы и время для деятельности других (особенно в мелких хозяйствах)»¹⁰². В-третьих, Г. Ф. Ильин указывает на значение субъективного фактора: соображения хозяйственной целесообразности использования рабов на неотчетливых работах и желание древних индийцев переложить на плечи рабов ритуально нечистые работы.

Признавая, что рассуждения Г. Ф. Ильина во многом справедливы, приходится отметить, что его доводы не могут быть решающими.

Труд по переработке и утилизации сельскохозяйственной продукции, разумеется, необходим, и его нельзя считать совершенно непроизводительным, но все же качественно он отличается от полевых работ, являющихся основными. Именно формы организации труда в земледелии определяют лицо аграрного общества. Поэтому о характере общественных отношений мы должны судить, имея в виду прежде всего непосредственного производителя — крестьянина, а не носящего ему в поле обед раба¹⁰³. Работа (действительно весьма обременительная), которую выполняли в домашнем хозяйстве рабы, в индийских семьях до сих пор ложится в значительной степени на плечи женщин. Неудивительно, что в древности в богатых домах она поручалась даси — служанкам, которые вообще чаще упоминаются, чем мужчины-дасы. <...>

Г. Ф. Ильин считает, что труд рабов применялся также в ремесленном производстве, прежде всего в царских мастерских. <...> Это заключение основывается на одном лишь месте «Артхашастры», где говорится о прядильщицах, работавших на царя¹⁰⁴. Среди них четко выделяются категории лично свободных и зависимых от царя. Среди первых названы женщины, не имевшие средств существования, — вдовы, калек, «девочки, содержащие самих себя», и какие-то другие женщины; среди вторых были работницы, формально считавшиеся рабынями царя, — состарившиеся гетеры и девадасы (храмовые танцовщицы), неспособные добывать пропитание своей профессией, а также преступницы, отработывавшие штраф и присужденные к пожизненному рабству. Лица этой второй категории могут быть лишь условно названы рабынями, ибо с таким же успехом может быть назван рабским производительный труд заключенных в любом обществе (это относится и к оценке других категорий преступников, осужденных на принудительные работы на определенный срок или пожизненно, например в царских рудниках). Между прочим, к подобной оценке склонился прежде и Г. Ф. Ильин. В частности, он писал, что «лиц, осужденных на работы в рудниках, невозможно назвать рабами»¹⁰⁵.

Использование труда заключенных не является специфически рабовладельческой формой эксплуатации. По крайней мере часть преступниц трудилась непосредственно в *сутрашале* (царской прядильной мастерской), а может быть, здесь и жила. Большинство же прядильщиц работали на дому, оплачивались сдельно и поощрялись подарками. Таким образом, сутрашала представляла собой одновременно подобие женской тюрьмы и рабочего дома. Свободным женщинам здесь давали возможность зарабатывать себе на пропитание, трудясь на царя.

Ценность этого примера для доказательства участия рабов в ремесленном производстве весьма сомнительна. Что касается

других царских мастерских, то там рабы просто не упоминаются, и это лишает почвы рассуждения о возможности использования рабов на неквалифицированных работах. Г. Ф. Ильин не приводит в рассматриваемой статье ни одного свидетельства существования рабов-ремесленников. Конечно, рабы все-таки были, но роль их в ремесленном производстве была ничтожной.

По предположению Г. Ф. Ильина, для работы в скотоводческих хозяйствах в качестве пастуха наиболее естественным было использование раба¹⁰⁶. Однако труд пастуха оплачивался на договорных началах десятой долей молочной продукции стада, а ущерб, причиненный хозяину из-за плохого присмотра или гибели животного, возмещался за счет пастуха, что, естественно, предполагает наличие у него достаточных материальных средств. Это не исключало, конечно, той или иной степени личной зависимости пастуха от хозяина, но рабством такие отношения вряд ли можно назвать.

Подытоживая, можно сказать, что Г. Ф. Ильин сильно преувеличил роль рабского труда в производстве, он не смог подкрепить аргументацию своих ранних работ сколько-нибудь убедительными новыми доказательствами в пользу господства рабовладения в древней Индии. В то же время он не включил в них сведения о явлениях, которые подвести под разряд рабовладельческих не удастся.

Статья 1963 г. <...> была включена без каких-либо существенных дополнений и изменений в монографию «Древняя Индия» (гл. XIV). Таким образом, нет необходимости рассматривать вновь фактическую сторону доказательств Г. Ф. Ильина и его уже известные основные посылы. Поэтому, не вдаваясь в подробный анализ данного труда, коснемся лишь некоторых теоретических вопросов.

Прежде всего привлекает внимание подход к понятию формации. Г. Ф. Ильин считал неправомерным желание историков убедиться, «что в основных сферах производства господствовал рабский труд»¹⁰⁷. При этом он апеллировал к примерам Англии середины XVII в., Франции конца XVIII в. Нам кажется, что подобное сравнение правомерно только потому, что нам известно дальнейшее развитие этих стран, сами же общества были переходными. Но если принять эту аналогию, не правильнее ли было бы основной линией развития считать феодальную, приведшую к бесспорному господству феодального способа производства во всех сферах <...>, а не рабовладельческую, остановившуюся на начальной стадии? Поскольку труд рабов не играл существенной роли в основной сфере производства — сельском хозяйстве, а также и в ремесле, если рабовладельческий уклад не имел будущего, то в чем смысл приложения понятия «рабовладельческий способ производства» к такому обществу?

В книге «Древняя Индия» Г. Ф. Ильин писал: «Древнее общество становится рабовладельческим задолго до того, как рабство начинает играть решающую роль в основных сферах

производства (если это вообще случается). При переходе от бесклассового общества к классовому вследствие принципиального различия между ними наличие даже незначительного рабовладельческого уклада могло стать определяющим и наложить свой отпечаток на все стороны жизни: отношения между свободными, государственный строй, семейные отношения, идеологию и т. д.»¹⁰⁸. Было бы неправильным не принимать во внимание влияния рабовладельческого уклада, в частности, на надстройку. Нельзя, однако, не отметить, что до настоящего времени не было убедительных попыток доказать рабовладельческий характер надстроечных институтов в древней Индии. Это считают само собой разумеющимся, поскольку принимается, что общество рабовладельческое. В монографии «Древняя Индия» специфика надстроечных институтов в этом плане осталась, по существу, нераскрытой, и надо признать, что это вообще задача нелегкая. До сих пор исследования велись больше по линии изучения конкретных обществ (принадлежность которых к рабовладельческой формации теперь в большинстве случаев подвергается сомнению), чем в плане выявления закономерностей рабовладельческой надстройки в целом.

Что касается древней Индии, то ей присущи черты, свойственные «варварскому» обществу: в частности, огромная роль общинной и племенной структуры в государственной организации, господство обычного права при отсутствии государственной кодификации, распространенность выкупных платежей в качестве наказания (в таком важном памятнике, как «Артхашастра», эта форма наказания преобладает), ордалии и т. д. Все это наводит на мысль о сходстве многих надстроечных явлений с соответствующими институтами у древних германцев или древних славян в раннеклассовый период (хотя приходится, разумеется, сделать некоторую поправку на многовековое воздействие государственной машины).

Вернемся, однако, к проблеме способа производства.

По мнению Г. Ф. Ильина, «рабство выступало оптимальной формой эксплуатации» и благодаря этому могло оказывать определяющее воздействие на первобытнообщинную среду, каковой он считает сельское население, объединенное в общины. При этом допускается существование и некоторых других форм эксплуатации — аренды, ростовщической кабалы, наемного труда и др.¹⁰⁹. Если предположить, что общинники действительно представляли первобытный уклад, мысль о ведущей роли рабства казалась бы убедительной. Но ведь общинники отдавали свой прибавочный продукт государству, платили поземельный налог. Даже приняв точку зрения Г. Ф. Ильина, отказывающегося квалифицировать эти отношения как эксплуатацию, невозможно игнорировать коренное различие между этими налогоплательщиками и людьми, живущими в условиях первобытного коммунизма <...> Чтобы отстоять свою позицию, Г. Ф. Ильину нужно было бы также доказать принципиальное различие

между налоговым изъятием прибавочного продукта в древности и в средневековье.

Феодалные формы эксплуатации были исключены из сферы рассмотрения авторов «Древней Индии» и освещаются только в последнем разделе книги, где они излагают свои представления о генезисе феодализма во II—VI вв. н. э.

В книге приводится обоснование их позиции по данному вопросу, сводящееся к тому, что эксплуатация возможна лишь при наличии частной собственности на землю. «Налоговое обложение нельзя считать прямой эксплуатацией (присвоением чужого труда собственником средств производства)», — писал Г. Ф. Ильин, ибо общинники сами в массе были собственниками используемых ими средств производства¹¹⁰.

Таким образом, здесь предполагается, что в процессе феодализации земледельцы должны были потерять собственность на средства производства, хотя фактически мы наблюдаем в средние века куплю-продажу земельной собственности общинников, не говоря уже о том, что арендаторы обычно имели свой инвентарь и тягловых животных. По мнению авторов, когда складывалась частная феодальная собственность, понимаемая как монопольная собственность с правом распоряжения и отчуждения, платежи крестьян становились рентой; для объяснения же изъятия прибавочного продукта в древности «господствующим классом, использующим свое доминирующее положение в социальной, политической и идеологической сферах», вводится понятие «косвенной эксплуатации»¹¹¹, что, конечно, уже является шагом вперед, поскольку признается факт эксплуатации. Но это не устраняет противоречия. В самом деле, ведь различие здесь остается чисто юридическим.

Кроме того, необходимо заметить, что изъятие прибавочного продукта у общинников производилось самым что ни на есть прямым, непосредственным способом. Под косвенной же эксплуатацией обычно подразумевается замаскированная дополнительная внеэкономическая эксплуатация (через так называемые косвенные налоги), т. е. не только по существу, но и в ассоциативном плане введенный авторами «Древней Индии» термин неудачен. Можно предположить, что поземельный налог именуется также «дополнительной эксплуатацией», потому что рассматривается как дополнительный источник богатства по отношению к основному, представленному рабовладельческим хозяйством. Однако и это словоупотребление неудачно, так как «дополнение» оказывается много больше того, что оно дополняет.

Легко заметить, что сам подход авторов к проблеме собственности чисто правовой. <...> В какой-то степени понимание этого нашло отражение в книге «Древняя Индия». В гл. XIII Г. М. Бонгард-Левин писал о «множественном» характере земельной собственности, предполагавшем, что «одна и та же земля могла принадлежать сразу нескольким совладельцам, хотя права каждого из них были ограничены». Столь же резонно

этот автор отмечал, что в Индии «второй половины I тысячелетия до н. э. существование только чистых форм земельной собственности вряд ли было возможно»¹¹². Понятно, что эти высказывания находятся в полном противоречии с отмеченным выше юридическим подходом к проблеме собственности. Но поскольку мысль о «множественности» собственности не была доведена до логического конца, это противоречие осталось как бы не замеченным авторами книги. Более того, переход к феодализму они видят, вопреки действительным отношениям при этом способе производства, в экспроприации средств производства у непосредственных производителей и формировании теперь уже феодальной частной собственности (в указанном выше юридическом смысле) как собственности монопольной. <...>

В значительной степени позиция сторонников концепции рабовладения обусловлена недостаточной разработанностью общей теории докапиталистических формаций и, как следствие, противоречиями и неясностями в понятийном аппарате в конкретных экономических и исторических трудах. <...>

С конца 50-х годов в нашей печати вновь стали появляться выступления в пользу феодальной формации в древней Индии.

В 1959 г. мнение о «сложившемся феодальном строе», отразившемся в «Артхашастре», высказал И. П. Байков. Эту идею он обосновывал тем, что Каутилья рисует классовое общество с сословно-кастовым строем и натуральной рентой, основанной на внеэкономическом принуждении. «Мы не находим в индийской деревенской общине и среди правящего класса феодала такого типа, который был в ряде стран Европы. Но это положение вовсе не означает, что главное и принципиальное — экономические отношения между основными производителями и классом, который существовал за счет этих производителей, — иосит иной, нефеодальный характер»¹¹³.

В 1965 г. во время дискуссии об общественных формациях на Востоке в Институте народов Азии АН СССР Р. А. Ульяновский выступил против положения об обязательности прохождения Индии рабовладельческой стадии и в пользу идеи непосредственного перехода ее к феодализму. Критикуя Г. Ф. Ильина, он заявлял, что «Индия не знала рабовладельческого хозяйства как решающей общественно-экономической структуры... Представление же о том, что домашнее рабство или какие-либо другие отношения, не являющиеся ведущими в общественной жизни, определяли всю систему отношений между свободными людьми (крестьянами-общинниками. — Е. М.) и государством, — это представление по меньшей мере спорно»¹¹⁴.

Автор настоящей работы посвятил ряд своих статей критике рабовладельческой концепции и обоснованию идеи существования в Индии в древности феодального уклада. <...>

<...> Изучение проблемы социально-экономического строя наталкивается на многие трудности как субъективного, так и объективного порядка. К последним относятся: скудность фак-

тического материала, неполная изученность источников, недостаточная разработка теории докапиталистических формаций. Методологические трудности, по-видимому, могут быть легче преодолены при отказе от изолированного изучения древности и средневековья, при дальнейшем широком их обсуждении. Достижения советской исторической науки в целом и совместные усилия индологов, несомненно, приведут к убедительному решению этой спорной проблемы.

II. <ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ>

<Географический фактор в становлении и развитии индийской цивилизации> *

Природная среда обитания оказывает на человеческое общество тем большее влияние, чем меньше развиты его производительные силы и социальная организация. На ранних этапах истории это влияние было весьма велико. Значение факторов географического характера в зависимости от уровня социально-экономического развития общества и конкретных исторических условий было неодинаковым, но эти факторы были важной составляющей исторического процесса, в частности, в сфере взаимодействия индийской цивилизации с другими обществами. Наиболее явно здесь выступает роль относительной географической изоляции Южной Азии, что позволяет, учитывая размеры этого региона, определять его как субконтинент. Эта изоляция была одной из причин яркой самобытности индийской культуры. Самыми бросающимися в глаза примерами взаимодействия с внешним миром, примерами нарушения изоляции являются прорывы северо-западного рубежа региона массами мигрантов и завоевателей. В то же время существенны культурные и экономические контакты региона, имевшие большее значение для соседних стран, чем для Индии.

Однако проблема влияния географических факторов не может быть сведена к изучению их роли в связях Южноазиатского субконтинента с окружающими территориями, поскольку индийская цивилизация в течение длительного времени охватывала только часть Южной Азии и лишь к концу древности основная часть субконтинента попала в ее сферу. По мере развития классовых отношений индийское общество колонизовало новые области, приспособляясь к существовавшим там природным условиям и ассимилируя малочисленные группы первобытных племен.

Возникновение индийской цивилизации демонстрирует закономерное сходство этого процесса с зарождением месопотамского, древнеегипетского, китайского очагов древнейшего ранне-

* Сокращенный текст статьи «Роль географического фактора в исторических контактах индийской цивилизации с окружающим миром». — Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с. 202—218.

классового общества. Появление производящего хозяйства было обусловлено в принципе ходом социальной эволюции, появление же его впервые в регионе именно в предгорьях Южного Афганистана и Белуджистана было жестко детерминировано природными условиями: главную роль играло, по-видимому, разнообразие ландшафта, растительного и животного мира, вертикальных климатических зон, относительная умеренность климатических параметров основной зоны обитания. Все это, с одной стороны, благоприятствовало жизни охотников и собирателей <...>, способствовало росту их численности на относительно ограниченном пространстве, с другой стороны, эта среда ставила перед людьми в силу своей сравнительной суровости и большого разнообразия такие требования, которые стимулировали их предприимчивость и инициативу. Сочетание таких экологических факторов обеспечивало наименее рутинный образ жизни, наибольшую свободу человеческой энергии перед лицом природы. Рядом с такой средой более суровые условия обитания — с более холодным или менее здоровым климатом, с сухим и слишком жарким климатом — оказывали затормаживающее действие на развитие человеческих сообществ, в частности, и в демографическом аспекте. В случае более благоприятных, менее суровых условий может возникнуть значительная плотность населения, что само по себе является важным фактором прогресса, однако однообразие природной среды, чему сопутствует нередко и бедность природных ресурсов, способствует консервативности хозяйственной деятельности, сковывает инициативу не только вследствие застойного характера образа жизни, но также из-за недостатка стимулов к предприимчивости в трудовой деятельности благодаря относительной обеспеченности существования.

Итак, в ходе эволюции первобытных сообществ опережали те из них, которые в условиях, благоприятствующих их охотничье-собирательской деятельности в целом, в то же время подвергались довольно жесткому и разнообразному воздействию среды. Именно такие обстоятельства, а не обитание в богатых природными пищевыми ресурсами, климатически более мягких тропических районах создали основу для неолитической революции, начавшейся на северо-западных рубежах Южноазиатского региона в V тысячелетии до н. э.

Еще одним фактором, облегчившим переход к производящему хозяйству прежде всего в этой области субконтинента, было то, что здесь находился природный очаг растений, пригодных для одомашнивания (по Н. И. Вавилову, кроме Афганистана в него входил также Памирский горный район). Ведущей пищевой культурой, domesticiрованной неолитическими земледельцами Южного Афганистана и Белуджистана, стал ячмень — злак весьма неприхотливый и засухоустойчивый, что сыграло свою роль в последующем распространении его в долине Инда, а также пшеница.

Этот следующий этап распространения земледелия также

вполне определенно был обусловлен географическим фактором. Раз возникнув, земледелие стало более продуктивным там, где существовали наилучшие для него естественные возможности. Такие природные данные были на увлажняемых и удобряемых паводковыми водами пойменных землях больших рек, в первую очередь Инда. Земледелие, очевидно, развивалось и на менее урожайных равнинных территориях, однако племена, осевшие на заливных землях, имели перед своими соседями неоспоримое преимущество: быстрый рост избыточного продукта создавал надежную базу для социальной дифференциации, возникновения эксплуатации и государства. Использование максимально плодородных земель при низком, примитивном уровне агрикультуры давало на данной стадии развития общества опережение в темпах. Так в Индии впервые сложилась типичная ситуация соседства областей с резко различными уровнями социального развития.

Еще в начале III тысячелетия до н. э. стадия исторического развития в Южном Афганистане и Белуджистане и в долине Инда была одинаковая: начало разложения первобытнообщинных отношений — военная демократия. Во второй половине III тысячелетия до н. э. в долине Инда уже существует раннеклассовое общество, на родине же земледелия в общем сохраняется уровень военной демократии, тенденции к переходу на более высокую стадию остались нереализованными. Примечательно, что и в последующие эпохи область Афганистана — Белуджистана сохраняла сравнительно с окружающими равнинными районами Индии и Средней Азии явно выраженные черты отсталости: существенную роль в этом замедленном развитии от первобытнообщинных отношений к феодализму играло влияние природной среды, обуславливавшей особый тип хозяйства (прежде всего сочетание малопродуктивного земледелия и отгонного скотоводства), большую устойчивость к внешним воздействиям архаических племенных общностей. Население этой области из-за особенностей переживаемой им затянувшейся стадии военной демократии и раннего феодализма постоянно создавало военную угрозу для соседних цивилизаций, однако объединение сил этих разрозненных племен происходило только при определенных конкретных условиях. Для Хараппской цивилизации существование отсталой племенной периферии, достигшей уровня военной демократии, в конечном счете имело роковые последствия: передвинувшиеся, главным образом с запада, племена заняли постепенно почти всю территорию Хараппской цивилизации, кроме гуджаратской области.

По проблеме гибели цивилизации долины Инда ведется оживленная дискуссия, многие участники которой на первый план выдвигают внесоциальные, природные факторы. В частности, заслуживают внимания гипотезы, связывающие конец хараппской культуры с климатическими изменениями. Уже давно высказывались предположения о значительной влажности кли-

мата в долине Инда в хараппскую эпоху, основанные, например, на факте обитания там таких животных, как носорог, слон, буйвол. Большой интерес вызвали исследования Гурдип Сингхом древнего климата по анализам пыльцы в отложениях некоторых раджастанских озер¹. Согласно его схеме, примерно на 3000—1800 гг. до н. э. приходится значительное увеличение годового количества осадков (на 500 мм выше современной нормы), позднее наблюдается их уменьшение. Таким образом, возникновение и расцвет Индской цивилизации оказываются в тесной связи с благоприятным повлажнением климата в долине Инда, а ее упадок — с изменением климата в сторону иссушения. Это как будто объясняет и более длительное сохранение цивилизации в Пенджабе, Харьяне, лучше обеспеченных осадками, чем Синд.

Результаты исследования Г. Сингха оспариваются рядом ученых, полагающих, что в хараппскую эпоху климат радикально не отличался от современного ни в долине Инда, ни в прилегающих областях, что с X тысячелетия до н. э. не было глобальных климатических изменений. Некоторые аргументы археологического порядка, приводимые сторонниками этой точки зрения, не кажутся убедительными. Например, по мнению Б. К. Тхапар, выводам Г. Сингха противоречат применение в Калибангане сырцовых кирпичей, отсутствие повсеместного мощения улиц, использование в качестве зерновой культуры засухоустойчивого ячменя². Если даже мы возьмем ориентировочную цифру увеличения осадков в III тысячелетии до н. э. на 500 мм, данную Г. Сингхом, вряд ли будут основания говорить, что получающееся для Синда и большей части Раджастана годовое количество осадков в 700—800 мм было чрезмерным, не допускающим употребления в строительстве сырцового кирпича или выращивания ячменя, вообще служившего хараппцам ведущей пищевой культурой. Такой климат можно было бы назвать не исключительно сухим, а просто сухим. Другое дело, если расчеты Г. Сингха неверны и на самом деле указанный период, по тем же самым палинологическим данным, характеризуется максимумом температур и минимальным количеством осадков³. Если эта противоположная точка зрения ближе к истине, то выходит, что неблагоприятные условия засушливого климата не оказали никакого влияния на развитие земледелия в ареале хараппской культуры. Таким образом, проблема остается еще на начальной стадии изучения⁴.

Вероятно, и при отсутствии существенных изменений климат Северо-Западной Индии в III—II тысячелетиях до н. э. все же должен был быть мягче теперешнего благодаря большей облесенности Пенджаба⁵, сплошному лесному покрову на огромной Гангской равнине, теперь совершенно безлесной, наличию относительно большой древесной растительности даже в Синде, позднее характерном пустынным и полупустынным ландшафтом. Существование целой цепи хараппских поселений, в том числе Калибангана, вдоль высохших русел в Северном Раджастане

ясно указывает, что реки бассейна Гхаггара были достаточно полноводны. Благоприятное или негативное влияние на экономику на этой стадии развития общества могли оказывать и мало впечатляющие по абсолютным показателям изменения климатических характеристик. Незначительные в глобальном масштабе изменения экологической среды могли иметь большие последствия в локальных ситуациях. Во всяком случае, при рассмотрении данной проблемы было бы неправомерно абсолютизировать географические факторы, тем более пытаться объяснить все каким-то одним обстоятельством природного происхождения. Независимо от будущих результатов исследований, предпринимаемых в отмеченных выше направлениях, наиболее плодотворным представляется комплексный подход, учитывающий взаимодействие разнообразных факторов.

Обширность территории, где обнаружены поселения хараппской культуры, показывает, что первоначальный очаг земледелия в пойменной полосе нижнего Инда потерял свое бывшее доминирующее значение. Дав начало великому социальному процессу, географический фактор, определивший опережение хараппцами темпов исторической эволюции соседних человеческих коллективов, перестал быть первостепенным. В ходе расселения хараппцы везде, где было возможно, использовали традиционное земледелие на заливных землях, однако такое производство было не всегда достаточным, чтобы обеспечивать стабильное существование, а природные условия в Пенджабе, Харьяне и Гуджарате позволяли применять и суходольное земледелие. Потребности расширения хозяйственной базы хараппского общества диктовали необходимость увеличения масштабов суходольного земледелия, но его продуктивность, по-видимому, была очень низкой, оно было неспособно давать сколько-нибудь значительный избыточный продукт. Малая эффективность на данном этапе сельского хозяйства на суходольных землях крайне суживала возможности разделения труда, обмена и эксплуатации. Вследствие этого по мере расширения ареала хараппской культуры и массового перехода к богарному земледелию все большая часть хараппцев оказывалась на той ступени развития производительных сил, которая как бы предшествовала ранее достигнутой в первоначальных центрах благодаря использованию «лиманного» земледелия.

Поскольку идея единой Хараппской империи или существования крупных государств представляется весьма малоубедительной, речь должна идти в основном о мелких независимых сообществах хараппцев, в случае преобладания богарного земледелия оказывавшихся по уровню производительности труда на доклассовой стадии. Попытки распространения влияния раннеклассовых государственных образований на большую территорию имели перед собой, очевидно, то же препятствие: подобные земледельческие коллективы экономически не могли служить прочной базой государственности. В этом, как мне представля-

ся, можно видеть существенное противоречие позднего хараппского общества, противоречие, корни которого лежат в сохранявшемся еще господстве природного фактора над человеческой деятельностью.

Центры цивилизации стимулирующе воздействовали на социально-экономическую структуру окраин, однако с постепенным ослаблением и падением этих центров, а также под влиянием разного рода контактов с первобытными этносами поселения хараппцев, в значительной мере соответствовавшие по своему экономическому базису предгосударственной стадии, подверглись варваризации. В стадияльно-формационном плане это было попятное движение, как бы вернувшее общество к ступени военной демократии. В то же время очевидно, что культурно-исторический уклад хараппцев, их традиции в немалой степени сохранялись и оказывали положительное действие на историческую эволюцию их соседей, проходивших этап разложения первобытнообщинных отношений. <...>

Представляет интерес наблюдение за ролью географического фактора в отношениях обмена с внешним миром. Ряд материалов поступал в центры Хараппской цивилизации практически независимо от природных препятствий путем межплеменного обмена. Так, импорт лазурита из Бадахшана осуществлялся, очевидно, посредством целенаправленного межплеменного обмена, несмотря, казалось бы, на непроходимые горные преграды. Впрочем, в Среднюю Азию попадали некоторые изделия хараппского ремесла⁶, что указывает на двусторонность связей, обусловленных, возможно, зарождением там земледельческого общества⁷. Металлы и некоторые другие материалы хараппцы получали из соседних областей, главным образом из Афганистана и Южного Раджастана. Не исключено, что здесь возникла примитивная форма торговли, обеспечивавшая контакты с наиболее развитыми племенами. Море открыло возможность коммуникаций с далекой месопотамской цивилизацией. Хотя значительных следов дальней морской торговли с побережьем Персидского залива пока не найдено, все же есть основания полагать, что она существовала. Вероятно, следует согласиться с тем, что связи с Шумером не достигали таких размеров, как недавно представлялось исследователям. Вряд ли правильно при рассмотрении этого вопроса придавать большое значение так называемому «доку» в Лотхале⁸. Скорее всего этот огромный бассейн использовали не как док, т. е. водоем, сохраняющий уровень воды независимо от приливов и отливов моря. Но дело в том, что небольшие хараппские корабли в принципе не нуждались в таком сооружении и обсуждение «проблемы дока», по существу, ничего не решает.

Расположение некоторых хараппских поселений Гуджарата явно указывает на то, что отношения с соседними поселениями они поддерживали морем. Свидетельства индийского влияния на островах Персидского залива, изображения кораблей на печа-

тях, очевидность того, что для судоходства использовались не только реки, но и море, говорят в пользу мнения об осуществимости плаваний хараппанцев вдоль западного берега Деканского полуострова далеко на юг. Может быть, таким путем, а не посредством межплеменного обмена в хараппские поселения попадали полудрагоценные минералы из Южной Индии. В этой связи мне кажется, что гипотеза Н. В. Гурова о морской миграции хараппанцев (пратамилов) в Южную Индию, выдвинутая с целью истолкования древней тамильской традиции о приходе предков тамильского народа с моря⁹, не противоречит реальным возможностям хараппских мореходов. Уже на данном этапе индийской истории море стало средством осуществления прямых дальних контактов, что было невозможно на суше. Напротив, вызывает удивление заявление А. Я. Щетенко по поводу получения хараппанцами разных материалов из Бадахшана, Северо-Восточного Ирана, Памира, Восточного Туркестана, Тибета, Северной Бирмы, что «при таких огромных расстояниях особое значение приобретали средства сообщения, транспорт», под которыми он подразумевает, как видно из последующих фраз, повозки¹⁰. Нет сомнения, что подобные связи могли осуществляться только путем межплеменного обмена.

Медь с примесью никеля поступала к хараппанцам из Восточной Индии именно таким образом от их соседей — носителей культуры медных кладов и желтой керамики, пришедших в Индию, в долину Ганга, в III тысячелетии до н. э. и на рубеже III—II тысячелетий вошедших в соприкосновение с хараппанцами. Последние проникли до Верхнего Доаба по степной и лесостепной полосе, дальнейшее их продвижение остановилось примерно на границе сплошных лесов, покрывавших долину Ганга и тянувшихся вдоль подножия Гималаев по Восточному Пенджабу. Таким образом, размещение хараппанцев и племени мунда примерно совпадало с различными природными зонами.

Параллельно с племенами мунда вдоль Гималаев с востока в течение II тысячелетия до н. э. двигался поток мигрантов, ставших впоследствии основой этносов — носителей гималайских языков. Природные препятствия (труднопреодолимая горная местность с тропическим лесом) не могли задержать миграцию из Индокитая, тем более что встреченные переселенцами условия жизни мало отличались от тех, что были в местах их первоначального обитания. Восточная граница индийского региона между Гималаями и Бенгальским заливом вообще, пожалуй, в большей степени обязана своей непроходимостью в последующие тысячелетия исторически сложившимся условиям: этот район оказался в стороне от основного русла исторической эволюции и был заселен воинственными отсталыми племенами. Только в конце I — начале II тысячелетия н. э. здесь отмечена миграция некоторых племен, расселившихся в Гималаях (гурунги, магары, таманги), и ахомов, сыгравших важную роль в сложении ассамской народности (в XII в.). Не исключено, что мигра-

ция некоторых гималайских племен шла и во II тысячелетии до н. э., и позже через горную страну по южную сторону Больших Гималаев, минуя равнину.

Заселение долины Ганга и прилегающих к ней с юга и севера областей мигрантами из Индокитая было облегчено принятым у них способом хозяйствования — подсечно-огневым земледелием с использованием мотыги как основного сельскохозяйственного орудия. Этот метод позволял обходиться без больших трудовых затрат на окультуривание засоренных корнями лесных почв, что было бы необходимо при пахотном земледелии. Основной продовольственной культурой мигрантов был рис, который прекрасно подходил к индийским условиям, причем в наибольшей степени ему соответствовали климатические условия именно восточной части Северной Индии, где в первую очередь обосновались мунда и другие выходцы из указанного региона. Внедрение риса как одной из важнейших сельскохозяйственных культур древней Индии, так же как современной Южной Азии, трудно переоценить. Распространение мигрантов из Индокитая в исторически короткие сроки на огромной территории в значительной мере обязано сходству экологических сред их родины и новых мест обитания, где расселение этих этносов положило начало процессу разложения первобытнообщинных отношений независимо от соответствующей социальной эволюции в районах к северо-западу и западу от долины Ганга.

Как показывает история, горы на северо-западной границе Индии весьма относительно обеспечивали изоляцию региона. Во всяком случае, именно через них на равнины Индии вторгались многочисленные волны завоевателей, большинство из которых влилось в состав индийских народов. Следует отметить, что в силу сложившихся исторических условий, в создании которых, как говорилось выше, значительную роль играл географический фактор, население Афганистана имело большую устойчивость к внешним воздействиям и только наиболее могущественные завоеватели были в состоянии сломить его сопротивление. Поэтому Афганистан всегда сохранял для Южной Азии значение естественного оборонительного барьера. Примечательно, что если афганские горы тем не менее успешно преодолевались завоевателями, то равнинные и маловозвышенные области востока Ирана, юго-запада Афганистана и западной части современного Пакистана из-за своего безводья (здесь лежат пустыни, полупустыни и солончаки) оказались в течение I—II тысячелетий н. э. практически непреодолимой преградой. Учитывая этот исторический опыт, есть основания полагать, что до начала нашей эры (речь идет о грубо ориентировочной хронологической мете) эта область обладала все же немного более благоприятными для жизни условиями. Так, большая часть варварских племен, занявших территорию Харалпской цивилизации в период ее упадка и гибели, передвинулась из этой области.

Пока трудно ответить на вопрос, использовала ли этот путь какая-то часть арийских племен во время их миграции в Индию во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. Описания похода Александра Македонского через Гедрозию¹¹ свидетельствуют, что эта область была бедна пищевыми ресурсами и водой, однако эти данные требуют правильного толкования: в источниках рассказывается о движении армии, нуждавшейся в больших количествах провианта и воды и обеспечивавшей себя за счет грабежа населения. Малая плотность местного населения, естественно, ограничивала возможности такого рода снабжения войска, однако общая численность людей, обитавших на этих обширных пространствах, могла быть велика. В последние века I тысячелетия до н. э., казалось бы, в наименее пригодной для жизни части этой зоны расселились племена скифов-саков (в индийских источниках именовавшихся шаками). По-видимому, они занимали эту территорию долго, так как эта область приобрела устойчивое название «страны саков» — Сакастан, — сохранившееся до настоящего времени в форме Систан. Волна саков, пришедших сюда во II—I вв. до н. э., вероятно, проникла затем в Индию. Что касается парфянских вторжений в Индию, то они, очевидно, шли через Северо-Западный Афганистан (район Герата), т. е. обычным путем.

Главным направлением проникновения восточноиранских (скифских) племен в Восточный Афганистан и сопредельные территории Северо-Западной Индии ряд ученых считает траверс Гиндукуша с территории Средней Азии. По мнению Э. А. Грантовского¹², группа сакских племен уже к VI—V вв. до н. э. завершила это передвижение. В начале I в. до н. э. другие сакские племена проникли в Индию через Памир и Гиндукуш и создали индо-сакские государства¹³. В I в. н. э. через Афганистан в Индию вторгаются тохары, что, видимо, также было связано с перемещением в Индию значительных этнических групп — носителей индоевропейских языков. Тут следует заметить, что предшествующие завоевания Ахеменидов (конец VI в. до н. э.), Александра, Селевка, Антиоха Великого (206 г. до н. э.), греко-бактрийцев во II в. до н. э., парфян в I в. до н. э. не сопровождалось массовыми переселениями. Все же необходимо оговориться, что эти вторжения, особенно греко-бактрийцев и парфян, оставили глубокий след в истории и культуре индийского народа. Крупнейшим движением в основном также индоевропейских по языку племен в Индию были эфталтское нашествие и последующие связанные с ним миграции.

Наряду с проницаемостью афгано-гиндукушского района для завоевателей и мигрантов надо отметить возрастание его роли в экономических и культурных связях Индии и Средней Азии, Центральной Азии, Китая, Переднего Востока и даже Европы. Этот район становится узлом сухопутных связей Индии с внешним миром.

Несмотря на то что северо-западная граница Индии не столько отгораживала ее от внешнего мира, сколько служила установлению исторических контактов с ним, значение этого рубежа как изолирующего фактора проявлялось постоянно. Это сказалось вместе с фактором пространственной удаленности на распаде языковой и этнокультурной общности арийских племен. Легко заметить, что все пересечения этого рубежа завоевателями и мигрантами приводили довольно быстро к прекращению политических связей с исходной территорией. Даже кушанское государство сравнительно недолго удерживало под своей властью владения по обе стороны Гиндукуша, но и здесь мы видим характерное явление потери неиндийских владений и более длительное сохранение государства на территории Индии и Афганистана. Индийские провинции Ахеменидов, империи Александра, Парфии, Халифата быстро отпадали, и в большой мере этому способствовала их географическая изоляция.

Рассмотренные особенности северо-западного географического рубежа Южноазиатского субконтинента сказались на характере всего исторического процесса в Индии, в частности на ходе этногенеза, явлениях культуры, специфике социальной организации. Исток таких определяющих лицо Индии явлений, как варново-кастовая система, индийская община, тип индийских религий, в первую очередь индуизма, и т. д., лежит в синтезе культур и социальном взаимодействии племен ариев и автохтонных этносов, завершившемся возникновением новой цивилизации, известной как древнеиндийская. Одно из частных последствий миграций различных этносов через афгано-гиндукушский рубеж, а также из самого этого горного района на равнину — общая отсталость Пенджаба и Синда в историческом развитии в период подъема Магадхской державы, да и позже. Пенджаб, бывший важнейшей частью арийского ареала в эпоху «Ригведы», уже в первой половине I тысячелетия до н. э. приобрел, судя по индийским литературным памятникам, репутацию варварской окраины, где верования, обычаи, образ жизни и т. д. не соответствовали, как правило, нормам, установившимся в центральной области распространения индоарийской культуры.

Наиболее надежным рубежом Индии служили Гималаи. Их высота (почти все перевалы превышают 5000 м) и труднодоступность в сочетании с высокогорной пустыней Тибетского нагорья в течение тысячелетий защищали Индию от вторжений на протяжении почти всей северной границы. При возникновении тибетской государственности экспансия была направлена по необходимости главным образом вдоль северных склонов Гималаев в сторону Кашмира и сопредельных областей, а также в не затрагивающих Индию направлениях. На некоторых древних тибетских иконах изображены пленники или убитые враги — белый, желтый и черный человечки. Черный человечек символизирует, очевидно, победу над индийцами. Но известны только

два случая вторжения тибетцев в Индию (если не учитывать Кашмир): первый — это набег тибетских и, вероятно, непальских вассальных войск под руководством Ван Сюань-цзе, китайского посла к Харше, мстившего за враждебный прием, оказанный ему правителем, захватившим власть в Канаудже после смерти Харшавардханы. Сведения об этой карательной акции представляются крайне преувеличенными, дело ограничилось, по всей видимости, грабежом ближайших к Непалу земель, но для нашей темы важен сам факт пересечения Центральных Гималаев с военными целями. В начале VIII в. часть Северного Бихара (Митхила) и часть Бенгалии, примыкающая к современному Дарджилингу, в течение некоторого времени находились под властью тибетских правителей. Эти события не могут поколебать общую оценку Гималаев как неприступного рубежа Индии, но должны подчеркнуть относительность значения географической изоляции даже в такой впечатляющей грандиозностью природных препятствий ситуации.

Большее значение для истории Индии имели отношения между горными народами и равнинным населением. Эти отношения характеризовались преимущественно мелкими набегами горцев, обычно неуязвимых в своих владениях. Гималайские княжества успешно отражали нападения даже больших армий; так, гибелью всего войска закончился поход в Караджал (очевидно, Кумаон), организованный Мухаммадом Туглаком. Княжества, расположенные к западу от Непала, были временно покорены на основе вассальной зависимости только Великими Моголами. В то же время известно, что в ряде случаев горные правители собирали с предгорных равнинных территорий дань. В VIII в. кашмирским царям удалось совершить дальние походы вплоть до Канауджа (при Лалитадитье Муктапиде). Существенное значение с точки зрения влияния индийской цивилизации на гималайские области имела миграция небольших по численности групп из основных индийских областей: личчхавов и близких им объединений в Непал примерно в начале нашей эры, раджпутов в период мусульманского завоевания, изгнанных завоевателями из своих владений, брахманов и некоторых других мелких групп. В конце I тысячелетия в Непал мигрировали из района восточнее Гималаев некоторые племена, часть которых проникла в Непал через Тибет. Следует отметить и довольно крупное миграционное движение вдоль гималайской горной страны кхасов, продвинувшихся в I тысячелетии с запада вплоть до долины Катманду.

Условия среды обитания позволили сохраниться в ряде мест Гималаев весьма примитивным общественным формам. В сочетании с сознательной политикой изоляции, проводившейся правящими кругами государств этой зоны, данные условия способствовали длительному существованию архаических социальных порядков и образа жизни. Например, Бутан и в 60-е годы XX в. напоминал древневосточное государство¹⁴.

Трудности преодоления перевалов не остановили трансгималайскую торговлю, первые сведения о которой относятся к I тысячелетию н. э., так же как не помешали распространению в Тибете буддизма. Местная торговля через Большие Гималаи, по-видимому, очень рано приобрела регулярный характер. Итоговые сведения И Цзина (конец VII в.) о китайцах-паломниках, посетивших Индию, свидетельствуют о том, что многие из них пришли через Тибет¹⁵. Это с очевидностью доказывает, что этим путем шла торговля между Индией и Китаем или, по крайней мере, торговля между Индией и Тибетом, так как подобные путешествия были возможны лишь в составе купеческих караванов. Более удобной была дорога из Восточного Туркестана в Кашмир через перевал Каракорум; здесь и прошла одна из ветвей Великого шелкового пути.

Остановимся на роли географических факторов в отношениях древнеиндийской цивилизации с ее периферией на самом субконтиненте Южной Азии в период становления раннеклассовых образований и колонизации новых территорий.

Расселение ариев в Пенджабе и в западной части долины Ганга, продолжавшееся несколько веков, было облегчено тем, что арийские племена первоначально попали в лесостепи и степи, а эта среда соответствовала их привычному способу хозяйствования. Арии знали пашенное земледелие. Приспособление их к лесным почвам долины Ганга, а также переход от подсечно-огневой системы к постоянной обработке земли привели к появлению тяжелого плуга, запряженного несколькими парами быков. После него, видимо, проводилась обработка почвы обычным легким плугом. Впоследствии, когда в долине Ганга почвы оказались в большинстве разработанными, тяжелый плуг исчез; в средние века он применялся на Декане для периодической, раз в несколько лет, глубокой вспашки.

В I тысячелетии до н. э. основной территорией становления древнеиндийской цивилизации стала долина Ганга, причем если сначала центром государственной консолидации как будто бы выступала ее западная часть (Куру-Панчала), то в V в. до н. э. определенно выявилось опережающее развитие Магадхи, бывшей в VIII—VII вв., с точки зрения составителей брахман, полуварварской окраиной индоарийской общности. Последующий экономический расцвет Магадхи и прилегающего района вряд ли правильно было бы объяснять только тем, что Магадха стала центром огромной империи. Возвышение Магадхи было, по всей видимости, закономерно и имело основой как раз ее экономическое процветание, в свою очередь объяснявшееся весьма благоприятными условиями для продуктивного земледелия, особенно для главной культуры — риса. В Магадхе выпадает достаточное для рисосеяния количество осадков, в то время как в западной части долины Ганга без сложных оросительных работ наиболее урожайные сорта риса использовать было бы невозможно. В нижнем течении Ганга количество осадков

чрезмерно, что само по себе, может быть, не противопоказано культуре риса, но сильно усложняло условия производства, затрудняло борьбу с природой, осваивание человеком влажных тропических лесов и болотистых зарослей. Не случайно Бенгалия, особенно ее восточная часть, включающая дельту, сильно отставала в своем развитии в древности от основных областей долины Ганга; положение изменилось к гуптскому времени, с VI—VII вв. Бенгалия начинает играть уже важную роль среди других исторических областей Индии. Таким образом, представляется, что в возвышении Магадхи существенное значение имели причины естественного характера, обеспечивавшие на данной стадии исторического развития большую продуктивность сельского хозяйства при меньших удельных затратах труда, чем в других частях Северной Индии.

С максимально удобными для рисосеяния зонами связано и распространение очагов цивилизации по побережью Деканского полуострова, где классовые отношения начинают складываться на несколько веков позже, чем на севере, и в основном, по-видимому, под влиянием севера, а также такого внешнего фактора, как международная морская торговля. Сказанное не означает, конечно, что здесь не было спонтанного процесса классового образования — внешнее воздействие ускорило его.

Одним из дополнительных условий природной среды, убыстряющих темп развития Магадхи, могло быть наличие в Южном Бихаре открытых выходов железных руд, что на первой фазе железного века, вероятно, давало этому району преимущество в росте металлургического производства. Однако это не простой вопрос. Достаточно указать, что железоделание, по-видимому, было в значительной мере связано с отсталыми племенами, в частности с *асурами*, использовавшими руды на своих территориях; железная руда могла быть найдена во многих мелких месторождениях за пределами указанной области¹⁶. Незначительность потребного количества железа, применявшегося на первых порах, открывала возможность относительно легкого обеспечения им различными путями.

Легенда о вторжении на Цейлон Виджайи отражает факт древнейшей миграции носителей индоевропейского языка на крайний юг региона. Характерны указания на происхождение Виджайи из Гуджарата или даже более северных областей, а также на тесные связи древнего Цейлона с Калингой (о существовании этого государства есть сведения, относящиеся к IV в. до н. э.). Легенда сообщает, что коренные жители Цейлона — «яккхи» — имели какие-то начатки государственности. Древнейшие сведения о существовании южноиндийских государств Чола, Пандья, Кералапутра, Сатьяпутра относятся ко времени Ашоки, когда Декан вплоть до Северного Майсура уже был включен в состав империи Маурьев. Поэтому перечисленные государства могли возникнуть в IV в. до н. э. или немногим раньше. В «Рамаяне», сюжет которой отразил воспоминание

о походе индоариев на Цейлон, а возможно, и о других походах в Южную Индию, знания географии полуострова самые смутные. Видимо, до V—IV вв. до н. э. североиндийцы мало знали о «Дакшинапатхе» — Деканском полуострове.

Море помогало вовлечению нарождавшихся южных государств в русло североиндийской цивилизации. На сухопутных рубежах за горами Виндхья и особенно в северо-восточной части Декана этот процесс протекал с трудом. Северо-восточная область Декана до последнего времени оставалась как бы запозвездником отсталых народов. Причинами того, что индийское классовое общество не ассимилировало эти примитивные сообщества, по большей части оставшиеся на стадии первобытнообщинного строя, отчасти могут быть названы и географические факторы: прежде всего пространственный фактор — достаточная обширность более удобных и освоенных цивилизацией в предпочтительном порядке земель, удаленность от основных мест расселения классовых сообществ; трудность освоения лесов и горных районов, что имело, конечно, относительное и второстепенное значение, — так, в связи с аграрным перенаселением в новое время началось особенно интенсивное наступление на земли отсталых племен. Сказанное касается и других районов расселения отсталых племен. Колонизация с севера, приведшая к распространению в Махаращтре индоевропейского языка, проходила по территории с плодородными регурными почвами и ландшафтом саванн. Препятствием к широкому освоению земель на Декане носителями индоевропейского языка, равно как и дравидоязычным населением, вставшим на путь классообразования, была значительная сухость климата.

Важным фактором, способствовавшим увеличению численности населения и в конечном счете более интенсивному развитию государственности в этой части Индии, было распространение засухоустойчивого проса — сорго (джовар), баджры, раги, ставших здесь основными культурами (I тысячелетие до н. э.).

Не касаясь, по существу, процесса распространения древнеиндийской цивилизации на новые области региона, следует все же отметить, что помимо внешней периферии цивилизации существовала и «внутренняя периферия». Имеется в виду, что классовое общество в большинстве случаев не занимало в древности (в меньшей степени в средневековье) сплошные территории, а существовало в форме отдельных очагов, как бы оазисов, окруженных отсталыми племенами. Это действительно были земледельческие оазисы, отделенные один от другого обширными пространствами лесов или пустынных земель, занятых малочисленными коллективами охотников-собирателей и примитивных первобытных земледельцев. Литературный пример такого оазиса цивилизации дает «Рамаяна»: Айодхья рисуется как средоточие всей гражданской жизни, единственный городской центр расположенного вокруг него земледельческого района; по мере удаления от города население становится все реже, и

наконец начинается лес, тянущийся до Ганга, где Рама встречает царя нишадов, т. е. начинается другое государство. Фа Сянь (V в.) и Сюань Цзан (VII в.) описывали Индию как комплекс отдельных областей-царств, разделенных опасными для путешественников огромными лесами. В древности цивилизации еще предстояло победить это враждебное природное окружение. Такое очаговое развитие классового общества в виде суммы относительно изолированных друг от друга социальных организмов способствовало длительному сохранению самостоятельности или автономии, самоуправления этих образований в условиях подчинения государству-объединителю, возникновению и прочности городов-государств и иных форм архаической политической организации.

Древнесиндийская цивилизация играла огромную роль в международной торговле. Наибольшее значение здесь имела морская торговля. Древние индийцы были знакомы с закономерностью смены муссонных ветров уже за несколько веков до нашей эры и вместе с мореплавателями из Южной Аравии доставляли на берега Красного моря пряности¹⁷. Очевидно, пути через Бенгальский залив в Юго-Восточную Азию были хорошо освоены в это же время. Показательно путешествие ханьского посольства на кораблях в Южную Индию¹⁸, где найдена китайская монета этого времени¹⁹. Открытие греко-римскими купцами муссонного пути в Индию, а затем и пути через Бенгальский залив было очень важным событием, так как резко активизировало торговлю Востока со Средиземноморьем, достигшую в I—III вв. небывалых масштабов. В качестве платы за восточные товары, по большей части доставленные из Индии, Римская империя теряла ежегодно 50—100 млн. сестерциев²⁰. Наглядным подтверждением размаха западной торговли служит масса находок римских монет в Индии, особенно на ее западном побережье, а также огромное влияние греко-римской денежной системы на индийскую в течение всего I тысячелетия.

Море как средство дальних торговых и культурных коммуникаций опосредованно оказало большое воздействие на индийскую экономику, даже в известной степени на характер и темп социально-экономического развития прибрежных районов. Экспортное товарное производство в ремесле и отчасти даже в земледелии способствовало росту городов и косвенным образом благодаря спросу и концентрации богатств — развитию искусств. Судя по «Периплу Эритрейского моря», в морскую торговлю были вовлечены не только высококачественные дорогие изделия, но и относительно грубая и дешевая продукция ремесленников невысокой квалификации (ткани) и продовольственные товары (зерно). Этот источник I в. н. э. подтверждает обыденность морских торговых коммуникаций на Индийском океане от Индии и Персидского залива до Восточной Африки. Кстати, находки индийских монет II в. до н. э. — III в. н. э. в Юго-Восточной Африке доказывают, что индийские (или арабские) мо-

реходы включили этот район в сферу своей торговой деятельности задолго до появления в восточных морях греко-римских купцов.

Следует подчеркнуть роль в международной торговле древнего мира Южной Индии. Римская фактория в Арикамеду, вероятно, была предназначена не только для торговли в Индии, но и для обеспечения транзитной торговли с Юго-Восточной Азией. С начала I тысячелетия быстро увеличивается торговля Индии со странами Юго-Восточной Азии. Видимо, это было связано с интенсификацией там процесса классообразования и ростом государственности. В Юго-Восточной Азии возникают колонии индийских купцов, вместе с которыми прибывают отряды воинов, обслуживающий персонал. Эти колонии оказали заметное влияние на становление государственности и на культуру стран этого региона, причем весьма существен здесь был южноиндийский элемент. История возникновения так называемых инданизированных государств Юго-Восточной Азии являет пример того, как море сближает географически весьма удаленные народы. Бурный рост экономических связей с заморскими странами на востоке в значительной мере компенсировал для Индии в целом упадок западной торговли в период гибели Римской империи. Многочисленные военные вторжения с материка на Цейлон и в обратном направлении, война Чолов со Шри Виджайей на Суматре и Малаккском полуострове (XI в.), военная экспедиция с Цейлона в Бирму (XII в.) и некоторые другие факты демонстрируют возможность переброски через море на огромные расстояния больших масс людей и поддержания регулярных коммуникаций.

<...> В конкретных исследованиях по истории Индии <необходимо рассматривать в числе прочих и> аспект взаимодействия человеческого общества с окружающей естественной средой.

Рента, налог, собственность *

<...> Различные точки зрения на социально-экономический строй древней и средневековой Индии основываются примерно на одной и той же источниковедческой базе, хотя знания историков со временем, конечно, расширяются и аргументация становится более солидной. Значит, причина существования противоречивых точек зрения — различный подход к фактическому материалу, теоретические расхождения.

Действительно, нетрудно заметить, что источником споров является оценка роли государственного налога на земледельцев-общинников, или ренты-налога, как его принято называть, следуя замечанию К. Маркса о совпадении ренты и налога в

* Рента, налог, собственность. Некоторые проблемы индийского феодализма. — Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока. М., 1972, с. 15—44.

Азии²¹. Отстаивая тезис о рабовладельческой формации в древней Индии, Г. Ф. Ильин придерживается того мнения, что этот налог не может быть формой эксплуатации общинников, так как налоги взимает любое государство. Соответственно свободное земледельческое население представляет собой первобытную стихию, питательную среду для рабовладения. <...> Для историков-медиевистов же совершенно ясно, что рента-налог представляет собой специфическую форму феодальной ренты. Этот тезис является красугольным камнем экономических взглядов медиевистов советской востоковедной школы.

Между тем речь идет, по-видимому, об одном и том же явлении и для средних веков, и для древности. Невозможно понять, чем отличается поземельный налог в древности от средневекового. Способ его изъятия, размер, формы распределения сохраняли преемственность. Впрочем, серьезных попыток опровергнуть это тождество в литературе не было, и отрицание факта эксплуатации посредством государственного налога в древности или переименование его в «дань» проводились, так сказать, «явочным» порядком.

Очевидно, что указанные точки зрения на государственный поземельный налог несовместимы. Считая его феодальной рентой, как это делают специалисты по средневековью, мы должны признать существование государственной феодальной эксплуатации не только в средневековой, но и в древней Индии. Если же мы будем отрицать роль налога как фактора эксплуатации в древней Индии, необходимо отказаться от признания его феодальной рентой и в средневековье. Если поземельный налог считать особой, «азиатской» формой эксплуатации, надо, разумеется, установить, чем он отличается от феодальной ренты.

Таким образом, центральным пунктом проблемы оказывается определение сущности государственного поземельного налога, доказательство его тождественности феодальной ренте или уяснение коренных отличий от таковой. Но из сказанного видно, что и само понятие феодальной ренты не совсем ясно. В свою очередь, разноречия в толковании этих понятий связаны с нечетким определением понятия собственности. Наконец, ставя вопрос более широко, приходится констатировать, что, в сущности, недостаточно ясны и основные признаки, по которым следует судить о наличии феодального или иного докапиталистического способа производства. <...> Не пояснив свое понимание некоторых основных категорий политэкономии докапиталистических формаций, в условиях идущих в последние годы споров невозможно высказать какое-либо суждение о социально-экономических отношениях в Индии в древности и в средневековье. Представляется целесообразным начать с уточнения наиболее общих моментов: можно ли выделить отдельные докапиталистические формации, можно ли выделить феодальную формацию, какие критерии при этом мы должны использовать? <...> В ходе дискуссий выявились столь противоречивые

взгляды по вопросу о существовании понятия «способ производства», что теперь уже рискованно ссылаться на общепринятую концепцию и во избежание недоразумений надо объяснить свою позицию.

Понятие способа производства, в частности феодального, в марксистском учении является логической абстракцией, отражающей наиболее характерные черты реально существовавших типов общественных отношений. Эта абстракция выделяет наиболее общие проявления феодального или иного строя, лежащие в основе всех разнообразных исторических вариантов данного типа общества, выделяет специфический именно для данного типа характер производственных отношений.

Конкретные варианты в их реальном историческом существовании могут быть более или менее сходными или внешне совсем непохожими, каждый из этих вариантов подвержен бесконечно разнообразным изменениям, но все они принадлежат к одному определенному типу, составляют определенный способ производства.

Феодальное общество Индии в разные периоды и в разных частях этой большой страны имело своеобразные черты, среди которых можно найти немало аналогий с западноевропейским феодализмом. Но само феодальное общество Западной Европы было весьма разнолико, а о сходстве этих двух регионов можно говорить лишь условно, тем более что некоторыми своими чертами индийский вариант феодализма разительно отличается от европейского. Но в еще большей степени средневековая Индия отличалась от Китая, Западная же Европа гораздо меньше кажется похожей на Китай, чем на Индию. Тем не менее как все локальные и временные варианты внутри этих регионов, так и эти общества в целом могут быть отнесены к одному типу, поскольку в основе их лежат феодальные производственные отношения.

Однако очевидно, что, установив единый феодальный характер этих обществ, мы еще не сможем объяснить их различие, поскольку конкретные социальные структуры формируются и изменяются под влиянием специфических процессов, обусловленных каждый раз особым течением обстоятельств. В одних случаях эти процессы имеют для данного общества тотальное значение (например, развитие кастового строя и своеобразной организации общины для Индии), в других случаях — частное (например, возникновение в Индии особых форм феодального землевладения в связи с мусульманским завоеванием и т. д.).

Выделение в непрерывном потоке исторического развития определенного способа производства подразумевает отвлечение от специфики конкретных обществ, а также и от нетипичных вариантов — обществ переходных или несущих в себе разнотипные производственные отношения без явного преобладания одного из типов. Иными словами, выделение способа производства предполагает сначала поиск наиболее глубоких исторических

характеристик данных обществ, а затем логическое конструирование на этой основе модели определенного типа отношений, которая должна служить важнейшим инструментом исследования любого конкретного общества и, совершенно естественно, не может не заключать в себе адекватное отражение тех черт исследуемых исторических типов обществ, которые были выбраны в качестве определяющих. Не приходится сомневаться и в реальном существовании различных типов обществ, базирующихся на том или ином способе производства, коль скоро эти общества были исследованы и в них были обнаружены объединяющие их кардинальные характеристики. Столь же очевидно, что их логическое обобщение (модель) не может быть смешано с объективной реальностью, которую оно отражает в марксистской теории.

Чтобы охватить все общества данного типа, модель должна быть отражением именно наиболее общих характеристик и не может детализироваться на основе изучения только одной социальной структуры или особой группы таких структур. В частности, представление о феодальной формации складывалось в основном на западноевропейском материале, и это, как представляется, привело к некоторому искажению модели феодализма за счет усложнения ее детальными характеристиками, не находящими соответствия в восточных обществах. Но специалисты-востоковеды в большинстве случаев относят изучаемые ими общества к феодальному типу. Имеется определенное расхождение в понимании феодализма между историками, изучающими Западную Европу и Восток. Поскольку это расхождение имеется и восточные общества действительно очень специфичны, появилось объяснение этих обществ как не феодальных, а относящихся к «азиатскому способу производства», т. е. составляющих иной тип.

Наблюдается также отступление от основного правила классификации по единым принципам. Так, слова «способ производства 'материальных благ'» обычно и вполне обоснованно понимаются в том смысле, что материальные блага создаются именно данным способом производства, в рамках капиталистических, феодальных или рабовладельческих производственных отношений в антагонистических обществах. Между тем считают возможным говорить, например, о рабовладельческой формации в древней Индии, признавая, что основную массу продукта создают не рабы, а крестьяне и свободные ремесленники, что роль рабского труда в целом подсобная. <В качестве> основания считать древнеиндийское общество рабовладельческим выдвигается «прогрессивность» рабовладельческого уклада, влияние его на политическую структуру, общественную психологию и т. д.²² Но не будем здесь касаться этих и подобных аргументов в пользу рабовладельческой формации по существу.

Подобным же образом Н. Б. Тер-Акопян, обосновывая господство в доколониальной Индии «азиатского способа произ-

водства», фактически отбрасывает анализ производственных отношений и выдвигает в качестве «базиса производства» общину²³. Можно подумать, что община и есть специфический для «азиатского способа производства» тип производственных отношений. Но что же оригинального дает община, точнее, индийская соседская община, которая, собственно, и имеется в виду? Ведь в данном случае суть дела заключается не в отношениях между собой мелких производителей, в той или иной форме объединенных в общину, а в распределении произведенного ими продукта. Общинники могут сами потреблять этот продукт целиком в условиях первобытного общества, или у них отнимается часть продукта в условиях антагонистического общества. В обоих случаях основа производства остается одинаковой — это ручной труд в самостоятельных семейных хозяйствах. Производитель соединен со средствами производства, земледелие parcelлярное, частный труд господствует, коллективный — обусловлен лишь преходящими обстоятельствами.

Вместе с тем индийская община представляет собой, насколько это известно для большей части средневековья и для нового времени, сложную организацию, основанную на кастовой иерархии и взаимном обслуживании каст в соответствии с кастовой специализацией. Это была многослойная структура; ее границы можно определять по господствующей прослойке полноправных общинников-землевладельцев, которые в одних случаях были земледельцами, а в других случаях составляли группу мелких эксплуататоров, паразитировавших за счет выжимания из непосредственных производителей разницы между суммой ренты государству или частным феодалам и прибавочным продуктом. Эксплуатация же ими непосредственных производителей осуществлялась через арендные отношения, крепостнические отработки, наемный труд, даже рабство. Необходимо отметить, что кастовая система внутриобщинного разделения труда не могла существовать искони и складывалась постепенно. Усложнение структуры общины, насаждение сверху паразитического слоя общинников-завосвателей происходило не вдруг, а в разных местностях по-разному и в разное время. Возможно, что этот процесс происходил в одной местности не единожды, а начало его, по-видимому, следует искать в эпоху подчинения ариями автохтонного индийского населения. <...>

Фактические данные об индийской соседской общине показывают, что в ней не было каких-либо особых форм организации труда. Совместный труд в общине играл весьма малую роль, чаще всего ограничиваясь соседской взаимопомощью в страду и ирригационными работами, в большинстве областей Индии имевшими ничтожное значение. Господствовало богарное земледелие, искусственное орошение по преимуществу ограничивалось мелкими сооружениями типа колодцев и прудов, обеспечивавшими очень малую площадь. Подавляющее большинство индийских общин состояло из отдельных хозяйств индивидуаль-

ных семей, значительно меньшую роль играли хозяйства больших семей, сведений о которых почти нет. Происходившие во многих общинах переделы, как правило, имели целью уравнивание качества земли в долевых участках, а не уравнивание самих участков. Имущественное неравенство развивалось независимо от переделов. <...>

Хотя индийскую общину отличает своеобразная система внутренней кооперации земледелия и ремесла, сама эта система представляет собой всего лишь форму существования натурального хозяйства, типичного для общества с неразвитыми товарными связями, каковым является феодальное общество. В то же время эта система обслуживала и товарное хозяйство, когда создавались условия для его развития. Вообще абсолютизирование замкнутости общинного хозяйства, представление о том, что внутриобщинное соединение ремесла и земледелия исключает развитие товарных отношений, явно ошибочно. <...>

Вернемся, однако, к вопросу об определении способа производства. Очевидно, споры вызваны неодинаковым толкованием понятия «производственные отношения», различия в которых и должны обуславливать различия формаций. <...> <Проблема сводится к> выделению типов производственных отношений в многообразной исторической реальности по объективным показателям. Когда речь идет об исследовании какого-то конкретного общества, принадлежавшего, по мнению историков, определенно к феодальной или рабовладельческой формации, создается видимость того, что разнотипность производственных отношений не имеет значения, что все покрывается господствующими производственными отношениями. Но если формационная принадлежность конкретного общества неизвестна или это общество переходное, выявление разных типов производственных отношений и их соотношения приобретает первостепенное значение. И вот тут оказывается, что нередко историки бывают не в состоянии отличить рабство от феодальных отношений или конструируют «азиатский способ производства» без присущих именно ему особых производственных отношений. Задача заключается в изучении явления вне готовой схемы, в изучении элементарных ячеек производства, комбинация которых составляет конкретное общество. Практически же бывало так, что историки заранее рассматривали, например, древнюю Индию как рабовладельческое общество и лишь позднее переходили к изучению составляющих его элементов, проявляя при этом неизбежную тенденциозность. <...>

Основу способа производства составляют производственные отношения. Но в практическом применении этого понятия как критерия есть некоторая сложность. Поскольку понятие производственных отношений (в широком смысле) комплексное и включает ряд элементов, то и описание производственных отношений оказывается обычно очень громоздким и конкретным. Если речь идет о феодализме, то такое описание, как правило,

ориентировано на средневековую Западную Европу. Когда же исследователю приходится иметь дело с ограниченным историческим материалом и разнотипные производственные отношения приходится выявлять в неизученном и многоукладном обществе, комплексное их описание оказывается затруднительным или вообще невозможным. Некоторые элементы производственных отношений не являются определяющими, например обмен, и при установлении характера производственных отношений от них можно отвлечься.

Общее место марксистских работ по политэкономии — положение о том, что в основе производственных отношений лежат отношения собственности. Однако проблема собственности не относится к числу простых и неизменно вызывает споры между исследователями — как теоретиками, так и практиками²⁴. Обычно утверждается, что собственность на средства производства определяет все экономические отношения, связывает их в единое целое и «тем самым дает основную характеристику обществу, определяет его»²⁵. Не оспаривая правильность такой формулировки с теоретической точки зрения, хотелось бы обратить внимание на то, что в конкретном историческом исследовании как раз выявление форм собственности и «основной характеристики общества» оказывается <наиболее сложной задачей>.

Так, сторонники концепции рабовладения отрицают существование в древней Индии феодальной собственности, задача же состоит в определении и различении феодальной и рабовладельческой собственности в реально существовавших отношениях. Сторонники концепции «азиатского способа производства» объективно ставят под сомнение существование обоих указанных видов собственности в Индии. Особые разногласия вызывает понимание феодальной собственности. Причиной этого, безусловно, является специфический характер феодальной собственности, выражающийся в соучастии различных лиц и социальных групп в присвоении материальных благ от одного и того же объекта собственности. Поэтому постановка такого вопроса, который, по мнению ряда авторов, достаточен для понимания характера производственных отношений в любом обществе: «кто реально присваивает средства производства, кто собственник их, то есть кто объективно относится к средствам производства как к своим?»²⁶ — мало помогает в понимании феодальных отношений.

Учитывая трудности, возникающие при определении и анализе категории собственности, не будем акцентировать сейчас на этом внимание и разберем сначала отношения по производству материальных благ и отношения по распределению. <...>

Рассматривая производственные отношения по двум этим направлениям, мы можем описать основную ячейку данного типа общества, максимально обобщив и, следовательно, максимально упростив ее характеристику. При этом очевидно, что, оставляя в стороне комплексную характеристику общества во

всей его сложности, мы не погрешим против истины, поскольку вся общественная структура без рассмотрения этого узкого, но решающего аспекта производственных отношений не может быть понята. Так как докапиталистические общества — аграрные, мы имеем право ограничиться определяющей сферой производства — сельским хозяйством.

Обратимся сначала к отношениям по непосредственному производству материальных благ.

В доклассовом, первобытном обществе люди, располагая средствами и орудиями производства, вели хозяйство, выступая одновременно в качестве и непосредственных производителей, и организаторов производства. При этом нужно учесть, что в период возникновения производящего хозяйства на последней стадии первобытности производство велось обычно силами семейных общин или индивидуальных семей. Если в эту эпоху или позже встречается простая кооперация, она не меняет основного факта — господства индивидуального производства, обусловленного характером орудий.

При феодализме непосредственный производитель также ведет самостоятельное хозяйство, выступая организатором производства. Средства производства также соединены с производителем. Является предметом споров вопрос о собственности на землю, но в любом случае признается, что крестьянин владеет ею, имеет в своем распоряжении все необходимое для производства, а феодал стоит вне производственного процесса, хотя это не означает, что он лишен возможности влиять на производство или вообще не влияет на него. Однако ясно, что, если устранить феодала, организация хозяйства не изменится. Это в первую очередь касается господствующих при феодализме оброчных отношений, но верно и при существовании барщины, так как воспроизводство рабочей силы и необходимых средств производства происходит и в этом случае в пределах крестьянского хозяйства. Отработки, так же как и прибавочный труд при оброке, являются внешними для крестьянского хозяйства. В определенном смысле барщину можно считать формой распределения: как часть труда крестьянина затрачивается впустую для его хозяйства, чтобы выплатить оброк, так и здесь в более явной форме происходит отчуждение его труда для производства продуктов, потребляемых феодалом. Таким образом, организация производства при феодализме та же, что и в первобытном хозяйстве. Феодал паразитирует на крестьянском хозяйстве, вынуждая земледельца интенсифицировать производство, но сам остается в принципе вне его. Следовательно, феодальная форма хозяйства наследуется от первобытности (что подтверждается исторически).

Такие же отношения по производству, как это вытекает, в частности, из признания общины основой «азиатского способа производства», характерны и для этой гипотетической формации.

При рабовладении мы наблюдаем отделение работников от средств и орудий производства. Оба необходимых для производства компонента находятся во власти организатора производства, который и соединяет их в своем хозяйстве для получения материальных благ. Это кардинально отличает отношения по производству при рабовладении от отношений по производству при феодализме. Правда, есть точка соприкосновения этих двух систем в барщинном хозяйстве, где непосредственный процесс производства частично организуется помещиком. Но, как уже было сказано, барщина не меняет существа отношений до тех пор, пока помещик, используя крепостное право, не отрывает некоторых крестьян от их хозяйств для производственного труда на месячине в поле или в усадьбе. Тем самым крестьянин ставится в экономическом смысле в положение раба, феодальное производство частично преобразуется в рабовладельческое. Соответственно сажание рабов на землю и превращение их в индивидуальных производителей коренным образом меняет характер отношений по производству и трансформирует рабовладельческий тип хозяйства в феодальный (через переходные формы).

Необходимо остановиться на отношениях аренды, являющихся некоторым отклонением от феодального типа отношений по производству. В различных вариантах срочной аренды самостоятельное производство крестьянина невозможно без предоставления ему земли для обработки. Феодал в ряде случаев снабжает производителя семенами, инвентарем, тягловым скотом, даже авансирует деньгами.

Таким образом, производство в большей или меньшей степени невозможно без экономического вмешательства феодала, без участия принадлежащих ему средств производства. При постоянной (наследственной) аренде реальные отношения по производству практически неотличимы от чисто феодальных. Краткосрочные арендаторы, почти все средства производства получающие от хозяина, на один шаг отстоят от наемного батрака (или при иных условиях — раба).

Некоторые ученые полагают, что феодал предоставляет крестьянину основное средство производства — землю и, следовательно, непосредственно принимает участие в организации производства. На самом деле это выявляется только при срочной аренде, когда крестьянин может быть лишен земли и когда он действительно ее получает, т. е. когда существует мобильность непосредственных производителей по воле земельного собственника. При всех видах наследственного держания, включая постоянную аренду, отношения по непосредственному производству одинаковы; при временной аренде эти отношения, если взять их статичный срез (период арендного владения), такие же. Еще более явные градации переходных форм от феодальной организации производства к формам, при которых работник отделен от средств производства, представляют виды аренды с

авансированием земледельцев средствами производства. Вопрос о феодальной собственности будет рассмотрен ниже.

Третий принципиальный вариант отношений по производству наблюдается при применении наемного труда: средства производства отделены от непосредственного производителя, но он не находится во власти собственника средств производства — организатора производства, и рабочая сила включается в хозяйство на экономической основе. Этот вариант возникает также с крушением первобытного общества наряду с рабовладельческим и феодальным, однако <не получает преобладания> <...> В раннеклассовом обществе член господствовавшего племени или общины, гражданин, вынужденный искать пропитание работой на другого, был окружен общественным презрением, которое низводило его на низший уровень сословной иерархии, смешивало с неполноправными и бесправными — отчасти рабами, но в Индии в большей степени — с подчиненным иноплеменным населением. Поэтому наемный труд оказался связанным сначала почти исключительно с варной шудр, а с развитием кастового строя — с низшими и неприкасаемыми кастами. Тем самым экономическая форма эксплуатации была в значительной мере сведена к видимости, ибо работа по найму на традиционно определенных тяжелейших условиях стала обязанностью низкокастовых, обеспеченной скорее не личной, а коллективной, кастовой зависимостью. <...>

По данным нового и новейшего времени, удельный вес труда таких «сельскохозяйственных рабочих» был очень высок. Есть основания считать, что ситуация в средние века была сходной. Анализ фактических данных о применении наемного труда в древности, поиск истоков социального института низкокастовых позволяют предполагать, что довольно существенная эксплуатация наемного труда в ту эпоху была осквернена кастовой приниженностью. В этих условиях наемный труд при относительной массовости не мог играть самостоятельной экономической роли, не мог стать основой особого уклада и лишь способствовал застойности существовавшей социальной структуры.

Рассмотрим отношения распределения.

Простейшим образом распределение производственного продукта происходит в первобытном обществе, где он целиком потребляется самими непосредственными производителями. В феодальном обществе появляющийся избыточный продукт превращается в прибавочный и изымается у непосредственных производителей феодалом. В большинстве случаев прибавочный продукт потребляется непроизводителем, оставшийся же у работников необходимый продукт служит воспроизводству хозяйственной структуры. Норма эксплуатации может колебаться, открывая отчасти возможность расширенного воспроизводства, а иногда на очень короткий срок включая часть необходимого продукта. Поскольку нет причин самостоятельному мелкому земледельцу отдавать часть созданных им жизненных благ доб-

ровольно, феодал изымает их насильственно; он паразитирует на хозяйстве крестьянина. При разных видах аренды это изъятие в большей или меньшей степени приобретает форму оплаты за предоставленную для обработки землю.

В рабовладельческом обществе непосредственный производитель создает материальные блага исключительно в результате насилия над его личностью, весь созданный продукт поступает в распоряжение рабовладельца, который выделяет рабу жизненные средства, достаточные для поддержания его работоспособности. Воспроизводство хозяйства осуществляется рабовладельцем — организатором производства.

При использовании наемного труда произведенный продукт также распределяется организатором производства.

Три последние формы распределения произведенного продукта представляют собой три известные формы эксплуатации. Различия в организации производства и распределении вполне очевидны и имеют принципиальный характер.

Если можно допустить, что отношения по непосредственному производству менее специфичны и обнаруживают сходство при феодализме и в первобытном производящем обществе, при рабовладении и наемном труде, при капитализме и социализме, то отношения распределения оказываются наиболее ясным и важным показателем, причем только этот показатель вполне отвечает требованию классификации по однородным признакам.

Легко заметить, что отношения по производству одинаковы (с указанными оговорками) при феодализме, в первобытности и в «азиатском» обществе, форма распределения тождественна при феодализме и «азиатском способе производства». Знаменательно, что за прошедшие долгие годы дискуссии о характере докапиталистических формаций сторонники «азиатского способа производства» не выявили специфически «азиатской» формы эксплуатации, отличной от трех известных отмеченных выше форм. Уже давно и, как представляется, вполне справедливо указывается на отсутствие явных особенностей у этого гипотетического способа производства.

<...> Тем более удивительно, что, если следовать аргументации сторонников рабовладения на древнем Востоке, <...> можно обнаружить особый, четвертый способ эксплуатации — налоговый, по их мнению не специфичный для древности и присущий всем формациям. Если это так, то преобладание государственной налоговой эксплуатации и является искомой (и найденной) формой «азиатской» эксплуатации. По мнению В. Н. Никифорова, отличие этой формы от феодальной заключается в том, что здесь происходит «ограбление» общинников путем применения к ним прямого насилия, внеэкономического принуждения, в то время как феодализм основан на экономическом принуждении²⁷. Ошибку историков древности он видит в преувеличении экономической роли рабства, в то время как хозяйственной основой общества был труд общинников. <...>

Дальнейшее направление мысли В. Н. Никифорова ведет к обоснованию рабовладельческого характера общества с преобладанием общинного производства. По его мнению, прямое насилие и тяжесть эксплуатации позволяют считать общинников фактически рабами²⁸. Иными словами, неспецифическая налоговая эксплуатация оказывается в конечном счете специфически рабовладельческой. <...> Таким образом <...> для В. Н. Никифорова не существует различия между феодализмом и рабовладением по типу организации производства, различия в распределении имеют только количественный характер и, следовательно, легко преодолимы простым изменением нормы эксплуатации. <...>

Подобным же образом анализ взглядов специалистов по феодализму (в основном, впрочем, ученых, занимающихся западноевропейским средневековьем) позволяет найти место для «азиатского способа производства» или, во всяком случае, поставить вопрос о существовании каких-то иных способов эксплуатации, кроме феодального, рабовладельческого и эксплуатации наемной рабочей силы, <если связывать феодальную эксплуатацию только с частной феодальной собственностью> <...> <Некоторые авторы> «настоящим» феодализмом признают лишь такой строй, где господствует вотчина. <...> Тем самым другие виды отношений между земледельцами и эксплуататорами оказываются как бы не вполне феодальными, не доросшими до феодального уровня.

Для примера можно взять вышедшую в 1968 г. книгу С. Д. Сказкина, отражающую взгляды большой школы советских медиевистов. По определению С. Д. Сказкина, появление вотчины означало завершение процесса феодализации. Вотчина же рисуется как хозяйство, основанное на барщине. «Особенность средневекового производства в деревне (а в раннее средневековье все производство было деревенским) заключалась в том, что с точки зрения хозяйственных интересов крупного феодального землевладельца само крестьянское хозяйство рассматривалось прежде всего как средство обеспечения господского хозяйства рабочей силой и инвентарем». Другой «весьма существенной отличительной чертой феодального хозяйства в целом» С. Д. Сказкин называет то обстоятельство, что «феодальный собственник земли не мог получить дохода от своей земли иначе, как путем передачи своей земли небольшими наделами в руки крестьян»²⁹. О наделении земледельцев землей автор говорит во многих местах «Очерков по истории западноевропейского крестьянства в средние века».

Разумеется, можно сказать, что приводить только эти три формулировки — значит чрезвычайно упростить и исказить взгляды С. Д. Сказкина и других советских медиевистов. Однако, как нам кажется, в этих немногих фразах выражена основа понимания многими медиевистами процесса феодализации и раннего этапа феодализма, и это главное хотелось подчерк-

нуть, не задерживаясь на детальной характеристике хорошо известной концепции.

Поскольку история западноевропейского средневековья хорошо разработана и труды советских специалистов в этой области пользуются заслуженным авторитетом, неудивительно, что их взгляды оказывают большое влияние на историков, изучающих другие регионы, на их понимание феодализма. В большой мере западноевропейская «модель» играет роль своего рода эталона феодализма. Именно поэтому приведенные высказывания С. Д. Сказкина, хотя они, само собой, имеют в виду вполне определенный исторический вариант общественного развития, следует рассматривать и с точки зрения теории феодализма <...>

<...> Специалисты по истории западноевропейского и русского средневековья во многих случаях рассматривают феодальную собственность с точки зрения возможностей феодала распоряжаться своей землей. <...> В конечном итоге <...> феодальная собственность <понимается просто как> юридическая собственность феодала на землю. Отсюда естественна трактовка вопросов собственности уже безотносительно к ее экономическому содержанию. <...>

Такого рода воззрения отразились, например, во взглядах Л. И. Надирадзе: «Как известно, феодальный способ производства... требует в качестве предварительного условия своего существования экспроприацию мелкого производителя. Но экспроприация последнего в условиях феодализма подразумевает отрыв его от земли не как производителя, а как ее собственника. Поэтому общинник-крестьянин — собственник обрабатываемого им земельного участка-мулка, юридически все еще созвучного с феодальным мулком, продолжает быть собственником до перехода его в категорию издольщиков»³⁰. Л. И. Надирадзе видит феодальную собственность в отношениях арендатора (издольщика) и эксплуатирующего его частного собственника земли, платящего налог государству, отношения же земледельца — плательщика поземельного налога и государства не считает феодальными. Его точка зрения отличается последовательностью и основывается на юридическом понимании собственности.

<Используя такое же толкование собственности,> Г. Ф. Ильин отвергает существование феодальных производственных отношений в древней Индии как уклада и аргументирует свою позицию тем, что не было государственной собственности на землю, а следовательно, налог не был рентой... Люди, платившие налог, были частными собственниками земли, имели право наследования, распоряжения и отчуждения; владельцы же деревень не были феодалами потому, что получали с земледельцев не ренту, а налог, переданный им государством. По его мнению, эксплуатация и рента возникают с появлением собственности в указанном юридическом смысле, т. е. выражающейся в праве распоряжения³¹. <...>

Подобные толкования феодальных отношений могли бы, как уже говорилось, послужить обоснованию «азиатского способа производства» с государственно-налоговой эксплуатацией. Однако анализ отношений по производству и распределению показывает, что разные конкретные формы эксплуатации и связи с землей сводятся к одному типу. В пределах этого типа мы видим ряд вариантов рентных отношений (оброчные отношения, барщину, аренду), каждый из которых может иметь свои градации и соответственно формы организации производства. В одних случаях феодал только пожинает плоды производства, а в других — частично вмешивается в само производство, но это вмешательство ставит феодальные отношения на путь перерождения в иной тип — рабовладение или эксплуатацию наемного труда. Отношение феодала (коллективного или частного) к средствам производства, к земле и степень принуждения работников тоже могут быть различными в зависимости от множества конкретных условий. Все эти формы могут легко переходить одна в другую, потому что основа их остается единой. Если налоговая эксплуатация не признается феодальной по ее экономической природе (<иногда> она называется «феодальной» по той причине, что существует рядом с частной феодальной собственностью, «при феодализме»), то переход от налоговой эксплуатации к частной и наоборот — будь это в пределах небольшой территории или в массовых масштабах, как это неоднократно наблюдалось в Индии, — теоретически следовало бы считать сменой производственных отношений. Если же такое предположение <счесть> абсурдным, то придется заключить, что феодальные производственные отношения могут существовать и помимо частной феодальной собственности.

Иными словами, противоречия и натяжки в толковании феодальных отношений и феодальной собственности, на наш взгляд, могут быть устранены только признанием того, что и при сформировавшейся юридической собственности, и без нее мы имеем дело с феодальными производственными отношениями и, следовательно, с феодальной собственностью. Представляется очевидным, что понятие феодальной собственности в таком, экономическом, смысле не может быть совмещено с юридическим понятием собственности.

Как экономическая категория феодальная собственность не может быть охарактеризована вне производства, вне производственных отношений. Она не может быть оторвана от отношений по производству и распределению, так как вбирает в себя обе эти категории. Значит, описывая отношения по производству и распределению, мы тем самым определяем и черты феодальной собственности. <...> <Последняя является логическим развитием первобытнообщинных отношений.> Целью производства является получение жизненных средств <...> Их в непосредственной форме и стремится присвоить <...> верхушка общества, не касаясь самого производства. Так возникает рента-

налог из добровольного поначалу дележа избыточного продукта между трудовым населением и осуществляющим непроизводительные функции меньшинством или из насильственного изъятия прибавочного продукта при покорении чужого племени. Эксплуататорам незачем вмешиваться в процесс производства, который они подстегивают увеличением ренты. Но поскольку средства производства частично используются для работы на эксплуататора, они в той же мере подлежат власти феодала, как и личность работника. На ранних стадиях антагонистического общества прибавочный продукт относительно мал из-за низкой производительности труда и невысокой еще нормы эксплуатации. Это способствует возникновению коллективных форм господства. Однако в Индии и в это время, в начале I тысячелетия до н. э., хотя в небольших масштабах, возникает частная феодальная собственность³².

Стремление индивидуализировать присвоение жизненных средств и большая объективная возможность осуществить это (вследствие роста прибавочного продукта) приводят к развитию частной феодальной собственности. На раннем этапе этого процесса в одних случаях возникает феодал, копирующий средства принуждения верховной власти и представляющий собой, в сущности, государство с частично ограниченными прерогативами; в других случаях выжимание прибавочного продукта осуществляется путем более или менее полного захвата средств производства и эксплуатация в значительной степени осуществляется экономическим принуждением. Разнообразные виды аренды известны в Индии с периода первых веков до н. э. <...> Имеются и промежуточные варианты. Присвоение средств производства стимулируется также непосредственным хозяйствованием феодального собственника, что для Индии в целом было нехарактерно (чаще использовались наемные работники и полурабы). Как уже указывалось, все формы феодальной собственности взаимозаменялись в зависимости от исторических условий.

Юридические отношения собственности следовали за этими конкретными проявлениями феодальной собственности, оформляли их.

В средневековой Индии большинство представителей правящего класса существовало за счет получения доли государственного земельного налога-ренты на условиях службы — в виде жалования, но по большей части посредством более или менее ограниченного в правах землевладения. Во многих случаях плательщиками налогов были мелкие собственники — общинники и другие, эксплуатировавшие непосредственных производителей на основе разных видов аренды и иными способами, как уже говорилось выше; в общем они могут быть определены как мелкие феодалы. Таким образом, происходил раздел прибавочного продукта между господствовавшим слоем феодалов (государство, иктадары, джагирдары и пр.), обычно обладавшим

ограниченным правом распоряжения землей, и подчиненным слоем феодалов, обладавшим правом распоряжения землей, но имевшим возможность получения ренты для себя только за счет разницы между объемом прибавочного продукта и налогом-рентой в пользу господствовавшего слоя.

Л. Б. Алаев пришел к выводу о существовании двух разрядов феодальной собственности — «верховой» и «подчиненной»³³. Можно спорить об использованных им терминах (понятие «верховная собственность» применялось в иных значениях), но само выделение этих категорий объясняет реально существовавшие отношения, в частности проблему феодальной собственности в древней Индии, и согласуется с теоретическим анализом феодальных производственных отношений.

В случае с «подчиненной» собственностью большее значение имеет экономическое принуждение и соответственно большее развитие получают правовые нормы, регулирующие эти отношения. «Верховная» собственность нуждается в праве главным образом для упорядочения отношений между феодалами и опирается в основном на внеэкономическое принуждение, прямое властвование. Однако возможно сближение этих двух форм, и феодал может объединить их как «верховный» и «подчиненный» собственник одновременно. Формы с преобладанием экономического принуждения (разные виды аренды) мы можем наблюдать и на ранних стадиях развития общества — более или менее широко в зависимости от конкретных условий, хотя в принципе главную роль в эту эпоху играет эксплуатация через ренту-налог. <...>

Как показывает практика, от того или иного решения вопроса о собственности, ренте и налоге во многом зависит направление исследований и их результаты. В частности, серьезные противоречия во взглядах историков-индологов мешают созданию целостной концепции исторического процесса в Индии, особенно объективному изучению социально-экономических отношений в древней Индии. В спорах индологов встают вопросы общеметодологического значения, решению которых может помочь широкое обсуждение актуальных проблем теории докапиталистических формаций, уже значительно активизировавшее теоретическую работу. <...>

III. <ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ КАСТОВОЙ СИСТЕМЫ>

* Индологам постоянно приходится сталкиваться при изучении прошлого народов Южной Азии с одним не всегда должным образом осознаваемым противоречием. Перед ними лежит целый субконтинент с большим разнообразием экологических условий, населенный десятками больших и малых народов, развивавшихся далеко не одинаково, имевших каждый свою историю и специфические черты экономической и социальной жизни. По существу, это — комплекс стран, находившихся в состоянии более или менее тесных контактов друг с другом, а иногда живших и в значительной изоляции друг от друга. Южную Азию можно уподобить Европе с тем важным отличием, что в докапиталистический период народы Европы развивались более единообразно, чем народы Индии, стадияльные контрасты в истории которых постоянно оставались чрезвычайно резкими. Вплоть до XX в. во многих не затронутых цивилизацией районах Южной Азии сохранялся примитивный первобытный образ жизни, а некоторые группы населения сохраняли его, даже существуя внутри развитого общества.

В то же время история, культура, экономические и социальные институты народов Южной Азии имеют много очень важных общих черт, что позволяет говорить об определенном единстве народов этого субконтинента. <...> Исторические судьбы народов Южной Азии прослеживаются пока только в общих чертах, и ученым приходится говорить обычно об Индии в целом, выделяя по мере возможности отдельные локальные особенности, по необходимости игнорируя реальную чрезвычайно сложную картину и во многих случаях упуская из виду условность создаваемых ими схем.

Древнейшие цивилизации и первобытная периферия

Резкая неравномерность развития хорошо заметна на Южно-азиатском субконтиненте уже в конце каменного века¹. На

¹ Глава «Южная Азия». — Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978, с. 39—53.

крайнем северо-западе в IV тысячелетии до н. э. происходит быстрое развитие политической раннеземледельческой культуры, постепенно включающей большую часть долины Инда и в III тысячелетии до н. э. перерастающей в раннеклассовое общество Хараппы. Хараппская цивилизация охватывает в XXV—XVIII вв. до н. э. Синд и большую часть Пенджаба, Северный Раджастан, верхнюю часть долины Джамны и Ганга, примерно соответствующую современной Харьяне, и Гуджарат.

На периферии Хараппской цивилизации локализовались первобытные этносы, находившиеся в разных условиях и развивавшиеся с неравной скоростью в течение времени существования этого раннеклассового общества.

Вероятно, наиболее отсталыми и медленнее других эволюционизировавшими были соседи хараппцев в пригималайских районах Пенджаба, Кашмира, в афганских горах. Население этих областей было пестрым по языковому и антропологическому составу; по-видимому, значительную группу в районе Кашмира составляли племена, говорившие на неизвестных языках, реликтом которых является язык буришки у хунзакутов. Племена этих областей были охотниками и собирателями. Раскопки в Кашмирской долине показали, что даже в первой половине II тысячелетия до н. э. там существовала примитивная неолитическая культура людей, живших главным образом рыболовством (стоянка Бурзахом). От пригималайских неолитических охотников хараппцы получали, очевидно путем обмена, оленьи рога, использовавшиеся, как полагают, в медицинских целях, а также добывавшееся в Гималаях лекарственное вещество мумие. Через посредство горных племен Афганистана бадахшанский лазурит попадал в хараппские города из-за Гиндукуша. Этот минерал обнаружен на территории Ирана, Средней Азии, Месопотамии в слоях, относящихся к IV — первой половине III тысячелетия до н. э., т. е. его распространение связано было с межплеменным обменом. Таким образом могут быть объяснены и находки в долине Инда и в примыкающих к ней с северо-запада районах. При наличии постоянного спроса межплеменной обмен мог принимать целеустремленную регулярную форму даже в условиях первобытного общества. Открытие в последние годы развитой культуры в долине Амударьи (в Бактрии), относящейся ко II тысячелетию до н. э., ставит вопрос о существовании здесь раннеклассового общества, а тем самым и о возникновении в ранний период этой цивилизации настоящей торговли с долиной Инда через горы Афганистана. В этом случае отсталые племена горцев могли скорее всего служить препятствием движению караванов или, во всяком случае, осложнять торговлю.

Белуджистан и Южный Афганистан были местом зарождения земледельческо-скотоводческого хозяйства в эпоху неолита (IV тысячелетие до н. э.). Отсюда производящее хозяйство распространилось на Индскую равнину. С появлением металла на

рубеже III тысячелетия до н. э. темпы прогресса земледельческого общества в долине Инда оказались выше, чем в предгорьях и горных долинах, ставших как бы варварской окраиной стремительно поднимавшейся мощной городской цивилизации Мо-хенджо-Даро и Хараппы. Этот пограничный район, населенный различными племенными группами, на что указывают локальные различия в археологических культурах, обнаруживает многие черты сходства с хараппским обществом, особенно с поселениями, расположенными на границе: например, характер земледелия с использованием искусственного орошения, разведение тех же пород скота, медные и бронзовые орудия и оружие, керамика, изготовленная на гончарном круге, появление укрепленных поселений и отдельных крупных зданий. Однако это все же культуры, находившиеся на значительно более низкой ступени эволюции: по-видимому, они представляют различные этапы разложения первобытнообщинных отношений и в целом в хараппскую эпоху стояли на уровне «военной демократии». Пожалуй, наиболее развитая культура этой варварской периферии представлена укрепленным поселением Мундигак IV (конец III тысячелетия до н. э.) в Кандагарской области Южного Афганистана, где обнаружено здание, являвшееся дворцом, или, более осторожно, «резиденцией богатой патриархальной семьи мундигацкого вождя»². Городище Мундигак IV указывает на раннюю фазу зарождения государственности. Другие поселения северо-западной периферии хараппского общества не обнаруживают таких ярких показателей социального прогресса.

Влияние Хараппы хорошо заметно прежде всего в области материальной культуры. Однако, несмотря на большее или меньшее сходство с хараппскими, местные изделия всегда произведены местными мастерами, имеют свои отличия и генетически связаны с инвентарем более ранних слоев тех же поселений. Показательно, что влияние Хараппы в более отдаленных поселениях Систана уже слабо заметно (Шахри-Сохте и др.). При раскопках в Бслуджистане и Южном Афганистане обнаружены и собственно хараппские изделия, что обычно объясняют торговой экспансией хараппцев. Однако контакты могли иметь и военный характер.

В ранний период Хараппы происходит расширение территории цивилизации, в ряде случаев захват поселений соседних племен (например, Дабар-Кот в долине Зхоба). Видимо, в связи с необходимостью обеспечения морского торгового пути на Запад ин. Мекранском берегу возникают поселения хараппцев, далеко отстоящие от их границ (Суктаген-Дор и др.).

Для белуджистанско-афганской пограничной области характерны довольно значительное количество металла — меди и бронзы, следы местного металлургического производства³, распространенность укреплений, свидетельствующих о том, что война стала повседневным явлением. Племена этой территории в позднехараппский период начинают представлять все воз-

растающую угрозу индским городам, мирные культурно-экономические контакты сменяются набегами племен, главным образом носителей культуры Кулли в Южном Белуджистане и родственных им племен, о чем свидетельствует появление в хараппских областях керамики и каменных сосудов из Белуджистана. Усиление укреплений, следы пожарищ и разрушений, найденные в неестественных позах костяки убитых горожан, в том числе женщин и детей, тайники ценных вещей (в основном медные и бронзовые предметы), замурованные под кирпичными полами или в стенах домов,— вот драматические следы этих набегов. Следует отметить, что и в раннехараппский период не исключаются случаи вторжения белуджистанских племен. Причины движения варварских племен на государства долины Инда неясны, но, как можно полагать, оно было связано с обострением процесса социального расслоения и распада первобытнообщинных отношений и типичным для этой стадии усилением военной активности.

На белуджистанские племена могла оказывать давление и миграция с территории Ирана.

Заключительная стадия борьбы хараппского общества с варварами растянулась на век-полтора; Мохенджо-Даро пал, видимо, в XVIII в. до н. э. (по радиоуглеродному анализу — в 1760 ± 115 г. до н. э.), верхние же слои более далекой от западных границ Хараппы датируются XVI в. до н. э.

Культуры, наслоившиеся на развалинах хараппских городов, имеют много общего с соседними белуджистанскими комплексами, прошедшими за века существования хараппского раннеклассового общества путь замедленной, но значительной эволюции. Это относится и к наиболее примитивной среди них культуре Джхукар, обнаруженной также в Чанху-Даро и некоторых других местах, связанной, видимо, с миграцией какой-то этнической общности из Восточного Ирана. Развитию в направлении классового общества здесь существенно способствовало влияние хараппского мира.

Археологические источники не дают материалов о вкраплениях первобытного населения в областях раннеклассового общества. Между тем последующая этническая история региона позволяет предполагать, что в довольно лесистом в те времена и территориально слабо освоенном Пенджабе могли оставаться первобытные группы — как охотников-собирателей, так и примитивных земледельцев; в долине же Ганга такое соседство было неизбежно.

Сама история сложения Хараппской цивилизации еще неясна, но очевидно, что на занятой ею территории существовали различные развитые доклассовые культуры, с которыми она не была генетически связана. Так, в нижнем Синде хараппцы подчинили связанную с белуджистанским комплексом культуру Амри. На левобережье Инда, недалеко от Мохенджо-Даро, укрепленный городок Кот-Диджи, обнесенный стеной и имевший

цитадель, был захвачен и сожжен хараппцами примерно в XXII—XXI вв. до н. э. (2090±140 г. до н. э. по радиоуглеродному анализу)⁴; расположенный выше слой содержит материал, смешанный с хараппским. В Северном Раджастхане доклассовая калибанганская культура оказалась перекрыта хараппским городом, видимо, в результате завоевания и колонизации около XXII в. до н. э.

В Восточном Пенджабе, долине Джамны и Ганга и Гуджарате колонизации подверглись земли болсе примитивных племен, живших еще в основном присваивающим хозяйством. Эти неолитические охотники и собиратели были, видимо, частью ассимилированы (их керамика найдена в нижних слоях вместе с хараппской), частью оттеснены.

В Гуджарате в результате колонизации в XXI—XIX вв. до н. э. возникла большая изолированная область цивилизации, связь которой с метрополией осуществлялась, очевидно, в основном морем. В соседних областях — Мальве, Западном Декане, Карнатаке к середине III тысячелетия до н. э. существовали многочисленные неолитические поселения людей, переходивших от присваивающего хозяйства к примитивному земледелию и скотоводству.

Ускоряющее влияние хараппской культуры на развитие этих племен очень заметно: у них появляются металл (сначала, видимо, только привозной), сходные формы металлических орудий, гончарный круг, роспись керамики с заимствованием или трансформацией хараппских орнаментов, плоскодонные сосуды (правда, в целом керамика сохраняет самобытный характер), некоторые типы украшений⁵. Показательно ослабление этого влияния по мере удаления от Гуджарата и затрудненности контактов. Наибольшее влияние и наиболее высокое развитие энеолита наблюдается в Мальве. Здесь, в частности, во второй половине II тысячелетия до н. э. появляются глинобитные дома, в то время как на остальной территории деревянный каркас по-прежнему обмазывали глиной. Здесь были также обнаружены и оборонительные глинобитные стены вокруг поселков, что указывает на новую стадию развития, когда военные столкновения становятся обычным явлением. (В этот период возможно также воздействие на Мальву культуры «медных кладов и желтой керамики» из долины Ганга). Менее заметно влияние гуджаратской области во внутренних частях Махараштры, отгороженных Западными Гхатами. В бассейне Кришны археологический материал много примитивнее северного, а земледелие уступает место скотоводству. Далее к югу простирается зона охотничьих племен с грубым каменным инвентарем. Находки в городах долины Инда некоторых ценных минералов, происходящих из Южной Индии, свидетельствуют скорее всего о случайном их приобретении путем обмена с этими племенами через деканских посредников, хотя отдельные морские экспедиции в сторону Малабара технически были осуществимы⁶.

Важным результатом контактов с хараппской и постхараппской культурой в Гуджарате было ускорение развития земледелия и превращение его в ведущую отрасль экономики. Об этом свидетельствует резкое увеличение находок микролитических лезвий от жатвенных ножей.

Кризис цивилизации в долине Инда отразился и на гуджаратской ее ветви; с гибелью основных центров здесь начинается регресс, выражающийся в смене (примерно в XVII в. до н. э.) хараппской культуры постхараппской — все более отходящей от хараппского эталона и огрубляющейся. Городская жизнь медленно приходит в упадок, и к XI в. до н. э. гуджаратская постхараппская культура исчезает полностью. Этот длительный процесс, связанный с ослаблением торгово-ремесленной деятельности и примитивизацией быта, все более сводившегося к натуральному земледелию, проходил под несомненным влиянием энеолитических соседей. Таким образом, в итоге энеолитическое земледельческое общество поглощает остатки деградировавшей цивилизации.

Очевидно, рассматривая причины исчезновения древнейшего классового общества, мы можем признать второстепенными внешне-социальные, природные факторы (катастрофические наводнения, тектоническое опускание участка долины Инда в районе Мохенджо-Даро)⁷. Большая часть территории цивилизации находилась вне этого воздействия. Значит, решающее значение имел глубокий социальный кризис и давление соседних доклассовых структур. В долине Инда ведущую роль сыграло военное воздействие варварских племен земледельцев и скотоводов, достигших соответствующего уровня развития в основном в ходе самостоятельной эволюции, на которую цивилизация оказала, однако, убыстряющее влияние⁸. Хараппская культура Гуджарата была важным катализатором прогресса племен Мальвы и Махараштры; в ходе затянувшегося кризиса и деградации постхараппской культуры и развития энеолитических племен произошло «выравнивание» культур на некоем среднем уровне и их синтез.

Итак, история как бы поворачивает вспять; во второй половине II тысячелетия до н. э. в долине Инда, в Гуджарате, Мальве, на севере Декана существуют племенные структуры, стоящие на разных, но, по существу, близких ступенях перехода от первобытности к раннеклассовому обществу, т. е. стадияльно на уровне предхараппских культур первой половины III тысячелетия до н. э.

Однако нельзя не учитывать то обстоятельство, что эти племенные общества были обогащены многообразным воздействием погибшей цивилизации и сохранили многие ее достижения и традиции. (Эта сторона дела только еще начинает изучаться, притом надо иметь в виду, что археология лишь в ограниченной степени может прояснить эту проблему — так же как памятники материальной культуры не могут показать всего много-

образия и значения влияния античности на феодализирующиеся варварские общества Европы.) Надо учитывать также, что в долине Инда наследники хараппцев пользовались уже только металлическими (бронзовыми) орудиями и вообще уровень развития производительных сил у них был выше, чем в III тысячелетии до н. э.

В долине Джамны — Ганга и в Восточном Пенджабе хараппцы имели дело с охотниками-собираателями, у которых на рубеже III—II тысячелетий началось освоение примитивного земледелия. По-видимому, и здесь соседство цивилизации могло стимулировать развитие металлургии, ускорить становление производящего хозяйства, но большее значение имело, должно быть, независимое развитие.

Культура «медных кладов и желтой керамики»⁹, распространенная в долине Ганга, соседних областях Центральной Индии и в Ориссе и генетически связанная с культурами Индокитайского полуострова, обнаруживает <...> отсутствие сколь-нибудь существенного влияния Хараппы (как в инвентаре, так и в специфической системе мотыжного земледелия, основанного на выращивании риса). Нижняя граница «медных кладов» не установлена, но некоторые данные позволяют предполагать, что на западе долины Ганга она приходится на период упадка и гибели Хараппской цивилизации. <...>

В результате исследований последних десятилетий появилась возможность говорить об этнической карте Индии II тысячелетия до н. э.¹⁰ Древнейший этнический слой Индии представлен протоавстралоидами, или веддоидами, воспринявшими языки поздних мигрантов. На северо-западе в IV—III тысячелетии до н. э. они были практически вытеснены южными европеоидами, говорившими на языке или языках дравидийской семьи (хараппанцы и имевшие с ними общее происхождение соседние племена). Соответственно население этой области послехараппского времени также было, очевидно, по большей части дравидоязычным. Население Восточной Индии и долины Ганга по расовому облику было смешанным веддоидно-монголоидным и говорило на языках группы мунда, родственных мон-кхмерским. По пригималайской полосе и Гималаям с востока распространялись монголоиды, говорившие по большей части на языках тибето-бирманской группы; возможно, они предшествовали мундаязычным племенам¹¹.

Миграция дравидов в южном направлении привела к распространению их на Деканском полуострове и смешению с веддоидами. В Северной же Индии во II тысячелетии до н. э. они занимали, по-видимому, практически всю западную половину этой области, проникая далеко в глубь долины Ганга чересполосно с мунда. Это движение на восток и юго-восток частично могло предшествовать появлению индоевропейцев, частично могло быть вызвано давлением арийских племен.

Новый этап формирования классового общества начинается на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и связан с расселением в Северной Индии ариев. Появление их в долине Кабула и на правобережье Инда в сопредельных областях может относиться уже к XV в. до н. э. В некоторых случаях они могли занимать в этом районе поселения, представлявшие собой пережиточно сохранившиеся осколки Хараппской цивилизации (об этом говорят, например, раскопки в долине Гомала). Проникновение их на территорию Пенджаба и на Джамна-Гангскую равнину заняло XIV—XIII вв. до н. э. Вполне сформировавшаяся культура «серой расписной керамики», которую связывают с ариями, занимает западную половину долины Ганга, часть Восточного Раджастанха и большую часть Пенджаба¹². Ее памятники датируются XII в.—первой третью I тысячелетия до н. э. По ведической топонимике в ареал расселения ариев попадает эта же территория, а также северо-западная часть Пенджаба с правобережьем Инда и Восточный Афганистан¹³. Медленное продвижение ариев в долину Ганга объясняется тем, что они были оседлыми земледельцами и скотоводами, а миграция их в Индию проходила в условиях хаотичного, стихийного столкновения как арийских племен между собой, так и ариев с автохтонным населением. Стадиальные различия ариев с местными народами были незначительны, но все же индоевропейские племена стояли в отношении социальной дифференциации и уровня общественной организации несколько выше (варновое деление, зачатки государственности, проявляющиеся к X в. до н. э.); имели они и некоторое военное преимущество (профессиональные воины-кшатрии, лошади и боевые колесницы). С приходом ариев связано начало железного века в Индии, хотя в массе они пользовались еще бронзой. Все это обеспечило возникновение отношений господства—подчинения между ариями и покоренными населением, которое оказалось в разных формах зависимости и социального угнетения. <...>

«Ригведа», получившая окончательную редакцию и зафиксированная в устной традиции примерно в X в. до н. э., рисует картину войны и отчужденности между ариями и автохтонными народами. «Махабхарата», древнейший легендарный материал которой восходит к X—IX вв. до н. э., а основные исторические данные могут быть отнесены к более позднему времени — до VI—V вв. до н. э., показывает отношения многообразных связей и даже известного равенства индоарийских и чисто местных общественных структур.

Более быстро сложение государственности шло у ариев. В общих чертах это можно восстановить по «Ригведе»; определенным показателем может служить упоминание там «войны десяти раджей»¹⁴, ставшей затем основой сюжета «Махабхараты». Последняя отражает этап образования ранних государств

также и у неариев, у которых процесс этот шел параллельно, но, видимо, <...> несколько запаздывал, <...> а у самых отсталых или попавших в неблагоприятные условия мог и не завершиться.

Следует также иметь в виду, что предшественники ариев в районах их расселения не представляли собой однородную по типу хозяйства массу. Многочисленные группы жили только охотой, рыболовством и собирательством. Важная роль присваивающей экономики отмечена и у земледельцев культуры «медных кладов и желтой керамики». Если арии проходили сквозь уголья охотничьих коллективов, не конкурируя и практически не вступая с ними в контакт, то бежавшие от ариев в леса носители культуры «медных кладов и желтой керамики» были вынуждены, приспособляясь к суженной экономической базе, также жить там главным образом примитивным, присваивающим хозяйством и тем самым, с одной стороны, нивелироваться с охотничьими племенами, а с другой — вступать с ними в борьбу, вытесняя их в еще более удаленные и труднодоступные местности, т. е. усиливать их изоляцию и тормозить эволюцию.

Указанные варианты отношений внутри племенных коллективов и между ними характеризуют в целом условия взаимодействия социальных структур на протяжении длительного периода, поскольку процесс классообразования перемещался в новые районы, шла колонизация новых земель и всюду возникала обстановка территориально близкого, чересполосного сосуществования разных хозяйственно-культурных типов.

Арийские племена занимались уже довольно развитым плужным земледелием. У них были тяжелые плуги, в которые запрягали несколько пар быков: такие плуги использовались, очевидно, для подъема целины и вообще глубокой вспашки, которую было необходимо время от времени производить на новых, еще не окультуренных почвах. Подобные тяжелые плуги применялись в некоторых районах и позднее для глубокой вспашки раз в несколько лет. Легкие же плуги использовались для обычных сезонных работ. Плужное земледелие было и у дравидийских племен северо-запада, а возможно, также и в более южных районах. Что же касается мунда и тибето-бирманских этнических групп, то у них как будто бы господствовало мотыжное земледелие, а поскольку мотыгой можно обрабатывать и засоренное корнями поле, то подсечно-огневое земледелие у них, видимо, было весьма устойчивой формой хозяйствования. Различие типов сельскохозяйственного производства, возможность выживания мотыжного земледелия близ окультуренных ариями территорий должны были способствовать вклиниванию ариев между <...> местными племенами, что придавало особый характер контактам соседей и имело далеко идущие последствия.

В дальнейшем мотыжное земледелие оставалось характерной

чертой хозяйствования отсталых племен группы мунда и некоторых других, живших к югу от долины Ганга, а также тибето-бирманских групп в гималайской области. Характерно, что даже близкое соседство с плужным земледелием за прошедшие тысячелетия не привело к внедрению у ряда из них плуга <...>. Районы распространения мотыжного и плужного земледелия, как это наиболее наглядно видно в Непале, соответствуют не столько природным условиям, определяющим применение того или иного вида сельскохозяйственного орудия, сколько территориям обитания этносов, традиционно применяющих соответственно мотыгу или плуг (исключением является долина Катманду, где господствует плужное земледелие). Так, в западной части Непала живущие в одинаковой экологической среде кхасы и гурунги используют: первые — плужное земледелие, а вторые, относящиеся к тибето-бирманским народностям, — мотыжное¹⁵. Тибето-бирманские племена Восточного Непала также ведут мотыжное земледелие. Устойчивость применения мотыги, видимо, обусловлена всей системой агрикультуры, тесно связанной с укладом жизни и традициями именно этой группы народностей, оказавшейся на периферии индийской цивилизации.

Неизбежным следствием контактов в описанных условиях была <арианизация, под которой в данной работе понимается>* сложный синтез культур, в котором арийский элемент имел во многих аспектах преобладающее значение, играя как бы структурообразующую роль, обычно сохраняя внешнюю форму ведийской традиции, а по существу, насыщаясь местным материалом. Этот синтез выразился в распространении у неарийских народов индоевропейских языков, в сложении специфической варново-кастовой и кастово-общинной социальной структуры, в возникновении брахманизма-индуизма и своеобразных форм духовной и материальной культуры и в других явлениях¹⁶. В полном объеме этот процесс описать невозможно <...>. Коснемся только той его стороны, которая относится к контактам раннеклассового общества индоариев с местными первобытными племенами, хотя такое изложение и приведет к известному упрощению.

По «Ригведе» заметно крайне враждебное отношение к исконно индийскому населению; к их верованиям арии относились с отвращением и страхом. Борьба с местными племенами привела к своеобразному мифологическому переосмыслению угрожающих людям-ариям сил как сил демоических, сверхъестественных.

Демоны, живущие обычно в лесах, нападающие часто ночью, несущие опасность ариям, имели многие черты сходства с их реальными врагами. Обычно они угоняли скот, коров, являвшихся главным богатством ариев <...> В числе демонов были

* Выражение в угловых скобках взято из статьи «К вопросу о формировании кастовой системы в Индии. Возникновение варны шудра». — Вестник Московского университета. Серия XIII. Востоковедение. 1978, № 3, с. 22.

ракшасы, пишачи, якши, наги, асуры, киннары. В качестве враждебных демонических существ в некоторых ситуациях выступают также гандхарвы и даже пани, о которых мы имеем и вполне реалистические сведения¹⁷. Демоны получили свои названия от враждовавших с ариями автохтонных племен; такие названия, как асуры или наги, имеют индоевропейское происхождение (деление на суров и асуров является общим индоиранским), <...> однако эти слова применялись также для обозначения конкретных неарийских этнических групп и получили специфическую окраску. Предполагают, что древние контакты ариев с аборигенами отразились и в тех частях эпоса, где говорится о союзе Рамы с обезьянами и медведями¹⁸.

Представление о якшах как горных духах может указывать на обитание реальных якшей в горной местности. В самом деле, в Непале одно из тибето-бирманских племен киратов, представлявших значительную и часто упоминаемую в древних источниках этническую общность, носит название якшей. Хотя сейчас это незначительная народность, в древности племена киратов были для ариев опасным противником. В древней Индии слову «якша» придавался довольно свободный двойной этническо-мифологический смысл, причем в одних случаях якши выступают как благожелательные к людям существа, а в других — как враждебные. Показательно, что в легендах о древнейшем Цейлоне местное веддоидное население называется также якшами (яккхами в палийских источниках), причем, например, купцам, приставшим к острову, яккхи предстают людьми и лишь потом проявляется их демоническая «людоедская» сущность. В предании о Виджае, отражающем историческое воспоминание о переселении на Цейлон индоевропейцев — предков сингалов (традиционно это событие относят к VI в. до н. э.), рассказывается о его первоначальном браке с Кувени, царицей яккхов, а затем о борьбе с яккхами за власть над островом. Это и другие сообщения о продолжительной борьбе с яккхами, несомненно, отражают реальные события и свидетельствуют, видимо, о начале разложения первобытных отношений у веддов, истреблении и частичной ассимиляции их сингалами и последующей деградации осколков аборигенного населения. Следует учитывать и неравномерность развития веддоидов на Цейлоне: можно предположить, что развитые группы веддов были истреблены и ассимилированы, а наиболее отсталые сохранили архаические черты и явились предками современных веддов¹⁹.
<...>

Определенная демонизация заметна и в восприятии нагов — этнической группы, обитавшей в западной части долины Ганга. Можно полагать также, что наги — это обобщенное наименование ариями многочисленных автохтонных племен, у которых существовал культ змей (прежде всего кобры), наиболее поразивший воображение ариев при первом столкновении. Эти наги, вопреки часто встречающемуся мнению, не имеют видимой

связи с нага Северо-Восточной Индии (Нагаленд и другие территории) и локализуются в западной части долины Ганга. В источниках упоминаются также наги, жившие на Восточном Декане. С нагами арии находились в длительном и тесном общении. Есть много сведений о вражде с нагами, но последние часто выступают как равные арийам люди. Об этом свидетельствуют сообщения «Махабхараты» о браках брахманов и кшатриев с нагами (например, брак Арджуны с Улупи, дочерью царя нагов). Часть нагов, видимо, была в союзных отношениях с арийским племенем куру. Из этого можно заключить, что по уровню развития часть нагов стояла близко к арийам, другие же их группы, жившие в лесах, были, видимо, более отсталыми, противостоящими цивилизованным земледельцам и скотоводам. Борьба ариев с нагами продолжалась долгое время, о чем свидетельствуют предания о гибели Парикшита и об успешной войне с ними его сына Джанамеджайи. Среди раннеклассовых государств, возникших на основе племен и союзов племен (махаджананапад) и существовавших в VII—VI вв. до н. э., наги не упомянуты, между тем эта этническая группа продолжала существовать и, по-видимому, из ее верхушки вышли цари династии Нагов, правившие в Джамна-Гангской долине в III—IV вв. н. э.²⁰

Сложность процесса культурного синтеза отражена, в частности, в мифе о Кришне, культ которого <...> был воспринят индоариями довольно поздно, объяснен и включен в индуизм с помощью провозглашения этого местного бога (или объединенного в одном лице ряда богов) воплощением (аватарой) Вишну. Культ Кришны впитал в себя многочисленные примитивные доарийские земледельческие и скотоводческие культы плодородия. Черный Кришна (в поздней иконографии и синий, что в данном случае тождественно черному) <...> предстает как герой и вождь племени яду, упоминаемого еще в «Ригведе». Обычно полагают, что ядавы — арии, однако более поздние сведения о саттватах и андхака-вришних, которых считают подразделениями ядавов (Кришна изображается также и их вождем), плохо с этим согласуются. Эти группы, с которыми были связаны бходжи и другие племена, по-видимому, были неарийскими²¹. Возможно, одним из истоков синтетического культа Кришны были также верования скотоводов-абхиров. Кришна выступает в них как противник арийского бога Индры, защищающий стада коров от грабительских нападений этого великого кшатрия-предводителя, каковым рисуется Индра в «Ригведе». Этот аспект образа Кришны отражает борьбу местных племен с арийцами, а победа его над страшным демоном-нага Калией является мифологизированным и довольно поздним свидетельством борьбы ариев с племенами нагов. В ранней истории этого бога-героя мы можем видеть вариант более тесных контактов арийских и местных племен, довольно раннее преодоление антагонизма чуждых этносов.

Местные божества, от великого Шивы до племенных и общинных, включались в пантеон брахманизма как проявления того или иного великого бога или связанных с ним божеств; они объединялись каким-либо искусственным способом в одну аморфную, противоречивую, но подчиненную некоторым общим принципам и неизменно возглавляемую брахманами систему. По мере включения в индоарийский ареал новых и новых племен и народов их верования, оставаясь практически нетронутыми, как бы дополнялись налагаемым сверху ортодоксальным брахманизмом (индуизмом). При этом присходили взаимные деформации и компромиссы. Этим процессом в основном объясняется эволюция религии от ведизма до средневекового индуизма, но в целом древнейшие народные верования сохранялись с поразительной стойкостью в течение тысячелетий. Это открывает богатейшие возможности изучения архаических верований и обычаев и в то же время создает определенные трудности, так как процесс ассимиляции индуизмом местных верований и характер возникающих отношений удивительно единообразны во все периоды индийской истории, что затрудняет установление хронологии.

<...> Важнейшими моментами в социальных процессах индийской древности были формирование сословно-варнового строя, возникновение каст — джати и сложение чисто индийского типа кастовой общины. Именно здесь взаимодействие цивилизации и первобытной периферии сыграло решающую роль.

* Мнения ученых о причинах возникновения, характере функционирования и исторической роли института каст в Южной Азии весьма различны. По этим вопросам нет достаточной ясности ни в зарубежной, ни в советской историографии. Роль кастового фактора как в процессах современного развития, так и в давнем прошлом нередко недооценивалась специалистами.

Изучая современную или недавно существовавшую общинно-кастовую структуру, исследователи закономерно обращаются к проблемам ее функционирования и формирования в более или менее далекое прошлое. Целостную же картину можно составить, только изучая все этапы ее развития в связи с эволюцией социально-экономического строя с глубокой древности до наших дней.

** Результатом взаимодействия <цивилизации и первобытной периферии в Индии> было развитие, а затем, в ходе влияния государственно-классовых, экономических и идеологических факторов, довольно длительное окостенение варновой системы. Варны — архаические сословия или социальные ранги, возникающие на стадии разложения первобытнообщинных отношений с выделением нетрудовых функций, обычно военной и жреческой, — являются, как теперь можно считать, универсальным

* Далее из статьи «К вопросу о формировании кастовой системы в Индии. Возникновение варны шудра», с. 14.

** Далее из главы «Южная Азия», с. 53—54.

явлением. Процесс разделения общества на социальные ранги (минимально на два), как показала С. А. Маретина²², можно наблюдать у племен Восточной Индии, живших даже в XX в. в условиях относительной изоляции. Под влиянием классовых отношений архаический сословный строй, как правило, постепенно разлагается, уступая место новой сословности, складывающейся в соответствии с историческими условиями. Так было в античном мире. <...>

Хотя усложнение сословно-иерархической структуры в индо-арийском, а затем вообще в индийском классовом обществе (включая неарийские народы, воспринявшие варновое деление) продолжалось непрерывно, в этой эволюции довольно отчетливо выделяются три этапа. Первый — сложение трех варн, затем варны шудр и оформленне системы четырех варн (*чатурварнья*). Второй этап — возникновение помимо варн многочисленных стоящих ниже шудр каст — джати, а также ряда джати, выделяющихся внутри варн и по своему статусу так или иначе приравниваемых к варнам; в этот период происходят деформация и постепенное разрушение варновой системы, несмотря на видимое стремление правящего класса ее законсервировать. Третий этап — сложение собственно кастовой системы, в которой варновое деление сохраняется чисто формально как способ классификации доминирующих в обществе каст (большинство каст при этом остается вне варновой классификации); этот этап относится уже к средневековью и новому времени. Разложение кастовой системы под воздействием внешних для традиционного общества факторов завершает эту эволюцию. <...>

<Сложение системы четырех варн>

<Ключевой проблемой первого этапа является вопрос о сложении варны шудр>.

* Шудры рассматривались учеными в качестве части кастового общества как разные социальные слои в разные исторические эпохи: в ранней древности — низший подчиненный слой четырехварнового общества (брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры); в поздней древности — как промежуточный, в основном неимущий, слой, ниже которого стояли неприкасаемые касты; в средние века, новое и новейшее время — как представители высоких землевладельческих каст, составлявших слой полноправных общинников, при этом название «шудр» применяется к ним, по существу, лишь в соответствии с формальной традиционной классификацией каст, тогда как в социальной практике используются конкретные кастовые названия. В то же время к вайшьям на этом этапе по традиционной классификации относят только торговые касты, хотя в древности главным занятием вайшьев считалось земледелие. Это существенное изменение

* К вопросу о формировании кастовой системы в Индии..., с. 14—24.

первоначальной схемы: брахманы — кшатрии — вайшьи — шудры — объяснялось по-разному. Различны мнения о происхождении и социальном статусе шудр в ранний и поздний периоды древней истории. Так, индийский историк Р. Ш. Шарма предлагал считать недостоверным указание «Артхашастры» (III.13) о том, что шудры вместе с вайшьями, кшатриями и брахманами были свободными по рождению в противоположность варварам — млеччхам, включавшим низкие касты²³.

Резкие уничижительные высказывания о шудрах в «Законах Ману», где утверждается их полная подчиненность высшим варнам «дваждырожденных», обязанность служить им²⁴, никак не согласуются со сведениями этого и других источников, сообщающих о шудрах-землевладельцах, состоятельных шудрах, шудрах-царях²⁵ и т. д. «Брахманы, кшатрии и вайшьи — три варны дваждырожденных, четвертая же — шудры — рожденные один раз, пятой же нет», — утверждает Ману²⁶. Тем самым, как правильно отмечает Р. Ш. Шарма²⁷, в число шудр включаются и неприкасаемые касты, хотя в этом же памятнике они рассматриваются и отдельно от шудр, стоящими ниже их. <Таким образом, данные брахманических источников о шудрах достаточно противоречивы.> <...>

Наиболее полное исследование варны шудр принадлежит индийскому историку Р. Ш. Шарме, рассматривавшему ее в развитии. Он выделил несколько этапов эволюции варны шудр в древности. Образовавшись из осколков разбитых арийских и неарийских племен, слой шудр превратился в коллективную собственность завоевателей, но в поздневедический период шудры сохранили некоторые права в племени, особенно религиозные. В домаурийский период (600—300 гг. до н. э.) они были лишены этих прав, подвергались угнетению и по своему положению стали близки к рабам, хотя только часть их на самом деле были рабами. По мнению Р. Ш. Шармы, шудрами стали называть весь разнородный слой трудящихся, обязанный служить членам трех высших варн. В маурийский период осуществлялся строгий государственный контроль за рабами, наемными работниками и ремесленниками, причем шудр больше всего использовали в сельском хозяйстве. В послемаурийский период (около 200 г. до н. э. — около 200 г. н. э.) шла борьба между варнами и появились признаки изменений в положении шудр. Этим он объясняет «фантастические антишудрянские меры» «Законов Ману». В гуптский период шудры добиваются некоторых религиозных и гражданских прав и во многих отношениях приравниваются к вайшьям.

Соглашаясь в целом с выводами Р. Ш. Шармы и полагая, что шудры были неимущими тружениками, Л. Б. Алаев выдвинул идею о том, что они в большинстве эксплуатировались общинниками из варны вайшьев²⁸. <...>

Варна шудр была вторичным социальным образованием, которому предшествовало возникновение у арийских племен на-

чальной социальной дифференциации путем выделения из рядовых соплеменников (виш, вайшьи) групп, специализировавшихся на выполнении военной и жреческой функций. Это привело к делению общества на три социальных ранга, или архаических сословия, получивших название варн. Появление двух высших варн кшатриев и брахманов, присвоивших руководящую роль в племени, создало предпосылки для углубления социального неравенства и возникновения государства на основе господства высших варн, и особенно их верхушки, и эксплуатации соплеменников-вайшьев. Такой путь возникновения раннеклассового общества и государства оказывается сложным и долгим из-за прочности родо-племенных демократических институтов. Обострение социальных противоречий внутри племени и перерастание их в классовый антагонизм — процесс очень болезненный. Поэтому на стадии разложения первобытнообщинных отношений часто наблюдается стремление заглушить внутренний конфликт за счет чужих человеческих коллективов: военная экспансия и подчинение чужаков временно снимают противоречия и сплачивают племя победителей на почве совместного грабежа, взимания дани и, наконец, установления регулярной эксплуатации.

Это не означает, что все члены господствующего племени превращались в паразитарный слой, хотя все они так или иначе получали долю добычи или выгоду от эксплуатации чужаков. Так, значительная часть вайшьев продолжала жить за счет своего труда, но по отношению к покоренному населению и они выступали как господа.

В условиях, когда продолжала существовать сильная племенная организация, но в то же время складывались отношения эксплуатации и углублялась социальная дифференциация, покоренные иноплеменики, естественно, не могли быть приравнены к членам племени и оказывались в положении бесправного и эксплуатируемого слоя, в ряде случаев частично или полностью лишались собственных средств существования и превращались в рабов, наемных работников, слуг. Однако наиболее простым способом их эксплуатации оказывалось изъятие доли продукта, произведенного в их хозяйствах, без коренной ломки существовавшей у побежденного племени хозяйственной системы. Так складываются при наиболее суровых формах принуждения отношения типа илотии²⁹. Первой и наиболее примитивной формой социального угнетения становится господство племени над племенем, общины над общиной.

Это явление на данной стадии общественного развития встречается в разных регионах мира. По-видимому, на этой основе прежде всего развивались отношения эксплуатации в ведический период в Индии. Необходимость военного подавления иноплемеников стимулировала развитие государства, усиление власти верхушки арийского племени. Из племенной организации вырастали монархические и общинно-республиканские ран-

негосударственные образования, в пределах которых подчиненное иноплеменное население осмысливалось как особая низкая сословная группа, получившая название варны шудр. В пределах такого нарождающегося господства складывается следующая схема социальных отношений: господствующая нетрудовая верхушка племени (кшатрии, брахманы) — нетрудовая часть вайшьев — трудящийся слой соплеменников (большинство вайшьев), подвергавшихся эксплуатации в ее зачаточной, слабой форме, — трудящийся, жестоко эксплуатируемый и бесправный слой шудр (земледельцы «илоты», рабы, наемные работники, слуги)³⁰.

Шудрами обобщенно стали называть и соседние с ариями этносы, представлявшие собой как бы потенциальных илотов. Если же у соседних этносов происходила дифференциация по типу арийской, то рядовая масса населения приписывалась к шудрам, а правящая верхушка по своему фактическому положению приравнивалась к царям и знати арийских государств и постепенно признавалась кшатрийской <...>

Арии антропологически, по внешнему облику, резко отличались от большинства насельников Индии, с которыми им приходилось сталкиваться в своем продвижении в глубь страны. Арии называли их дасью и даса. Слово *дасью* приобрело значение «враг», *даса* стало впоследствии означать лично зависимого человека и раба. Кажется обоснованными предположения, что это этнонимы враждебных автохтонных народов, приобретшие нарицательный смысл³¹.

Неудивительно, что отличие их внешнего облика от ариев нашло отражение в текстах «Ригведы». Они названы черными или темнокожими (*кришна, асикни*)³². <...> Другой характерный признак автохтонов, по «Ригведе», плосконосие, отраженное в эпитете «анаса» (букв. «безносый»)³³. По отношению к «дасам» применено выражение «большегубый» или «толстогубый» (букв. «быкоротый»)³⁴ <...>

Они изображаются как не знающие (ведийских) обрядов и жертвоприношений, враждебные жертвоприношениям, не соблюдающие обычаев, безразличные и враждебные к (ведийским) богам, не почитающие Индру³⁵. <...>

Здесь везде имеется в виду ритуальная, религиозная противоположность автохтонов и ариев, явственно проступает неприятие ариями чуждой им культуры. <...> Характерно, что восприятие этносов, остававшихся невключенными в варновое общество еще во второй половине I тысячелетия до н. э., оказывается в дхармашастре Ману сходным — они также считались дасью (наряду с неиндийскими народами). Их называли также *млеччхами* — варварами. Ману утверждает, что они стоят вне четырех варн, но в соседнем стихе те же племена приравнены к шудрам³⁶. Этим устанавливается общий принцип статусной оценки таких этносов в ранний и поздний периоды древности.

Примечательно, что противостоящие общности ариев и ав-

тохтонов обозначены как *арьяварна* и *дасаварна*³⁷. Применение здесь слова «варна» указывает отнюдь не только на цвет кожи, а на наиболее общее и резкое деление людей, которое в этот период существовало, — деление по этническому и ритуальному признаку арийских и автохтонных племен. Несомненно, враждебные отношения возникали и между арийскими племенами. Возникали и мирные контакты между ариями и местными этносами. Однако наиболее важным и отчетливо вырисовывающимся в «Ригведе» фактом является именно ясно осознаваемое культурно-этническое различие между варнами ариев и дасами-дасью.

Здесь в определенном смысле обозначается и очевидная параллель в значениях, которые вкладывались в термин «варна» и на этом этапе и позже, когда сложилась система четырех варн. Для варновой системы характерно наряду с делением на четыре сословия деление по иному принципу: на «дваждырожденных» (двиджати) и «единорожденных» (экаджати). К дваждырожденным относятся три высшие варны — кшатриев, брахманов и вайшьев, к рожденным один раз — шудры. Термин «двиджати» был синонимом слова арья.

Сущность этого деления заключалась в ритуальной отчужденности шудр. Им запрещалось совершать все основные ведические обряды, изучать и слушать священную литературу вед³⁸. В рамках брахманизма (стадия основной индийской религии, которая развивалась в результате синтеза ведизма с местными индийскими культами) им разрешалось совершение только домашних обрядов и поминание предков³⁹. С другой стороны, с точки зрения брахманской ортодоксии выполнение всякого местного ритуала почиталось греховным. <...>

Гипотеза о том, что даса и дасью, включенные в раннеклассовый социальный организм, складывавшийся на основе арийской племенной общности, в качестве отчужденного (этнически, по языку, ритуалу, обычаям, всей культуре) и угнетенного слоя, послужили основой формирования варны шудр в том виде, как она предстает в более поздней литературе, хорошо согласуется со всеми сведениями древних источников и объясняет, почему наряду с четырехчленным делением общества существовало и двучленное деление, соответствовавшее первоначально осознанному индоариями антагонизму арьяварны и дасаварны.

К этому следует добавить, что в «Ригведе» первоначальное деление ариев на три социальных ранга прослеживается в основном на той стадии, когда социальные противоречия внутри племени еще были слабы, а сознание единства племени оставалось доминирующим. Антагонизм же ариев и побежденных им этносов был ярко выраженным. Таким образом, причины появления и первоначальная сущность арийских социальных рангов (кшатрии, брахманы, вайшьи) совершенно отличаются от деления на двиджати и экаджати.

В дальнейшем развивается антагонизм между основной мас-

сой вайшьев (общинников-налогоплательщиков) и двумя политически господствовавшими высшими варнами, в основном соответствовавшими эксплуататорскому слою. В поздней древности происходит сближение варн вайшьев и шудр. Социальные ранги вообще есть институт переходного периода от первобытности к классовому обществу, в котором они могут исчезнуть, заместиться иной социальной иерархией или трансформироваться. Поэтому варны периода раннеклассовой государственности существенно отличаются от варн (социальных рангов) архаического времени, хотя бы потому, что развитие имущественно-классовых отношений неизбежно ведет к их несовпадению с варновым делением. <...>

В то же время очевидно, что появление эксплуатации и государства на основе оппозиции типа арии — шудры не имеет в качестве обязательного условия какого-то предварительного деления на социальные ранги. Это видно на примере общин-республик, возникавших в Индии в течение I тысячелетия до н. э., где простейшему классовому делению на эксплуататоров и эксплуатируемых соответствовали две статусные группы, позднейшее же влияние варновой системы было внешнего происхождения.

Р. Ш. Шарма писал, имея в виду данные «Атхарваведы»: «Является вопросом, представляли ли арии и шудры... два социальных класса (варны) или две племенные группы... Более раннее противопоставление арнев и дасов, или дасью, замещается противопоставлением ариев и шудр»⁴⁰. Он приходит к выводу, что значительная часть шудр была ариями, причем ставит арийский компонент на первое место. Он предполагает, что название «шудры» происходит от арийского этноса, появившегося в Индии раньше ведических ариев и сохранившегося в виде племенных шудр, отождествляемых с *содраи* Диодора (*согдои* у Арриана) <...> <Однако это построение не очень убедительно, так как шудры как этнос появляются в источниках значительно позже, чем складывается варна шудр>.

Термины «шудра», «дасью», «млечха» с поздневедического периода означают враждебные варварские, чуждые в этническом и культурно-ритуальном смысле народы и племена, иногда рассматривавшиеся как касты. <...>

В «Махабхарате» («Шанти-парва») дасью предстают как внешние враги государства, угрожающие смещением варн, что обязывало брахманов, вайшьев и шудр (а не только кшатрнев) браться за оружие⁴¹. В «Айтарея-брахмане»⁴² дасью названы в числе окраинных народов, стоящих вне системы варн. Вместе с ними упомянуты и внекастовые, по комментарию Саяны, — чандалы и др. (ср. Ману V, 131, где дасью поясняется как «чандала и прочие»). Эти данные показывают, что название «дасью» могло сохраняться за каким-то конкретным этносом и в то же время обозначать социальные низы общества, образованные главным образом неприкасаемыми кастами (возникавшими ча-

ще всего из отсталых племен, чуждых арийской или арианизированной культуре, таких, как чандалы). Словарь «Амаракоша» помещает дасью в раздел «Шудра-варга», где были объединены шудры и низкие и неприкасаемые касты.

Подобный же смысл имеет термин «млеччха». Он означает и варварские народы, чуждые индоарийскому обществу и варновой системе⁴³, и низкокастовые, противостоящие четырем варнам, включая шудр⁴⁴.

Термин «шудра», совпадающий в большой мере с «дасью» и «млеччха», имел несколько значений: шудра как сословие четырехварнового общества; как низкокастовые и неприкасаемые, иногда причисляемые к варне шудр; как племена, стоящие еще вне варнового общества, но квалифицируемые в брахманской литературе с точки зрения системы варн.

В «Ригведе» «даса» имеет два смысла, обозначая неарийские враждебные народы и их представителей, включенных в общество ариев как зависимых людей, рабов. В отличие от параллельного термина «дасью» «даса», по-видимому, довольно быстро перестал использоваться для обозначения соседних этносов вследствие его широкого употребления в социальном смысле — «раб», «зависимый», «крепостной».

Из этих наблюдений можно сделать вывод, что каждый из указанных терминов на определенном этапе мог обозначать часть сословно-варнового общества и независимые от него образования, не подвергшиеся еще влиянию арианизации. <...>

В периодизации эволюции варны шудр Р. Ш. Шарма основывается на предположении, что сведения источников соответствуют времени составления их редакций. Мне кажется, что принятая им дробность фаз эволюции не может быть убедительно аргументирована, так как использованные источники имеют сложный характер, включают разновременные данные, иногда очень древние, иногда почти современные источнику. В принципе кажется очевидным, что литература жанра дхармасутр и дхармашастр содержит весьма устоявшуюся, освященную древними авторитетами традицию. К таким частям «Законов Ману», мне думается, относятся некоторые сведения о шудрах и характеристики варн и джати (каст). Вряд ли можно четко разделить также по периодам, как это сделано Р. Ш. Шармой, материал «Атхарваведы» и брахман, брахман и шраутасутр, Панини, грихьясутр, дхармасутр, дхармашастр. <...>

В «Ригведе» слово «даса» применяется в значении «раб», шудры же упомянуты только в поздней, X главе. Если принять представление Р. Ш. Шармы, что статус шудр первоначально определялся их арийским происхождением, возникает противоречие с некоторыми их характеристиками и статусной квалификацией подчиненного неарийского населения, которое, очевидно, не могло находиться в том же положении, что и шудры арийского происхождения, особенно в ритуальном плане. Вероятность того, что некоторая часть шудр была из ариев — изго-

ев, пленных и т. п., вряд ли может быть оспорена; возможно, некая прослойка возникла в чисто арийской среде и дала начало образованию варны шудр. Но допущение о преимущественно аборигенном ее составе, кажется, больше согласуется со сведениями источников. Например, представляется более логичным, что шудры были ритуально отчуждены от ариев по естественным причинам как люди другой культуры, но в результате культурного и религиозного синтеза происходит их сближение с арийским населением и этническое смешение. Шарма же предполагает, что примерно к середине I тысячелетия до н. э. шудры лишаются права ведической инициации (упанаяны). Таким образом, деление на двиджати и экаджати оказывается позднего происхождения и не очень обоснованным. Между тем уже самые ранние источники характеризуют шудру как «слугу другого», который «может быть по произволу изгнан, по произволу убит»⁴⁵. <...>

Первоначальное положение шудр в арийских раннегосударственных племенных образованиях, очевидно, соответствовало дасам в общинах-республиках (ганах, сангхах) второй трети — конца I тысячелетия до н. э. Есть все основания полагать, что ганы и сангхи представляли собой весьма архаические образования, восходящие к этапу разложения первобытного строя. Такое их понимание выдвинуто Р. Ш. Шармой, доказывавшим сходство исторических ган с мифологическими ганами «Ригведы»⁴⁶. Учитывая неравномерность исторического развития различных областей Индии, преимущественное расположение республик по периферии цивилизации и характер сведений о них, можно считать, что мы имеем дело с разными фазами примитивных и более развитых раннегосударственных образований.

* Ко времени, когда начинается датированная история (VI—V вв. до н. э.), варновый строй существовал уже почти на всей территории Северной Индии, причем среди перечисляемых в источниках государств-махаджанапад, возникших на основе племен и союзов племен (само слово «джанапада» можно перевести как «место джаны» — племени), были и неарийские — в восточной части долины Ганга и по ее периферии. К ним относятся монархические государства Магадха, Анга, кшатрийские республики Северного Бихара и пригималайской полосы. В Магадхе правящий класс был, видимо, смешанного происхождения, в республиках указанных областей — определенно неарийский. По характеру общественной организации ряд древнеиндийских ган имел сходство с одной из ранних форм государства, известной в античном мире, — военной общиной-племенем, эксплуатировавшей покоренный этнос, представители которого оказывались в состоянии коллективной и частной зависимости, своего рода илотами. Такими были ганы и сангхи не только в Восточной Индии, но и некоторые государственные формирования за-

---

* Южная Азия, с. 56—64.

падной и северо-западной окраины индийского региона, включавшего и Восточный Афганистан. Уровень развития таких политических объединений был различным, так как некоторые из них существовали длительное время и их архаическая общественная организация в значительной мере приспособилась к возрастающему влиянию имущественно-классовых отношений, а также социально-политической среды более развитых классовых образований арийского общества. Бросается в глаза значительное сходство ряда общественных институтов ведических племен и республик магадхского времени. Процесс сложения государственности у ариев и автохтонных народов не был однолинеен и мог приводить к образованию как монархических, так и олигархических и демократических политических структур, которые эволюционировали в зависимости от конкретных исторических условий. В целом это развитие привело в индоарийском и арианизированном обществе к торжеству монархических форм уже к VI—V вв. до н. э., однако некоторые племена еще могли сохранять общинно-республиканскую форму государства.

В некоторых ганах и сангхах магадхского времени четырехварная система пустила уже глубокие корни, например в гане личчавов, наиболее развитой из республик Восточной Индии. Их город-полис Вайшали (Весали) имел значительное подчиненное население из вайшьев, шудр, брахманов; брахманы овладели некоторыми позициями в землевладении в сельской местности, что было связано с укреплением их религиозного влияния.

Другие ганы и сангхи не только в политической организации, но и в социально-экономической структуре сохраняли большую чистоту архаических отношений, прочность которых обуславливалась меньшим влиянием развитых областей и натуральным характером производства. <...> В них отмечается социальное деление лишь на две группы: кшатриев, с одной стороны, и дасов и кармакаров — с другой, или на ариев и дасов⁴⁷. <...>

Наконец, некоторые сангхи были этнически однородны, но <...> имели начальную дифференциацию по социальным рангам. Большая численность войск каждого противника Александра при крайней незначительности территории «государств» указывает на то, что против македонцев выступало все мужское население племени. В то же время разделение по родам войск (пехота, колесницы, конница) является косвенным, но очень характерным признаком дифференциации по социальным рангам. Многочисленные города Восточного Афганистана, Пенджаба и Синда представляли собой в те времена, видимо, полисы племен и их подразделений («номов») или иногда даже просто крепости-убежища. В ряде случаев греко-македонские источники прямо указывают на существование полисной организации (Ниса и др.). Диодор передает, что политическое устройство «знаменитого» города Тавалы в устье Инда «напоминало Спарту: тут было два наследственных царя из двух родов, которые ведали

всеми военными делами; верховная власть принадлежала геронтам»⁴⁸.

У многих северо-западных племен нельзя отметить какие-либо признаки социальной дифференциации; они противостояли варновому обществу, были чужды брахманской идеологии и не имели брахманов. Подобным образом в некоторых индийских источниках характеризуются племена, жившие в стране Аратта в Северном Пенджабе — вахики, мадраки, васати. По уровню социального развития близкими к ним были тригарты. Характерно, что в «Махабхарате» вахики объявляются потомками демонов-пишачей⁴⁹. Заметная социальная дифференциация отсутствовала и у некоторых неиндийских восточноиранских племен, например паршавов — предков афганцев⁵⁰.

Большинство ган северо-запада, как и многие ганы и сангхи других областей, в том числе и упомянутые выше в Восточной Индии, именовались в источниках (Панини и его комментатор Патанджали, «Артхашастра» Каутильи) объединениями, «живущими оружием». Это понятие охватывало широкий диапазон общественных отношений — от ранней фазы «военной демократии» до сложившегося классового общества кшатрийских республик, как у личчавов; включало и республиканские политические структуры и монархические (как у ряда пенджабских племен и, по-видимому, у камбоджей). В некоторых из них варновая система уже пустила глубокие корни (например, спутники Александра отмечали большое влияние брахманов, склонявших отдельные племена к борьбе с иноземцами), в других полностью отсутствовала (в данном случае принадлежность к иранской этнической общности не имеет существенного значения, так как у иранских ариев сложилась сходная сословно-варновая система). Понятие «живущие оружием» означает, очевидно, особую воинственность этих объединений, наличие у них мощной военной организации, вследствие чего члены племени в ряде случаев и рассматривались как кшатрии или как занимающие положение кшатриев.

Некоторые другие ганы именовались «объединениями, живущими земледелием». К ним, возможно, следует отнести одну из ган с сильными пережитками первобытности в форме коллективного производства и уравнительного распределения, отмеченную в античных источниках. На Мекранском берегу греко-македонцы встретились со «звероподобным» племенем рыболовов, живших первобытным присваивающим хозяйством⁵¹.

В целом определенно проступает сходство общественных институтов северо-запада с архаическими эллинскими порядками. Здесь был весь спектр доклассовых и раннеклассовых общественных образований, завершавшийся, по-видимому, наиболее далеко ушедшими по пути исторического прогресса монархическими государствами. Последние, как представляется, можно уподобить раннеклассовым государствам домагадхской эпохи, возникшим на основе племен, в то время как Магадхская

империя уже прошла длительный путь развития как территориальная политическая структура. Однако стадияльное разнообразие отдельных этнических общностей даже в пределах ее центрального района при слабой и оазисной⁵² освоенности территории позволяет считать, что и здесь сохранялось много общего с северо-западом. Первобытные группы здесь существовали рассредоточенно, рядом с очагами цивилизации. Некоторые из них сохранили способность к самостоятельному развитию в направлении классообразования, но возможность создания своей государственности у них была ограничена соседством более мощных политических образований. Поэтому в благоприятных исторических условиях этот процесс мог завершиться, в иных же прерывался насильственным воздействием цивилизации. В большинстве же случаев угнетенные классовым обществом первобытные коллективы ассимилировались им как низкие касты. Древние ганы и сангхи в этом центре уже были изжиты или, сохраняя республиканскую форму самоуправления, по социально-экономическому уровню и, в частности, социальной организации на основе варновой системы сравнивались с передовыми классовыми обществами. Поэтому их внешнее военно-податное подчинение могло проходить относительно безболезненно в плане сохранения местных общественных институтов. Но новые ганы здесь должны были подвергаться значительно более быстрой, чем на окраинах, культурной арианизации. Влияние мощной государственности и присущей ей формы цивилизации наглядно видно на примере Пенджаба, где после Александра многие племенные образования были сметены и подчинены в ходе бурных политических событий и постоянных завоеваний. Путь автономного исторического развития для них оказался перекрытым или чрезвычайно усложненным важными факторами, включая постоянное влияние новых этносов завоевателей.

Роль разного рода объединений — ган, сангх, шрени (еще одного вида военно-общинной организации), включая категорию «лесных племен», — в древнеиндийском обществе видна также по тому исключительному вниманию, которое уделено им в важнейшем памятнике политической мысли — «Артхашастре» Каутильи (отделы VII—XIII). Принципы государственной политики в отношении этих объединений подробно рассматриваются здесь как важнейшая часть внутригосударственной деятельности, межгосударственных отношений и военного дела. <...> В «Артхашастре» не проводилось четкого различия между «лесными племенами» и шрени и сангхами. И те и другие представляли серьезную военную силу, и в связи с этим рассматривались различные аспекты политики по отношению к ним.

В целом вырисовывается варварское воинственное и практически не контролируемое государством общество, занимающее обширные не освоенные цивилизацией области, причем эти нарождающиеся племенные раннегосударственные образования являются активным фактором политической жизни, выступают

нападающей стороной, вероятно, гораздо чаще, чем обороняющейся, пассивной. Во всяком случае, в индийской литературе нередки упоминания о воинственных племенах и их набегах. Еще в период раннего средневековья подобная роль этих племен была довольно обычной. Например, в произведении Баны «Кадамбари» (VII в. н. э.) сюжетная линия связана с набегом одного из наиболее часто упоминаемых в источниках лесных племен — шабаров⁵³.

В зависимости от уровня и характера взаимодействия с районами цивилизации и различных конкретных обстоятельств квалификация разного рода объединений и племен с точки зрения варновой системы оказывалась различной. Тем не менее можно отчетливо выделить основные тенденции.

Прежде всего следует отметить, что такая квалификация не являлась постоянной и изменялась с течением времени так, что в итоге по мере арианизации на новых и новых территориях картина варново-кастовых отношений может показаться нам соответствующей некоему умозрительному каноническому стереотипу, созданному ортодоксальной брахманской литературой. Вследствие этого на первый взгляд создается впечатление строго унифицированного варнового общества древней Индии. Фактически же арианизация распространялась как бы расходящимися концентрическими кругами, причем каждый новый круг постепенно изменял свою кастовую окраску в сторону подобия соседнему, предшествовавшему по времени, но различие между ними оставалось если не всегда, то очень долго. Брахманские учителя, по-видимому, ясно сознавали эти различия и специально подчеркивали, что ортодоксальные порядки, которым следует подражать, распространены только в области, включающей западную часть двуречья Джамны и Ганга, Сирхинд и полосу территорий, примыкающих к р. Джамне с запада, — район Дели и др. Эту область называли страной Брахмариши.

Характерно, что в область распространения ортодоксальной добродетельности не включен Пенджаб — изначальная область расселения ариев в Индии. Это произошло из-за значительных этнических миграций в Пенджаб неариянизированных варварских племен, как это уже было видно из предыдущего изложения. Второй бросающийся в глаза момент — ограничение места проживания дваждырожденных Северной Индией — Арьявартой, хотя в I в. н. э. на Декане, в Ориссе и в Южной Индии уже длительное время (известны с IV—III вв. до н. э.) существовали государства, где брахманизм в той или иной форме был распространен. Очевидно, с точки зрения брахманской ортодоксии верования и порядки в этих районах были еще чрезвычайно далеки от дхармического идеала. Более того, чтение «Законов Ману», других дхармашастр, «Махабхараты» позволяет сделать наблюдение, что страна ариев — Арьяварта — в немалой степени, особенно по окраинам, была населена народами, которых брахманские идеологи определяли одних — как шудр, дру-

гих — как деградировавших до уровня шудр дваждырожденных, а третьих — как варваров-млеччхов — иными словами, как народы нечистые, не следующие ортодоксальному культу и обычаям, не имеющие системы чатурварнья (четырёх варн).

Эти сведения отражают определенное состояние процесса арианизации Индии, зафиксированное в брахманской традиции, включенной в дхармашастры. Противоречия в этих построениях составителей дхармашастр связаны, видимо, с тем, что произошло смешение различных временных пластов и представлений. Очевидно, в чем-то эти традиционные брахманские воззрения, особенно в классификации конкретных народов и их перечислении, разошлись уже и с реальной действительностью.

Успехи арианизации наглядно видны при сравнении данных Ману с более ранними источниками первой половины I тысячелетия до н. э. Так, «Шатапатха-брахмана» (I, 4, 1 и сл.) говорит о Кошале и Видехе как о земленечистой. В «Айтарей-брахмане» (5—22, 14) Магадха считалась далекой варварской страной. Магадхские брахманы в то время исполняли только простейшие ведические обряды. Даже шраутасутры (ок. VII—V вв. до н. э.) с презрением говорят о том, что эти брахманы довольствуются профаническим домашним культом⁵⁴. Из этого можно заключить, что магадхские брахманы происходили в основном из местных жрецов, а сам процесс арианизации был только на начальной стадии. <...>

До VI в. до н. э. центром развития индийской государственности был район, примерно соответствующий «стране Брахма-риши», упомянутой у Ману; здесь сложилось наиболее мощное в VIII—VII вв. до н. э. раннегосударственное образование курупанчалов. В VI—V вв. до н. э. Магадха сама начинает играть роль местного центра арианизации по отношению к соседним этносам, стоящим как уже на классовой, так и на доклассовых стадиях развития.

В дхармашастре Ману говорится: «Вследствие нарушения священных обрядов и неуважения к брахманам постепенно дошли до состояния шудр следующие племена [джати] кшатриев: пундрака, одра, дравида, камбоджа, явана, шака, парада, пахлава, чина, кирата, дарада»⁵⁵. «Анушасанапарва» упоминает в таком же списке макалов и латов⁵⁶. Таким образом, здесь в относительно поздних свидетельствах (Ману — ок. I в. н. э.) мы видим этап двойственного восприятия в брахманской литературе народов, еще не ассимилированных варновым строем и ортодоксальным индуизмом. Особенно характерно, что к индийским народам приравниваются иноземные завоеватели — яваны (греки, греко-бактрийцы), пахлавы (пехлевийцы — парфяне), шаки (скифы) и неиндийские народы северо-западной окраины — камбоджи, дарада (дарды), парады, именуемые в «Махабхарате» млеччхами.

Как военные противники индийцев и как господствующий слой в ряде завоеванных ими северо-западных областей, они

рассматривались как кшатрии, но, поскольку стояли вне индуизма, их приходилось объявлять деградировавшими кшатриями и, что особенно примечательно, равными шудрам. Последнее наглядно свидетельствует о продолжающемся процессе, так сказать, «шудризации» периферийных народов и еще только начавшемся варновом выделении их господствующей верхушки. Брахманы-правоведы с традиционно индийским тяготением к классификации объясняли парадоксальную ситуацию в этих шудрянских странах, где экаджати занимали положение кшатриев, ретроспективно, как бы «переворачивая» эволюцию. <...>

Среди вратьев, т. е. отступников от правоверного индуизма, Ману называет вратья-брахманов, от которых якобы произошло несколько джати (это слово означало и племя, и касту), в том числе аваньи, т. е. народ, давший имя области Аванти (Мальва), где возникло одноименное раннеклассовое государство на племенной основе (махаджананапада), завоеванное в V в. до н. э. Магадхой. Особенно интересно это искусственное объяснение происхождения и варнового статуса этноса как свидетельство существования у ряда народов как бы ненастоящих, неправедных брахманов, стоящих вне варны истинных брахманов. Эти сведения, как и приведенные выше данные о брахманах ранней Магадхи, приоткрывают завесу над пока еще мало исследованной проблемой приобщения местного жречества к варне брахманов. Значительное число брахманов переселялось также с древних арийских территорий, что, во всяком случае, видно по специальным указаниям на место происхождения брахманов в эпиграфике I тысячелетия н. э.

Весьма показательны сообщения источников о сангхах, где господствующим слоем были брахманы. Так, Арриан упоминает «город брахманов», т. е., очевидно, их полис; Панини — джананападу Брахманака, где, по комментарию Кашики, обитают брахманы, «живущие оружием». Подобным образом определяются также многие сангхи, считавшиеся квазикшатрийскими или шудрянскими. При этом следует отметить указание одной из древнейших дхармасутр — «Апастамбы» — на ритуальную нечистоту «живущих оружием» вообще: от них не следовало принимать пищу⁵⁷.

Интересно, что племя саттватов (см. выше о Кришне) изображается как вневарновая каста (джати), происшедшая якобы от вратья-вайшья⁵⁸. Это означает, что неарийское племя саттватов по каким-то показателям было похоже на вайшьев. Причины определения племен как вратья-брахманов и вратья-вайшьев требуют специального рассмотрения. <...>

Сложность, постепенность и неравномерность формирования господствующего сословия у разных народов Индии показывают, что понятие «кшатрий» являлось в известной мере условным. Оно обобщало в сознании людей определенные показатели социального положения, но в реальных отношениях между группами, которые могли быть декларированы как кшатрийские,

существовали перегородки, имевшие основой этническую, ритуальную, бытовую отчужденность. Эта отчужденность в древности частично преодолевалась, процесс шел как будто бы в сторону интеграции в единое кшатрийское сословие. Но конкретное положение арианизирующихся первобытных этносов зависело от целого ряда факторов.

У большинства землевладельческих каст полноправных общинников до нового времени сохранились легенды о том, что они завоевали всю землю. Несмотря на колоссальный временной разрыв с древностью, эта информация кажется достоверно отражающей важную особенность процесса расширения индийской цивилизации в условиях постоянного немирного взаимодействия с доклассовой периферией. Развитые общины не только поднимали целину, но и отвоевывали земли у отсталых племен (дальнейшим шагом было принуждение их — и насильственное и экономическое — трудиться на победителей). Часто напластование нового землевладельческого слоя было, разумеется, и следствием межгосударственных войн.

<Формирование низших и неприкасаемых каст>

* Существо второго этапа <сложения сословно-иерархической структуры> выражено двумя процессами: 1) распространением индоарийского образца сословно-иерархического (варнового) строя на неарийские этнические общности раннеклассового или переходного от первобытности характера, 2) подслаиванием к четырехварновой системе этнических групп, преимущественно из отсталого первобытного населения, не включенных ранее в низшее сословие шудр и потому получавших иной статус — вневарновых, стоящих ниже шудр. Хронологически данный этап соответствует примерно VIII—VII вв. до н. э. — началу нашей эры. Эти рамки, конечно, условны, поскольку явления, характеризующие указанные выше два процесса, могут быть отмечены и раньше и позже этого времени. <...>

** Варновая система складывалась, развивалась, трансформировалась, приходила в упадок в ходе взаимодействия с доклассовыми и раннеклассовыми неарийскими обществами. В итоге сословно-иерархическая структура в начале I тысячелетия н. э. оказалась не более похожей на исходную, чем индуизм на ведическую религию. Тенденции к нивелировке общественных групп по варнам постоянно противостояли этнические, религиозно-культурные, стадияльные различия населявших Индию этносов. Уже были показаны противоречивые попытки брахманских ученых согласовать реальное общественное положение некоторых групп населения с ортодоксальными представлениями о варнах кшатриев, брахманов, шудр. Искусственность брахман-

* Там же, с. 54.

** Там же, с. 64—66.

ской теоретической мысли в стремлении как-то вместить этническую и стадильную пестроту индийских народов в прокрустово ложе учения о варнах особенно видна в построениях шастр о так называемых смешанных кастах, возникших якобы в результате неодобряемых и «греховных» межварновых браков. Таким путем пытались объяснить существование племен, народностей, стоявших в представлении древних индийцев статусно близко к той или иной варне, но вне варновой системы, не включенных в нее (иначе признание принадлежности к той или иной варне исчерпывало бы вопрос). Существование самых низких, презренных социальных групп, объявляли результатом наиболее «греховных» с точки зрения варнового порядка брачных связей. Можно и не отвергать идеи о том, что подобные браки действительно служили причиной появления каких-то групп людей, оказывавшихся вне варн, вынужденных жить отщепенцами и объединявшихся на этой основе в эндогамные группы. Однако изучение длинных списков смешанных каст⁵⁹ показывает, что одни названия этнические, а другие профессиональные. Правда, некоторые названия бывают и иного характера, например: «антавасайин» — это «живущий на окраине» селения, неприкасаемый.

Статус каст-джати, приравнивавшийся к варнам, может быть определен по указанию на варновое положение теоретических «прародителей» касты. Таким образом, система варн, видимо, не поглощает в одно из сословий этнос, а дополняется новым подразделением — кастой, тем самым разрушая саму себя. В еще большей мере это происходит вследствие подслаивания многочисленных низких каст.

Их появление объясняется, очевидно, тем, что первоначальная квалификация ариями автохтонного населения как шудр привела к стабилизации отношений последних с высшими варнами в определенных формах, выработалось представление о шудрах как об относительно развитом земледельческом неарийском населении. Появление внутри индоарийского общества людей из среды в большой мере примитивных, охотничьих племен потребовало какого-то их статусного определения. Чандалы вообще были, кажется, первой низкой кастой, их имя часто использовалось как нарицательное для обозначения неприкасаемых. Значительное число низких каст, стоящих ниже шудр, стало появляться примерно в VII—VI вв. до н. э. в связи с усилением контактов с первобытными племенами охотников, земледельцев и скотоводов, обитавших на периферии культурных оазисов. Борьба индоарийского общества с этими племенами, стремление использовать их труд наряду с сокращением их угодий и возможностей вести традиционное хозяйство вынуждали этих людей искать средства к существованию в селениях, входящих в зону цивилизации. Выполняя самые тяжелые, грязные, ритуально нечистые работы, они перенимали эти виды деятельности у шудр, тем самым поднимая их социальный ста-

тус, и, вынужденно специализируясь на таких видах деятельности, закрепляли за собой положение презираемых людей, в общении с которыми для высококастовых были необходимы всяческие бытовые ограничения. В связи с этим развивалась неприкасаемость.

Вовлекаемые таким путем в сферу цивилизации, отсталые племена выполняли разные виды работ, но одна из специальностей, видимо предпочтительная в конкретных условиях, часто оказывалась основной или наиболее примечательной для данного племени. Такую предпочтительную специальность и называют источники, добавляя обычно, что дело этой касты также охота и убийство животных. Последнее служит доказательным подтверждением того, что эти касты возникали из отсталых этнических групп.

Важно отметить, что некоторые из этих племен-джати все же могли подниматься на каких-то этапах своей истории до раннегосударственной стадии, как, например, нишады⁶⁰ и шабары (ср. с киратами).

Возникающее в середине I тысячелетия до н. э. обслуживающее общин трудом слуг и ремесленников, по крайней мере частично связанное с деятельностью этих каст, по-видимому, и является началом сложения системы джаджмани. Вероятно, значительная часть представителей каждой низкой касты вынуждена была искать пропитания, обрабатывая в качестве бесправного и кастово угнетенного арендатора, наемного работника или раба чужую землю. Развитие внутри общины разных форм эксплуатации низкокастовых наряду с иными процессами приводит к тому, что большая часть землевладельцев-налогоплательщиков начинает рассматриваться как имеющая статус шудр, к вайшьям же начинают причислять только членов купеческих каст. Время этой трансформации ориентировочно можно определить первыми веками до н. э. — первыми веками н. э. К концу I тысячелетия н. э. она завершилась полностью.

<Значительную роль в формировании низших каст сыграло их включение в весьма специфической роли не только в социальную, но и в экономическую систему индийской цивилизации>.

* В индийских источниках древности и раннего средневековья очень часто упоминается категория трудящихся, обозначаемая в санскритских произведениях терминами *кармакара* и *бхртака*, а в палийских — *каммакара* и *бхатака*. В переводах источников и индологической литературе эти термины переводятся в общем одинаково — как «наемные работники» или «наемные рабочие». Наемный труд применялся в большей или меньшей степени <...> во все времена <...> Так, античные источники содержат многочисленные упоминания о наемных работниках. Хотя само по себе применение наемного труда в

* Далее сокращенный текст статьи «Кармакара и бхртака. К проблеме формирования низших каст». — Касты в Индии. М., 1965, с. 133—149.

древности не было чем-то исключительным, сущность категории кармакаров и бхртаков все еще остается неясной. <...>

Древние индийцы с их пристрастием к классификации зачисляли в категорию наемных работников по внешнему признаку, а именно по способу оплаты, людей, занимавших весьма различное социальное положение. В «Артхашастре» в главе «Правила, касающиеся рабов и работников» <...> объединены сведения о работниках, занятых в земледелии, скотоводстве, торговле, о ремесленниках, художниках, актерах, врачах, ораторах и домашней прислуге⁶¹. В дхармашастре Нараяды наемные слуги разделены на три класса: «Высший [класс — это] солдаты, средний — земледельцы и низший — грузчики»⁶².

Положение различных категорий наемных работников и система оплаты их труда были различными. Очевидно, наемный работник, занятый в сфере обслуживания как домашняя прислуга, весьма отличался от земледельца, работавшего на поле хозяина. К сожалению, различия между отдельными группами наемных работников еще мало изучены и, как правило, их рассматривают в целом, как единый социальный слой. Рам Шаран Шарма <...> отмечает, что бхртаки, по-видимому, находились в лучшем положении, чем кармакары, являвшиеся, по его мнению, полурабами или, во всяком случае, очень близкой к рабам категорией⁶³. Трудно сказать, насколько справедлива эта точка зрения и имелись ли в виду различия в положении кармакаров и бхртаков при употреблении этих терминов в источниках. Ответ может быть получен при тщательном сравнении всех случаев употребления слов «бхртака» и «кармакара». Во всяком случае, Панини, по-видимому, считал оба термина синонимами, так как обозначал плату кармакаре — человеку, занятому тяжелым физическим трудом, — словом *бхрти*, от которого и произведен термин *бхртака*⁶⁴.

Мы имеем много данных о наемных работниках из свободных людей, впадших в бедность, причем нередко они принадлежали к высшим варнам (а также к кастам). Очевидно, разорение свободных ариев, лишение их средств производства было одним из путей образования слоя наемных работников; однако исследователи не без основания считают, что в большинстве случаев наемный труд выступает как наследственное занятие⁶⁵.

К человеку, не имеющему средств производства, в древнем обществе относились с презрением, и он не мог претендовать на уважение, соответствующее его кастовой принадлежности. Отрицательное отношение к работе на другого (причем по контексту имеется в виду именно наемный труд) недвусмысленно выражено в следующих двух шлоках дхармашастры Ману: «Надо тщательно избегать всякого дела, зависящего от чужой воли, но что зависит от своей воли, надо исполнять ревностно... Все, зависящее от чужой воли, — зло, все, зависящее от своей воли, — благо...»⁶⁶. <...>

Дасы и кармакары постоянно упоминаются вместе и часто характеризуются одинаково. Р. Ш. Шарма отмечает случай, когда наряду с рабами как собственность купца (сеттхи) названы и кармакары. В джайнском тексте «Суйягадам» рабы, слуги (песса — этот термин встречается часто как синоним кармакара или в одном ряду с даса и кармакара) и вьючный скот зачислены в один разряд. В связи с этим Р. Ш. Шарма пишет, что, по-видимому, не было большого различия между подразделениями людей, занятых в услужении⁶⁷.

В джатаках неоднократно говорится о трудной жизни наёмных работников⁶⁸. Как и рабы, они подвергались суровым телесным наказаниям и работали под ударами бича или палки. Можно было бы привести большой материал для подтверждения тезиса о сходстве положения рабов и наёмных работников, но в этом нет нужды, так как указанное обстоятельство уже давно отмечено исследователями⁶⁹. <...> Использование труда свободных людей в качестве наёмных работников не могло не принимать <в древности> грубых форм, и, вероятно, их приниженное положение в обществе в значительной мере объяснялось <...> традицией рассматривать работу на другого человека как признак рабского состояния.

Однако, по нашему мнению, ключом к проблеме кармакаров и бхртаков служит главным образом выяснение их положения в кастовой иерархии. Это довольно трудная задача, так как прямых сведений о кастовой принадлежности кармакаров и бхртаков у нас почти нет, а если они и имеются, то касаются случаев вступления людей в эту категорию, а не «потомственных» наёмных работников. <...>

<Для изучения кастового статуса кармакаров наиболее важно обратиться к данным о сельскохозяйственных рабочих.> Указания на применение труда наёмных работников в земледелии имеются <в «Артхашастре»> и в других источниках⁷⁰. Помимо чисто земледельческих работ их использовали также на строительстве оросительных сооружений. <...> Наёмные работники в земледелии могли эксплуатироваться не только частным лицом, но и общиной.

В «Артхашастре» рассказано об условиях найма кармакары <...>: «Работники, занятые в земледелии, получают 10-ю долю урожая, занятые в скотоводстве — 10-ю долю масла и занятые в торговых операциях — 10-ю долю товаров, если не было особого договора относительно заработка работников. Если же договор с ними был, то [оплата] дается в соответствии с ним»⁷¹. <...>

<Известно, что> земледельцы, ведшие самостоятельное хозяйство и обеспечивавшие существование своих семей, а также в какой-то мере расширение производства, отдавали государству в качестве прибавочного продукта в среднем шестую часть выращенного урожая... <Отсюда ясно>, что собой представляли бхртаки и кармакары, которые получали за свой труд от

десятой до четвертой доли произведенной ими на хозяйских полях продукции.

Совершенно невероятно, чтобы эти труженики могли существовать на такую ничтожную долю созданного ими продукта. Как показывает наш подсчет, этим людям пришлось бы жить в лучшем случае на четвертую часть необходимого продукта общинника, а в худшем — примерно на восьмую часть. Допустим, что в некоторых случаях одинокий работник мог владеть полуголодное существование на эту мизерную заработную плату. Но ведь кармакары и бхртаки составляли обширный социальный слой. Наемный труд был, как правило, наследственным занятием. Это дает основания утверждать, что кармакара должен был содержать семью.

Единственным возможным условием устойчивого существования этого слоя трудящихся мог быть какой-то дополнительный источник существования, например в виде личного участка земли, ежедневного питания у хозяина и т. п.

Действительно, в источниках говорится о том, что кармакары и бхртаки получали ежедневное питание у хозяев вместе с рабами. «Пища раба» (*даса-парибхога*) считалась наихудшей. Дасы и кармакары обычно не получали ни риса, ни мяса, ни молока. По свидетельству одного из источников, им давали прокисшую жидкую кашу⁷². В «Артхашастре» указывается, что на питание рабам и работникам выдавали отруби⁷³. Испорченные крепкие напитки Каутилья рекомендовал отпускать «в виде вознаграждения» рабам и наемным работникам. «Равным образом,— продолжает он,— можно расходовать (такой испорченный напиток) в качестве пойла для выючных животных или же для откармливания свиней»⁷⁴. Работники получали также остатки пищи хозяев.

Эпизод из «Виная-питаки» показывает, что хозяева дасов и кармакаров не только выдавали им самую худшую и часто испорченную пищу, но и не заботились об их ритуальной чистоте, что свидетельствует о низком кастовом положении этих людей: жена купца съела топленое масло, но ее стошнило, и это масло она сохранила для своих рабов или кармакаров, чтобы те смазывали им ноги или сожгли в лампе⁷⁵.

Г. Ф. Ильин высказал предположение о том, что в земледельческом хозяйстве труд наемных работников использовался сезонно, в страдную пору; в другое же время хозяин мог обходиться небольшим числом рабов⁷⁶. Это очень важная мысль. Действительно, в Индии сельскохозяйственные работы в производственном цикле распределялись чрезвычайно неравномерно, и для рабовладельца, ведущего собственное хозяйство, было нерентабельно держать необходимое число работников в течение всего года. Вместе с тем в страдную пору он не мог рассчитывать на привлечение к работам земледельцев, полностью загруженных в своих собственных хозяйствах. Именно напряженность сельскохозяйственных работ препятствовала широкому

развитию барщинного хозяйства в Индии в средние века и со-
путствующему ему закреплению крестьянства.

Но была категория людей, которые были согласны работать
в чужом хозяйстве в страду. Это объяснялось тем, что их соб-
ственные участки земли или арендованные участки были слиш-
ком малы, чтобы прокормить этих земледельцев. Чтобы не умер-
еть с голоду, они должны были идти к рабовладельцу и на
тяжелейших, унижительных условиях трудиться вместе с раба-
ми. По этой же причине они и члены их семей бродили по сжа-
тым полям, собирая оброненные случайно колоски и зерна.
Каутилья дважды упоминает об этом: «То, что осталось после
сбора [урожая], должно быть оставлено в пользу нищих и сель-
ских работников». В другом месте, хотя кармакары прямо не
названы, именно о них говорится: «То, что остается на земле у
подножия снопов, получают те, которые живут сборами остат-
ков на полях»⁷⁷. <...>

Сведения источников о положении кармакаров и бхртаков
удивительно напоминают положение бесправных арендаторов и
сельскохозяйственных рабочих из угнетенных неприкасаемых
каст Индии нового времени⁷⁸. Несмотря на разнообразие ме-
стных особенностей, в целом положение этого многочисленного
(ко времени достижения Индией независимости свыше 50 млн.
человек) слоя трудящихся чрезвычайно сходно по всей Индии.
В большинстве своем это мелкие бесправные арендаторы, часть
года работающие в качестве батраков или поденщиков за
очень низкую плату.

В колониальной Индии они часто получали плату натурой в
виде незначительной доли урожая. Эта плата в зависимости от
района, сельскохозяйственной культуры и типа помещичьего
хозяйства составляла седьмую, десятую, двенадцатую, шестнад-
цатую или двадцатую часть урожая. Учитывая рост производи-
тельности труда за 2 тыс. лет, мы можем сопоставить эти циф-
ры с данными об оплате кармакаров и бхртаков. Неприкасае-
мые, работая 3—5 месяцев в году на помещика, постоянно на-
ходились на грани голода, так как из-за мизерного размера
платы они не имели возможности сделать каких-либо продо-
вольственных запасов, на которые могли бы существовать до
следующего сезона сельскохозяйственных работ. Ничтожные
земельные участки не могли обеспечить их существование даже
в течение нескольких месяцев. В периоды, когда рабочая сила
была не нужна помещикам, батраки жили на жалкие денежные
и продовольственные подачки хозяев. <...> Чтобы выжить, не-
прикасаемые вынуждены были питаться дикими кореньями и
травami, мясом павших животных и зернами, извлеченными из
коровьего помета (гобраха)⁷⁹.

Значительная часть неприкасаемых находилась на положе-
нии полурабов или крепостных; они принадлежали помещикам,
а в недавнем прошлом также сельским общинам.

Помимо зависимости, обусловленной кастовой принадлеж-

ностью, множество неприкасаемых находились в долговой кабале. Представители угнетенных каст практически были лишены возможности изменить свой статус, уйдя в другую местность, так как повсюду члены высших каст ставили их в прежнее положение: они могли получить работу только на обычных для данной касты условиях; за соблюдением ими ограничений, налагаемых кастой, строго наблюдали.

Важно отметить, что, как правило, неприкасаемые выделяются этническими особенностями, одеждой, обычаями и религиозными обрядами. Многие неприкасаемые касты в недалеком прошлом представляли собой отсталые племена; из отсталых племен произошли и некоторые так называемые профессиональные касты, что подтверждается материалами древних источников. Интересно, что большинство членов этих каст не занимаются кастовой профессией, а являются земледельцами и скотоводами (наемные работники древности также были заняты главным образом в сельском хозяйстве). Вероятно, так было и раньше, «профессиональное» же название эти группы населения получили по наиболее характерному занятию, выделявшему их из общинников, которые принадлежали к высшим кастам.

Большое сходство положения неприкасаемых в новое время и положения древних наемных работников дает основание предположить, что мы в обоих случаях встречаемся с одним и тем же явлением. Конечно, категория кармакаров и бхртаков была более широкой и пополнялась даже членами высоких каст, но все же очевидно, что основная масса кармакаров и бхртаков относилась к низшим социальным слоям. <...> <В их> число включались подчиненные индоарийским обществом и частично ассимилированные племена, <...> сохранившие отчасти свои традиционные занятия. <...>

Такая интерпретация категории кармакаров и бхртаков позволяет сделать выводы, касающиеся раннефеодального общества. Существование слоя угнетенных полурабов-полукрепостных, труд которых в значительной мере заменял в индийских условиях труд рабов, вероятно, был одним из факторов, <...> обусловивших специфику генезиса феодализма <...> Наличие многочисленного слоя зависимых полурабов, принадлежавших общинам и частным лицам — феодалам (или фактически находившихся в их владении или распоряжении), было одной из причин слабого развития крепостничества в <средневековой> Индии. <...>

<Этносы и касты в средние века>

* Южная Азия сравнительно мало подвергалась воздействию внешних врагов, стоявших на доклассовой ступени социаль-

---

* Южная Азия, с. 68—71.

ного развития. Стадиальный уровень некоторых вторгавшихся через естественные границы групп можно условно определить понятием «военная демократия», однако следует иметь в виду неизученность и сложность вопроса. Речь идет о завоеваниях шаков и тохаров (II в. до н. э.—I в. н. э.), эфталитов (вторая половина V—VI в.), тибетцев (вторая половина VII в.) и ахоев (XIII в.). В некоторых случаях, может быть, правильнее было бы говорить о раннефеодальных обществах. В ряду перечисленных завоеваний только кратковременная оккупация тибетцами Тирхута (в Северной Бенгалии) не оставила следа в истории народов Южной Азии. В других случаях происходило расселение пришлых племен на территории Южной Азии и довольно быстрая их ассимиляция индийским миром: они включались в общинно-кастовую структуру, меняли язык, религию, происходила индианизация их быта и общественного сознания.

Относительно лучше известны факты, касающиеся ассимиляции народов, вторгшихся в Индию в ходе эфталитского нашествия. Наиболее вероятной областью первоначального обитания эфталитов может быть Северо-Восточный Афганистан⁸⁰. Вполне возможна принадлежность эфталитов к давним насельникам этой области, говорившим на иранских языках. Во всяком случае, в их число входила большая часть племен эфталитского военного объединения, из расселившихся в Индии — гурджары и др. Рассказ китайского посла к вождю эфталитов Михиракуле Сун Юня об образе жизни эфталитов указывает, что они занимались типичным для горных районов отгонным скотоводством⁸¹. По-видимому, для части завоевателей скотоводство было некоторое время основой хозяйства и в Индии, как можно понять по описанию Сюань Цзаном Синда⁸²; что же касается других районов их расселения (Пенджаб, Раджастхан), то о них этот китайский автор рассказывает как об обычных индийских землях. Особенно примечательно, что большая область в Раджастхане, где отмечены крупные и богатые города, в это время (середина VII в.) уже называлась Гурджараратра («Страна гурджаров»). Топонимы Пенджаба от корня «гурджара», по-видимому, также относятся к VI—VII вв. Название области Гуджарат возникает, очевидно, в результате вторичной волны миграции гурджаров, связанной с обострением социальных противоречий в среде этих и прочих племен, впоследствии известных как раджпуты.

Название «раджпуты» (от санскритского «раджапутра» — «сын раджи») рядовые представители этих племен давали себе в связи с претензией на право феодального господства над подчиненным населением, а также в связи с клановой организацией, при которой они осознавали себя кровными родственниками своих вождей-князей и потомками прежних своих раджей (позже раджпутские правители создали вымышленные родословные, идущие от древних индийских богов и героев). Это представление о себе как о «сыновьях раджей» стало формиро-

ваться, должно быть, уже в VI—VII вв., раджпутские же завоевания VIII—IX вв. только утвердили в обиходе этот термин. Во время эфталитских завоеваний часть мигрантов осела на захваченной земле в качестве земледельцев и скотоводов, уничтожив или согнав индийское население, другие группы завоевателей, по-видимому, очень быстро перешли к паразитическому существованию за счет покоренных или совмещали оба эти способа существования. Можно предположить, что в ходе индианизации этих завоевателей с ними смешивались сумевшие сохранить самостоятельность этнические группы древнего населения.

Кажется, в зависимости от образа жизни в ранний период расселения и происходит последующее разделение на средневековые касты джатов, гуджаров и раджпутов. Большинство джатов, сохраняя военные традиции, занимались трудовой деятельностью в сельском хозяйстве (хотя и эксплуатировали подчиненное низкокастовое население, поскольку в условиях Индии не могли не стать частью иерархической кастовой общины). У раджпутов (в число которых могла попасть и некоторая часть джатов) земледельческий труд стал презренным, оскверняющим занятием: они заместили прежних, вырезанных или изгнанных, индийских феодалов. Если на раннем этапе расселения в Индии у мигрантов, может быть, и существовала коллективная клановая форма эксплуатации (данных об этом нет), то в ходе второго расселения (с VIII в.) раджпуты быстро восприняли иерархическую форму феодального землевладения и основные порядки индийского классового общества. По-видимому, они вообще индианизировались быстрее джатов, хотя и сохранили многие специфические пережитки кланового быта.

Распространение власти раджпутов как феодальных владельцев на огромные территории в эпоху империи Гурджара — Пратихаров (VIII—X вв.) и вплоть до мусульманского завоевания (конец XII—XIII в.) создало в Северной Индии тенденцию к образованию феодального сословия в форме раджпутской касты. В связи с нашей темой представляют интерес факты феодализации и кшатризации (раджпуты стали возводить себя к древней варне кшатриев) примитивных коллективов, стоявших на доклассовой стадии. Так, часть племени хохаров, захватившая территорию в пригималайском Пенджабе и установившая свое господство над местным населением, стала считать себя принадлежащей к раджпутам⁸³.

Процесс выделения эксплуататорского слоя из этноса мог иметь сходные или несколько иные формы, но по существу был тождествен явлениям классообразования в древности. Часть бхиллов, стоявшая на стадии перехода к классовому обществу, включалась в него либо как часть раджпутского государственного организма, либо создавая свои раннеклассовые княжества. Военное обслуживание раджпутских государей, видимо, мало влияло на архаический уклад жизни рядовых бхиллов, в то время как бхильские вожди становились феодалами, подчас экс-

плуатировавшими небхильское население. Бхилы гарасия, как и многие другие этнические группы Индии, приписывающие себе раджпутское происхождение, имеют на это серьезное основание, содержащееся в самом их названии: гарасия — испорченное от «грасия» — титул владельца граса, формы наследственного феодального землевладения у раджпутов, размер которого определялся родственной близостью к вождю. В данном случае гарасия, очевидно, дефеодализованные, измелъчавшие (эта деградация постоянно наблюдалась в Индии) потомки таких феодалов, получивших землю от бхильского князя — независимого или вассала раджпутского правителя. Легенда, объясняющая, почему названия их родов бхильские, а не раджпутские, типично искусственного происхождения⁸⁴.

В течение средневековья в бхильских деревнях существовали лишь незначительные отчисления в пользу своих вождей, что можно считать в большинстве случаев только зародышем феодальной ренты, а поэтому эту часть бхиллов можно отнести к переходному обществу. Подобное слабое классовое размежевание при большой роли племенных традиций и архаических порядков позволяло малым индийским народам сплоченно противостоять в течение многих веков давлению крупных классовых государств. С этим связана и агрессивность ряда таких племен в древности и средневековье — тех же бхиллов, гондов, племен Чхота-Нагпура, Декана, Южной Индии, долины Ганга. Некоторым из них удавалось создавать свои государства. Например, гондские княжества существовали, по мусульманским источникам, по крайней мере с XIV по XVIII в., но сведения о том, что раджпутская династия Чанделлов связана происхождением с гондскими вождями, указывают на гораздо более раннее зарождение у них государственности. В то же время и в конце средневековья гонды и другие народности как будто бы продолжали оставаться на раннеклассовой стадии. Это явление требует специального изучения. Не исключено, что исследователей вводят в заблуждение внешние факторы, в том числе специфические черты общественного уклада. Например, неверно могут быть истолкованы слова могольского хрониста Феришты (начало XVII в.) об упомянутых выше хохарах, которых он называл «дикими варварами» и у которых, по его словам, «не было ни религии, ни морали»⁸⁵. В то же время не следует преуменьшать факторов деградации. Деление на простонародье и раджгондов, по-видимому связанных в прошлом с военным делом, властью и нетрудовыми доходами, получавшимися через военно-государственный механизм, свидетельствует о том, что эта народность уже давно прошла ступень первоначального сословного (варнового) размежевания.

Поразительна живучесть племенного мира в районах, наиболее обжитых индийской цивилизацией, — долине Ганга, Джамна-Гангском Доабе, где племена джатов, мемов, катехров и др. в течение большей части средневековья вели успешную борьбу с

мусульманскими правителями, пытавшимися заставить их платить подати⁸⁶.

Одной из особенностей истории развитых доклассовых этносов Индии, вступавших во взаимодействие с цивилизацией, было сохранение некоторыми их коллективами примитивного образа жизни охотников-собирателей, использующих простейшие способы земледелия (подсечно-огневое и пр.). Таковы некоторые группы бхиллов, лесные гонды.

* * *

* Таким образом, взаимодействие классового общества и первобытной периферии в условиях Индии привело к возникновению кастовой системы, заменившей древний сословный строй варн, и специфической индийской кастовой общины. Эта общинно-кастовая система, постоянно укрепляясь и территориально расширяясь, до недавнего времени в большой степени определяла общественные отношения в Южной Азии и продолжает еще и сейчас играть здесь важную роль. В характере этого явления обращают на себя внимание две стороны: динамизм и приспособляемость варново-кастового общества и однотипность самого этого взаимодействия, свидетельствующая о значительном консерватизме индийского социального строя в целом на протяжении тысячелетий <...>.

Помимо указанного капитального результата этих контактов существовали и другие их аспекты. Воинственные варварские коллективы, окружавшие районы цивилизации или чересполосно размещавшиеся между ними, во многом играли роль, сходную со степной кочевой окраиной земледельческих стран в других регионах Азии. Результат таких контактов, естественно, не мог быть вполне идентичным, поскольку в Индии скотоводческий тип хозяйства был свойствен только очень незначительным группам. Например, можно полагать, что в основном скотоводами были абхирь (ахирь) в Раджастхане и на западе долины Ганга; главным же образом это были вторгавшиеся через северо-западную границу иноземные народы, быстро ассимилировавшиеся и утрачивавшие скотоводческий образ жизни (шаки, тохары, эфталиты, гурджары и др.). На субконтиненте преобладал земледельческий тип хозяйства. Поэтому контакты с развитыми районами приводили или к подъему экономического и социального уровня первобытной периферии и ее «выравниванию» с цивилизацией, или — в случае постоянного военного подавления, вытеснения с удобных земель и разрушения единой сильной организации — к консервации отсталости и даже деградации. На районы цивилизации влияние периферии было, несомненно, консервирующим, тормозящим, а во многих случаях и регрессивным, причем дело не только в отрицательном воз-

---

* Там же, с. 67—68.

действии варварских окраин на хозяйственный и культурный прогресс, но и в прямом наложении варварских порядков на социальную структуру развитых областей в результате завоеваний и превращения отсталых победителей в господствующий слой. Все это приводило к усложнению социальной структуры и как бы к регенерации архаических общественных форм, к застойности общественных отношений.

* В течение всего средневековья в Южной Азии продолжался процесс превращения первобытных племен в касты. Он наблюдался и в XX столетии.

---

* Там же, с. 71.

IV. <ПРОБЛЕМЫ ФЕОДАЛИЗМА>

Страна и население *

«Индийский народ — самый многочисленный из всех», — писал Геродот. Мнение это было основано на слухах, но оно передавало впечатление людей Запада о великой стране Востока. Оценка численности населения страны представляет интерес для современного историка, хотя в этом отношении его знания немногим больше, чем древних писателей. По приблизительным подсчетам, население Индии на рубеже нашей эры не могло превышать 50 млн.

Современная долина Ганга, плоская, совершенно безлесная, сплошь покрытая пестрыми клетками обработанных полей, прорезанная голубыми линиями оросительных каналов, в те времена выглядела совсем иначе. Повсюду темнели девственные леса, простиравшиеся подчас на многие десятки и даже сотни километров. Редкие деревни были окружены клочками отвоеванной у джунглей пашни, с трудом оберегаемой от наступления дикой растительности. На полях виднелись сколоченные из бревен вышки для сторожей, которые отгоняли оленей, обезьян, кабанов и слонов, совершавших опустошительные набеги на посевы. Крестьяне широко использовали примитивное подсечно-огневое земледелие.

Лишь некоторые районы Индии были лучше освоены земледельческим населением. Китайский буддист-паломник Сюань Цзан, совершивший путешествие в Индию в 629—645 гг., писал, что в Магадхе (часть современного Южного Бихара) население очень многочисленно, деревни большие и расположены близко друг от друга. Магадха была одним из древнейших культурных очагов страны. Большую роль в возвышении Магадхи сыграли благоприятные для земледелия природные условия: несколько избыточное количество осадков, позволявшее при относительно небольших усилиях регулировать количество влаги на полях и выращивать такую урожайную и влаголюбивую культуру, как рис; плодородные почвы; удобрение полей на берегах рек Ганг и Сон илом во время разливов. Высокая производительность

---

* Из главы «Возникновение феодальных отношений». — История Индии в средние века. М., 1968, с. 19—25.

крестьянского труда создавала довольно большой прибавочный продукт, изымавшийся государством и служивший для содержания армии и государственного аппарата.

Кроме Магадхи в долине Ганга возникло еще несколько развитых районов, отделенных один от другого малоосвоенными землями и лесами. В каждом из этих районов возникали экономические и культурные центры — города Паталипутра, Вайшали, Варанаси, Праяга, Ахичхатра, Матхура и др. Эти наиболее развитые области представляли собой естественные хозяйственные и политические комплексы, входившие в состав крупных государств, но экономически мало связанные друг с другом. Центробежные силы закономерно приводили к распаду империй древней Индии, к автономии или полной политической самостоятельности этих районов.

Массивы лесов перерезались немногочисленными дорогами, труднопроходимыми и опасными из-за нападения диких животных, а также лесных племен, которые постоянно упоминаются в древнеиндийской литературе: киратов, шабанов, нишадов, пулиндов и др. Они жили еще первобытнообщинным строем, но некоторые, вероятно, находились уже на стадии военной демократии и зарождения классового общества. Деятели крупных государств стремились привлечь на свою сторону вождей этих племен, использовать их в войнах с соседями и обезопасить от их набегов свою территорию.

Такая картина была характерна и для других частей Индии. В Пенджабе в древности климат был более влажным: значительные площади были покрыты лесами и кустарниковыми джунглями. Из экономических центров выделялись Такшашила (Таксила), Шакала, Пурушапура. Синд был в основном районном кочевого скотоводства, так же как большая часть Раджпутаны. Развитую земледельческую область представляла территория Саураштры. Города Саураштры, Конкана и Малабара — Бхригукачча, Суратха, Шурпарака, Музирис и др. — богатели на заморской торговле. Тяготевшие к ним участки прибрежной полосы составляли территорию многочисленных независимых и полузависимых княжеств. В области Малава, расположенной между долиной Ганга и Саураштрой, крупнейшим городом, процветавшим на транзитной торговле, был Удджайини.

Огромные территории на плоскогорье Чхота-Нагпур, в Ориссе, в Центральной Индии, в горах Виндхья были заняты отсталыми племенами. Они населяли также большую часть Декана. Так же как в Северной Индии, у некоторых из них возникали классовые отношения, развивалась государственность, но в целом культурные районы Южной Индии к началу нашей эры были значительно слабее и более разобщены, чем в долине Ганга. Наиболее развитыми были области Кералы и Южного Тамилнада (царства Чера, Пандья и Чола). Здесь влажный тропический климат с равномерным годичным распределением осадков позволял собирать несколько высоких урожаев в год.

Зерновые, главным образом рис, дополняла культура кокосовой пальмы.

На побережье Бенгальского залива развитые районы располагались вокруг дельт крупных рек — Кавери, Северного и Южного Пеннера, Кришны, Годавари, Маханади, вдоль низменного, сложенного аллювием берега. Речные выносы в период муссонных разливов создавали плодородную почву, она легко поддавалась обработке. Именно здесь в начале нашей эры были построены, по-видимому, первые в Индии крупные ирригационные плотины на реках.

Район от реки Маханади до устья Годавари занимало государство Калинга, достигшее особого расцвета при царе Кхаравеле (I в. до н. э.). Область Тондаймандала между Северным и Южным Пеннером стала основной территорией государства Паллавов (III—IX вв. н. э.).

Внутренние земли Декана были освоены слабо. Наибольшее значение здесь имел район в верхнем течении Годавари, бывший центром империи Сатаваханов, захвативших также низовья Годавари и Кришны (I в. до н. э.— III в. н. э.).

Таким образом, центрами могущественных государственных образований неизменно оказывались районы, наиболее благоприятные для земледелия. Однако люди, должно быть, лишь в первые века нашей эры смогли превратить в густонаселенный богатый край болотистые заросли дельты Ганга. В это время возникает государство также в долине Брахмапутры — Прагдждьотиша, или Камарупа.

Огромные массивы земель, пригодные для посевов суходольных культур, — леса, саванны, степи — имели редкое и разобщенное население. Неравномерность экономического развития различных районов оставалась характерной чертой Индии вплоть до нового времени. Этот фактор играл большую роль в процессе возникновения и укрепления феодальных отношений, однако с течением времени его значение постепенно уменьшалось.

< Политическая история >

Политическая история Индии первых веков нашей эры известна плохо. Хронология в значительной степени имеет предположительный характер. Так же мало мы знаем о социально-экономических процессах этого времени <...>

В I в. н. э. вся Северо-Западная Индия и большая часть долины Ганга были завоеваны Кушанами, создавшими обширную державу, политически объединившую территорию Северной Индии, Афганистана и Средней Азии. Это обстоятельство сыграло важную роль в расширении торговых и культурных связей в этом районе. Границы Кушанского государства на юге доходили до Нарбады, на востоке — примерно до Варанаси, а по мне-

нию некоторых ученых, даже до Бенгалии. Время правления Кушан совпало с периодом расцвета торговли и экономики Северной Индии, памятники культурной истории также свидетельствуют о высоком уровне развития общества. Очевидно, тохарское (кушанское) завоевание не нарушило экономического развития страны. Власть Кушан в конце II в.—начале III в. н. э. ослабела. На месте их империи возникли мелкие слабые государства. В Западной Индии—в Синде, Саураштре, Мальве (Малаве), Конкане—в I—IV вв. правили шакские кшатрапы, вероятно, бывшие первоначально номинальными вассалами Кушан. С юга им постоянно угрожала могущественная держава Сатаваханов, достигшая расцвета во II в. Монеты Яджня Шри Сатакарни (ок. 174—203 гг.) с изображением корабля указывают на большую роль морской торговли в эпоху Сатаваханов. В III в. их государство распалось.

На развалинах Кушанской империи в долине Джамны—Ганга возникло государство Нага (III—IV вв.). Южнее, в районе Гвалияра,—государство Бхарашивов (III—IV вв.). В Центральной Индии на смену Сатаваханам пришло в конце III в. государство Вакатаков (275—550).

В Южной Индии продолжали существовать царства Чера (Керала) и Пандья. Третье древнее государство дальнего Юга—Чола—в III—IV вв. пришло в упадок. В III в. в Тондаймандала возвысилась династия Паллавов.

В этот период возникали, воевали друг с другом и исчезали с политической карты также многие мелкие государства. О большинстве их не известно почти ничего, кроме факта их существования.

Новая страница истории Индии открылась в начале IV в., когда в Магадхе возникла великая империя Гуптов. Сын Гхатоткачи, мелкого магадхского князя, Чандрагупта I (320—ок. 340 г.) объединил под своей властью значительную часть долины Ганга и принял императорский титул махараджадхираджа. Его знаменитый сын Самудрагупта (ок. 340—380 гг.) стал самым могущественным государем в Индии. О наиболее славном его деянии—победоносном походе на Декан—подробно рассказано в надписи на Аллахабадской колонне. Множество мелких и крупных правителей, от Паллавов на юге до князей малавов (в Восточной Раджпутане) на западе и мадраков (в Пенджабе) на севере, он покорил или заставил платить дань. Правитель государства Вакатаков в столкновении с Самудрагуптой вынужден был отступить, но сохранил независимость. Позже между Вакатаками и Гуптами был заключен союз, скрепленный династическим браком. Чандрагупта II (380—414) покорил шакских правителей Западной Индии и расширил границы своей державы до берегов Аравийского моря. К тому времени Гупты достигли вершины своего могущества. Кумарагупте I (414—455) пришлось уже вести оборонительную войну с племенами пушьямитров, спасая свои владения в Западной Ин-

дии. Скандагупта (455—467) разбил пушьямитров и отразил первое нападение нового грозного противника — эфталитов, захвативших Гандхару и вторгшихся в долину Ганга приблизительно в 460 г.

Однако в конце V в. ясно проявились черты внутреннего разложения и ослабления военного могущества Гуптов. От их державы отпадают сначала окраинные области (Саураштра, где с 465 г. воцаряется династия Майтраков, Пенджаб, захваченный эфталитами, и другие территории), а в VI в. империя распадается. Гупты превращаются в мелких правителей, сохраняющих еще свою власть в Магадхе до VII в. Последнему крупному правителю из династии Гуптов — Буддхагупте (467—500) пришлось изведать горечь поражений от эфталитов, начавших под руководством своего вождя Тораманы (490—515) опустошительные набеги на долину Ганга и на Мальву. В 510 г. Торамана был разбит Бханугуптой, последним императором из гуптской династии, о котором мы имеем вполне достоверные сведения.

Индийская историческая традиция сохранила память о кровавом завоевателе Михиракуле, ставшем царем эфталитов в 515 г. Около 530 г. его владения простирались помимо Северо-Западной Индии на Джамна-Гангскую долину до Гвалияра. Около 533 г. войска Михиракулы были разгромлены индийцами, владения эфталитов сохранились только в долине Инда. Победитель Михиракулы — Яшодхарман из Дашапуры (Мандасора), если верить его надписи, распространил свою власть чуть ли не на всю Северную и Центральную Индию, однако эти сведения не вызывают большого доверия.

Поражение Михиракулы в долине Ганга и его пленение индийцами, возможно, привели к распаду непрочного союза эфталитских племен и усобице среди их вождей. Этим можно объяснить легенду о бегстве Михиракулы в Кашмир и вероломном свержении им кашмирского царя. Очевидно, претендовать на былую власть повелителя эфталитов в это время он не мог. Эфталитам впоследствии не удалось восстановить своего политического единства, однако это не означает, что угроза их вторжений была полностью снята. Пограничное с Пенджабом государство Пушпабхути с центром в Сthanешваре (современный Тханесар к северу от Дели) продолжало борьбу с «хуна» (эфталитами) до начала VII в. Часть племен эфталитов осела в Раджпутане.

По вопросу об этническом составе эфталитских племен существует несколько точек зрения, пока еще, к сожалению, в равной степени малообоснованных. Наименее вероятным считается предположение, что эфталиты были гуннского происхождения, на что как будто указывает их индийский этноним «хуна» (поэтому их часто называли «белыми гуннами»). Скорее всего это были племена, говорившие на языке индоевропейской группы.

В культурном отношении эфталиты стояли намного ниже индийцев. Как можно судить по сообщениям китайских путешественников Сун Юня (посла к Михракуле в 518 г.) и Сюань Цзана (VII в.), а также по другим данным, эфталиты занимались в основном отгонным скотоводством. Городская жизнь им была совершенно чужда, и некоторые известные города Северо-Западной Индии (Пурушапура, Таксила, даже Шакала, ставшая столицей Михракулы) были ими разорены и не восстанавливались. Очень быстро, вероятно уже к VII в., эфталиты были ассимилированы индийским населением.

Одновременно в Северо-Западной Индии, а затем в Раджпутане появились племена гурджаров индоевропейского происхождения. В Индию они, возможно, пришли с эфталитами и входили в военный союз эфталитских племен. Во всяком случае, ареал их расселения совпадал с территорией эфталитов в Пенджабе, Синде и Северной Раджпутане. Во второй половине VI в. гурджары овладели большей частью Раджпутаны. По их имени Центральная Раджпутана получила в то время название Гурджараратра. Там образовалось наиболее крупное гурджарское княжество. Его столицей стал город Мандавьяпура (современный Мандор в окрестностях Джодхпура).

Часть гурджаров проникла в Гуджарат, где в конце VI в. возникло княжество Гурджаров из Нандипури (близ Бхарукачхи, современный Броч) в области Лата (Северный Конкан, нижнее течение рек Нарбады и Тапти; их владения включали и часть Мальвы). Другая группа гурджаров осела в Мальве.

Как свидетельствует Сюань Цзан, племена гурджаров-скотоводов продолжали жить в Верхнем Синде в середине VII в.

Синтез автохтонного населения Северо-Западной и Западной Индии с гурджарскими и эфталитскими этническими элементами привел к созданию на территории Раджастхана общности племен, получившей название раджпутов. В VII в. раджпуты оставались в пределах указанной территории, организуясь постепенно в раннегосударственные образования <...> Социальные процессы, происходившие в организме раджпутских племен, подготавливали их экспансию в богатые земледельческие области долины Ганга, Мальвы и Центральной Индии. Эти завоевания превратили раджпутов начиная с VIII в. в решающий фактор политической истории Северной Индии.

Таким образом, эфталитское нашествие не только способствовало гибели Гуптской империи, но и положило начало процессам, оказавшим впоследствии длительное влияние на судьбы Индии. Однако с середины VI до середины VIII в. район Раджастхана и северо-западные области не играли существенной роли в политической жизни Северной Индии.

С начала VI в. Северная Индия утратила политическое единство. На ее территории, а также на Деканском полуострове возникли новые государства, социально-экономическую основу которых составляли феодальные отношения.

* К концу VI в. от империи Гуптов, просуществовавшей более двух столетий, осталось в Магадхе небольшое княжество, где потомки этой династии правили еще довольно долго (вероятно, до конца VII в.) то как самостоятельные правители, то в качестве вассалов более могущественных государей (так называемые Поздние Гупты). Другая ветвь рода Гуптов закрепилась в Мальве.

Доминирующее значение к концу VI в. приобрели в долине Ганга три державы: Гауда, государство Маукхариев и государство Пушпабхути.

Независимые правители Ванги (Восточная и Южная Бенгалия) известны с начала VI в., причем уже в это время они носили императорские титулы (махараджадхираджа и др.). К концу VI в. сложилось сильное государство Гауда, охватывавшее как собственно Гауду (Северная и Западная Бенгалия), так и Вангу и начавшее претендовать на господство над соседними территориями. Его расцвет приходится на царствование Шашанки (конец VI в.—30-е годы VII в.). Этот могущественный правитель завоевал Магадху и подчинил своей власти территории на Западе почти до Праяги. Поздние Гупты Магадхи стали его вассалами. В этом районе Шашанке пришлось оспаривать первенство у правителей из рода Маукхариев, столицей которых был, по-видимому, Канаудж (Каньякубджа). Вторым направлением экспансии Шашанки была Орисса — области Удра и Конгода, завоеванные около 619 г. Здесь Шашанка присоединил к своим владениям земли до гор Махендрагири (современный дистрикт Ганджам).

Государство Маукхариев охватывало большую часть Доаба и среднего течения Ганга, некоторые территории принадлежали представителям их рода в Магадхе. Столкновения с Гаудой привели к потере восточных земель, а союз Шашанки с царем Девагуптой из Мальвы создал угрозу самому существованию Маукхариев как независимых правителей.

Союзниками Маукхариев в этой борьбе выступили государи из династии Пушпабхути (или Пушьябхути), правившие в Сthanешваре. Их владения включали, видимо, верхнюю часть Доаба, район современного Дели и Сирхинд.

Шашанка и Девагупта разбили Маукхариев и захватили Канаудж. Грахаварман Маукхари и Раджьявардхана Пушпабхути погибли в борьбе с ними. Власть в Сthanешваре в 606 г. перешла к младшему брату Раджьявардханы — Харшавардхане (Харше).

Этот выдающийся правитель продолжал борьбу с враждебной коалицией, и прежде всего захватил владения Маукхариев. Военные победы над правителем Мальвы и изгнание Шашанки из Канауджа позволили, вероятно, Харше сломить сопротивле-

---

* Далее текст из главы «Северная Индия в VII—XII веках». — История Индии в средние века, с. 69—74.

ние наследников Грахавармана и объединить в одно государство Сthanешвар и владения Маукхариев.

В скором времени Харша присоединил к своим владениям Мальву, и власть Гуптов в этой области была уничтожена. Около 612 г. Харша попытался вторгнуться в Декан и на реке Нарбаде встретился с войсками Пулакешина II из династии Западных Чалукьев. Сражение, очевидно, окончилось поражением Харши. Однако и Пулакешин II не проявлял впоследствии стремления к экспансии на север. Правители Латы и Удджайни, играя на противоречиях между двумя могущественными державами, сохранили независимость, номинально признавая себя вассалами Чалукьев. Царь Валабхи (на п-ве Катхиавар и в Северном Гуджарате) женился на дочери Харши и был скорее его союзником, чем вассалом.

Война с Шашанкой растянулась на многие годы. Харша заключил союз с государем Камарупы Бхаскараварманом, но сломить Шашанку ему не удалось, и лишь когда тот умер (вероятно, в 30-х годах VII в.), Харша занял Магадху и Бенгалию. Благоприятная политическая обстановка способствовала возвышению Бхаскаравармана, который захватил Северную Бенгалию и получал от Харшавардханы почести как равноправный союзник. В последние годы жизни, перед 643 г., Харша подчинил Ориссу, включив в свою империю, таким образом, все наследство Шашанки.

В VII в. Харшавардхана, несомненно, был крупнейшим правителем в Северной Индии. Внешне он, казалось, воссоздал могущество Гуптской империи. Характерны и международные связи его державы — обмен посольствами с Китаем в 40-е годы VII в. Однако анализ сведений Сюань Цзана и эпиграфических источников показывает, что в непосредственном подчинении администрации Харши находились немногие районы его державы. Большая часть территории управлялась вассальными князьями. Кроме того, в Центральной Индии ему подчинялась только восточная часть Мальвы; на севере граница вряд ли далеко отходила от Сатледжа; Раджпутана оставалась независимой.

Харшавардхана умер около 646/7 г. У него не оказалось преемника, наделенного такими военными талантами и способностями, чтобы уравновесить центробежные силы, разрушавшие непрочное здание империи. Вассальные княжества приобрели независимость. Камарупский правитель Бхаскараварман предпринял попытку расширить свои владения на запад, но не имел успеха. В Магадхе продолжали править Поздние Гупты. С севера Индии стало угрожать быстро усилившееся Тибетское государство, вступившее в конфликт с Камарупой и на полвека завладевшее областью Тирхут в Северной Бенгалии (середина VII в. — 703 г.). Непал стал вассалом тибетского царя, и с его территории также проводились набеги на Индию. Например, танский посол к Харше Ван Сюань-цзе в 648 г. возглавил набег, завершившийся якобы захватом Канауджа и его правителя

Арджуны. На самом деле семитысячный отряд непальской конницы и 1200 человек тибетской пехоты вряд ли могли отойти далеко от гор.

В этот период усиливается Кашмир. В VIII в. кашмирские цари решительно вмешались в борьбу за власть в Северной Индии. Они захватили Пенджаб и верхнюю часть долины Инда. Царь из династии Каркота (начало VII — середина IX в.) Лалитадитья Муктапида (724—760) вторгся в долину Ганга и разбил правителя Канауджа Яшовармана (725—752). Источники сообщают о грандиозных завоевательных походах Лалитадитьи, подчинившего якобы всю Северную Индию.

В условиях политической раздробленности и отсутствия сильных противников удача смелого набега не кажется столь уже невероятной. Однако частые сообщения в эпиграфике о завоевании тем или иным правителем чуть ли не всей Индии заставляют относиться к таким заявлениям скептически. Должно быть, Лалитадитья не проникал дальше Доаба.

На западных границах Индии в VII в. существовало три основных государственных образования: Синдху (Синд) с центром в Аlore, Капиши в долине Кабула и прилегающей части правобережья Инда и так называемый Забул, или Забулистан (современный Южный Афганистан). Каждое из этих государств состояло из ряда вассальных территорий — княжеств и владений племен.

Во второй половине VII в. этим государствам пришлось выдержать столкновения с победоносными до тех пор войсками Халифата. В 643 г. арабы совершили неудачный налет на богатый порт Дебал в устье Инда. В 660—670 гг. они предприняли ряд походов в Афганистан, не принеших им большого успеха. В 712 г. арабское войско под командованием Мухаммада ибн-Касима вторглось из Южного Ирана в Синд и, последовательно разгромив в течение двух лет местных правителей, присоединило к Халифату всю нижнюю часть долины Инда, включая Мултан. Дальнейшее их продвижение было остановлено кашмирскими царями (в Пенджабе) и князьями Раджпутаны и Гуджарата. В VIII и IX вв. арабские наместники Синда не раз тревожили своими нападениями индийских правителей, с явной гордостью отмечавших в надписях свои победы над «турушками» и «млеччхами» (так они называли мусульман Синда). Борьба за власть среди мусульманских правителей и фактическая автономия этой далекой окраины Халифата привели скоро к образованию самостоятельных мусульманских государств в Синде и Мултane. Безжизненные пески пустыни Тар изолировали эти княжества от остальной Индии, а их военная слабость определила пассивность внешней политики; поэтому в истории Индии последующих веков они практически не играли никакой роли.

Раджпутские завоевания, начавшиеся в VI—VII вв., привели в VIII—IX вв. к созданию могущественного государства Гурд-

жара-Пратихаров, а позднее, в X—XI вв., — крупных независимых раджпутских княжеств. Постепенно раджпуты захватили почти всю долину Ганга и значительную часть Центральной Индии <...>

В середине VIII в. в Северной Индии складывается новая обстановка, обусловленная возникновением помимо державы Гурджара-Пратихаров государств Палов и Раштракутов, вступивших в длительную ожесточенную борьбу за политическое господство.

Самым сильным из этих трех государств была империя Раштракутов на Декане, устойчиво сохранявшая свою основную территорию в Махараштре и Каннаре и вступавшая в борьбу на Севере в наиболее выгодные для себя моменты. Участие в этой борьбе было для Раштракутов только одним из направлений их внешней политики.

Иначе обстояло дело для Гурджара-Пратихаров и Палов, боровшихся не на жизнь, а на смерть и не раз испытавших и счастье блестящих побед, и горечь потери своего могущества. Силы этих главных соперников уравнивало постоянное вмешательство Раштракутов, которые не позволяли ни Пратихарам, ни Палам одержать верх и при каждом удобном случае грабили города и села Гангской низменности <...>

* Первые успехи Гурджара-Пратихаров, которые возглавили экспансию раджпутских племен и направили ее в долину Ганга и Центральную Индию, связаны с именем Нагабхаты I, правившего в Мальве, Гурджаратате и части Гуджарата в первой половине VIII в. Он пресек попытки мусульман расширить их владения за пределы долины Инда. Поражение, нанесенное ему Дантидургой Раштракутой (ок. 733—757 гг.), не уменьшило его влияния среди раджпутских племен. Следующий правитель — Ватсараджа (ок. 738—790 гг.) начал экспансию на равнины Гангской низменности и столкнулся там с войсками бенгальских государей из династии Пала.

В Бенгалии и Бихаре в начале VIII в. существовало несколько боровшихся между собой княжеств, пока не выдвинулся сильный правитель, объединивший разрозненные владения враждовавших между собой феодалов в единое государство. Это был Гопала (ок. 750—770 гг.), основавший знаменитую династию Палов. О происхождении его мы не знаем ничего определенного. Источники утверждают, что этот правитель был избран народом: возможно, это было осуществление архаического индийского обычая избрания царя; высказывают также предположения, что Гопала был вождем какого-то народного движения. Сын Гопалы Дхармапала (ок. 770—810 гг.) был могущественным правителем, вступившим в борьбу за господство над Северной Индией с Гурджара-Пратихарами. Первое столкновение, открывшее длинный ряд войн между соперничавшими государ-

* Там же, с. 76—90.

ствами, окончилось поражением Палов. Ватсараджа не смог реализовать результатов своей победы, так как раштракутский правитель Дхрува (ок. 780—793 гг.) неожиданно вторгся в Северную Индию. Его войска около 786 г. наголову разбили Ватсараджу у Джханси, а затем встретились в Джамна-Гангском Доабе с Дхармапалой. Бенгальский завоеватель потерпел поражение и бежал. Но это лишь на время приостановило его продвижение. Дхрува к 790 г. ушел на Декан, а Дхармапала подчинил себе всю долину Ганга, Восточную Раджпутану, часть Пенджаба и Мальвы.

К этому времени раджпуты еще не успели закрепиться в долине Ганга, а появились лишь в районах, примыкавших к Раджастану. Например, правители из рода Томаров построили в 736 г. на месте древней Индрапрастхи свою столицу — Дхиллику (современный Дели) и осели в этой местности. О дальнейшей судьбе разгромленного Раштракутами Ватсараджи ничего не известно. Очевидно, он сохранил лишь свои владения в Центральной Раджпутане и уже не мог быть противником, заслуживающим внимания.

В своих надписях Дхармапала говорит о покорении Гандхары и яванов, т. е., вероятно, мусульман Мултана. Может быть, он получил с этих территорий дань, но вряд ли подчинил их. Даже в долине Ганга продолжали править местные князья, признававшие себя его вассалами; особенно крупным было Канауджское княжество. Его правитель Индраюдха был разбит Дхармапалой и отстранен от власти. Победитель в соответствии с древней политической традицией посадил на престол родственника бывшего правителя — Чакраюдху. Этот наиболее влиятельный вассал Дхармапалы действовал практически самостоятельно. Связь других вассалов с правителем внезапно возникшей империи была столь же непрочна. Поэтому, когда восстановившие свои силы раджпуты во главе с Нагабхатой II (ок. 805—833 гг.) начали наступление на восток, обширная держава Дхармапалы рухнула как картонный домик. Решительное сражение произошло в районе современного Монгира. Дхармапала был разбит наголову, и, казалось, ничто не мешало победоносному натиску гурджарских войск. Но именно в этот момент раштракутский правитель Говинда III (ок. 793—814 гг.) повел свою армию через горы Виндхья на север. Узнав об этом, Нагабхата II был вынужден оставить Бенгалию и выступить для отражения врага. Однако он потерпел сокрушительное поражение (ок. 809 г.). Говинда III вторгся в Джамна-Гангскую долину и дошел до Праяги. Вернувшийся в Канаудж Чакраюдха и Дхармапала признали себя вассалами Говинды III. Возможно, эти события обеспечили Дхармапале мир с Раштракутами, в целом же такой ход событий позволил Палам укрепить свои позиции.

Когда Дхармапала умер (ок. 810 г.), Нагабхата II помимо Раджастана, частей Гуджарата и Мальвы владел северной

частью долины Джамны и Ганга и правобережьем Джамны почти до Праяги.

Сын Дхармапалы Девапала (ок. 810—850 гг.) укрепил свою власть в Восточной Индии, завоевав Уттал (Северная Орисса) и заставив царя Камарупы признать вассальную зависимость от него. Войны на западе принесли новую славу Палам. Девапале удалось господствовать в долине Ганга весь период своего царствования, несмотря на отдельные победы и временные завоевания Нагабхаты II и Михиры Бходжи (ок. 836—885 гг.) из династии Пратихаров. На севере Девапала победил «хуна», т. е. потомков эфталитских завоевателей, княжество которых было, как считают, в пригималайском районе (очевидно, в Восточном Пенджабе), и Камбоджу, область в Восточном Афганистане и прилегающей части Индии. Однако сомнительно, чтобы бенгальские войска переходили Инд. Упоминания в надписях о победах над «дравидами» показывают, что Девапала побеждал в битвах с Раштракутами, его владения простирались до гор Виндхья. Девапале наследовали слабые государи — Виграхапала (ок. 850—854 гг.) и Нараянапала (ок. 854—908 гг.).

В этот период Михире Бходже удалось восстановить свои силы. Он подчинил раджпутских князей. Теперь во владения Бходжи стала входить практически вся долина Ганга к западу от Магадхи до Пенджаба. На юге Бходжа вел долгую безрезультатную для обеих сторон войну с Раштракутами. Он сохранил за собой Мальву и захватил Катхиавар.

Его сын Махендрапала I (ок. 885—907/8 гг.) расширил границы державы Пратихаров, совершив поход против Нараянапалы и отняв у него Магадху и даже часть Северной Бенгалии. Столь сокрушительное поражение привело к отпадению от государства Палов вассальных правителей Камарупы и Ориссы. Однако Нараянапале к концу царствования (ок. 908 г.) удалось вернуть захваченные Пратихарами земли в Бенгалии и Магадхе, воспользовавшись, судя по всему, войной Махендрапалы с Раштракутами. В X в. государство Палов пришло в упадок. Это произошло, очевидно, по причинам внутреннего характера, так как главный противник Палов — держава Гурджара-Пратихаров также вступила в полосу кризиса.

Вассальные раджпутские князья, подчинявшиеся сильным правителям из рода Пратихаров, и раньше не раз отпадали от империи, если их сюзерены оказывались в затруднительном положении. В таких случаях Пратихарам приходилось бороться за главенство в самой Раджпутане и в первую очередь со своими родичами из Мандавьяпуры (Джодхпур). В X в. вассальные княжества обретали все большую независимость и влияние, постепенно сводя власть самих Гурджара-Пратихаров к фикции. Так государи огромной империи, охватывавшей большую часть Северной Индии, превратились в правителей лишь номинальных.

В первой половине X в., в период правления Махипалы I

(ок. 914—942 гг.), держава Гурджара-Пратихаров претерпела много испытаний из-за опустошительных вторжений Раштракутов. Около 916 г. войска Индры III (ок. 914—928 гг.) вторглись через Мальву и Джханси в Доаб и разграбили столицу Пратихаров Канаудж. Махипала бежал за Ганг, но вскоре восстановил свою власть. В борьбе с Раштракутами важную роль сыграли его вассалы — Чанделлы, Калачури и Гухилоты, действовавшие самостоятельно. Последний сильный раштракутский правитель Кришна III (ок. 939—967 гг.) совершил походы в Мальву и Бунделкханд и захватил важнейшие города Пратихаров и княжества Чанделлов в этом районе; но и на этот раз победители не смогли закрепиться на завоеванной территории.

Таким образом, Пратихары понесли ряд тяжелых военных поражений. Махипале, как и его предшественникам, удалось сохранить под своей властью огромные территории от Катхиавара на западе до Варанаси на востоке и от Сатледжа на севере до Бунделкханда и Мальвы на юге. Но это могущество было уже только видимостью. В последующие десятилетия вассалы Гурджара-Пратихаров превратились в самостоятельных правителей. Возникновение системы княжеств было подготовлено процессом концентрации земель в руках немногих правящих раджпутских родов, постепенным усилением князей и поглощением ими более мелких владетелей на основе установления феодального сюзеренитета. Участие в завоевательных походах Гурджара-Пратихаров дало наиболее сильным и удачливым князьям не только военную добычу и новые земли, но и укрепило их авторитет и власть среди раджпутов. Возвышение княжеств, а не внешние факторы были главной причиной распада империи Гурджара-Пратихаров. Относительно сплоченные, более мелкие и потому более жизнеспособные объединения оказались в середине X в. прочнее чисто военной власти Пратихаров. Вероятно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что к этому времени возможности завоевания новых земель оказались для Пратихаров почти исчерпанными и их господство превратилось в помеху самовластию уже достаточно укрепившихся князей. Кроме того, за время преобладания в Северной Индии Гурджара-Пратихаров раджпутские племена, приобщившись к сложившемуся феодальному обществу развитых областей Индии, утратили в значительной степени черты патриархально-родового быта.

Развитие феодальных отношений у раджпутов также способствовало усилению у них княжеской власти. Обладая прочно сложившимися обширными владениями, большая часть раджпутских княжеских родов в середине X в. приобрела независимость.

Одним из самых знаменитых и многочисленных из этих родов были Чауханы, или Чахаманы. Различные ветви этого рода жили во многих частях Раджпутаны и в Гуджарате. Наибольшего успеха достигли Чауханы из Сакамбхари (современный

Самбхар), создавшие в VIII в. обширное княжество в Центральной Раджпутане. Другая ветвь Чауханов завладела в VIII в. землями в Лате (район Броча). Завоеванные раджпутами земли в Дхолпуре (район Агры) составили территорию княжества Чауханов из Дхавалапури (Дхолпура), возникшего в первой половине IX в. В середине X в. образовалось княжество Чауханов из Наддулы (Надол) в Юго-Западной Раджпутане; еще южнее обосновались Чауханы из Партабгарха.

Чауханы из Сакамбхари были влиятельными вассалами Пратихаров. Во второй половине X в. они вступили в борьбу с соперничавшими династиями за раздел империи Пратихаров и наибольшего могущества достигли в царствование Виграхараджи II (вторая половина X в.; известна лишь одна дата, относящаяся к его царствованию, — 973 г.). В это время Чауханы овладели большей частью Восточной и Центральной Раджпутаны, успешно воевали в Гуджарате и, достигнув Нарбады, столкнулись здесь с войсками Тайлапы (Тайлы) II (ок. 973—997 гг.), основателя государства Западных Чалукьев из Кальяни. Последующие чауханские князья, правившие в XI в., не могли претендовать на первенствующую роль среди раджпутских пратихаров.

Главными противниками Чауханов были Парамары, Чаулуки и Томары. Томары правили в Харьяне (область Дели). В их владения входили земли в Верхнем Доабе и Сирхинде. В середине X в. они потерпели поражение от Чауханов, но все же Чауханам не удалось захватить их территорию до середины XII в.

Парамары в IX в. закрепились в Мальве в качестве вассалов Раштракутов. Их столицей был город Дхаранагара, или Дхара (современный Дхар). В восточной части Мальвы выделилась ветвь Парамаров, правившая в Вагаде (современные дистрикты Бансвара и Дунгарпур) в качестве вассалов Парамаров из Дхары.

Вакпати I Парамара принял участие в походе Индры III Раштракуты против Гурджара-Пратихаров приблизительно в 916 г. Но впоследствии Махипала I Пратихара после ухода раштракутских войск захватил всю Мальву до Нарбады и посадил в Удджайни своего наместника. Таким образом, Парамары на время лишились всех своих владений. Около 946 г., когда на престол Канауджа сел Махендрапала II, Вайрисимхе II Парамаре удалось вернуть власть над Мальвой. Возможно, в этом ему помог воинственный раштракутский царь Кришна III.

При Сияке II, или Харше (ок. 948—973 гг.), государство Парамаров превратилось в самую могущественную державу из возникших на развалинах империи Гурджара-Пратихаров. Сияка II расширил свои владения на востоке до современной Бхилсы, а на западе до реки Сабармати в Гуджарате. Воспользовавшись ослаблением Раштракутов после смерти Кришны III, он

объявил о своей независимости, а в 972 г. в битве у Нарбады нанес поражение своему бывшему сюзерену Раштракуте Кхоттиге и, преследуя его по пятам, захватил и разграбил Маньякхету. В результате этого похода власть Раштракутов была сломлена, а граница Парамаров была отодвинута на юг до реки Тапти.

Мунджа, или Вакпати II (ок. 973—995 гг.), наследник Сияки II, разграбил столицу Калачурьев Трипури и присоединил часть их земель в Центральной Индии к своим владениям. Вакпати II воевал без особого успеха также с соседними раджпутскими государями — Чаулукьями, Чауханами из Надолы, правившими в Южной Раджпутане, и Гухилотами, первоначально бывшими мелкими правителями в Северном Гуджарате, а в X в. обосновавшимися в Меваре, где возникло два небольших княжества в Медапате (Мевар) и Читракуте (Читор). Захватив ряд территорий в Южной Раджпутане (район горы Абу, Южный Джодхпур, Джалор), Вакпати II распределил их между своими сыновьями и родственниками, основавшими здесь мелкие вассальные княжества. В последние годы правления Сияки II часть земель Парамаров была временно захвачена чауханским правителем Виграхараджей II. Тайла II Чалукья, пытавшийся вернуть северные земли Раштракутов, шесть раз терпел поражение от Вакпати II, преемника Сияки II. Наконец, Вакпати вторгся в Декан за Годавари, но тут удача изменила ему. Он оказался в плену и вскоре был умерщвлен. Тайле удалось присоединить земли между Тапти и Нарбадой.

Однако Синдхураджа Парамара, правивший примерно до 1000 г., не только восстановил прежние границы, но и совершил ряд дальних походов в Гуджарат, Западную Раджпутану и Центральную Индию — в Южную Кошалу и район современного округа Чанда.

Держава Парамаров оставалась наиболее сильным из раджпутских государств и в первой половине XI столетия, в правление Бходжи (ок. 1000—1055 гг.). Основными противниками Парамаров в это время оставались Западные и Восточные Чалукьи и Калачури.

Заклучив союз с Гангаядовой Калачури и Раджендрой I Чолой, Бходжа выступил против своего исконного врага — Западных Чалукьев. В этих войнах войска Парамаров доходили до Ганджама в Ориссе, а южные пределы своих владений Бходжа расширил до верхнего течения Годавари. Он присоединил также Конкан (ок. 1020 г.), вторгся в Центральную Раджпутану и превратил Вирьяраму Чаухана из Сакамбхари в своего вассала.

Война на Декане в конце концов приобрела неблагоприятный для Бходжи оборот. Ему нанес поражение Джаясимха II Чаулукья, а Сомешвара I (1042—1068) вторгся в Мальву и разграбил Дхару, Удджайини и Манду. Наконец, Бхима Чаулукья и Карна Калачури, заключив военный союз, начали наступле-

ние на Мальву с двух сторон и заняли ее. В это время Бходжа умер.

В дальнейшем Парамары никогда не играли первенствующей роли среди раджпутских государей.

Феодальный род Чанделлов (Чандратрея) укрепился в начале IX в. в Бунделкханде, в районе города Кхарджуравахака (современная деревня Кхаджурахо). К концу IX в. их владения включали на востоке Махотсаванагару (современная Махоба). Харша Чанделла (ок. 900—925 гг.) принял активное участие в изгнании войск Индры III Раштракуты из Северной Индии и приписывал себе заслугу восстановления Махипалы I Пратихары на троне. Яшоварман Чанделла (ок. 925—954 гг.), воспользовавшись начавшимся развалом империи Пратихаров, отнял у Девапалы Пратихары Каланджар, хотя формально признавал его сюзеренитет. Он продвинул свои границы до Джамны и Ганга на севере и востоке, до владений Калачуриев (современный Джаббалпурский дистрикт) на юге и Бхилсы на западе и, совершив успешный поход в Бенгалию, разграбил Гауду и Митхилу. Следующий правитель Чанделлов Дханга в начале царствования номинально признавал сюзеренитет Пратихаров, но после 977 г., когда один из вассалов Пратихаров отнял у них Гопагири (современный Гвалияр) и нанес поражение Виджаяпале Пратихаре, он объявил себя независимым правителем и захватил у Виджаяпалы Восточный Доаб. К 988 г. он овладел уже и Варанаси, а также совершил поход в Ангу и Радху (Западная Бенгалия). Армии Дханги воевали с Восточными и Западными Чалукьями и правителями Южной Кошалы.

Род Калачури (Хайхая) владел землями в Центральной Индии еще в VI в. Калачури были вассалами Западных Чалукьев из Ватапи, а затем Раштракутов. В середине IX в. Коккалла I Калачури стал князем области Дахала, или Чеди (район современного Джаббалпура), и своей столицей сделал Трипури (современный Тевар). Коккалла I участвовал в войне Раштракутов с Бходжей Пратихарой, совершил грабительские походы в Раджпутану, Северный Конкан и Бенгалию, где дошел до Ванги. Он выступил против сюзеренов Калачури — Раштракутов и нанес поражение Кришне II (ок. 880—914 гг.). Однако эти военные походы не принесли ему территориальных приобретений.

Ювараджа I Калачури, правивший во второй четверти X в., совершил набеги на Гауду и Калингу, но ему пришлось испытать и жестокое поражение от Кришны III Раштракуты, захватившего большую часть его владений. Все же Юварадже I удалось восстановить свою власть, используя занятость Кришны III войнами в Южной Индии.

Наследник Ювараджи I Лакшманараджа продолжил традиционную военную политику Калачури. Он совершал успешные походы в Восточную Бенгалию, Южную Кошалу и Гуджарат; дошел до Соманатхапаттаны (Сомнатх) на Катхиаваре, где находился знаменитый храм бога Шивы.

Возникновение на Декане могущественной державы Западных Чалукьев из Кальяни и усиление государства Парамаров привели к временному ослаблению Калачури. Ювараджа II (последняя четверть X в.) терпел поражения и от Тайлы II, и от Вакпати II (Мунджи) Парамары. Однако это лишь на время поколебало могущество Калачури. Коккалла II (90-е годы X в.) на несколько лет изгнал Сатьяшраю Чалукью из Махараштры за реку Кришну и совершал ставшие уже традиционными походы в Бенгалию и Гуджарат.

Владения князей Калачури из боковой ветви этого рода были расположены в области Сараюпара — долине Ганга в районе рек Сараю (Гогра) и Гандак. Калачури из Сараюпары усилились в конце IX в. и как вассалы Пратихаров оказали последним большую помощь при завоевании Мальвы в период правления Махипалы I. В XI в. Калачури из Сараюпары стали независимыми и правили на территории от Гонды до Горакхпура.

Во второй половине X в. в Северном Гуджарате возникло княжество Чаулукиев (Соланки) с центром в Анахилапатаке (современный Патан). Его основатель Мулараджа I (ок. 961—996 гг.) изгнал правивших в этом районе в VIII—X вв. князей Чапа (Чапотката) и стал самым сильным среди многочисленных мелких правителей Гуджарата. Тем не менее в этот период княжество Чаулукиев еще не могло соперничать с Парамарами, Чауханами и Калачуриями.

Из приведенного выше краткого обзора истории возникновения основных феодальных государств, на которые распалась держава Гурджара-Пратихаров к началу XI в., видно, что крупные князья, ревниво следившие за успехами друг друга и ожесточенно боровшиеся за политическое господство, были неспособны на сколько-нибудь прочное объединение своих сил против внешнего врага. В то же время последующие события показали, что в отдельности многие из них не могли противостоять нападениям правителей Газнийского государства, внезапно возникшего на северо-западных рубежах Индии. <...>

Газнийский правитель Сабуктегин (977—997) дважды нанес поражения правителю из династии Шахия (Шахи) Джаяпале, несмотря на оказанную ему помощь рядом индийских князей (в Пенджаб послали войска и Чаиделлы). Союзники были разбиты между Газии и Ламгханом около 989 г., и Джаяпала потерял западную часть владений — долину Кабула.

Преемник Сабуктегина Махмуд Газневи (998—1030), могущественный и жестокий завоеватель, создал империю, включавшую Ираи, Среднюю Азию, Афганистан, Пенджаб и Синд. С первых лет своего правления и почти до самой смерти он регулярно совершал набеги на Индию, неизменно заканчивавшиеся успехом и приносявшие богатую добычу.

В первый раз войска Махмуда появились в долине Инда в 1000 г. В 1001 г. в сражении у Пурушапуры он взял в плен

Джаяпала Шахию, правившего в верхней части долины Инда. Освобожденный вскоре за выкуп Джаяпала, в отчаянии от неспособности защитить государство сжег себя на костре.

Правители из династии Шахия до 1022 г. оказывали ожесточенное сопротивление мусульманским захватчикам и, хотя неизменно терпели поражения и были оттеснены в Восточный Пенджаб, отвлекали внимание Махмуда и мешали его проникновению в глубь Индии. Присутствие в тылу такого беспокойного противника, как раджа Шахия, в немалой степени способствовало тому, что индийские походы Махмуда Газневи имели характер кратковременных грабительских набегов.

До 1025 г. Махмуд Газневи совершил набеги на многие области и города в Синде, Пенджабе, Кашмире, Раджастхане, Доабе и Гуджарате. Ему сдалась Матхура, принадлежавшая Томарам; после бегства последнего представителя династии Гурджара-Пратихаров был разграблен Канаудж; армия Чанделлов отступила, не приняв боя; в Гуджарате после победы над Бхимой I Чаулукьей захваченных в храме Сомнатха драгоценностей и золота было так много, что с большим трудом была разрешена проблема перевозки всего этого богатства в Газни. Однако власть Махмуда была реальной лишь в области Мултана и Лахора, которые были присоединены к государству Газневидов и управлялись наместниками. Попытка в 1040 г. объединенной армией Томаров, Чауханов, Парамаров и Чанделлов прогнать захватчиков из Пенджаба закончилась неудачей.

Газневиды (или Ямини) неоднократно предпринимали походы против индийских государей. В 1034 г. Нийалтегин дошел до Варанаси. В 1075—1079 гг. Махмуд Малик совершал успешные походы в область Матхуры, на Канаудж, Каланджар и в Мальву. Наместник Газневидов Бахлим приблизительно в 1120 г. вторгся в Западную Раджпутану и некоторое время правил как самостоятельный правитель в области Нагор.

В 70-х годах XII в., во время борьбы Газневидов с сельджуками, значительно усилились правители небольшого княжества Гур, подчиненного в свое время Махмудом Газневи. В 1173 г. правитель этого княжества Гийас-уд-дин Мухаммад Гури занял Газни, а его младший брат Муиз-уд-дин Мухаммад (известный в Индии под именем Мухаммада Гури) подчинил в 1175—1176 гг. Уч, в 1178 г. — Мултан, а в 1186 г. — позднюю столицу Газневидов — Лахор, установив в Пенджабе власть Гуридов. Таким образом, государство Газневидов было уничтожено.

Поход Мухаммада Гури в Гуджарат окончился неудачей: он потерпел поражение от Бхим Девы II. Однако в борьбе с Чауханами Адждмира, правитель которого Притхвираджа III (Питоу Раи у мусульманских историков) владел землями княжества Томаров в области Дели, завоеванного Чауханами в середине XII в., Мухаммад Гури одержал победу (1192). Притхвираджа был схвачен и убит в 1193 г.

До этого события, несмотря на многочисленные вторжения

иноземцев и наносимый ими урон, Индия, за исключением Пенджаба, продолжала свое независимое развитие. Различные индийские феодальные государства по-прежнему вели между собой борьбу за власть.

Если первый период существования независимых раджпутских княжеств характеризовался военным преобладанием государства Парамаров, то в середине XI в. на первый план выдвинулась держава Калачури. Лакшмикарна Калачури, обычно называемый Карна (30—70-е годы XI в.), присоединил к своему государству земли по среднему течению Ганга и Восточный Доаб (Варанаси и Праягу), отобрав их у Чанделлов, а вскоре после 1051 г. захватил у них и большую часть Бунделкханда. Однако сломить Чанделлов Карне не удалось. Гопала, вассал Киртивармана Чанделлы, сумел отбросить войска Карны и восстановить власть своего государя.

С большим успехом выступил Карна против Бходжи Парамары. Мальва была разделена между Карной и его союзником Бхимой I Чаулукей.

Однако усиление Калачуриев за счет Парамаров никак не устраивало деканских правителей из Кальяни. Во время ожесточенной борьбы за Мальву между Калачуриями и Чалукуями Парамаре Удаядитье удалось восстановить господство своего рода в Мальве с помощью Чауханов из Сакамбхари. Государство Парамаров было воссоздано усилиями его бывших врагов. Карне же пришлось даже оборонять свои исконные земли — Дахалу (область Трипури) от своего недавнего союзника Бхимы I Чаулуки.

Карна прославился многочисленными победоносными походами, имевшими обычный для того времени грабительский характер. Он дважды вторгся в Бенгалию, ходил в Одру, Калингу и на Декан, его войска достигали северо-западных областей Раджпутаны и Кангры. Его наследник Яшахкарна, правивший в конце XI в., пытаясь продолжать воинственную политику, совершал неудачные походы в Северный Бихар и Андхру. Варанаси и Праяга были отобраны у него новой раджпутской династией Гахадавалов. Полчища Западных Чалукуев около 1081 г. опустошили Дахалу, а несколько позже Лакшманадева Парамара (конец 80-х годов XI в. — ок. 1112 г.) захватил и разграбил столицу Трипури. Яшахкарна потерпел поражение также и от Чанделлов, но последующие правители сумели сохранить основную территорию Калачуриев до XIII в.

Владения Парамаров при Лакшманадеве и Наравармане (начало XII в.) распространились на Декан и включали часть Берара, однако эти земли они держали, по-видимому, как васалы Западных Чалукуев.

В Западной Индии в XII в. самым сильным государством было княжество Чаулукуев. Чаулуки обладали большой военной силой и угрожали своим соседям, вступив, например, в 1022—1064 гг. в неудачную для себя борьбу за Мальву.

Можно предположить, что основной причиной, воспрепятствовавшей Чаулукиям более активно влиять на политическую обстановку в Северной Индии, была некоторая изолированность их территории, ограниченной на востоке и севере небольшими, но боеспособными раджпутскими княжествами. В лучшем случае Чаулукиям удавалось лишь добиться признания своего сюзеренитета властями этих территорий, представлявшими различные ветви родов Чауханов, Парамаров и Гухилотов. Даже в глубине владений Чаулукиев, на полуострове Катхиавар, оставались полунезависимые феодалы.

Наибольшего успеха достиг гуджаратский правитель Джаясимха Чаулукия, более известный как Сиддхараджа (1094 — ок. 1143 г.). Он разгромил Яшовармана Парамару и захватил Мальву. Это был решающий удар по Парамарам, ведшим долголетнюю оборонительную войну с Чанделлами и Чауханами. Развал государства Парамаров завершило вторжение войск Чаулукьев из Кальяни и Хойсалов (ок. 1143 г.). Вновь собрать утерянные земли Парамарам удалось лишь через 30 лет, в царствование Видхьявармана.

Победа над Чауханами еще более усилила влияние Сиддхараджи. Аджаяраджа и Арнораджа Чауханы нанесли жестокие поражения парамарскому князю, но воспользоваться ослаблением Парамаров для расширения своих владений на юге страны не имели возможности, очевидно, из-за постоянных войн с Газневидами. На востоке Арнораджа захватил страну Томаров (область Дели и часть Восточного Пенджаба), и в начале 60-х годов XII в. княжество Томаров прекратило свое существование. Но главным противником Арнораджи оказался Сиддхараджа; в конце концов Арнораджа был вынужден признать себя его вассалом. После смерти Сиддхараджи он столь же неудачно воевал с Кумарапалой Чаулукия (ок. 1143—1152 гг.) и вскоре после поражения у стен Аджаямеру (Аджмир) был убит своим старшим сыном.

Чаулукии не извлекли никакой пользы из долгой и кровопролитной борьбы с Чауханами, но они по крайней мере отстояли свои земли от набегов чауханских правителей. В середине XII в. фактически сохранялось равновесие сил между Чаулукиями и Чауханами.

В Северной Индии в середине XI в. в Доабе возникло государство Раштракутов из Канауджа. С этой династией, возможно, был связан род Гахадавалов, захвативший власть в Канаудже в конце XI в.

Первый крупный правитель Гахадавалов — Чандрадева оттеснил Раштракутов в Северный Доаб, занял Праягу и Варанаси, ставший второй столицей этих князей. После разорения Канауджа Махмудом (из династии Газневидов) (ок. 1079 г.) Раштракуты сделали своей столицей Водамаюту (Бадауни) и правили там до 1202 г.

Говиндачандра Гахадавала (ок. 1114—1154 гг.) превратился

в могущественного правителя и стал господствовать над большей частью долины Ганга от Магадхи до Западного Доаба. В борьбе с Чанделлами он захватил часть Восточной Мальвы, отбил нападения мусульман, правителя Ориссы Авантивармана Чодаганга, прошедшего через Бенгалию до Магадхи, и бенгальского правителя из династии Палов Рамапалы. При Джаячандре (1170—1193) держава Гахадавалов была завоевана Мухаммадом Гури:

С конца X в. Бенгалия много раз была объектом грабительских походов североиндийских, деканских и южноиндийских правителей. Однако ни один из завоевателей не смог там закрепиться. Сами же государи Бенгалии не вмешивались в политическую борьбу в Северной Индии.

Распад державы Палов был приостановлен при Махипале I (ок. 988—1038 гг.). Владея в начале царствования только Магадхой, Махипала объединил затем почти всю Бенгалию, Магадху и Митхилу. Наяпала (1038—1055) и Виграхапала III (ок. 1055—1070 гг.) были вынуждены отбиваться от нападений врагов, но в целом сохраняли свои владения. При Махипале II в результате усобиц и восстания феодалов единое бенгальское государство распалось. Последним правителем, пытавшимся восстановить былую славу Палов, был Рамапала (ок. 1077—1120 гг.). Он заручился поддержкой многочисленных полунезависимых князей, объединил Бенгалию и Бихар, завоевал Камарупу и вел активную внешнюю политику, вмешиваясь в дела Уткала, совершив поход в Южную Кошалу и пытаясь продвинуться по Гангу на запад. Здесь его остановили Гахадавалы. При Кумарапале (ок. 1120—1125 гг.) и Гопале III (ок. 1125—1144 гг.) начался окончательный распад государства Палов на ряд мелких независимых владений. Последний из этой династии — Маданапала (ок. 1144—1161 гг.) вел отчаянную борьбу с Гахадавалами, захватившими Магадху, Восточными Гангами, завоевавшими часть Западной Бенгалии, и Сенами — недавними вассалами Палов. К концу правления у Маданапалы оставалась лишь небольшая область в Анге.

Князья из рода Сенов, укрепившиеся в северной части Западной Бенгалии, после смерти Рамапалы постепенно овладели Восточной и Северной Бенгалией. Виджаясена (ок. 1095—1158 гг.) воевал уже с Гахадавалами, Калингой и Камарупой. Валлаласена (1158—1178) овладел Бихаром. Но за пределы Бихара Сены продвинуться не могли из-за давления, оказываемого на них Гахадавалами с запада.

Отсутствие равновесия сил, стремительные возвышения и падения то одного, то другого государства, их внутренняя слабость из-за постоянного соперничества феодалов, разорение страны постоянными грабительскими войнами — таковы характерные черты политической обстановки в Северной Индии накануне мусульманского завоевания. Князья ревниво следили друг за другом и объединялись против слишком удачливого

правителя. Но и успехи сильных государей были лишь непрочными военными победами, не подкрепленными какими-либо экономическими или социальными мероприятиями.

Производительные силы <и торговля> *

До сих пор мы очень мало знаем об уровне производительных сил в Индии на рубеже нашей эры. Результаты новых археологических работ еще не систематизированы, к тому же индийские археологи пока что сравнительно немного интересовались железным веком и наиболее внимательно изучали древнейшие слои городищ.

В развитых районах Индии железные орудия полностью вытесняют медные и бронзовые в V—VI вв. до н. э. В Северной Индии к этому времени исчезают каменные орудия, применявшиеся до того беднейшими слоями населения наряду с бронзовыми. Ассортимент орудий увеличивается, что указывает на дифференциацию трудовых операций, техническую специализацию. Большую роль в совершенствовании ремесленного производства сыграли наследственное закрепление профессий и регламентация деятельности ремесленников в результате образования примерно в V в. до н. э.—V в. н. э. цеховых организаций (шрени, сангха) и сходных с ними по функциям профессиональных каст — джати.

Число упоминаемых в источниках ремесленных специальностей относительно велико. Специализация ремесел в цеховых и кастовых корпорациях имела большое прогрессивное значение, способствовала повышению производительности труда, накоплению ремесленных навыков, совершенствованию качества изделий. Примечательно, что о рабах-ремесленниках в источниках почти нет сведений. Некоторые исследователи¹ говорят о рабынях-пряильщицах, якобы упоминаемых в «Артхашастре» (II.23). Однако из текста видно, что царская пряильная мастерская (*сутрашала*) представляла, по существу, нечто вроде рабочего дома, где использовался труд женщин, лишенных нормальных источников существования: вдов, калек, состарившихся проституток. Эти пряильщицы в мастерской лишь получали сырье и сдавали готовую продукцию. Им платили сдельно. «Артхашастра» рекомендует поощрять их старательность подарками. Понятно, что их трудно называть рабынями. Часть пряильщиц работала принудительно: это были преступницы, отбывавшие срок наказания или осужденные пожизненно. Можно, конечно, говорить, что практически эта последняя категория работниц не отличалась по своему положению от рабов. Следует отметить также, что прядение было обычным женским занятием и выделение его в качестве особой ремесленной специаль-

* Далее текст из главы «Возникновение феодальных отношений», с. 25—33.

ности относится к позднему времени. Что же касается более квалифицированных ремесленных специальностей, то «Артхашастра» неизменно говорит о лично свободных мастерах, работающих за плату. Это не означает, конечно, что рабов-ремесленников не было в Индии вообще. Они упоминаются в эпиграфике².

Сохранившиеся предметы искусства (изящные ювелирные изделия, тонкая резьба по камню) могут служить косвенным подтверждением высокого уровня производительных сил в указанный период. Создаются скульптурные школы — Матхуры, Амаравати, Гандхары. Позднее возникает замечательное искусство времени Гуптов, пещерные и наземные каменные храмы и монастыри. Архитекторы от дерева переходят к новому строительному материалу — камню.

О высоком уровне металлургии свидетельствуют находки статуй, отлитых из бронзы. Бронзовая фигура Будды из Султангаиджа высотой около 2 м весит почти тонну. Литейщики, создавшие эту статую, должны были для получения такого количества расплавленной бронзы уметь строить большие плавильные печи. До сих пор ученых поражает шедевр древнеиндийских металлургов — знаменитая колонна из Мехераули, столб в Дели высотой 6,7 м и около 40 см в диаметре из железа, не подвергающегося коррозии. На колонне имеется надпись начала V в. н. э., скорее всего и колонна была изготовлена в это время. Сохранились обломки другой подобной же колонны из железа. Несомненно, индийские металлурги обычно обходились весьма простым оборудованием, хотя и очень специализированным, как это видно из данных «Артхашастры»³. Но при ручном труде качество изделий зависит в основном не от техники, а от трудовых навыков мастера, тем более что нужно было изготавливать, как правило, небольшие предметы. Искусство индийских металлургов, можно сказать, получило мировое признание: одним из главных товаров, вывозившихся из Индии в Римскую империю в I в. н. э., была сталь⁴, а также железо, не подвергавшееся коррозии⁵. Последнее обстоятельство показывает, что опыт создателей знаменитой колонны из Мехераули отнюдь не был уникальным.

Данные о применении железных орудий в ремесле и сельском хозяйстве скудны, но и при лучшей археологической изученности получить сведения о росте производительных сил в сельском хозяйстве, может быть, будет нелегко: ведь даже в современной Индии почти единственная металлическая часть сельскохозяйственных орудий — это сошник, обычно представляющий собой железную накладку на рабочей части деревянного плуга. Мы можем лишь косвенным образом судить о распространении железа в индийской деревне по любопытному упоминанию в дхармашастре Вишну: там в числе объектов мелких краж, таких, как пряжа, хлопок, коровий навоз (очевидно, как удобрение или топливо), молоко, масло, трава, соль, птица,

мясо, мед, глиняная посуда, упоминаются и «железные горшки»⁶.

Из ремесленных производств первое место по значению занимало ткачество. В источниках упоминаются многочисленные виды и сорта тканей — хлопчатобумажных, шелковых⁷, льняных, шерстяных, джутовых. Индия в те далекие времена была, возможно, единственной страной, где вырабатывались хлопчатобумажные ткани, притом очень высокого качества. Наряду с обычными грубыми индийские умельцы ткали необычайно тонкие мягкие воздушные ткани; красильщики окрашивали их в яркие стойкие цвета; широко применялась набойка сложных, многоцветных узоров. Индийские ткани чрезвычайно высоко ценились на Западе: богачи и знать Римской империи периода упадка делали из них праздничные и церемониальные платья. Ткани составляли важнейшую после пряностей статью импорта Рима и Византии из Индии.

Можно предположить, что первые крупные оросительные сооружения в Индии стали возводиться со времени Маурьев. Сохранилась надпись о создании Гирнарского водохранилища в Саураштре. При Гуптах проводили отводные оросительные каналы на малых реках⁸. К первым векам нашей эры относится сооружение древнейших ирригационных плотин на больших реках Южной Индии. В это же время в Индии появляется так называемое «персидское колесо»⁹ (чигирь) — водоподъемная машина, приводимая в действие домашним скотом, обычно быками. «Персидское колесо» — относительно совершенное приспособление, позволяющее с минимальными затратами человеческого труда перекачивать значительное количество воды на высоту 1,5—2 м; оно широко применяется и в наши дни. В источниках, особенно в эпиграфике, имеются многочисленные упоминания о строительстве водоемов и колодцев для орошения. <...>

Показателем экономического расцвета Индии в первые века до нашей эры — первые века нашей эры служит высокое развитие торговли. Согласно буддийским источникам, постоянные торговые пути, связывавшие разные части Индостанского полуострова, существовали уже в VI—V вв. до н. э. Наиболее удобной торговой артерией в Северной Индии был Ганг с его притоками. Через древний город Удджайини купеческие караваны везли товары из долины Ганга к портам западного побережья в Гуджарате и Северном Конкане. Система торговых путей Северной Индии была связана с торговыми путями Южной Индии большой дорогой от Удджайини к Пратиштхане. В Восточной Индии торговый путь связывал Магадху с Калингой. Декан пересекали караванные дороги, проходившие главным образом вдоль больших рек. Один из путей соединял Коромандельское побережье и центральные районы Индостанского полуострова с западным побережьем через Пратиштхану и Кальяни. В Южной Индии большое значение имела дорога через Палгхатский про-

ход. Основные торговые артерии дополнялись дорогами и тропами, соединявшими города и области. Значительное развитие получило каботажное судоходство¹⁰.

Не много известно о характере внутренней торговли. Очевидно, наибольший удельный вес в дальних перевозках товаров имели ценные компактные грузы, приносившие купцам высокую прибыль и оправдывавшие риск путешествия: дорогие ткани, оружие, драгоценные камни и жемчуг, ювелирные изделия и другие предметы роскоши. Однако наряду с этими товарами объектами караванной внутренней торговли были металлы, необходимые в хозяйстве, соль, добывавшаяся только в определенных районах страны (Раджастан, Пенджаб, морское побережье), кони для военных целей, которых перегоняли из северо-западных пограничных областей (Синд, Камбоджа) даже в южноиндийские государства. Перевозили и продовольствие, например рис, в те районы, где он не производился. Даже при наибольшей замкнутости хозяйственного комплекса деревня была вынуждена приобретать железо, медь, соль. Но было бы ошибкой предполагать, что крестьяне не покупали ничего, кроме этих насущно необходимых товаров, и ничего не продавали.

Общинные ремесленники обеспечивали только важнейшие потребности общинников: отдельные «предметы роскоши» могли приобретаться на рынке. Кроме того, система соединения ремесла и земледелия в самообеспечивавшемся общинном хозяйстве складывалась постепенно и отнюдь не была всеобъемлющей в период средневековья. Сельские ремесленники, наверное, реализовывали часть своей продукции как товар, продавая ее заказчику, хотя существовала и система натурального содержания ремесленников общиной. В деревнях были постоянные и периодические рынки, регулярно устраивались ярмарки. В некоторых деревнях жили торговцы. Многие купцы занимались скупкой продукции сельского хозяйства, разъезжая по деревням, причем они обычно закрепляли за собой клиентуру и постоянно обслуживали «свой» округ¹¹. Главным объектом этой торговли было зерно, но также и другое продовольствие, сбываемое горожанам, армии и т. п. Пряности, красители (индиго, шафран и др.), хлопок частично потреблялись в городах и шли на экспорт. Понятно, что товарно-рыночные связи больше всего развивались вокруг больших городов.

В южноиндийском памятнике «Мадурайканджи» (около IV в. н. э.) нарисована яркая картина повседневной торговой жизни древнего города¹²: «Мешки перца и шестнадцати видов зерна — неочищенного риса, проса, грама, гороха, сезама — громоздились на улице торговцев зерном; измерители сновали туда и сюда с мерами в руках, взвешивая или измеряя перец и зерно, покупаемое людьми. На обширной рыночной площади продавались повозки и колесницы, кольчуги, металлические пояса, кожаные сандалии, опахала из белых хвостов яков, копыта

и дубинки, стрекала для слонов и доспехи для защиты боевых слонов; различные товары из меди и латуни, пилы и резцы, гирлянды цветов и благовонные мази». Продавалось также множество хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканей. Торговля ювелирными изделиями и золотом происходила на особых улицах.

Внешние торговые связи играли большую роль в процветании городов, чем их товарно-рыночные отношения с непосредственной сельской периферией. Почти весь цивилизованный мир покупал индийские товары. От Египта и Сирии до Калимантана и Китая пролегали пути предприимчивых индийских купцов, но они не были монополистами в этой торговле: арабы, персы, малайцы, китайцы вели свои караваны и корабли по тем же маршрутам. В первые века нашей эры широкое развитие получила торговля Индии со странами Средиземноморья.

Наиболее характерными товарами были различные пряности, главным образом из Южной Индии и даже из Индонезии: корица, перец, имбирь, кардамон и другие, хлопчатобумажные ткани различного качества, тростниковый сахар, железные и стальные изделия, слоновая кость, драгоценные камни, жемчуг и разные «дикивинки». Важно отметить, что объектами торговли между странами Аравийского моря были не только предметы роскоши или вообще дорогие товары, но и такие обыденные, как зерно, в том числе рис, сезамовое масло, строительный лес и грубые хлопчатобумажные ткани¹³.

В нашем распоряжении имеются в общем заслуживающие доверия данные о стоимости ввозимых в Римскую империю индийских товаров. За них Риму приходилось платить золотом или серебром, так как купцы не могли предложить индийцам в обмен какие-нибудь товары, пользующиеся спросом на Востоке. Ежегодно в Индию вывозилось драгоценных металлов на сумму от 50 млн. до 100 млн. сестерциев¹⁴.

Находки отдельных римских монет и целых кладов чрезвычайно многочисленны в Индии, особенно в прибрежных областях Деканского полуострова и в Гуджарате. Названия монет «динара» и «драмма» вошли в индийские языки благодаря широкому обращению чеканившихся в Римской империи денариев и драхм.

Значительные потоки товаров из Индии на Запад, в Месопотамию и Сирию шли также караванными трассами через территорию Ирана, что оказывало влияние на развитие городов Северо-Западной Индии.

Большую роль в экономической жизни этого района играл и Великий шелковый путь.

В III—V вв. н. э. намечается упадок этой трансазнатской караванной магистрали. Одновременно уменьшается и объем морской торговли Индии с Западом. Сокращение торговой активности было вызвано в основном кризисом и гибелью Римской империи — главного рынка восточных товаров — и собы-

тиями в Китае, где лишь только к концу этого периода удается преодолеть усобицу и разруху.

Политическая сумятица «темного» III века нанесла большой ущерб торговле, но в хозяйстве и культуре Индии незаметно каких-либо серьезных перемен. Возникновение в IV в. Гуптской державы дало новый толчок расцвету торговли.

Что же касается Малабара и крайнего юга Индии, то здесь никаких резких изменений мы не знаем. Образование в III в. на Коромандельском берегу государства Паллавов способствовало развитию торговли. Незадолго до начала нашей эры индийские купцы укрепились в Нижней Бирме. Примерно с I в. н. э. возникли поселения индийцев на Малаккском полуострове и о-вах Суматра и Ява. Первоначально они представляли собой, очевидно, фактории купцов, но с течением времени индийское население в возникающих на торговых коммуникациях портах росло за счет людей, оседавших здесь на постоянное жительство и занимавшихся не только торговлей, но также ремеслом, военным делом (охраной товаров и судов), занятых в сфере обслуживания и т. д. Руководители индийских колоний — богатые купцы и всякого рода авантюристы — смешивались с господствующей верхушкой местного населения и создавали сложный по этническому составу правящий класс нарождавшихся здесь государств.

Высокоразвитая культура Индии оказала глубокое влияние на народы Юго-Восточной Азии. Но процесс «индианизации» Юго-Восточной Азии отнюдь не сводился к механическому заимствованию или навязыванию всего индийского. Происходил весьма плодотворный синтез иноземной индийской и местных культур, который привел к созданию своеобразных черт поражающей воображение исследователя богатой цивилизации.

К II—VII вв. н. э. относится эпоха создания и расцвета так называемых индианизированных государств Юго-Восточной Азии. Контакты их с Индией оставались очень оживленными на протяжении всего этого периода, причем помимо торговли наблюдается также эмиграция из Индии. Сфера деятельности индийских купцов простиралась до Китая, Северного Калимантана и Бали. Не меньшую, а может быть, большую роль в торговле Индии и этого района играли малайские мореходы.

В восточной торговле участвовали все порты Индии, расположенные на берегах Бенгальского залива. Важнейшее значение в посреднической торговле с Западом имел Цейлон и близкие к мысу Коморин порты Индии — Коркай, Куилон (Кулам) и др. Купечество южноиндийских государств заняло видное место на рынках Юго-Восточной Азии. Особенно тесные связи с заморскими странами были в V—VII вв. у государства Паллавов. Другой областью, известной своим активным участием в морской торговле, была Калинга. Важнейшими портами, соединявшими долину Ганга с восточными морями, служили Тамралипти в дельте и Чампа на первой большой излучине Ганга.

Широкое развитие внешней торговли Индии в первые века нашей эры дало толчок товарному производству хлопчатобумажных тканей, а также некоторых сельскохозяйственных культур (перец, корица, может быть, красители — индиго, шафран). С первых веков нашей эры намечается товарная специализация хозяйства Малабара и несколько специфическое развитие там общественных отношений, обусловленные географической и исторической изоляцией этого района.

<Генезис феодальных отношений>

* Еще несколько лет назад казалось само собой разумеющимся существование рабовладельческой формации в древней Индии. Правда, сколько-нибудь серьезных попыток подтвердить это не предпринималось. <...> <Дальнейшее> изучение генезиса феодализма показало отсутствие принципиальных различий в производственных отношениях, существовавших в тот период, который рассматривался как время расцвета рабовладельческой формации (т. е. первые века до н. э.), и в период раннего средневековья (примерно VI—XII вв. н. э.). При всей недостаточности наших знаний стало ясно, что основные формы феодальной собственности в раннее средневековье развились из соответствующих форм, существовавших в древности, возникновение же последних непосредственно связано с процессом развития у индоариев государства и классовых отношений. <...> В настоящее время складывается уже более или менее цельное представление о характере социально-экономических отношений в древней Индии в период от вед до начала нашей эры.

Развитие классового общества мы можем проследить только с ведического времени, когда в Индии происходит как бы повторение начального этапа истории — разложение первобытнообщинных отношений у ариев и автохтонного населения долины Ганга и возникновение государственности. <...> Варварские племена, видимо, подключились к общему процессу развития классового общества в Индии, начавшемуся на рубеже II и I тысячелетий до н. э. <...> Процессы социальной дифференциации и классовообразования должны были проходить у них сходным образом, тем более что фактически это развитие обернулось синтезом пришлой и автохтонной культур и общественных форм. <...> Тем не менее из-за специфики источников нам видны в основном черты общественного устройства и развития ариев, и вся ранняя история представляется односторонней — как эволюция арийских институтов. Роль и место автохтонного населения в историческом процессе выявлены индологами пока еще весьма слабо и главным образом в сфере культуры и религии. Однако исходя из допущения о всеобщности закономер-

* Сокращенный текст статьи «Генезис феодальной формации в Индии». — Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973, с. 56—64.

ностей перехода от первобытности к классовому обществу можно с оговорками считать, что следующее далее краткое описание эволюции социально-экономических отношений в существенной степени относится также и к неарийскому населению. <...>

На ранней стадии производящего хозяйства появляется избыточный продукт и начинается его накопление в качестве общественного запаса. Это накопление у ариев происходило главным образом наиболее удобным и доступным способом — путем увеличения поголовья крупного рогатого скота. <...> Такая форма накопления общественного запаса, а затем и богатства вообще характерна для многих народов на этой стадии развития; голова скота становится первым денежным эквивалентом. С этим связано и повышенное внимание к скоту, коровам в древнейших литературных памятниках ариев, в ведийской лексике. Особенно показательны слова, употреблявшиеся для обозначения войны, — гавишти, гавьюддха — «искание коров», «борьба за коров», что прямо указывает на важнейший объект военных столкновений той эпохи. Гипертрофированное внимание в гимнах вед к стадам коров дало основания к широко распространенному мнению о кочевом характере арийского общества, что как будто бы подкреплялось и фактом «арийского завоевания» Индии. Однако расселение ариев в Пенджабе и западной части долины Ганга, как теперь можно считать установленным, заняло от трехсот до пятисот лет (XII—X вв. до н. э. или, <...> учитывая время начала движения из Афганистана, XIV—X вв. до н. э.). Внимательный анализ археологических данных и сведений «Ригведы» показывает, что арии занимались земледелием, жили оседло и скотоводство у них было, очевидно, не кочевое, а пастбищное. Известную же подвижность ариев можно объяснить примитивностью методов ведения сельского хозяйства, что вынуждало их часто сменять угодья из-за их относительного истощения и в то же время препятствовало образованию прочной связи с землей.

Возникновение избыточного продукта и соответственно его накоплений, которые нельзя потребить непосредственно, создает, с одной стороны, возможность увеличения общественного запаса, а с другой — возможность его отчуждения путем войны. В этих условиях война превращается в регулярную форму общественных отношений, выделяется как особая сфера человеческой деятельности, что дает начало развитию военного искусства, требующего особой техники и навыков, существенно отличающихся от навыков охотника. Одновременно в связи с переходом основной массы населения к земледелию, отнимающему все больше и больше времени у членов племени, их охотничьи и боевые навыки постепенно утрачиваются, а необходимость участия в войне вступает во все больший антагонизм с их потребностями как земледельцев.

Таким образом, выделение части соплеменников для защи-

ты имущества и безопасности данного коллектива, а также для приумножения его достояния за счет соседей оказывается естественным. Для этой цели первоначально, очевидно, подбираются наиболее способные воины, однако в дальнейшем военная функция столь же естественным образом становится наследственной и сосредоточивается в определенных родах. Этому способствуют на первых порах необходимость обучения военному искусству с малолетства, постоянные военные тренировки, что, понятно, воины проще могли осуществлять в отношении собственных сыновей или, во всяком случае, в своей среде. Как это происходило, иллюстрируется рассказом «Махабхараты» об обучении Пандавов знаменитым воином Дроной. Вообще же воины постоянно проводили военные игры-состязания, на которые после обособления варны кшатриев не допускались представители других социальных рангов (см. опять-таки «Махабхарату», но подобные состязания равным образом были распространены и у других народов). Возникающее отчуждение от массы племени, стремление сохранить захваченные привилегии, традиция и, наконец, право способствуют превращению военной прослойки в замкнутое сословие кшатриев. Поскольку оно выполняет общественно полезную функцию защиты племени, последнее содержит его за счет труда сельскохозяйственного населения.

Подобным же образом развитие религии, усложнение ритуала, создание массы религиозных текстов объективно приводят к обособлению жреческой деятельности. Овладеть необходимым священным знанием оказывается возможным только в результате многолетнего обучения (с детства) и постоянной тренировки. С точки зрения первобытных людей, ритуальная забота о благополучии племени была не менее важной, чем военная защита. Поэтому целесообразность содержания племенем варны брахманов не вызывала сомнений. Нельзя упускать из виду также и хозяйственно-организующей роли брахманов, которые являлись хранителями практического знания, календаря и т. д.

Так происходит разделение труда на производительный и непроизводительный. Последний включает в себя как действительно общественно полезные функции, так и воображаемые. На этом этапе все подразделения племени еще сохраняют органическое единство. Однако вычленение военного и жреческого сословий неизбежно положило начало их возвышению и превращению в господствующие группы. Этому способствовало выполнение ими ряда важных руководящих функций — в сохранении и распределении общественных запасов, решении важных внутренних дел племени, в частности в суде, решении вопроса о войне и мире, наконец, в организации самого производства. Надо полагать, что важнейшие дела решались на народном собрании племени, но, благодаря авторитету и специфичности своих функций представители высших сословий могли оказывать на собрание большое влияние и фактически руководить им.

Соответственно росту значения высших сословий должно было подниматься и их имущественное благосостояние, выделяющее их все больше из массы членов племени. По мере увеличения авторитета кшатриев и брахманов, особенно лиц, принадлежавших к руководящей прослойке в их среде, следует ожидать и появления внешних признаков их престижа, выражавшихся и в их лучшем материальном обеспечении, что облегчалось их ролью в распоряжении общественным имуществом.

По мере консолидации высших варн способ их содержания приобретает форму регулярных отчислений от сельскохозяйственного продукта некоей доли, получившей название *бали*. Размер этой доли медленно возрастает по мере увеличения потребностей высшей прослойки и складывания государственного аппарата. Конечно, важную роль в обогащении сословной верхушки племени играла военная добыча, захваченная кшатриями (причем главы племен раджаны и предводители получали при дележе большую долю), в результате перераспределения достававшаяся отчасти и брахманам. Однако, очевидно, значение регулярного снабжения нетрудовых сословий имело более существенное значение для варны кшатриев в целом, чем военная добыча. Для предводителей же сочетание военной добычи и содержания, приличествующего их рангу, могло создавать значительные накопления, которые, возможно, давали в некоторых случаях начало частному хозяйству этих лиц, например, с производственным использованием рабов. Все же представляется, что и в этом случае основой их богатства оставался доход, связанный с выполнением присущей им социальной функции.

Следует подчеркнуть, что само отношение к богатству в этот период было своеобразным, в основном потребительским и престижным, т. е. целью представителей племенной знати являлось не умножение богатства самого по себе, а его непосредственное потребление, главным образом в форме простейших продуктов питания, самими знатными людьми, их родичами, многочисленной челядью, гостями, во время праздников и религиозных обрядов, требовавших весьма крупных расходов. Расходы соответствовали тому положению и почету, на которые могло претендовать данное лицо, при этом существеннее всего то обстоятельство, что непроизводительная трата богатства рассматривалась, по-видимому, как естественное его предназначение. Даже в VII в. н. э. Харшавардхана, по сообщению Сюань Цзана, каждые пять лет устраивал благотворительную раздачу накопленной казны брахманам, буддийским монахам и бедноте. Конечно, нельзя предполагать, что раздавалась вся казна, но тем не менее сохранение столь архаического обычая и его характер говорят сами за себя¹⁵. <...>

Необходимость обеспечения условий производства существует во всех обществах, но эти расходы вычлениются из собственно экономических отношений как внешние для них, хотя сами по себе могут достигать огромных величин. Присвоение

же руководящей верхушкой общества средств, изымаемых у непосредственных производителей якобы на общественные нужды в своекорыстных целях, создает отношения эксплуатации, превращающие присваиваемый продукт в прибавочный. При разных способах производства эта доля общественного продукта создается внутри соответствующей экономической системы, в рамках определенных производственных отношений; уже по этой причине налоговое обложение, через которое чаще всего происходит изъятие средств у населения, лишь по видимости может выступать как единая форма для всех времен и народов. В ряде случаев присвоение указанного продукта происходит через систему перераспределения, в других случаях — непосредственно, как прямое изъятие из хозяйства производителя.

Последнее характерно для феодальных отношений и представляет собой вид продуктовой ренты, причем для основной производственной ячейки — мелкого земледельческого хозяйства — безразлично кем — государством или частным лицом — отбирается прибавочный продукт, поскольку процесс производства целиком заключен внутри данной ячейки и потребитель прибавочного продукта не является необходимым элементом производства. Такая форма эксплуатации (феодалная) не имеет в принципе экономического основания и покоится на внеэкономическом принуждении, имеющем разнообразные формы, в том числе и идеологическую. Если на ранних этапах развития общества содержание высших варн за счет племени и по сути, и по форме соответствовало общеплеменным интересам, то впоследствии форма изъятия прибавочного продукта, ее идеологическое обоснование как плата царю за охрану подданных извращают ее содержание — своекорыстное потребление господствующим классом прибавочного продукта.

Как уже было сказано, это не исключает того, что значительная часть изъятых у населения продуктов может идти на общественные цели. Однако следует заметить, что по мере развития государственности и классового общества господствующая верхушка все более отчуждается от народа и военные усилия воспринимаются прежде всего как средство самосохранения верхушки и даже затраты на расширение объема производства (например, ирригационные работы) начинают рассматриваться, видимо, в первую очередь как возможность расширения базы эксплуатации. <...>

<Система собственности на землю>

* Рента-налог (*бали, кара* и др.) <уже в древности> достигла значительной величины. Брахманы-правоведы постоянно предостерегали правителей от опасности чрезмерного увеличе-

* Далее текст из главы «Возникновение феодальных отношений», с. 34—35.

ния податей, могущего привести к разорению страны и возмущению подданных. «Законы Ману» советуют царю: «Ежегодный налог следует взимать через верных слуг: надо относиться с полным уважением к обычаям [существующим] в народе [и] поступать с людьми, как отец». Здесь подразумевается соблюдение нормальных размеров податей, установленных обычным правом. Далее в том же источнике говорится: «Как мало-помалу поглощают пищу пиявка, теленок и пчела, так мало-помалу царем должен быть получаем от страны ежегодный налог... Не следует подсекать корень свой и других чрезмерной жадностью, ибо подрубающий корень губит себя и других»¹⁶.

Сообщения древних источников о размерах государственного земельного налога <...> довольно многочисленны. Упомянуты ставки налога в двенадцатую, десятую, восьмую, шестую, четвертую, третью и половинную долю урожая, причем наиболее часто встречается ставка в шестую часть урожая. Эта ставка, видимо, считалась нормальной. В одной из надписей Ашоки зафиксировано уменьшение налога с деревни Лумбини, которая считалась буддистами святым местом, с обычной ставки в шестую часть урожая до восьмой части¹⁷. Помимо зерна правитель мог претендовать на шестую часть производимых в хозяйстве крестьянина мяса, меда, масла, лекарственных трав, благовоний, цветов, кореньев, фруктов, шкур, глиняных горшков и пр.¹⁸.

Ставка налога в шестую часть продукции — шад-бхага — сохранялась и в раннее средневековье.

Для взимания других ставок налога были различные основания. Большое значение имела степень культурного освоения того или иного района, а также степень подчинения центральной власти. С отдаленных от центра государства земель приходилось собирать более умеренный налог. Размер налогообложения зависел также от плодородия земли.

В «Артхашастре» наивысшую ставку налога в треть и четверть урожая рекомендовалось взимать с местности «с обильными осадками и изобилующей хлебом». «С местности среднего или более низкого свойства [в смысле урожайности] он (царь. — *Е. М.*) должен взимать в соответствии с богатствами данной местности». Как видим, на местность со средней и низкой урожайностью приходилось и более низкое обложение: вероятно, шестая часть урожая, восьмая и ниже. Каутилья не советовал взимать налог со вновь осваиваемых земель, с «местности с малой урожайностью» и со стратегически важных территорий¹⁹. Исходя из данных источников, можно считать, что шад-бхага взималась с наиболее распространенных неорошаемых, богарных земель и по этой причине оказалась характерной, обычной ставкой налога.

Сравнение данных о налогообложении ранних и более поздних источников обнаруживает тенденцию к повышению нормы эксплуатации. Так, в древнейших дхармашастрах, например в

дхармашастре Гаутамы (ок. V в. до н. э.), указано, что земледельцы должны платить царю налог в размере десятой-восьмой части урожая или — как высшую ставку — шестой части²⁰. Приведенные выше сведения «Артхашастры» относятся к началу нашей эры. Постепенное возрастание налогообложения отражало увеличение производительности труда, следствием чего был рост прибавочного продукта и расширение возможностей эксплуатации. На рубеже нашей эры допустимая норма эксплуатации в среднем равнялась одной шестой.

* Распределение продукта, отчужденного из хозяйства через фискальный аппарат, могло принимать различные формы, в частности зависело от политического строя. Разделение ариев на непосредственных производителей и нетрудящуюся привилегированную верхушку уже само собой положило начало деградации народного собрания и захвату власти кшатрийской аристократией. Долгое время последняя нуждалась в поддержке народного собрания и господствующие кшатрийские роды вели между собой борьбу, апеллируя к массам соплеменников. В одних случаях наследование власти военного вождя привело к возникновению монархии. В других случаях образовались олигархические кшатрийские республики. Возможно, были также республики с довольно широким представительством народа, своего рода вариант демократии. В более поздние времена они, по-видимому, должны были вырождаться в монархии или олигархические республики. Указание античных источников на государства с народовластием касается, видимо, племен, запоздавших в своем развитии и вступивших в стадию классообразования в тот период, когда другие индийские государства уже прошли долгую эволюцию.

Так, сообщения греческих и римских авторов, основанные на записках спутников Александра, указывают на существование в Северо-Западной Индии весьма примитивных государственных образований, часть которых, видимо, находилась еще на разных ступенях военной демократии. Среди этих племенных государств были и монархии, и республиканские образования, одно из них показалось грекам по устройству очень похожим на Спарту. Цифры, характеризующие их военную силу, позволяют сделать предположения о социальной структуре этих племен. По оценкам греков, ряд племен выставял несколько десятков тысяч пехотинцев, несколько тысяч конников, несколько сот колесниц. По-видимому, пехотинцы представляли собой ополчение, включавшее бо́льшую часть взрослых мужчин племени, способных носить оружие. Конница и колесницы — это, вероятно, в основном профессиональные воины, составлявшие высший слой племени; они могут быть уподоблены кшатриям. Конечно, подобная пропорция родов войск вполне естественна. Однако грубый подсчет численности индийских воинов в сообщениях гре-

* Далее текст из статьи «Генезис феодальной формации в Индии», с. 78—82.

ков в сопоставлении с незначительностью территорий государств-племен, не очень благоприятными природными условиями, чертами примитивности быта и общественного строя наводит на мысль, что это были именно племенные ополчения. В самом деле, по имеющимся данным, на территории, через которую прошел Александр в Северо-Западной Индии, было свыше 20 государственных образований. Общее число воинов, противостоящих македонцам или убитых ими, достигает почти 400 тыс. Но при этом численность воинов более половины из упомянутых государств или племен в источниках не указана. Таким образом, полученную цифру можно было бы удвоить (при подсчете учитывались царства Пора и Таксила).

В какой-то степени сведения об этих племенах Пенджаба и Синда, так же как и данные о других подобных образованиях, могут быть использованы для реконструкции истории древнейших индоарийских государств, складывавшихся первоначально на основе племен и союзов племен. В буддийских источниках упомянуты 16 основных, а всего около 30 таких государств — махаджанпад, имеющих названия (может быть, за небольшим исключением) по племенам.

Одним из ранних государств было племенное государство Куру, представлявшее собой по происхождению союз племен, в дальнейшем объединившихся с союзом племен Панчала (возникшим в результате слияния пяти племен). Объединение Куру — Панчала играло важную политическую роль в западной части долины Ганга в VIII—VII вв. до н. э., что нашло отражение в «Махабхарате» и пуранах.

Формы коллективной эксплуатации и потребления прибавочного продукта определялись сложением бюрократического аппарата и придворной иерархии в монархиях и, по видимости, более непосредственным господством военного слоя и более равномерным распределением дохода внутри его в республиках. Массы вайшьев в случае получения государством дохода от закрепощенного иноплеменного населения, по-видимому, были фактически отстранены от участия в его распределении и могли эксплуатировать шудр лишь частным образом. <...>

Представляется правомерным поставить вопрос о кшатрийском землевладении в монархических государствах. Вероятно, кшатрии существовали не на одно только жалованье как наемные воины, но имели и земельные участки, которые могли обрабатываться арендаторами, рабами, кармакарами, а возможно, и общинниками. Во всяком случае, «наследственное войско» полагалось, согласно «Артхашастре», вознаграждать земельными пожалованиями.

Вполне вероятной кажется догадка о существовании в монархических государствах кшатрийского землевладения, возникшего в результате завоевания и сходного с тем, что было в ганах и сангхах. Такое землевладение могло сложиться в период существования племенных государств (т. е. в основном до

VI—V вв. до н. э.) вследствие отстранения господствующей верхушкой (преимущественно кшатрийской) вайшьев от участия в дележе военной добычи, в том числе и недвижимой, а также и от участия в эксплуатации подчиненного населения. Это должно было быть естественной стадией в развитии государства, дальнейшим шагом в обособлении сословия кшатриев от простолюдов и противопоставлении его вайшьям как полновластного распорядителя средств, приобретенных войной. В то же время на этой стадии вождь-раджа еще мог не иметь монопольного права распоряжаться этим богатством: характерная для следующего периода централизованная форма распределения в виде жалованья и служебных бенефициев еще полностью не развилась.

В ходе образования крупных монархических государств, и прежде всего Магадхской империи, завоеватели могли ограничивать на захваченных территориях права местных кшатриев-землевладельцев вплоть до обложения их земель налогом или, местами, совсем ликвидировать их. Так же и позднее в результате многочисленных войн происходило, очевидно, не просто присоединение к государственному фиску новых облагаемых налогом земель, но и перераспределение собственности частных землевладельцев, прежде всего, вероятно, собственности кшатриев побежденного государства.

Возможность образования кшатрийского землевладения (а также и эксплуататорского землевладения других варн) в результате завоевания и захвата новых земель у отсталых племен сохранялась, очевидно, и при магадхских государях и позже. Вероятно, наблюдались также явления обратного порядка: подчинение некоторых культурных районов относительно отсталыми («лесными») племенами, достигшими уровня классообразования и становления государственности. В таком случае уже эти племена в целом и их верхушка в особенности могли выступать в качестве коллективных и частных получателей ренты.

Если кшатрии были землевладельцами, то какая-то доля феодальной эксплуатации в их хозяйствах определенно присутствовала, наиболее вероятным кажется использование труда арендаторов. В тех немногих случаях, когда источники сообщают о крупном землевладении <...>, мы можем найти свидетельства существования эксплуатации арендаторов наряду с эксплуатацией дасов и кармакаров. <...> На царских землях «сита», судя по «Артхашастре» Каутильи, также применялся труд арендаторов, кармакаров и дасов. Такое сочетание видов эксплуатации было типичным не только для крупного землевладения, но и для мелких эксплуататорских хозяйств внутри общины. При этом отношения аренды, представляющей собой частный случай феодальных производственных отношений, были весьма распространенными. <...>

<Отдельно стоит вопрос о землевладении представителей управляющего, фискально-бюрократического слоя. Оплата их

услуг сначала, видимо, осуществлялась централизованно.>

* Средства, полученные от эксплуатации свободного населения, частично распределялись среди придворных, чиновников и военных через государственную казну. Подробные сведения о пожалованиях этим лицам (натурой и деньгами) мы находим в «Артхашастре». Некоторое представление о методах вознаграждения чиновников дает следующий отрывок из этого трактата: «Деятельность государственных служащих должна быть определена в соответствии с надобностями укрепленных городов и селений, и оплата [их] должна равняться $\frac{1}{4}$ дохода»²¹. Таким образом, оплата чиновников этой категории была не фиксированной, а пропорциональной доходу с управляемой ими местности.

Китайский путешественник Фа Сянь, посетивший Северную Индию в начале V в. н. э., также упоминает о жалованье чиновникам из казны²². Вероятно, до времени Гуптов такой способ вознаграждения государственных служащих оставался господствующим. Но мы знаем, что он не был единственным. Некоторые должностные лица вознаграждались пожалованием им права сбора налога в деревнях. В главе «Заселение и устройство области» Каутилья рекомендовал царю давать земли «надзирателям, учетчикам и тому подобным старостам, старшинам, дрессировщикам слонов, лекарям, тренировщикам коней и посыльным, но без права продажи или заклада»²³. У Ману же сказано следующее: «...управитель десятию [деревнями] пусть пользуется (*бхунджита*) одной кулой, управитель двадцатью — пятью кулами, управитель (*адхьякша*) сотней деревень — деревней, управитель тысячей — городом»²⁴. Подобные указания о прямых земельных пожалованиях содержатся в «Махабхарате»²⁵. Быть может, так же вознаграждались управители деревень, упомянутые у Вишну²⁶ и в ряде других источников. <...>

У Ману указаны размеры владений, но значение термина «кула» неопределенно. Здесь могла подразумеваться единица площади — земля, которую в состоянии вспахать две упряжки быков, и участок одной семьи, примерно такой же по размерам. Однако во втором толковании кула в контексте у Ману могла означать не только участок, но и семью земледельца, сидевшую на этом участке. В этом случае земля, видимо, обрабатывалась трудом общинников при условии уплаты налога должностному лицу, получившему ее.

Обращает внимание запрещение свободно распоряжаться землей, пожалованной за службу. Государство стремилось сохранить контроль над владениями, которые, должно быть, считались связанными с замещением определенной должности и поэтому могли быть временными. Вознаграждение пожалованием земли дополняло плату чиновникам четвертой (или подобной) доли налога, как это указывалось выше.

Вознаграждение пожалованием деревень давалось провинци-

* Далее текст из главы «Возникновение феодалных отношений», с. 35—42.

альной, низшей администрации, осуществлявшей в основном сбор налогов. Были ли служебные владения подобного типа у высших чиновников и знати — неизвестно.

Обычай пожалования деревень приближенным государя существовал в Индии с давних пор, и, можно предполагать, светские земельные владения феодального типа не были в древности большой редкостью. Вообще пожалование деревни за заслуги перед правителем представлялось столь естественным, что в литературных произведениях зачастую изображался царь, проявлявший свою благосклонность именно таким способом.

Так, в одной из джатак рассказывается о тридцати ложно обвиненных крестьянах; когда царь узнал об их добродетельном поведении, он сделал клеветника их рабом и подарил им слона и деревню²⁷. Очевидно, здесь, как и в других подобных случаях, прежде всего имеется в виду получение с деревни дохода, причитавшегося ранее государю <...>

В буддийском произведении «Джатакамала» (IV—V вв. н.э.) мы также находим подобные случаи. Царь обещает пожаловать «богатую деревню и десять женщин прекраснейших» человеку, который покажет ему оленя-руру. В другом месте этого произведения бхикшу (буддийский монах) говорит: «Прекрасную деревню, четырежды обильную, в дар получивши от царя, пусть утопает в наслаждениях»²⁸. В «Рамаяне», известная редакция которой датируется не позднее IV в. до н. э., рассказывается о дарении гонцу, сообщившему о возвращении Рамы, ста деревень и другого имущества²⁹.

Частные собственники деревень упоминаются в литературе как явление вполне обычное. В «Милинда-панье» (II в. до н. э.) говорится, например, о человеке, владеющем деревней, где живут крестьяне, рабы, бхртаки, кармакары и другие жители³⁰. Крупные земельные владения, включавшие деревни, были у богатых купцов. Так, в «Дхаммапада-Аттхакатхе» упоминаются начальник города, владевший сотней деревень, купец Дхананджан, получивший в наследство сто деревень и имевший помимо этого еще ряд деревень, управляющий купца, перечислявший деревни и поля среди прочего имущества своего умирающего хозяина. В «Самьютта-Никая-Аттхакатхе» и «Тхери-Гатха-Аттхакатхе» упоминается человек, владевший четырнадцатью деревнями³¹. <...>

Обычай раздачи земельного налога с деревень широко практиковался для обеспечения доходом членов царского рода. Царя, сыновья царя и другие родственники получали своего рода «кормления» в виде одной или нескольких деревень.

Согласно «Рамаяне», главная жена царя Айодхьи Дашаратхи Каусалья владела тысячью деревень³². В «Махабхарате» сказано, что двоюродные братья Кауравов — Пандавы, возвратившись из изгнания, претендовали на получение по меньшей мере пяти деревень, с тем чтобы каждому из них досталась одна деревня. Предания сохранили рассказ о длительном кон-

фликте между Магадхой и Кошалой из-за богатой деревни Каси. Деревня была дана кошальской царевне как приданое при ее свадьбе с магадхским царем Бимбисарой. После ее смерти новый царь Кошалы Прасенаджит (Пасенади) предъявил претензии на деревню. Наследник Бимбисары Аджаташатру смог вновь завладеть деревней лишь после брака с дочерью Прасенаджита, которой Каси была пожалована в приданое. Подать с этой деревни в «сто тысяч» предназначалась «па омовения и благовония»³³. Царевич Ашока получил от своего отца в дар деревню. Будучи царем, Ашока подарил ослепленному им старшему сыну Кунале богатую деревню. В «Житии Аполлония Тианского» рассказывается о таксильском царевиче, бежавшем от заговорщиков в чужую страну и женившемся там на дочери царя. Он долгое время жил на доходы с семи селений, пожалованных царем в качестве приданого дочери³⁴.

Особую категорию составляли владения брахманов (брахмадея, аграхара), храмов (девадая, девадана) и буддийских монастырей. Эти разряды землевладения объединялись сходством условий держания. Земли передавались брахманам и религиозным учреждениям навечно, освобождались от налогов и податей. пожалование земли в качестве религиозного дара почиталось великой добродетелью, а покушение на дарованную собственность — тяжким грехом.

Для изучения процесса становления феодальной формации землевладение брахманов — брахмадея — представляет особый интерес. Дарения брахманам земли и деревень известны в Индии с древнейших времен и упоминаются в поздневедической литературе, древнейших смрити и «Махабхарате»³⁵. В «Чхандогья упанишаде» рассказывается о пожаловании брахману Райкве нескольких деревень в стране Махавриша, причем впоследствии эти деревни были известны под названием Райквапарна³⁶. В «Калика-пуране» рекомендовалось дарить молодым брахманам для обеспечения их вступления в состояние (ашраму) домохозяина «сотню нивартан (мер.— Е. М.) земли, или поселок (?), или половину деревни»³⁷. В одной из джатак рассказывается, например, о брахмане, получившем в дар от царя Каси (Каши) деревню и полную власть над ней³⁸.

Характерно, что дарения брахманам были хорошо известны древним правоведам под тем же названием, что и в более поздней эпиграфике I тысячелетия н. э., — «брахмадея» и обладали тем же специфическим признаком — налоговым иммунитетом³⁹. <...>

В случае пожалования брахману небольшого участка, который он мог обработать собственными силами, этот иммунитет означал лишь освобождение от налогов и поборов самого землевладельца. Но если имелся в виду обширный участок, включавший территорию части или всей деревни, или нескольких деревень, налоговый иммунитет был равнозначен передаче налогов и податей, взимаемых с жителей местности, брахману. В та-

ком случае он выступал в качестве эксплуататора общинников вместо государства и реализация собственности на землю (получение ренты-налога) фактически осуществлялась в пользу частного лица.

Первые по времени документальные свидетельства о пожаловании деревень брахманам относятся лишь к I в. до н. э. — I в. н. э. В надписи Ушабхадатты (I в. н. э.) говорится о дарении шестнадцати деревень храмам и брахманам⁴⁰. Другие надписи в пещерах Карли и Насика II в. и более поздних веков представляют собой документы о дарении деревень общинам буддийских бхикшу⁴¹.

Первые грамоты на меди о пожаловании земли относятся к IV—V вв. Они лаконичны, при общем сходстве весьма существенны различия в форме. В последующие века форма документов усложнялась и унифицировалась. Число найденных грамот, относящихся к раннему средневековью, достигает нескольких сот, а всего их собрано уже несколько тысяч. <...>

Вероятно, грамоты на меди о дарениях брахмадеев стали гравировать примерно с III в., а раньше писали их только на легко разрушающихся материалах. Между тем, как было показано выше, пожалования типа брахмадеев существовали задолго до этого времени. Почему же тогда грамоты о дарениях брахмадеев появились так поздно?

По-видимому, появление дарственных грамот на землю совпадает с временем широкого развития в Индии частной феодальной собственности. Процесс складывания феодальных отношений, сначала медленный и постепенный, в III—V вв. принимает всеохватывающие формы и приводит в VI—VII вв. к полной победе феодальной формации.

<Для анализа приведенных выше данных о различных видах землевладений следует обратиться к> *положению о двух видах, или, может быть, удобнее сказать, разрядах собственности, выдвинутому Л. Б. Алаевым на основе средневековой тамильской классификации собственности (*каранмай* и *миятчи*): «подчиненной», с обязательной уплатой налога, и «верховой», реализующейся во взимании налога-ренты государем или частными феодалами⁴². Как видим, «подчиненная» собственность фактически включает принципиально разные виды собственности: трудовую и эксплуататорскую (преимущественно феодальную), однако обязанность платить налог и одинаковая юридическая форма их сближают.

Наиболее важным в данной классификации собственности представляется выявление того, что и государство, и частные феодалы типа временных служилых держателей, и наследственные служилые, и безусловные собственники существуют, по сути, на один и тот же вид ренты, которую можно называть рентой-налогом в отличие от ренты частного «подчиненного»

* Далее текст из статьи «Генезис феодальной формации в Индии», с. 83—89.

собственника. Первая взимается почти исключительно на основе внеэкономического принуждения, вторая — на основе главным образом экономического принуждения.

Выводы, вытекающие из политэкономического анализа феодальных производственных отношений, не противоречат идее о двух разрядах собственности. В частности, следует признать, что «верховная» феодальная собственность допускает существование других юридических собственников — феодальных и трудовых — под своей эгидой. Применительно к древней Индии это означает, что существование полноправных собственников — общинников и других — не исключает «верховой» феодальной собственности государства или частных лиц, реализующейся в налоге-ренте. Экспроприация собственности общинников, превращающихся в таком случае в арендаторов, не является обязательной предпосылкой возникновения феодальных отношений, а происходит лишь при определенных обстоятельствах, а в больших масштабах — главным образом в позднее средневековье (феодал объединяет оба разряда собственности в своих руках). При этом с определенностью выявляются два уровня феодальной эксплуатации. Низший, подчиненный разряд собственности долгое время как бы затенялся в индологических работах, посвященных феодализму, отношениями, складывавшимися на основе взимания и распределения налога-ренты. В работах же по древней Индии, напротив, не уделялось достаточно внимания изучению отношений, возникавших в сфере «верховой» собственности.

Рассмотрение с позиций указанной классификации известных в древности форм собственности, мне кажется, поможет более глубокому их пониманию.

Например, если <...> крупные хозяйства <...> облагались налогом, можно предположить, что они возникли без помощи государства, т. е. путем покупки или подъема целины, захвата за долги и т. п. Тогда и сходство применяемых способов эксплуатации (аренда, труд кармакаров и дасов) с существовавшими в общинах подчеркивается принадлежностью этих владений к разряду «подчиненной» собственности. Если же удалось бы установить, что они были свободными от обложения, напрашивалось бы предположение о пожаловании государем своих прерогатив «верховного» собственника. Такой собственник оказывался бы обладающим правами и «подчиненной» и «верховой» собственности.

Подобное сочетание прав могло быть у царя, а также и у членов царского рода, что следует из упомянутого выше описания земель «сита» в «Артхашастре». Однотипность форм эксплуатации с обычными в общине, непосредственное хозяйствование на этих землях и некоторые другие указания заставляют думать, что эти владения царя были связаны по происхождению с землевладением общин. Личные земли царя и членов царского рода (раджа-кула), как можно заключить из сообщений

шастр, нарративных источников и эпиграфики, могли располагаться в разных местах отдельными владениями, включающими участки земли и целые деревни. В последнем случае допускалась, очевидно, и собственность общинников, и доход составлял земельный налог с них. <...> Можно предполагать, что требование Пандавов к Кауравам предоставить им пять деревень для пропитания относится к древнему слою «Махабхараты» и указывает на обычность такого обеспечения представителей правящего рода.

В более поздние времена (в начале нашей эры) в качестве милости частным лицам практиковалось наследственное пожалование деревень, т. е. опять-таки пожалование прав верховной собственности. <...>

Брахмадея имела, по существу, две формы: дарение участка земли, освобожденного от налога, но не обеспеченного рабочей силой (подразумевался труд самого брахмана или использование им любых иных работников), и дарение населенной земли (части деревни или нескольких деревень) с правом взимания податей, принадлежащих царю. Очевидно, что в первом случае брахман получал права и «верховного» и «подчиненного» собственника, во втором же — только «верховного», так как подразумевалось, что он не сгоняет крестьян с земли, а, напротив, получает прерогативы государя для их эксплуатации. Кроме того, ему запрещалось брать со своих крестьян больше полагающегося на долю царя.

Подобная же ситуация предположительно сложилась в древней Индии с монастырским буддийским землевладением, возникшим уже к началу н. э. Если дарованные монастырям участки земли, которые они должны были обрабатывать собственными силами, освобождались от налогов, они обладали всеми правами собственности, но когда им жаловались деревни, что хорошо известно по источникам раннего средневековья, они были только верховными феодальными собственниками. <...>

Мелкие служащие царского двора, типа тренировщиков коней и слонов, лекарей и прочих, вероятно, получали незначительные участки земли, приблизительно равные куле или несколько больших размеров. Источником таких пожалований также могла быть облагаемая налогом общинная земля или государственный фонд земель типа «сита» (тогда эти служащие должны были брать на себя заботу об обработке земли, сажая на нее арендаторов или используя кармакаров и да-сов, — ведь сами они были заняты службой).

Рассмотрение различных форм землевладения в древней Индии в плане выявления двух указанных разрядов собственности, таким образом, облегчает ориентирование в историческом материале даже в тех случаях, когда памятники не содержат определенных указаний и приходится удовлетворяться на данном уровне наших знаний предположениями. Так, принимая во внимание возможные источники образования царского фонда

земель (сита), а это, по весьма правдоподобной гипотезе⁴³, общинные земли, перешедшие к царю по тем или иным причинам (например, выморочные), мы можем с большим основанием считать, что массовых пожалований из этого фонда быть не могло. Ведь земли общинников только в исключительных, весьма редких случаях могли быть реквизированы царем, а будучи реквизированы, должны были представлять собой незначительные участки, разбросанные в случайных местах. Обработка царских земель типа «сита», вероятно, возлагалась на местные общины, внутри которых были расположены эти участки. <...> Вознаграждение же служащих передачей им сбора налогов с населенной территории не создавало технических сложностей. Напротив, было бы логичным предположить, что земли из фонда сита шли на вознаграждение мелких провинциальных чиновников.

Надо полагать, что пожалования воинам-кшатриям представляли собой скорее всего именно передачу прав «верховного» собственника. Землевладельцы из числа кшатриев и брахманов, по крайней мере многие из них, освобождались от налогов, если они имели землю, унаследованную или благоприобретенную. Ввиду преимущественно эксплуататорского характера их хозяйства (кшатрии по своему варновому статусу чурались земледельческого труда) это освобождение фактически могло означать передачу государственного дохода кшатрию или брахману. Таким образом, данный землевладелец начинал присваивать весь прибавочный продукт, произведенный на его земле работником, в том числе и ренту с арендаторов, если они были, не делясь с «верховным» собственником.

Эти соображения могут служить дополнительным аргументом в пользу предположения о преимущественно феодальном характере военного землевладения.

<Рабовладельческий уклад>

* Не вызывает сомнений, что в условиях войн, роста социальной и имущественной дифференциации, появления объективных экономических условий для эксплуатации рабов рабовладение возникло вполне закономерно. Главным источником рабов на этом раннем этапе безусловно оказывались военнопленные и завоеванное население. Из этого, однако, не следует, что использование рабов в хозяйстве <...> было широким. В оценке реального значения рабства следует исходить из экономического понимания рабовладения как способа производства. В определении рабского состояния человека как антитезы свободы на первый план неизбежно выступает юридическая сторона дела. Отсюда соблазн неправомерного использования терминологии,

* Там же, с. 66—77.

обозначающей несвободных и зависимых людей, для доказательства широкого распространения рабства в социально-экономическом понимании. Между тем, если мы хотим исследовать производственные отношения, для нас решающим будет не социально-правовая ситуация, а экономический механизм производства материальных благ. При таком понимании в актив сторонников концепции рабовладения не могут быть зачислены многочисленные рабы, занятые в сфере услуг, несвободные представители челяди знатных людей и разного рода зависимые — непосредственные производители, не являющиеся рабочей силой в рабовладельческом хозяйстве.

Тем более к числу рабов не могут быть отнесены младшие члены семей, на свободу и жизнь которых глава семейной общины потенциально имеет права. Лишь внешне такие отношения имеют сходство с рабовладением: ведь в этом случае существует семейное хозяйство, которое наследуется так называемыми «рабами», работающими тем самым не безвозмездно, что же касается их тяжелой доли и «эксплуатации», то эти обстоятельства не являются спецификой рабовладения и фактическое положение детей главы семьи зависит во многом от его индивидуальности (как в любом обществе, где не ограничена власть отца). Что же касается продажи членов семьи, то это, как правило, акты вынужденные, вызванные необходимостью спасти семейное хозяйство, почему и отдавали в рабство чаще всего наименее ценных работников — женщин, дочерей. Этим объясняется давно замеченный факт: явное преобладание упоминаний в источниках рабынь (даси) над рабами (даса). Взрослые члены семейной общины являлись также и гражданами, членами более крупных коллективов, пользовались соответствующими правами и обязанностями, участвовали в выполнении обрядов. «Рабовладелец» — глава семьи — устраивал свадьбы своих детей и прочие необходимые и дорогостоящие церемонии для них и поддерживал приличествующее социальному уровню семьи положение. Короче говоря, мнение о том, что семейные отношения могут рассматриваться как форма рабовладения, представляется во всех отношениях недостойным внимания.

Хотя сам факт возникновения рабовладения на стадии перехода от первобытного общества к классовому очевиден, о значении этого факта следует судить, критически проверив показания источников, используемых для доказательства того, что развивающееся классовое общество стало рабовладельческим. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что о рабстве в ведическую и послеведическую эпоху судят главным образом на основе терминологии, а не конкретных сведений о рабовладельческом производстве, точнее сказать, на основе термина «даса», значение которого принимается равнозначным понятию «раб». На самом же деле термин «даса» имеет более широкое значение и обозначает разные степени зависимости. <...>

Приведем мнение одного из авторов: «Существенно важным обстоятельством является то, что древние индийцы не видели принципиальной разницы между отдельными категориями *dāsa* — рабами и не являющимися рабами. Под *dāsa* понимались все работающие не на себя, а на другого, и не в силу договора, как это имеет место при найме, а в силу личной зависимости от хозяина». «Термином *dāsa* охватывались категории людей с неодинаковой степенью зависимости до рабской включительно. Некоторые виды *dāsa* определенно не рабы, хотя и свободными они не были; другие виды были рабами в самом точном смысле этого слова». «В сознании древних индийцев и в их действующем праве еще не выработалось особого термина для понятия „раб“; действительность не дала для этого достаточных оснований»⁴⁴. Так писал Г. Ф. Ильин в автореферате своей кандидатской диссертации, и с этими высказываниями, как мне кажется, нельзя не согласиться. К сожалению, в дальнейшем проявилась тенденция к однозначному пониманию указанного термина в смысле «раб». <...>

Особенно нечетким и широким должно было быть употребление этого термина на начальном этапе классового общества. Достаточно указать на видимую синонимичность слов «даса» и «дасью». Основное значение термина «дасью» («враг») говорит о происхождении несвободных из военнопленных, но также и вообще враждебного, покоренного населения. Однако собирательный термин «дасья», производный от «даса», означает не «рабство», а «услужение». И это представляется естественным, если предположить, что в категорию «даса» переходили массы завоеванного ариями автохтонного населения Индии, использовать которые в рабовладельческих хозяйствах не представлялось возможным. Ведь сами арии были еще на стадии разложения первобытного общества. «Ригведа» свидетельствует о еще сохранявшейся практике массового ритуального убийства пленных. В этих условиях возможность организации частного рабовладельческого хозяйства в крупном масштабе практически приближалась к нулю, использование же рабов в мелких хозяйствах определялось стремлением приспособить эту новую рабочую силу к существующему производственному механизму, не разрушая его. Естественной была тенденция переложить на *дасов* нечистую и всякую подсобную работу, основные же сельскохозяйственные операции оставались в руках хозяев. Помимо приведенных соображений можно указать на стремление владельцев *даса* выполнять наиболее ответственные работы собственными руками, как это отмечалось Г. Ф. Ильиным⁴⁵, имело значение также и то обстоятельство, что с выполнением основных земледельческих работ, в частности пахоты, был связан социальный статус *вайшьев*. У представителей высших варн — *кшатриев* и *брахманов* — *дасы* особенно широко могли применяться для всякого рода услужения.

Широкие возможности использования труда покоренного на-

селения открывались при коллективной его эксплуатации победителями. Здесь могли быть и экстраординарные виды работ, как, например, строительство крепости и т. п., и регулярные. При сохранении племенной организации трудно представить возможность создания крупного рабовладельческого государственного хозяйства. Наиболее естественной формой эксплуатации оказывалось непосредственное изъятие прибавочного продукта из готового, заранее данного хозяйства побежденных, тем более что подобное присвоение доли продукта, разумеется в существенно меньшем размере, уже практиковалось в отношении вайшьев. Основанием для такой эксплуатации покоренных племен являлся факт их завоевания, лишения свободы, власть над ними как над дасью и даса (врагами, зависимыми, рабами в уничижительном смысле). Хотя плоды их труда пожинали, видимо, в основном господствующие варны кшатриев и брахманов, каждый представитель победившего племени являлся для них господином, имеющим право требовать покорности и исполнения услужения (дасья).

Поздние источники говорят о разделении населения некоторых областей на две категории: ариев (свободных) и дасов (несвободных) — без различия варн, как, например, у камбоджей на территории Восточного Афганистана, входившего в древности в индийский культурный ареал. В ганах и сангхах самой Индии такое деление также существовало, но мы знаем, что и варновое деление там присутствовало. Однако, очевидно, главным социальным рубежом являлось деление на дасов, составлявших основной трудовой слой, и господствующую верхушку этих государств, представленную кшатриями. Другие категории свободных составляли второстепенную и несамостоятельную в политическом и социальном смысле прослойку. Очевидно, этим объясняется приниженное положение брахманов в ганах и сангхах.

Для нас в данном случае важно то, что в государствах этого типа, сохранивших, как мне кажется, более архаический тип общественной организации, чем монархические государства долины Ганга того же времени, основное сельскохозяйственное население называлось дасами. По-видимому, это объясняется завоеванием территории и коренного населения.

Подобные же отношения могли возникать и возникали в более ранний период по мере завоевания ариями территории автохтонных индийских народов, затем отчасти в результате борьбы самих арийских племен, а также в дальнейшем вследствие взаимных завоеваний в неарийской среде. В этих случаях происходит порабощение (этому слову мы придаем здесь широкий, бытовой смысл) этносом этноса, племенем — племени. Близкую аналогию этому процессу можно усмотреть в процессах миграций и войн эллинских племен, приведших во многих районах к образованию широкого слоя населения, степень зависимости которого часто определялась в источниках как рабская

(использовался термин «дулос» — обычное обозначение античного раба).

До сих пор речь шла о рабстве как несвободе, как об отчуждении в той или иной степени личности человека. Однако сама несвобода не создает каких-либо специфических производственных отношений <...> Экономическое определение рабства нельзя основывать на признаках, очерчивающих степень власти рабовладельца и бесправия раба, так как последний может вообще не участвовать в производстве. Соответственно невозможно иметь правильное суждение о роли рабовладельческого производства, основываясь только на терминологии. В каждом конкретном случае, строго говоря, следует выяснять, как используется даса, каково его место в производственном механизме. В этом плане чрезвычайно показательна работа А. П. Новосельцева, убедительно доказавшего, что ряд терминов, обычно переводившихся как «раб», реально имел в странах Переднего Востока и Средней Азии гораздо более широкое значение и в зависимости от обстоятельств мог вовсе и не обозначать раба⁴⁶. Подобным же образом спартанские илоты или другие подобные категории зависимых в древней Греции, несмотря на то что античные авторы называли их рабами, как и подлинных рабов, на самом деле не удовлетворяют тем признакам, по которым мы должны определять раба в социально-экономическом смысле: с правовой стороны они мало отличались от рабов в собственном смысле этого слова, в экономическом же смысле они не являлись обезличенной рабочей силой в механизме рабовладельческого хозяйства. Напротив, они сами вели свое хозяйство, были организаторами производства, т. е. личная зависимость в данном случае не отражала экономического содержания производственных отношений как рабовладельческих. Это был иной тип хозяйства — феодальный. Что же касается несвободы илотов или иных подобных категорий, то такая же несвобода, справедливо именуемая иногда «подлинным рабством», присутствует и при определенно феодальном способе производства, как это было в России XVIII—XIX вв. Очевидно, античный термин «дулос» покрывал различные социальные явления — рабство и крепостную зависимость феодально эксплуатируемых крестьян.

То же мы наблюдаем и в древней Индии, когда термин «даса» применяется к основному земледельческому населению ган и сангх. Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин, основываясь на термине, полагают, что это действительные рабы; фактически же это были крестьяне, находившиеся в личной зависимости и по признаку несвободы объединяемые в единую категорию с людьми, включенными в рабовладельческий тип хозяйства.

Такая категория зависимых, назовем их крепостными, чтобы обозначить феодальный характер их эксплуатации, была, как можно считать, весьма многочисленной в период складывания в Индии раннеклассовых государств (XII—VII вв. до н. э.). В частности, обращает на себя внимание характеристика шудр

в дхармашастрах как людей, обязанных служить дваждырожденным, т. е. первоначальным трем варнам, возникшим у ариев. Они обязаны выполнять приказы представителей этих высших варн, сами же шудры неполноправны, подвергаются жестокому наказанию за покушение на безопасность дваждырожденных и пр. Они дискриминированы и в религиозном отношении: не допускаются к важным обрядам индуизма, строжайше преследуется изучение ими основных священных текстов индусов. Составление предписаний дхармашастр относительно шудр с их положением, вырисовывающимся на основе более широкого круга источников, указывает на заметное несоответствие этих наставлений и реальности. Однако указания дхармашастр, видимо, имели свою основу, которую, на мой взгляд, следует искать в традиции, сохранившейся с ведических времен, когда покоренное ариями и этнически и культурно чуждое им население принуждалось ко всяческой покорности, труду на победителей, презиравлось как во всех отношениях чуждое и ритуально нечистое. <...>

Таким образом в четвертой варне оказалась основная часть автохтонного населения Северной Индии и какая-то незначительная доля ариев, причем большая часть шудр, очевидно, оставалась при прежних занятиях — земледелии и скотоводстве, но превратилась в сурово эксплуатируемый податный слой, закрепощенный ариями. Другая часть неариев оказалась оторванной от средств производства или ущемленной в этом отношении настолько, что не могла существовать самостоятельным сельскохозяйственным трудом и получала пропитание работой в чужих хозяйствах в качестве рабов, наемных работников, зависимых.

Итак, <в том социальном образовании, которое принято считать рабовладельческим укладом, мы видим> сложную систему господства — подчинения, включающую разные виды эксплуатации — феодальную, рабовладельческую, наемного труда. Можно, разумеется, наблюдать и промежуточные, переходные формы, существенно корректирующие эти определения. Так, эксплуатация наемного труда на основе экономической зависимости была представлена, как это можно заметить в источниках, также и в чистом виде. Но, очевидно, это явление не было слишком массовым, так как наемные работники, во-первых, не могли рассматриваться как равноправные граждане, а во-вторых, вербовались по большей части из сословно-приниженных слоев населения. Таким образом, эта экономическая форма зависимости в значительной степени была осложнена внеэкономической лично-кастовой зависимостью. Именно по этой причине, а также учитывая относительно скромную роль, которую наемный труд играл в древнеиндийской экономике, эта форма эксплуатации не образовывала самостоятельного уклада <...>

<Рабовладельческие отношения со временем также превращались в феодальные.>

* Одной из особенностей индийского рабовладения было допущение известной хозяйственной самостоятельности рабов. В джатаках неоднократно упоминаются рабы, нанимающиеся на работу к другому хозяину. Эти факты отражают перевод рабов на своего рода оброк. Следовательно, производительность труда рабов в те времена была достаточно высокой и раб мог обеспечить себя и свою семью (семейные рабы были обычным явлением), приносить доход хозяину или, в случае найма, двум хозяевам — рабовладельцу и работодателю. Источники сообщают о нажитом рабами имуществе⁴⁷. Можно предположить, что в первые века нашей эры получило распространение наделение рабов участками земли для ведения ими собственного хозяйства. Весьма показательны данные о выплате рабам более или менее регулярного вознаграждения за труд⁴⁸, что свидетельствует о стремлении в какой-то мере материально заинтересовать работника.

Необходимо отметить, что значительная категория рабов, быть может, всегда эксплуатировалась в качестве хозяйственно полусамостоятельных мелких производителей. <...> Существовали целые деревни даса-крестьян⁴⁹. <...>

Тенденция превращения рабов в индивидуальных < держателей земли > вызвала изменение взглядов на рабовладение, ясно прослеживаемое в источниках. Ограничения рабства зарегистрированы главным образом в поздних дхармашастрах и в «Архашастре». Обращение в рабство свободных ариев резко осуждается, рекомендуются даже наказания за это. Каутилья предлагал государственным органам взимать штрафы за обращение свободных ариев в рабство. Он заявлял: «Млеччхам (т. е. «варварам», представителям неарийских племен.— Е. М.) не возбраняется продавать или закладывать свое потомство. Но для ариев не должно быть рабства»⁵⁰. В дхармашастре Нарады говорится: «Тот презренный человек, который, будучи свободным, продает себя, он — самый низкий из них. Он не может быть свободным от рабства»⁵¹.

** Древнеиндийское общество может быть охарактеризовано как раннеклассовое многоукладное, включающее феодальный, рабовладельческий и постепенно теряющий значение первобытнообщинный уклад. Оно может быть названо и переходным от первобытности к феодализму, если за феодализм принимать систему частной феодальной эксплуатации. В таком случае время от «Ригведы» до VI—VII вв. н. э., когда уже существует сформировавшееся феодальное общество, в основных чертах (в сфере «верховой» собственности) сходное с европейским, можно назвать периодом генезиса феодализма. Однако такое определе-

---

* Далее текст из главы «Возникновение феодальных отношений», с. 44—45, 49—50.

** Далее текст из статьи «Генезис феодальной формации в Индии», с. 93—94.

ние мне кажется теперь не совсем точным по следующим причинам:

1) С точки зрения политэкономии я не вижу принципиальной разницы между частной и государственной формой эксплуатации. Может быть, различие этих форм — стадийное (древность — государственная форма эксплуатации, средневековье — частная). Но при этом надо иметь в виду, что в средние века известны периоды, когда большую или даже решающую роль играла государственная форма эксплуатации, а частная феодальная эксплуатация присутствовала в древности.

2) Поскольку при данном уровне изученности кажется очевидным, что рабовладение не получило значительного развития в экономике и большая часть прибавочного продукта присваивалась господствующими слоями через феодальные формы эксплуатации, в целом индийскую древность следует отнести к феодальной формации. Это начальная стадия феодализма, хотя теоретически при определенных благоприятных условиях на этой стадии возможен путь усиления рабовладельческого уклада и формирования рабовладельческого общества. <...>

Основные этапы развития феодальных отношений в древности и средневековье *

<...> Таким образом, история доколониальной Индии представляет собой историю становления и развития феодальной формации.

Можно предложить примерно следующую периодизацию истории Индии в древности и средневековье.

I. Первобытность (последняя стадия). Возникновение производящего хозяйства на северо-западе Индии («неолитическая революция»).

II.A. Переходный период к классовому обществу. Разложение первобытных и возникновение раннеклассовых отношений в долине Инда. — Первая половина III тысячелетия до н. э.

III.B. Раннеклассовое общество на северо-западе Индии (Хараппская цивилизация). — XXIV—XVI вв. до н. э.

IV.A. Переходный период к классовому обществу.

A.1. Разложение первобытных отношений («военная демократия») на большей части территории Северной Индии и на северо-западе Декана. ... — II тысячелетие до н. э.

A.2. Возникновение раннеклассовых отношений в Северной Индии и на северо-западе Декана — генезис феодального общества. — Первая половина I тысячелетия до н. э.

V.B. Раннеклассовое (раннефеодальное) общество.

B.1. Первая стадия раннего феодализма с преимущественно

* Сокращенный текст статьи «Основные этапы развития феодальных отношений в Индии в древности и средневековье». — Узловые проблемы истории Индии. М., 1981, с. 96—117.

государственной эксплуатацией («древнефеодальное» общество) на большей части Северной Индии и в ряде областей Деканского п-ва.— Ок. VI—V вв. до н. э.— III в. н. э.

Б.2. Вторая стадия раннего феодализма, характеризующаяся массовым формированием частного феодального землевладения на большей части Индии.— Примерно IV—VII вв.

VI.B. Развитой феодализм на большей части территории Индии.— Примерно VIII—XVIII вв.

В.1. Первая стадия развитого феодализма.— Примерно VIII—XVI вв.

В.2. Вторая стадия развитого феодализма (прервана колониальным завоеванием).— XVII—XVIII вв.

Как и всякая периодизация, эта схема в значительной степени условна, прежде всего потому, что исторический процесс непрерывен, различные экономические механизмы и социальные институты развиваются неравномерно и не всегда их эволюция находит достаточно красноречивое отражение в источниках. <...> При крайне незначительном числе свидетельств даже по вопросам, представляющимся наименее спорными, статистический подход почти полностью исключен. Один из **способов** установления исторической значимости фактов — их интерпретация как элемент последовательно развивающейся системы общественных отношений, реконструируемой логически и уточняемой по мере накопления и перепроверки достоверности данных <...>

Несмотря на условность, обоснование и уточнение периодизации есть важный инструмент осмысления исторического процесса, выявления как конкретного для данного общества и региона исторического пути, так и места этой эволюции в общей картине мирового прогресса. В данной схеме показана повторность процесса классовообразования и сложения государственности, прерванного гибелью Хараппской цивилизации и варваризацией населения на ее территории. Аналогичность процессов формирования классового общества (при различных уровнях производительных сил и неидентичности их в деталях) подчеркнута одинаковостью буквенных индексов (А, А.1, А.2). Замедленность развития индийского общества видна и по временному охвату раннеклассового периода, и по довольно отчетливому разделению стадий преимущественно государственной формы феодальной эксплуатации (В.1) и преимущественно частной формы (В.2). Эти стадии могут быть выделены и на европейском материале, поскольку сущность процесса одинакова, но процесс, который в условиях Европы раннего средневековья занял несколько веков, в Индии растянулся более чем на тысячелетие. <...>

В предложенной схеме не учитываются столь характерные для Индии обширные отстающие в историческом развитии районы, проходящие указанные стадии эволюции с опозданием или с какими-то деформациями (например, ускоренное развитие

или историческая деградация). Народы громадных территорий остались на уровне первобытности. Такая неравномерность развития не могла не оказать существенное влияние на исторический процесс. Взаимодействие передовых и отсталых обществ в условиях Индии привело к созданию общинно-кастовой системы и большому замедлению эволюции социально-экономических отношений.

Изучение исторического процесса в Индии вполне подтверждает универсальность закономерностей общественной эволюции, выявленных марксистской исторической наукой. Для объяснения индийского варианта нет необходимости изобретать новый, «азиатский» способ производства.

Наиболее важной специфической чертой индийского варианта феодальной формации представляется сложная общинно-кастовая структура, разделявшая общество на многочисленные противостоящие друг другу прослойки, связанные в то же время, несмотря на социальный антагонизм, системой взаимных услуг и отношений зависимости. По мнению В. И. Павлова⁵², усложнение этой общественной структуры и сохранение нечеткости классовых характеристик многочисленных социальных слоев в противоположность происшедшей в европейских странах классовой поляризации свидетельствуют о незавершенности формирования зрелого феодального общества и объясняют замедленность темпов исторической эволюции. Такое понимание в целом представляется правильным. Индийский вариант феодализма отличают затянутость всех процессов, крайний консерватизм традиционных форм общественной организации и идеологии.

К концу средневековья феодальная формация только подходит к середине своего существования, несмотря на то что феодальные отношения господствовали в Индии уже около двух с половиной тысяч лет. Впрочем, возможно, они были уже в хараппскую эпоху (период III.Б).

В настоящее время еще нет возможности дать достаточно доказательную и полную характеристику происхождения и развития социально-экономического строя хараппского общества. Все же археологические данные позволяют говорить о существовании сильной государственной власти, большой имущественной дифференциации, крупных городов — ремесленных, торговых и политических центров.

Учитывая единообразие хараппской культуры, некоторые ученые полагают, что существовало одно огромное государство, другие более осторожны в своих суждениях, но вряд ли можно сомневаться, что сельская округа крупных городов находилась в подчинении у концентрировавшейся в городах государственной власти. В связи с этим логично предположить, что земледельческие поселения облагались государственными податями, взимающимися в натуральной форме. Реальным проявлением этой налоговой эксплуатации служат зернохранилища

в городах, способные вместить по несколько тысяч тонн зерна (в Хараппе площадь амбаров составляла 3468 кв. м). Учитывая большую численность населения крупнейших городов (Мохенджо-Даро — не менее 30 тыс. человек, возможно, ок. 100 тыс.) и его ремесленно-торговую специализацию, трудно предполагать, что эти запасы зерна могли быть созданы земледельческим трудом самих горожан. Нет никаких археологических свидетельств существования земледельческого рабовладельческого производства на основе царского или храмового хозяйства, как и самих этих хозяйств. Известно лишь, что собранное в амбарах зерно перерабатывалось работниками, по-видимому находившимися в положении зависимости, возможно, рабами. Таким образом, предположение о налоговой эксплуатации земледельцев, живших в деревнях вокруг городов, при настоящем уровне знаний кажется наиболее обоснованным. С нашей точки зрения, это форма феодальной государственной эксплуатации. Внеэкономическое государственно-феодальное подчинение аграрной периферии городов дополнялось экономическими связями — частным продуктообменом через городские рынки и мелочную торговлю.

Восходящая линия исторического прогресса в XVIII—XVI вв. до н. э. была прервана гибелью Хараппской цивилизации и регенерацией на этой территории доклассового общества в стадии разложения (период IV.A.1). Мы видим движение вспять обусловленное в конечном счете победой над хараппцами варварских племен. При видимой примитивности их культуры это были земледельцы, пользовавшиеся металлическими (бронзовыми и медными) орудиями. Таким образом, уровень «военной демократии», уже пройденный в III тысячелетии до н. э. на базе энеолитической техники, мы теперь наблюдаем на качественно новой основе. В течение II тысячелетия до н. э. стадия «военной демократии» достигается наиболее развитыми индийскими племенами по всей Северной Индии и на северо-западе Декана. Характерно слияние постепенно деградировавшего постхараппского общества в Гуджарате с соседним поднимающимся варварским земледельческим обществом на некоем среднем уровне.

Хотя и дравидийские племена, и носители культуры «медных кладов и желтой керамики», и арии, мигрировавшие в Индию через Афганистан в последние века II тысячелетия до н. э., стояли на примерно одинаковом уровне развития, стадияльно арии, по-видимому, имели преимущество в виде большей дифференцированности общества, четкого деления на социальные ранги — варны, военной организации и техники <...>! К концу периода обнаруживается доминирование арийских племен на значительной территории Северной Индии (долина Джамны — Ганга и Пенджаб).

Особенно важно, что более высокий уровень социальной организации ариев по сравнению с автохтонами в дальнейшем

имел следствием многостороннее влияние арийского общества на социальную и политическую структуру местных народов, на их духовную культуру и идеологию, на их язык. Это воздействие ариев, часто условно именуемое «арианизацией», придавало определенную форму сложным процессам синтеза арийской и местных общностей и дальнейшему развитию складывающегося в результате этого синтеза индийского общества. Для нашей темы главное значение имеет один аспект арианизации — распространение варновой формы сословной организации и дальнейшая трансформация варнового строя в кастовую систему.

Начальным пунктом процесса социального размежевания в племенах ариев было выделение военной и жреческой социальных функций и возникновение в связи с этим соответствующей наследственной специализации. Так возникли три сословия-варны: кшатриев, брахманов и простонародья — вайшьев. Руководящая роль кшатриев и брахманов и содержание их за счет труда непосредственных производителей — вайшьев положили начало процессу возникновения государства и классов. На этой стадии общественно полезное содержание деятельности руководящих варн кшатриев и брахманов не только осознавалось племенным сообществом, но и действительно преобладало. Обострение социальных противоречий и возникновение классового антагонизма относятся к следующему периоду — периоду генезиса феодальной формации (IV.A.2).

Нижняя граница этого периода — начало I тысячелетия до н. э. — очень неопределенна и условна не только из-за недостатка данных, но и потому, что процесс разложения первобытных отношений и формирования раннеклассовой государственности постепенен и долог. Мы можем только сказать, что примерно на рубеже II и I тысячелетий до н. э. начинают складываться отношения господства — подчинения, эксплуатации, возникают варварские раннеклассовые государства на основе племен и союзов племен, которых в VIII—VI вв. до н. э. по более поздним источникам можно насчитать около тридцати. Из них государство Куру-Панчала, возникшее из объединения двух союзов племен, охватывало в VIII—VII вв. до н. э. уже значительную территорию. В «Ригведе», редакция которой может быть примерно датирована X в. до н. э., упоминаются война десяти раджей⁵³ и другие факты, которые можно истолковать как свидетельство укрепления и постепенного узурпирования власти в некоторых племенных объединениях вождями-раджами, становящимися с течением времени наследственными правителями.

В X мандале «Ригведы», считающейся наиболее поздней, упоминается варна шудр. Она возникла главным образом в результате покорения автохтонного населения ариями, хотя начало ей положила, видимо, прослойка ариев-изгоев. На этой основе начинается коллективная эксплуатация племенами победителей-ариев побежденных племен дравидийского, мундаского, ти-

бето-бирманского и иного происхождения. Вероятно, большая часть шудр продолжала вести свое хозяйство, отдавая часть произведенного продукта господствующим общинам ариев. Эти отношения, сходные с илотией, мы считаем формой феодальной эксплуатации. Одновременно появляется эксплуатация дасов-рабов и разного рода зависимых, а также наемных работников. Эти категории угнетенного населения вербуются в основном из представителей автохтонного населения. <...> В то же время в среде самих ариев отношения эксплуатации на этом этапе фактически еще не возникли. Первой массовой формой социального угнетения стало господство племени над племенем, общины над общиной. Главную роль в этом угнетении играла коллективная феодальная эксплуатация. <...>

Само появление у ариев на стадии разложения первобытного общества нетрудовых слоев — кшатриев и брахманов — указывает на принципиальную решенность вопроса о присвоении части материальных благ, созданных трудом вайшьев — рядовых соплеменников, уже в это время. Однако отчисления в пользу руководящей верхушки были еще невелики, и своекорыстное их использование не приняло четко выраженной формы. <...>

Прямое военное насилие, грубые жесткие формы господства — подчинения должны были бы, как чаще всего представляется историкам, приводить к рабству. И рабство действительно возникает вместо военного истребления чужаков или их ритуального жертвоприношения. Однако производственное использование рабов требует соответствующей организации хозяйства, достаточно массового кооперирования труда рабов. Рентабельное рабовладельческое хозяйство в основной сфере производства сразу возникнуть не может и требует для своего развития ряда условий, — прежде всего, видимо, развитого товарообмена. Подобное рабовладельческое хозяйство начинает спорадически складываться в Индии на следующей исторической ступени (V.Б.1), во второй половине I тысячелетия до н. э. Большинство рабов занимало положение слуг и низших членов патриархальных семей. Единичное и случайное использование труда таких рабов, как правило, приводило лишь к включению их в производство на подсобных, неосновных работах или даже оставляло в непроизводственной сфере услужения. Иными словами, существующее в подобных формах рабство почти не оказывает прямого воздействия на способ производства. Таким в основном и было рабство в Индии, в особенности на ранней стадии классового образования.

В противоположность рабовладению условия возникновения феодальной эксплуатации органично вытекают из порядков, складывавшихся при разложении первобытного общества. Возникновение даннических отношений возможно еще на догосударственной стадии⁵⁴. Регулярное взимание дани приводит к установлению ее размера как определенной доли продукта, отчуждаемого с каждого отдельного хозяйства. Величина прибав-

вочного продукта была невелика, однако это компенсировалось массовостью эксплуатации, большой численностью податного населения. Даже при низком уровне производительных сил и малой величине ренты общий объем аккумулируемого господствующей группой продукта оказывался достаточным, особенно если учесть натуральный характер его потребления и примитивный быт господствующего слоя в этом варварском обществе. <...>

Во второй половине I тысячелетия до н. э. илота была широко распространена в ганах и сангах, общинах-республиках, возникавших на основе племен, которые сохранили архаические раннеклассовые порядки в большей мере, чем крупные монархические государства. Такие общественные структуры следует рассматривать как стадияльно предшествующие более высокоразвитым обществам в Магадхе и других исторически передовых областях. Нам кажется по логике вещей и по некоторым намекам источников, что коллективная эксплуатация сходного типа, но в более мелких социальных структурах (территория клана, общины) существовала и в монархических государствах. <...>

Не исключено и использование в нарождающихся эксплуататорских хозяйствах наемного труда, в следующем периоде игравшего в Индии заметную роль. Однако в описанной ситуации наемный труд только формально может представляться как имеющий в основе исключительно экономическое принуждение. На самом деле в большинстве случаев здесь огромную роль играет внеэкономический фактор — социально приниженное положение работника. <...> Эксплуатация наемного труда <...> в большой мере основывалась на внеэкономическом принуждении — на кастовом угнетении — и в основном охватывала низкокастовые, наиболее социально приниженные слои. <...>

Складывающееся индоарийское общество предстает как сословное. <...> Господствующий слой складывался главным образом из кшатриев и брахманов. Цари, высшая аристократия, военная прослойка в монархических государствах, господствующая община в республиках были кшатриями. Исключений известно немного. Часть аристократии, большая часть чиновничества, прослойка, занятая исполнением религиозно-идеологических функций, состояли из брахманов. Обе эти варны имели источником существования жалование из казны и земельную собственность, а брахманы пользовались также доходом от исполнения ритуала и т. п. В связи с развитием имущественных отношений в некоторых случаях фактическое положение отдельных представителей господствующих варн могло оказаться бедственным. Так, давно уже отмечали появление примерно в середине I тысячелетия до н. э. брахманов, живших унижающими их достоинство и варновую чистоту занятиями — разными видами подсобного физического труда. Значительные массы кшатриев стали наемными воинами. Но и в случае обеднения само их рождение, сословная принадлежность продолжали определять

их социальный статус и способ существования в составе эксплуататорского слоя. В целом же сословия кшатриев и брахманов представляли собой наиболее имущую часть населения. Богатством обладали крупные купцы, но их сфера деятельности лежала обычно вне почти всеохватывающей системы аграрных отношений, хотя известно, что и купцы в некоторых случаях оказывались феодальными землевладельцами. <...>

На основе сословно-кастовых отношений господства—подчинения в основном и складываются формы эксплуатации в сельских общинах, государствах-республиках, в монархических государствах. Наиболее распространенной, массовой была феодальная эксплуатация.

Самой ранней феодальной формой была, насколько можно судить, коллективная собственность общины-государства (ганы, сангхи). <...> Возможно, почти одновременно с нею появилась и частная феодальная собственность. В первые века I тысячелетия до н. э. (период IV.A.2) уже существовало частное владение деревнями. Собственниками были брахманы, получавшие деревни и участки земли главным образом в качестве религиозных дарений, члены царского рода, вероятно, и другие представители аристократии. Естественное увеличение числа потомков приводило, как можно предположить, к возникновению брахманских и кшатрийских эксплуататорских сельских общин. К сожалению, прямых указаний на это источники до начала I тысячелетия н. э. не дают. Впоследствии общины брахманов упоминаются, причем есть сведения и о дарениях участков земли группам брахманов. При измельчании со временем долей совладельцам иногда приходилось от эксплуатации чужого труда (общинников-землевладельцев, арендаторов, наемных работников, рабов) переходить к земледелию своими силами. Должны были существовать мелкие клановые эксплуататорские общины вайшьев и шудр. Во второй половине I тысячелетия до н. э. засвидетельствованы служебные частные владения деревнями и участками земли. Государи жаловали деревни также в знак милости.

Внутри общин частная феодальная эксплуатация арендаторов была массовым явлением. Частное же владение деревнями по сравнению с государственной формой собственности оставалось незначительным до первых веков н. э. Примерно с III—IV вв. государственная форма феодальной эксплуатации стала заменяться частной. <...>

Власть феодала над населением обеспечивала в значительной мере внеэкономическое принуждение и была необходимой предпосылкой феодального производства и сложения социальной организации феодализма на первом большом этапе его существования.

В этой связи нельзя не отметить функциональное тождество так называемого суверенитета древнего индийского государства, существовавшего главным образом за счет поземельного налога,

с властью частного феодала. Поэтому «верховную» собственность можно назвать собственностью-суверенитетом. В этом определении вторая его часть подчеркивает невозможность реализации имущественных прав без публично-правовой власти такого собственника.

Обрисованные выше отношения собственности стали складываться уже в начале I тысячелетия до н. э. (период IV.A.2). Этот процесс шел одновременно со становлением государства, возникавшего на базе отдельных племен и союзов племен. К середине I тысячелетия н. э. укреплявшиеся институты раннеклассового общества приобрели выраженную форму, стабилизировалась вся система социально-экономических отношений, существовавшая затем в течение длительного времени.

Помимо указанного наблюдения общего характера о завершении генезиса раннеклассового общества можно судить по такому важному показателю, как установление поземельного налога с большинства земель (суходольных) в $\frac{1}{6}$ часть урожая (шад-бхага). Эта норма оказалась более или менее соответствующей прибавочному продукту, создававшемуся в общинах, и сохранялась до конца I тысячелетия н. э. Во второй половине I тысячелетия до н. э. (период V.B.1) получило распространение служебное феодальное землевладение. Широкий процесс включения в социальную структуру низкокастовых вел к становлению внутриобщинной системы господства—подчинения и взаимного обмена услугами, т. е. к появлению индийской кастовой общины. Некоторый подъем наблюдался в рабовладельческом производстве, хотя экономическое значение рабовладельческого уклада было весьма невелико. В период V.B.1 возникают крупные государства, <...> снижается роль племенных общностей. В развитых районах управляет государственная администрация при сохранении низовых административно-фискальных функций за общинными организациями, что характерно для всей феодальной эпохи. <...>

Вторая стадия раннего феодализма (период V.B.2) устанавливается по массовому появлению дарственных грамот, содержащих пожалования деревень, что было вызвано необходимостью ограждения собственности владельцев брахмандей и деваданы в условиях повсеместного превращения государственных земель в частные феодальные владения. Возникает иерархическая система вассальных отношений феодалов, возвышающаяся над общиной.

Мы можем констатировать, что примерно с VIII в. феодальная формация приобретает законченное выражение и в базисных, и в надстроечных институтах. Раджпутское завоевание Северной Индии показало ее жизнестойкость: раджпуты восприняли все основные черты сложившегося феодального строя. В короткий срок на основе нового этнического состава феодалов воссоздавалась иерархическая феодальная структура. Кланово-племенные элементы в организации класса феодалов не имеют

здесь существенного значения; они характерны для всего периода развитого феодализма (периоды VI.B.1 и VI.B.2).

В XVII—XVIII вв. заметно увеличивается норма эксплуатации на основе, в частности, повышения уровня производительных сил к концу средневековья. Большое значение приобретают формы эксплуатации на основе «подчиненной» собственности. Растет товарное производство. Возможно, это следует рассматривать как симптомы дальнейшей эволюции развитого феодализма, второй его фазы (VI.B.2).

V. <ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ОБЩИНА>

* В V—VII вв. складывается тип феодальных отношений, характерный для всего периода раннего средневековья в Северной Индии до мусульманского завоевания. <Следует рассмотреть эти отношения более детально>. <...> Подавляющее большинство источников, почти исключительно грамоты на медных табличках, касаются брахманского землевладения брахматей. Такая односторонность, разумеется, сильно искажает реальную картину. Вместе с тем эти источники дают довольно полное представление о существовавших в раннесредневековой Индии формах эксплуатации непосредственных производителей, феодальной собственности и аграрных отношениях.

Феодальное подчинение крестьянства

В грамотах о дарении земли V в. прежде всего оговаривались права на эксплуатацию крестьян: владелец пожалованной деревни освобождался от обязанности платить налоги бхагабхогакара, хиранья и др. Иногда новому владельцу передавалось право взимать налоги удранга, упарикара и др.

Бхагабхогакара, как и удранга, означает основной земельный налог, хиранья — денежный налог или, может быть, всякие денежные сборы. Упарикара — дополнительный налог, представлявший, как говорилось выше, доход от эксплуатации арендаторов общины.

В случае пожалования деревни феодал освобождался от обязанности уплаты указанных налогов, государственные подати переходили частному лицу <...>

В условиях раздела земель между частными феодалами, массового перехода общин из-под эгиды государства в частные руки создались предпосылки для усиления господства феодала, и в частности для увеличения ренты. В ранних грамотах встречается предупреждение владельцам брахматей не собирать с крестьян больше того, что брало с них раньше государство¹. Эта оговорка означает, что в начальный период феодализма

* Из главы «Северная Индия в VII—XII веках». — История Индии в средние века, с. 52—66.

государство еще осуществляло в какой-то мере контроль над сбором налога в частных владениях, а феодалы нарушали обычные нормы эксплуатации и начинали самовольно распоряжаться захваченными землями. Ограничение, которое центральная власть пыталась наложить на собственнические права феодалов, отражало борьбу между государственной собственностью на землю и частной феодальной собственностью, завершившуюся победой последней. Отсутствие указанной оговорки в документах о дарении брахмадеи шестого и более поздних веков свидетельствует, видимо, о том, что она стала бесполезной.

В поздних грамотах перечисляется большое число разнообразных податей. Эти перечни, вероятно, имели целью не передачу феодалу реальных статей дохода от эксплуатации конкретной территории в данное время, а регистрацию его права на все возможные источники дохода с его владений.

Пожалование всех доходов в обобщенной форме выражено во многих грамотах V—VII вв. формулой *сарва-кара*, т. е. «все подати»², или *сарва-кара-бхага* — «все подати и поборы»³. Этот же смысл имел термин *а-карада* — «освобожденное от податей [владение]»⁴; очевидно, в таком обеленном имении подати перешли в распоряжение феодала.

Более подробное описание прав феодалов свидетельствовало о стремлении устранить всякие поводы для оспаривания притязаний землевладельца и, кроме того, отражало развитие юридической формы документов, тщательно ограждавших частную феодальную собственность.

Податной иммунитет являлся центральным пунктом указа о пожаловании земли. Кроме того, владелец брахмадеи получал обычно право на использование принудительного неоплачиваемого труда общинников — вишти. Принудительный труд применялся при строительстве больших оросительных сооружений, крепостей, дворцов, дорог, организации охоты, проведении празднеств, перевозках грузов.

Передача права на использование государственной трудовой повинности частному феодалу позволяла ему применять труд общинников при обработке собственных полей и на других работах в своем поместье. <...> На барщине землевладельцы использовали главным образом неимущих бесправных людей из низших и неприкасаемых каст, а не крестьян-общинников.

В ряде дарственных грамот указывается лишь, что жителям надлежит подчиняться приказам нового владельца деревни⁵. Запрещается также вступление *чаты* и *бхаты* на пожалованную территорию⁶. Значение этих терминов до сих пор точно не установлено. Часто их переводят как «иррегулярные и регулярные войска». По мнению некоторых ученых, *бхата* — наемный воин, солдат; *чата* — окружной чиновник. Такое толкование как будто подтверждается заменой в некоторых грамотах в сочетании «чата-бхата» первого компонента на «*чхаттра*», что значит «носитель зонтика»⁷. Люди с таким титулом выполняли раз-

личные поручения царя или его администрации. Возможно, термины «чата» и «чхаттра» были синонимами. Тогда они означали вооруженных представителей царской администрации или чиновников и военные отряды, их сопровождавшие.

В более поздних грамотах административный иммунитет охарактеризован полнее и конкретнее: подчеркивается недопустимость вступления на пожалованную землю царских гонцов — *дута*, «людей царя» — *раджапуруша*⁸; им запрещается распоряжаться на этих землях, как образно сказано в документах, «указывать рукой» или «пальцем»⁹. Иногда встречается упоминание о том, что дарственные земли освобождаются от всех повинностей «как участок, исключенный из округа (*вишай*)»¹⁰ и тем самым неподвластный окружной администрации. <...>

Владелец брахмадеи получал также судебный иммунитет. В грамотах V в. право юрисдикции выражено косвенным образом: указывается лишь, что пожалование дается без права наказания воров. В Кохской грамоте Самкшобхи 528/9 г. говорится о неподсудности феодалу-брахману «воров и совершающих дурное». Встречается и более определенная формулировка: «за исключением воров и врагов царя»¹¹.

Становится понятным, что в дарственных документах в таком контексте слову «вор» (*чора*, или *чаура*) придавалось специфическое значение, подобно тому как в средневековой Руси «ворами» называли крупных преступников — изменников, разбойников, бунтовщиков и т. п. Можно предположить, что выражение *чора-варджам*, повторяющееся на многих медных табличках, означало исключение из юрисдикции феодала крупных преступлений, представлявших опасность для государства, — разбой, злоумышление против властей и т. п., а не воровство в узком смысле этого слова. Из этого следует, что менее серьезные преступления подлежали суду феодала.

В документах VI в. появляется термин *дашапарадха* — «десять преступлений», очерчивающий судебные права феодала. Мы не знаем вполне точно, какие это преступления, хотя Дж. Д. Флит обнаружил в более поздней литературе текст, дающий следующее их толкование: «Присвоение вещей, которые не даны, убийство способами, которые не согласуются с заповедями, и преследование жен других людей — считаются тремя [грехами] тела; грубая речь, неправдивость, клевета во всех направлениях и бессвязный разговор — четыре [греха] речи; алчность к собственности других, помыслы о дурных вещах и привязанность к тому, что не является истиной, считаются тремя [грехами] ума»¹². Здесь указаны мелкие преступления, наказания за которые предусматриваются в литературе дхармашастр и в «Артхашастре», — кража, прелюбодеяние, оскорбление, обман, клевета, захват чужой собственности. Вполне вероятно, что именно такого рода дела входили в компетенцию суда феодала. Возможно, что дарование земледельцу права судить за «десять преступлений» являлось показателем вмешательства

феодалов в дела общинного самоуправления и узурпации ими некоторых традиционных прав сельских общин.

Следует отметить, что в поздних грамотах при перечислении различных титулов и должностей встречаются *дашапарадхики*, которые, если принять толкование, предложенное Флитом, были низовыми судьями, занимавшимися разбором мелких дел.

Стены пещер близ Насика сохранили саваханские надписи II в. н. э. о дарении деревни и земель буддийской монашеской общине. По одной из надписей, чиновникам запрещалось вступать на пожалованную землю, вообще касаться земли, а также добывать соль. Были и другие иммунитеты, конкретно не перечисленные¹³. Существование в такой ранний период указанных иммунитетов вызывает удивление, но эта надпись — исключение на общем фоне индийской эпиграфики. Ранние грамоты (IV—V вв.) лаконичны и очень различны по характеру. К VI—VII вв. иммунитетные формулы стали единообразнее, полнее и конкретнее. Очевидно, иммунитетные права, зафиксированные в надписи из Насика, объясняются тем, что брахмадею, как пожалованию религиозного характера, такие права были присущи издревле. Дальнейшее изменение иммунитетных формул определялось не столько увеличением прав владельцев собственно религиозных пожалований, сколько укреплением частной феодальной собственности и усилением личной власти светских феодалов над общинами. Оно отражало также стремление брахманов уточнить свои привилегии в условиях роста сеньориальных прав светских феодалов.

Формы феодальной собственности

Китайский путешественник Сюань Цзан сообщает в своих записках, что в Индии «царская» земля была разделена на четыре категории. «Одна часть,— писал он,— предназначена для покрытия расходов правительства и государственных богослужений, одна — для одаривания важных должностных лиц, одна — чтобы вознаграждать за высокие умственные достоинства, одна — для приобретения религиозных добродетелей посредством дарения различным сектам»¹⁴.

Речь здесь, очевидно, идет о фонде государственных земель, названных «царскими землями». Это уточнение необходимо потому, что помимо государственного фонда существовала категория личных земель царя или князя и царской семьи.

Государственная собственность на землю в начале процесса феодализации была господствующей формой собственности. Длительному сохранению больших массивов государственных земель способствовало постепенное развитие феодализма за счет освоения и вовлечения в сферу феодальной эксплуатации новых территорий. Постоянные войны также возобновляли государственные земельные фонды. Раздача правителями деревень

только в качестве религиозных дарений принимала иногда очень крупные масштабы. Раштракутский правитель Говинда IV общается с гордостью, что он широко раздает грамоты на деревни и уже пожаловал брахманам шестьсот деревень в качестве *аграхар*¹⁵ и даровал храмам восемьсот деревень¹⁶. Должно быть, в руках этого государя были обширные фонды государственных земель. В «Житии Сюань Цзана» рассказывается, что Шиладитья-раджа (Харша) якобы отдал китайскому паломнику налоги с 80 больших деревень¹⁷ в только что завоеванной Конгоде (северная часть Ориссы).

Каждый правитель стремился сыскать популярность у феодалов, раздавая им поместья, и свободных земель, естественно, не хватало. Поэтому мы встречаем в эпиграфике сведения о попытках укрепить государственный земельный фонд за счет конфискации существующих частных владений. Особенно невыгодным было для государства разрастание привилегированных владений брахмадесей и девадана (храмовых земель), полностью вышедших из-под контроля правителя и не дававших государственной власти ни дохода, ни военной силы.

Несмотря на святость религиозных дарений и торжественные слова грамот о пожаловании земель брахмадеей на вечные времена — «пока светят луна, звезды и солнце», эти владения все же часто отбирали. В грамоте из Багумры 915 г. раштракутского царя Индры III говорится о том, что он вновь даровал четыреста деревень, отобранных прежними правителями назад в казну¹⁸. Кальхана сообщает о массовой секуляризации в X в. храмовой собственности (прежде всего, очевидно, земельной) кашмирским царем Шанкараварманом¹⁹.

Как видим, настоятельные предупреждения не захватывать дарственные земли и устрашающие проклятия содежавшим такое, неизменно присутствующие в грамотах, имели основание.

<Особую категорию составляли царские земли.> В надписи Гаутамипутры Сатакарни в пещере у Насика упоминается царская деревня, где общине монахов было пожаловано поле в сто нивартан²⁰. <...> Однако обычно североиндийские источники не указывают ясно, из какой категории земель совершались религиозные дарения. Возможно, в ряде случаев князья дарили землю из своего домена, не сообщая об этом в документах. <...> Кроме земли в собственности царя были, вероятно, и хранилища воды. Колодцы, пруды и арыки упоминаются в документах из Гуджарата постоянно. Потребность в искусственном орошении там была довольно велика, и вода представляла большую ценность, что, как видно, учитывалось князьями. В Джесарской грамоте Шиладитьи III 666/7 г. названы три царских водоема²¹. Как правило же, земля жаловалась из государственных фондов.

Несомненно, самым распространенным видом феодального землевладения было светское служебное землевладение. Но как раз об этих формах собственности, о пожалованиях чиновникам,

военным и вообще служилой знати документы дают лишь случайные сведения. Поэтому данные Сюань Цзана о землях, предназначенных «для одаривания важных должностных лиц», особенно интересны. Сюань Цзан уточняет это сообщение следующей фразой: «Министры государства и чиновники — все имеют свои участки земли и получают содержание от назначенных им городов»²².

В кратких словах наблюдательный китайский путешественник дал обобщенную характеристику структуры земельной собственности. Однако как ни важно замечание Сюань Цзана, не подтвержденное индийскими материалами, оно представляет скорее повод для размышлений, чем реальную ценность.

Пожалования брахманам, документы о которых сохранились, представляли собой религиозные дарения, но было бы неправильно думать, что владельцы земель брахмадей составляли чуждое мирской жизни духовное сословие. Брахманы-феодалы ничем не отличались от феодалов из других каст, специфическим было, пожалуй, лишь их преобладание на фискальных и канцелярских должностях и в центральном управленческом аппарате, хотя они отнюдь не пренебрегали и военной службой. Владение брахмадей не исключало другой земельной собственности у брахмана. <...>

Среди получателей брахмадей встречаются люди с типичными феодальными титулами. В грамоте 1196 г. из Сундарбана *самантараджа* (т. е. вассальный раджа) Мадомманапала жалует деревню своему «доброму другу» махаранаке Васудевашарману²³. Слово *ранака* — <...> феодальный титул, имевший довольно широкое значение: так называли средних феодалов и крупных князей, обычно вассальных. <...> В данном случае он вряд ли был крупным князем.

Судя по многим грамотам, фактическим дарителем выступал не государь, обладавший обычно императорским титулом (*махараджадхираджа*, *махешвара*, *парамабхаттарака*), а его вассал. Обычны также грамоты о пожалованиях, сделанных крупными феодалами, состоявшими на службе у государя и имевшими придворные звания. Например, грамота 551/2 г. из района Гаи дана *кумараматьей махараджей* Нанданой²⁴. В других грамотах *саманта* (т. е. вассал) *ранака* Амма²⁵ и махаранака Саллакшана-Вармадева также совершают дарения самостоятельно. В бенгальской грамоте из Ваплагхошаваты (возможно, VIII в.), хотя и имеется упоминание о государе Джаянаге, сказано, что дарение совершает его саманта Нараянабхадра, губернатор вишай Аудумбарика, через своего уполномоченного Сурьясену, имевшего титул *махапратихара*²⁶. Таким образом, Сурьясена, видимо, был вассалом саманты Нараянабхадры.

Крупные феодалы, занимавшие, судя по титулам (*махамандалешвара*, *кумараматья*, *мандалика*), посты губернаторов провинций, на самом деле были владельцами этих областей, если не по праву, то фактически. Поэтому они своей властью, без санк-

ции сюзерена, раздавали земельные пожалования угодным им людям. Авторитет их был так высок, что в изданных ими грамотах царствующий государь в лучшем случае лишь упоминается.

Такие права на землю иногда имели и мелкие феодалы. В Кольхапурской надписи рассказывается о дарениях земли феодалами с невысоким титулом *найка*. Пожалования брахманам они совершили также из своей собственности и без каких-либо санкций вышестоящих властей, причем часть земли была купленной. Грамота из Кидопалли (Самбхалпурский округ, Орисса) времени калингского махараджадхираджи Махабхавасугупты II издана вассалом, «господином пятнадцати деревень», подарившим одну деревню брахманам²⁷.

В документах встречаются упоминания о пожалованиях земель, совершенных от имени центральной власти «по просьбе» того или иного вассала. Так, грамота 742 г. Викрамадитьи II из династии Западных Чалукьев извещает о даре деревень, сделанном государем по просьбе *раштракуты* Говиндараджи, сына Шивараджи²⁸. В Чаммакской грамоте махараджи Праварасены II Вакатаки деревня была передана в дар по просьбе некоего Кондараджи, сына Шатругхнараджи²⁹. В другом случае пожалование было совершено махасамантой Мадхавой, наместником Махендрапалы II из династии Гурджара-Пратихаров в Удджайини (Удджайне), по просьбе раджпутского феодала Индрараджи, сына Дурлабхараджи Чахамана³⁰. В данном случае неясно, являлся ли Индрараджа вассалом Мадхавы или выступал от лица верховного правителя как его представитель. Учитывая ослабление центральной власти в империи Гурджара-Пратихаров в этот период, можно полагать, что первое предположение довольно правдоподобно. Но и в этом случае номинальный даритель выступает сюзереном того, по чьей просьбе совершено дарение. В грамоте 674 г. из Савнура (Дхарвар) Викрамадитьи I из династии Западных Чалукьев говорится о пожаловании аналогичного типа, но, судя по отсутствию титулов, даритель принадлежал к мелким феодалам³¹.

Эти дарения «по просьбе» указывают на существование подчиненных феодальных владений, фактически находившихся в руках частных лиц, но над которыми центральная власть сохраняла значительный контроль, в частности регулировала их отчуждение. Фактическим дарителем выступал здесь частный владелец, но для юридически законной передачи земли брахманам грамота оформлялась как пожалованная сюзереном. <...>

Некоторые владения были временными или могли быть свободно изъяты государем или переданы другому лицу. В грамоте 529/30 г. из Палитаны Дхурвасены I говорится о даре брахману подлежащего обложению налогами поля, которым раньше пользовался другой брахман³². <Это пример феодального земле- владения на условиях «подчиненной» собственности.> <...>

Приведенные данные о светской феодальной собственности

показывают, что одни феодалы свободно распоряжались своей землей и отчуждали ее в пользу брахманов, а другие, находясь в большей степени зависимости от сюзеренов, испрашивали их санкции на отчуждение земли из своего владения и оформляли дарение брахмадей как бы от имени государя. И те и другие владения были обусловлены службой государю — непосредственно или через промежуточного крупного собственника, что создавало феодальную иерархию.

Третья категория земель в приведенном выше сообщении Сюань Цзана, предназначенная для вознаграждения «за высокие умственные достоинства», представляла собой, как можно предполагать, пожалования земельной собственности, дававшиеся в знак царской милости, например поэтам, музыкантам, ученым, придворным. В записках Сюань Цзана есть рассказ о диспуте буддиста Шилабхадры с брахманом-индусом. По словам Сюань Цзана, победитель — Шилабхадра получил за свою ученость право сбора налогов с города³³. Сюань Цзану в знак почтения к его учености и добродетелям царь Магадхи Пурнаварман якобы предложил в качестве дара налоги с 20 больших деревень, а Харшавардхана — даже налоги с 80 деревень. По-видимому, подобные пожалования представляли собой вид безусловного светского землевладения и не оформлялись грамотами *тамра-патта*. Если же такой документ все-таки выдавался, в нем указывалась конкретная причина пожалования. Например, дар деревни был осуществлен в благодарность за обучение. Грамотой 1203 г. Трайлокьяварман из династии Чанделлов даровал деревню для обеспечения наследников воина, погибшего в битве. Подобным же образом получил земельное пожалование астролог³⁴.

Так же как и в более ранний период, существовала земельная феодальная собственность богатых купцов, обычно жителей города. Они приобретали земельные владения скорее всего путем покупки. В грамоте Праварасена II Вакатака из Индура (V в.) упоминается, что часть подаренной деревни принадлежала купцу и была раньше куплена у брахмана. Земли, принадлежавшие купцу, названы также в индурской грамоте махараджи Свамидасы (V в.)³⁵.

Возможно, жаловать землю с религиозной целью можно было, лишь предварительно приобретя ее в полную собственность. В одной из ранних грамот — надписи из Санчи 412/13 г. — сообщается о дарении монастырю военачальником Чандрагупты II Амракардавой приобретенной им деревни (или части деревни)³⁶.

В надписи из Паттадакала 754 г. говорится о дарении неким брахманом половины деревни, а также купленных полей площадью тридцать нивартан другому брахману, бывшему, вероятно, жрецом храма³⁷. В некоторых грамотах подробно рассказывается о процедуре покупки земли в общине по «обычной» цене и о последующей передаче ее в религиозный дар. По

всему видно, что купля-продажа земли не была чем-то исключительным.

Есть основания предполагать, что покупка земли была одним из основных путей формирования мелкой «подчиненной» феодальной собственности. Это обусловлено развитием индивидуального крестьянского хозяйства и крестьянской частной собственности. Не столько купцы, чиновники, феодальная знать, сколько мелкие феодалы и представители богатой общинной верхушки скупали земли и создавали обширные владения, эксплуатируя труд зависимых крестьян или сажая арендаторов.

<...>

Процесс формирования феодальных владений можно проследить по гуджаратским грамотам, в которых часто говорится о пожалованиях князем земли одного или нескольких крестьян брахману, жившему обычно в этой же деревне или в соседней. Участки явно составляли всю землю данного крестьянина, включая дом, сад, а также водоем для орошения. Резонно предположить, что в результате подобного дарения крестьянин со своей семьей оставался на прежнем месте, но его земля теперь принадлежала местному феодалу. Такой земледelec, возможно, превращался в арендатора, или изменения в его судьбе ограничивались установлением личной зависимости от нового хозяина. Не исключено также, что эти документы, как во многих других случаях, лишь закрепляли правами брахмадеи фактическую власть феодала над своими односельчанами. <...>

Процесс <формирования эксплуататорской «подчиненной» собственности> продолжался непрерывно, омолаживая господствующий класс, вливая в него контингенты «новых» феодалов.

Среди названных Сюань Цзаном категорий земель только четвертая, предназначавшаяся «для приобретения религиозных добродетелей посредством дарения различным сектам», четко выявляется в эпиграфических материалах: речь идет об уже известных пожалованиях брахманам, храмам и монастырям.

Права владельца брахмадеи, как мы могли убедиться, были весьма обширными и практически ставили под его контроль все стороны жизни населения, оказавшегося на пожалованной территории. «Дарение брахману — это лучшее дарение, — говорил Буддхагхоша, — он пользуется им, подняв зонт (атрибут царской власти. — Е. М.), как если бы он был царем»³⁸. В самом деле, полная частная феодальная собственность типа брахмадеи ставила феодала фактически в положение как бы мелкого государя, тем более что брахман обычно не был связан с правителем никакой службой и обязанностями. Владение брахмадеей могло ограничиваться участком земли, но обычно оно включало населенные земли — часть деревни, деревню или даже несколько деревень.

Землевладение храмов — девадая (или девадана), брахманских общин (*сабха*) и буддийских монастырей в принципе не отличалось от описанных выше владений брахмадеей. Северо-

индийские документы дают мало материалов для изучения внутренней жизни храмов и брахманских поселений, но все же ясно, что они были коллективными феодалами, эксплуатировавшими труд крестьян так же, как индивидуальные феодалы. Знаменитый монастырь — университет Наланда — владел сотней деревень, которые платили ему налоги. Оброк выплачивался следующим образом: «Двести крестьян в этих деревнях день за днем вносят несколько сот пикулей обыкновенного риса и несколько сот катти масла или молока». Со времени пожалования налогов «обучающиеся здесь, — будучи обеспеченными в изобилии, не просят четырех средств существования (одежды, пищи, постелей и лекарств). Это источник совершенствования их знаний»³⁹. Г. Ф. Ильин на основании археологических материалов о буддийских монастырях близ Таксилы (первые века нашей эры) предполагает, что «основные... продукты питания монастыри получали несомненно со стороны, и притом регулярно, так как глиняных сосудов для хранения пищи, которые здесь обнаружены, было бы недостаточно в том случае, если бы все припасы в монастырь привозили раз в год»⁴⁰. Он считает также, что монастыри сами не вели хозяйства, так как не обнаружено хозяйственных помещений.

Вероятно, все-таки положение не везде было таким, как в таксильских монастырях. Во всяком случае, в «Житии Сюань Цзана» упоминается принадлежавшее Наландскому монастырю поместье⁴¹. К сожалению, о характере хозяйства ничего сказать нельзя.

Судя по эпиграфике, среди земель храмов и монастырей особую категорию составляли частные владения жрецов и должностных лиц этих религиозных учреждений. В грамотах мы встречаем пожалования религиозному учреждению в целом и отдельным его представителям. Подобным же образом осуществлялись дарения брахманским сабхам. В Нидханпурской грамоте перечисляются участки земли, пожалованные двумстам брахманам, причем участки неравны и размеры крупных участков во много раз превышают размер самых мелких⁴². <...> Имущественные различия в такой общине были весьма велики. Однако в североиндийской эпиграфике чаще встречаются упоминания о дарениях в равных долях каждому члену общины брахманов⁴³. Наряду с брахмадеей храмовые и монастырские земли составляли весьма заметную часть в феодальном землевладении Северной Индии. <...>

* Раджпутские завоевания, начавшиеся в VI—VII вв., не привели к смене форм землевладения. Политическая власть на огромной территории оказалась в руках вождей раджпутских племен и родов. Завоеванные земли и добыча делились по генеалогическому принципу кровной близости к предкам — основателям рода и к вождю. Каждый член рода получал свою

* Там же, с. 74—76.

долю — грас, которая у ближайших родственников вождя могла быть большим владением, охватывавшим многие деревни, а у рядовых воинов — совсем незначительной, распространявшейся на часть деревни.

Захватывая все новые и новые территории, раджпуты сгоняли или даже уничтожали местных феодалов, но, поскольку раджпутские завоевания проходили постепенно, не все «старые» феодалы были уничтожены, раджпуты «вживались» в общество, стоявшее неизмеримо выше их отсталого, пронизанного первобытнообщинными пережитками строя. Феодалные институты Индии, так же как ее культура, оказали решающее влияние на завоевателей. Сохранившиеся грамоты на медных пластинках и надписи на камне свидетельствуют о единой линии развития феодализма с V по XII в., о существовании одних и тех же форм феодальной собственности и политической власти.

Наиболее яркий пример приспособления раджпутов к новым условиям — появление у них формы землевладения *патта*⁴⁴. Эти владения давались на условии несения военной службы независимо от граса и, судя по всему, быстро распространились среди раджпутов. Патта получали военачальники, приближенные князей и люди, заслужившие их милость, точно так же как это было в дораджпутский период. Как ни сильны были у раджпутов племенные традиции, соблюдение их при исполнении государственной и военной службы было невозможно. Отличившийся военачальник или советник князя, конечно, вознаграждался, невзирая на его неродовитость. Даже раджпуты чужих княжеских родов стали получать бенефиции — патта. Так стала складываться у раджпутов крупная феодальная собственность.

Что же касается рядовых членов раджпутских кланов, то с течением времени, от поколения к поколению, их грасы мельчали и между рядовыми членами и племенной верхушкой возникала все более глубокая пропасть. Известно, что к новому времени большинство раджпутов превратились в мелких свободных собственников земли, по имущественному положению практически неотличимых от простых крестьян, но, как правило, чуждающихся занятия земледелием и живущих на ничтожную ренту с арендаторов.

Социальное расслоение среди раджпутов и обеднение значительной их части происходило, вероятно, уже в XI—XII вв. В «Шукасапатаи» (ок. XIII в.) персонажи-раджпуты выступают неоднократно, и во всех случаях они представлены как жители деревень, почти не отличающиеся от крестьян, не имеющие ни большого имущества, ни слуг, ни власти⁴⁵.

Представление о феодале и господине как о раджпуде дало основания членам феодального класса иного происхождения стремиться к присвоению этого названия. Например, Чанделлы создали себе, подобно другим князьям, фальшивую пышную генеалогию о кшатрийском происхождении, но, по мнению некоторых ученых, на самом деле они произошли от гондов. Гухило-

ты, хотя этнически происходили из группы раджпутских племен, согласно исторической традиции, были сначала брахманами, т. е. принадлежали к касте, которая с точки зрения брахманской литературы была высшей, однако они предпочли «понизить» свой кастовый уровень. Характерно пожалование Джаячандрой Гахадавалой (конец XII в.) деревень кшатрию *рауте* Раджьядхараварману, о котором, однако, говорится как о брахмане, да и грамота представляет собой обычный документ о дарении брахмадеи⁴⁶.

В индийских условиях пестрая этническая группа раджпутов неизбежно стала принимать черты касты. Ее можно назвать военно-феодальной кастой-сословием. Однако кастовая замкнутость и разобщенность привели постепенно к затуханию тенденции консолидации феодального сословия, и немалую роль в этом сыграло мусульманское завоевание, уничтожившее гегемонию раджпутов.

<Сельская> община

* Недостаток источников не позволяет дать достаточно полную характеристику индийского крестьянства раннего средневековья. Имеющиеся материалы указывают на существование соседской общины. Основной производственной единицей служила, как правило, малая семья. В дхармашастрах и эпиграфике семья выступает как основной субъект правовых и имущественных отношений. Трактровка в дхармашастрах и в «Артхашастре» проблемы наследования показывает, что примерно до начала нашей эры раздел имущества между наследниками происходил обычно после смерти главы семьи. Позже появляются указания о возможности раздела имущества сыновьями при жизни отца и даже вопреки его воле. Эти данные отражают усиление процесса распада большой семьи и перехода к малой семье как типичной форме низшей хозяйственной ячейки. Прямых сведений о большой семье в период раннего средневековья почти нет, и мы можем лишь строить догадки относительно ее роли. При этом приходится учитывать неравномерность общественного развития различных районов Индии. Так, есть основания считать, что в экономически и культурно передовых областях хозяйственно самостоятельная малая семья преобладала уже в древности, у отсталых же племен семейная община могла сохраниться и в средневековье. <...>

** Имеющиеся источники не дают возможности характеризовать стадиальную последовательность наблюдаемых форм общины. <...>*** В настоящее время схема эволюции общины

* Там же, с. 66.

** Там же, с. 68.

*** Далее текст статьи «Опыт исследования древнеиндийской общины по данным топонимики». — Индия в древности. М., 1964, с. 218—227.

от родовой через соседскую к разложению последней уже недостаточна, так как доказана возможность регенерации общин на новой базе (что определяется конкретными условиями и может происходить в различные исторические эпохи). Эти вторичные общинные коллективы эволюционировали в свою очередь. Патриархальный род в его исторически известной форме и сельская община могут сосуществовать и не являются обязательно последовательными и исключаящими друг друга ступенями в развитии общины. Взаимосвязь явлений, вызванных разложением патриархального рода и развитием соседской общины, составляет важную и еще мало изученную проблему⁴⁷.

Неравномерность исторического развития различных районов Индии должна была, очевидно, обусловить одновременное существование общин на различных этапах их эволюции. Кроме того, передвижение социально отсталых групп населения и взаимовлияние экономически передовых и отсталых районов приводили, вероятно, к ускорению процессов эволюции общин, с одной стороны, и к консервации и регенерации относительно неразвитых форм их — с другой. Наконец, необходимо учитывать локальные особенности общинной организации, определяемые конкретными историческими, географическими, этническими факторами, в частности изоляцией некоторых областей. Таким образом, на каждом историческом этапе возможно синхронное существование различных видов общин, и естественно ожидать весьма запутанную картину их территориального размещения.

<...>

Анализ топонимов в североиндийской эпиграфике, содержащих в качестве своего последнего компонента термины, применявшиеся для обозначения различных типов поселений — общин и их подразделений, — дает возможность выявить структуру древнеиндийской общины и некоторые закономерности ее разрастания и дробления, а также установить связь административного деления индийских государств с общинными организациями населения.

В древней и раннесредневековой литературе сельские населенные пункты обозначались термином *грама* («деревня»). По происхождению он близок словам *гана* и *пуга*, имеющим основные значения — «толпа», «множество» — и производные — «собрание», «сообщество», «корпорация», «племя» и др. Эти термины, по-видимому, применялись для обозначения сельских коллективов, связанных с родо-племенной организацией или происходивших от нее. Под *грама* в ведической литературе понималось «множество», «группа», «коллектив жителей местности», «община», «племя», а отсюда следует и производное — «населенное место», «деревня». Стало быть, для древнейшего периода он толкуется двояко — «поселение общины» и «община». Позже в источниках I тысячелетия н. э. прочно установилось внешнее, поверхностное значение слова «грама» — «деревня», «поселение». Однако в эпиграфике, точно воспроизводящей

народную топонимику, оно наряду с этим сохранило и другое, более древнее значение — «община», подобно тому как, например, франкская *вилла* в «Салической правде» — и община и деревня.

В древних источниках четкое разграничение между ними, вероятно, не проводилось, <но> <...> в некоторых случаях это различие все же можно уловить. Так, в литературе встречается термин *грамастха*, употребляющийся в значении «деревня», но буквально имеющий смысл «место грамы», «стоянка грамы». Здесь *грама* — явно общинный коллектив. Для обозначения жителей деревень — членов общин в литературе бытовали термины *грамияка*, *грамин*, *грамеша*, *грамачара*, *грамаवासин*, *грамаваставья*, *грамика*, произведенные от «грама». <...>

Способы образования названий населенных пунктов, упоминаемых в эпиграфике, многочисленны. Весь топонимический материал легко разделить на две части: названия, характеризующие общинную структуру и тип поселения; названия, основанные на признаках, которые подчеркивают природные, топографические, исторические и другие особенности места поселения.

Из топонимики второй категории распространены, например, названия, последний компонент которых указывает на важную роль искусственных оросительных сооружений в индийской деревне. Таковы слова, оканчивающиеся на *-кунда*, *-кундика* или *-кундака* («колодец», «водоем») ⁴⁸; *-кхата*, *-кхатака* («пруд», «водоем», «колодец») ⁴⁹; *-купа*, *-купака* («яма», «колодец») ⁵⁰. Примечательно также имя деревни *вапика* ⁵¹ (от *вапи* — «водоем», «колодец»). Слово «водоем» присутствует и в названии деревни в грамоте из Парди 456/7 г. Дхарасены — Канияс-Тадакасарика ⁵².

К этой же категории относятся названия деревень, образованные по типу Джаяпура ⁵³ (*пура* — «укрепление», «укрепленное поселение», «крепость», «город»), Раджьястхала ⁵⁴ (*стхала* и *стхали* — «место», «возвышенная, сухая земля»); Ашрамака ⁵⁵ («деревня, расположенная у ашрамы»). В Дамодарпурской грамоте № 3 времени Буддхагупты упоминается населенный пункт Палашавриндака ⁵⁶, названный так, очевидно, потому, что он был расположен у леса из деревьев *палаша*. В грамоте Хастина Паривраджака 517 г. говорится о Наваграмака ⁵⁷ — «Новой деревне»; в Пунской грамоте Прабхаватигупты — о Вилаванака — «[деревне] у леса, [изобилующего] рытвинами (или ямами)» и о Сидививарака — «[деревне] у расщелины Сиди» ⁵⁸. Даже эти случайные примеры дают представление о способах образования значительной части названий населенных пунктов, однако для изучения общины рассмотрение их вряд ли плодотворно.

В топонимике первой категории, отражающей черты общинной организации, наиболее интересны названия, последний компонент которых имеет значение «доля», «часть». Весьма распространенный термин такого рода — *патака*, *пата*, *патта* <...> Родственны этим поздние термины, употребляющиеся в ново-

индийских языках. <...> Значения всех их не совпадают полностью, но сводятся к двум группам, до известной степени перекрывающим друг друга: (1) «доля», «часть», «деревня»; (2) «документ», «запись», «грамота». Большинство этих слов Дж. Пляттс этимологически связывает с санскритским *паттра* («лист», «документ», «письмо»). М. Моньер-Вильямс тоже указывает (предположительно) на происхождение *патта* от *паттра* — «пластина», «табличка [для письма]», «грамота», «кусочек ткани», «населенный пункт»⁵⁹. <...>

В основе всех перечисленных терминов, по-видимому, лежит значение «кусочек», «часть», что позволяет объяснить совпадение смысла слов, скрывавших такие, казалось бы, далекие понятия, как «документ», «грамота» и «доля», «часть», «часть деревни», «населенный пункт (деревня, город)». В связи с тем что документ на владение назывался *паттра*, *патта*, возможно также вторичное осмысление термина, под которым понималось земельное владение как «участок земли, полученный по документу».

Согласно словарю М. Моньер-Вильямса, термин «патака» значит «половина деревни, либо какая-то ее часть, или тип деревни». Известный индийский эпиграфист Д. Ч. Сиркар, ссылаясь на Хемачандру, указывал на первое значение этого термина («половина деревни») и подчеркивал, что в современном бенгали этому соответствует *пара*, происходящий от древнего *пата*⁶⁰. Ф. Кильхорн объяснял *патака* как «outlying hamlets»⁶¹; это толкование и было принято учеными при переводе ранне-средневековых надписей.

Термин *патака*, если судить по контексту многих грамот, явно означает деревню; в ряде случаев деревни, названия которых оканчиваются на *патака*, именуются в документах «грама». Так, в надписях зафиксированы названия деревень Вьяхрапатака-грама⁶², Чамипатака-грама⁶³, Мокхалапатака-грама⁶⁴, Атавиатака-грама⁶⁵ и др.

В грамоте из Лунсади Шиладитьи II при перечислении границ дарованных участков наряду с двумя другими деревнями-грамами упоминается Вишалапатака-грама⁶⁶. В Ассамской грамоте Валлабхадевы (1184/5 г.) сообщается о передаче в дар семи деревень (*грама*), среди которых названы Дошрипатака и Сончипатака⁶⁷.

Иногда отмечается связь отдельного поселения деревни-*патаки* с центральным поселением-*грамой*. В грамоте 1142 г. царя Камарупы Вайдьядевы, найденной в Камаули (близ Варанаси), фигурирует деревня Сантипатака, «объединенная» (*самъюкта*) с деревней Мандара-грама⁶⁸. В той же Ассамской грамоте говорится о дарении в числе прочих селений *грамы* Самшарахикончика вместе с Дшрипатака⁶⁹, очевидно связанной с этой грамотой, так как другие селения перечисляются самостоятельно. Там же сообщается о дарении шести патак в [деревнях] Майтада и Дварипата и [деревни] Ачарахедика. В этом контексте

разбираемый термин обозначает отдельные поселения (издатель грамоты Ф. Кильхорн переводит hamlets), рассматриваемые как части или подразделения упомянутых деревень, это объясняет отсутствие их названий.

В грамотах из Кмаули Говиндачандры Гахадавалы (грамоты С и D) тоже рассказывается о передаче деревень с безымянными патаками, причем этот термин формально включен в перечисление угодий⁷⁰. Возможно, в данных случаях патаки могли быть подразделениями общины, не выделившимися в изолированные поселения, а представлявшими доли общинной земли. К сожалению, прямых указаний на такое содержание термина в эпиграфике нет, хотя литературные источники указывают именно на значение «половина деревни», «часть деревни». Мы можем привести, кроме того, пример употребления анализируемого слова, демонстрирующий связь полярных значений этого термина: в Ассамской грамоте деревня Дварипата (в название которой входит элемент *пата*, равнозначный *патака*) сама включает несколько подразделений-*патак*.

Итак, мы в состоянии уточнить все градации смысла термина *патака*: 1) «половина деревни», «часть деревни», «доля»; 2) «подразделение или часть деревни, составляющие отдельное поселение, выселок»; 3) «деревня, сохраняющая связь с центральным поселением-грамой, как ее подразделение, но сама называемая грамой»; 4) «самостоятельная деревня-грама, делящаяся на патаки». В перечисленных случаях слово «деревня», очевидно, можно заменить словом «община». В таком виде это построение очень напоминает известную по описаниям английских чиновников структуру общин Северной Индии в XVIII—XIX вв. На мысль об аналогии наталкивает и сходство терминологии — мы имеем в виду систему *паттидари*⁷¹ <...>

Приняв приведенную схему структуры общин за рабочую гипотезу, мы сумеем удовлетворительно объяснить кажущуюся противоречивость различных значений рассматриваемого термина, являющихся, нам кажется, отражением различных этапов эволюции общины.

Согласно нашей схеме, первое значение термина *патака* соответствовало долям общинной земли у общинников-сонаследников. Как и в общинах паттидари, ими могли быть потомки основателя деревни, например: его сыновья, их потомки (подобное родство могло быть и вымышленным). При минимальном числе сыновей (или коллективов их потомков) деревня должна была делиться на две равные доли-патаки, откуда и возникло значение термина «половина деревни». Если сонаследники оставались жить в одном поселении, то патаки представляли собой доли общинной земли, включавшие для уравнивания владельческих прав угодья неодинаковой ценности, видимо главным образом различные категории пахотной земли при общей альменде. Эти патаки, возможно, подвергались переделу. Они могли быть и компактными участками. В том случае,

когда община не сохраняла территориального единства и коллективы потомков братьев-собственников образовывали отдельные поселения — выселки основной деревни, патаки не порывали общинные связи и оставались подразделениями общины. Но в хозяйственном отношении они становились все более самостоятельными, особенно если отсутствовала потребность в совместных работах по искусственному орошению. Первоначально такие патаки, видимо, были поселением (одноворным) одной хозяйственно достаточно мощной семьи (вероятнее всего, большой), однако в процессе естественного роста превращались, наверное, в многодворные деревни с множеством жителей. Этот этап эволюции патак отражен, по нашей схеме, во втором и третьем значениях термина.

Общинные связи дочерних деревень с материнской основой скорее всего принимали весьма разнообразные формы — совместное право распоряжаться землей, совместное использование общинных слуг и ремесленников, гражданские функции: защита общинных прав и привилегий, оборона общины, регулирование отношений между ее членами (суд и органы самоуправления) и между нею и государством, нею и частными эксплуататорами, общий культ и др. Эти связи в неполном объеме могут поддерживаться в масштабе округа, сохраняющего элементы общинной (родо-племенной) структуры или искусственно их воспроизводящего. Но так или иначе дочерние поселения общины, по мере того как они разрастаются и уменьшается потребность в помощи материнского коллектива, вероятно, становятся независимыми, повторяя в меньших размерах организацию основной общины. В подобных случаях наименование «патака» теряет свой смысл, хотя по традиции остается в названиях деревень. Новые общины, в свою очередь, дробятся на патаки и т. д. Разумеется, разделение на новые патаки начинается еще в недрах старой общины — превращением большой семьи в патронимию и возникновением необходимости распределять земли патаки-выселка между семьями-сонаследниками.

Описанный процесс ничего не меняет в существующих социальных отношениях, воспроизводя снова и снова статичную картину жизни индийской общины. Анализ термина *патака* и других подобных терминов раскрывает один из аспектов консерватизма этого института.

Слово *патака* служило также названием единицы площади. Иногда это значение не выступает явно. Так, в Рампальской грамоте Шри Чандрадевы говорится о дарении «земли [одной] патаки в Нахакаштхиграме»⁷². Контекст грамоты позволяет думать, что имеется в виду часть деревни, так как описание участка является обычной формулой дара деревни (перечисляются различные угодья и категории земли, иммунитеты, получаемые новым владельцем). Эти данные, вероятно, указывают на значительную величину участка и согласуются с приведенным выше толкованием термина. Но здесь возможно понима-

ние термина и как меры площади, поэтому издатель грамоты Р. Басак переводит «участок земли, измеряемый одной патакой»⁷³.

Иногда же значение «мера площади» очевидно. В грамоте из Белавы речь идет об участке в деревне Упьяликаграма, включающем 1 патаку и $9\frac{1}{4}$ дроны⁷⁴. В грамоте из Типпера 650 г.⁷⁵ рассказывается, что дарованная земля распределена между брахманами, которым даны участки различной величины, среди них два участка по 9 патак, девятнадцать по 1, один участок в $\frac{1}{2}$ патаки и два по 2 патаки; шесть участков составляли совместное владение площадью в 1 патаку (или — это неясно — каждый из шести участков равнялся патаке). Далее перечисляются участки по 20, 17, 15 дрон и т. д.

Была сделана попытка установить величину площади патаки по данным Гунайгархской грамоты Вайньягупты 507/8 г.⁷⁶. В этом документе названо общее число (11) дарованных в деревне патак; сумма их площади — $8\frac{3}{4}$ патаки и 90 дроनाव, т. е. 90 дроनाव составляют $2\frac{1}{4}$ патаки; патака, следовательно, равна 40 дроनावам. Согласившись с вычислениями размера дроनावы, произведенными Д. Ч. Сиркаром и С. К. Майти⁷⁷, мы обнаружим, что патака — весьма крупная единица, неудобная для измерения земельной площади.

Учитывая это, а также тождество термина с обозначением частей (долей) деревни, мы считаем возможным предположить, что патака — единица площади, по происхождению связана с долевым разделом земель. Основой толкования термина как «меры земли» могло быть равенство значительного числа патак в пределах общины (большой общины), где они в узком смысле выступали и в качестве единиц площади, в долях которых измерялись собственнические права общинников. Как показывает грамота Говиндачандры из Дон Бузурга, иногда в большой общине, включающей несколько деревень, сохранялось общее подразделение на доли. В этом документе упоминается деревня Вадаграма в паттале Алапа «с [ее] патаками и конами»⁷⁸. Издатель грамоты переводит здесь патака как *outlying hamlets*, но даже при подобном толковании очевидно, что система патак перекрывает деление патталы на деревни, если только не исходить из того, что деревня Вадаграма и есть *outlying hamlet*. Нам кажется в данном случае более подходящим объяснение «патак» как каких-то долей, исчисляемых в целом для всей патталы Алапа и уже в качестве таковых входящих в состав земель селений на ее территории, в частности в состав Вадаграмы.

Возможно, в том же смысле употреблено слово патака в Дамодарпурской грамоте № 5, где перечисляются купленные и затем дарованные участки размером 1—2 кульявана. Один из них находится к востоку от патаки в Пуранавриндикахари. Последний компонент названия хари, вероятно, идентичен ахара (ахари) или хара, под которыми понимались территориальные

подразделения больше деревни, обычно административные округа. Разбивка таких округов на патаки (как, например, здесь) указывает на их связь с общинной организацией. Скорее всего перед нами большая община.

Из контекста грамоты, кажется, вытекает, что отмечающие местоположение участков топонимические названия обозначали патаки; кроме уже упомянутой встречаются Сваччханда-патака и затем Лавангасика, Сатуванашрамака и Панчакульявапака. Последнее название обозначает, наверно, величину площади пахотной земли данного подразделения (во всяком случае, его первоначальную площадь). Обращает внимание совпадение этого числа с определенной по Гунайгархской грамоте величиной патаки — меры площади (40 дроनावап). Поскольку известно, что 1 кульявапа равна 8 дроनावап⁷⁹ и, следовательно, 5 кульявап (*панчакульявапа*) как раз составляют 40 дроनावап, то Панчакульявапака, которая, по нашему предположению, была патакой в смысле подразделения общины, является в то же время патакой — мерой площади. Конечно, такое совпадение, видимо, случайно, что подтверждает само название патаки, выделяющее ее из ряда других. Вообще размер подразделений общины зависит от количества земли в ней и числа долей. Все же приведенный факт свидетельствует о связи этой меры площади с реально существовавшими подразделениями общины. Интересно здесь и точное указание величины патаки-доли. Если согласиться с подсчетами Д. Ч. Сиркара и С. К. Майти, она равнялась 30—35 га. В условиях Восточной Бенгалии эта площадь не могла обрабатываться силами индивидуальной парной семьи и, вероятно, являлась наделом большой семейной общины.

Возвращаясь к грамоте из Дон Бузурга, мы должны отметить, что наше толкование выражения «паттала с патаками и конами» представляется тем более правдоподобным, что в нем наряду с патаками упомянуты «коны».

Слово *кона* (букв. «угол»), по-видимому, в какой-то степени сходно с термином «патака». Соотношение понятий *патака* и *кона* остается неясным, хотя допустимо, что *кона* — более мелкое подразделение. Наверно, системы общинных подразделений и соответствующая терминология были сложнее, чем это вытекает из анализа одного лишь термина *патака*. Так, по аналогии, в общинах паттидари кроме патти существовали еще другие — более крупные (*тарафы*) и более мелкие (*тхоки*) подразделения, которые, по существу, часто оказывались одним и тем же. Термин *кона*, видимо, эволюционировал так же, как *патака*, ибо в эпиграфике мы встречаем названия деревень, включающие это слово, например: в Кохской грамоте Хастина Паривраджака 482/3 г. упомянута деревня Анимуктакаконака⁸⁰, в грамоте из Парла-Кимеди Ваджрахасты — Ланкакона⁸¹. Однако все нюансы значений термина «кона» мы проиллюстрировать не можем.

Большой интерес для исследователей индийской общины представляет распространенный термин *палли*, или *паллика*, имеющий весьма разнообразные значения. Слово происходит от глагола «палл» («идти», «двигаться»), и одно из его главных значений — «поселение дикого, кочевого племени» (скажем, абхиров). В Южной Индии оно обозначало «пастушеская деревня». Итак, *палли* переводится как «стоянка», «кочевье».

Но так назывались поселения и культурных народов Индии, в частности многие города, возникшие из бывших деревень (в названиях городов весьма часто сохраняются следы их происхождения из деревень). В смысле «деревня» термин *палли* фигурирует в надписи на камне из Харши Виграхараджи Чахамана (деревня Канхапаллика)⁸², в грамоте № 2 Индраараджи III, найденной в Багумра (деревня Варадапаллика)⁸³, в грамоте № 1 Дадды IV Прасантарага 641/2 г. (деревня Суварнарапалли-грама)⁸⁴ и в других эпиграфических памятниках. Особенно показательна скальная надпись Удайяманы из Дадхпани: среди названий деревень-палли упомянута Набхутишандака⁸⁵, слово *шандака* означает «множество», «толпа», т. е. «община». Таким образом, в данном случае *палли* определенно тождествен граме-общине. Здесь, по-видимому, основные и первоначальные значения — «хижина», «дом», «жилище». Этимологически они связаны с указанным выше смыслом термина «стоянка». Другое значение *палли* — «группа домов», «маленькая деревня», «поселок», «обособленная часть деревни», «округ». *Палли* — это также «половина деревни»⁸⁶. В «Шукранити», в частности, говорится: «Половина грамы известна как *палли*, половина *палли* известна как *кумбха*»⁸⁷. Это полностью совпадает с одним из значений термина «патака».

В грамоте из Кидопали времени Махабхавагупты II упоминается господин 15 *паллика*⁸⁸; не исключено, что эти поселения образовывали какое-то объединение. В надписи из Харши есть место, где рядом названы патаки и палли. Издатель грамоты Ф. Кильхорн отметил, что он затрудняется точно истолковать это место, так как не знает, в чем отличие значения *патака* от *паллика*⁸⁹.

Под термином *падра*, *падрака* чаще всего подразумевается деревня. В надписи кшатрапа Рудрасинхи 181 г., например, встречается грама Расопадра⁹⁰, в грамоте из Валабхи Дхрувасены III 653/4 г. — Паттападрака⁹¹, в надписи из Харши — Майурападра-грама⁹². В ряде случаев населенные пункты, в названии которых присутствует компонент *падра*, не названы грамами (Акашападра, находившаяся в округе Бхакалаккоппака)⁹³ — Билвападрака⁹⁴, Элападра⁹⁵.

Падра может означать часть деревни. В грамоте из Малийя говорится о передаче в дар в Шивакападраке в (деревне) Антаратра 100 *падаварта* земли, «известных как владение (*пратьяя*) Вирасенадантики», и 100 *падаварта* из владения *кутумбина* Ботака в Бхумбхусападраке⁹⁶. В другом случае упомянута Тала-

падрака — подразделение деревни (общины), названное так потому, что оно занимало территорию в низине (тала — «нижняя часть», «низина») ⁹⁷. <...>

По нашему мнению, можно объяснять подобным же образом происхождение названий, оканчивающихся на *валлика* (*валли* — «земля»). Они упомянуты в Санджанской грамоте Амогхаварши I 871 г., где сказано, что Дханнаваллика и Ихариваллика входили в группу из 24 деревень ⁹⁸. В грамоте из Таркхеде 812 г. говорится о дарении (в группе деревень) «Шихаракхи-двенадцать» деревни Говаттана с Месуваллика-правешуках ⁹⁹ (*правешуках* — ср. *веша* «дом», «жилище»; издатель грамоты Д. Флит переводит hamlet).

Вероятно, к этому же смысловому ряду относится название деревни Шихавахалака-грама в грамоте Балавармана 893 г. ¹⁰⁰. Здесь компонент *халака* от *хала* — «плуг» следует истолковать как «участок пахотной земли», «доля».

Приведенный материал свидетельствует о том, что дробление общин на территориально самостоятельные поселения — хутора, выселки — было распространенным явлением. Отколовшиеся подразделения являлись, надо полагать, чаще всего большими семьями. Термин *кула* в литературе означает семью — и парную и большую, а также род, самостоятельную родовую общину. Прямое указание на это имеется у Яджнавалкьи, где кулы рассматриваются наряду с пугами и шрени как судебные органы ¹⁰¹. Этому соответствует и статья дхармашастры Гаутамы о признании обычного права: «Законы стран, джати и кул, которые не противоречат [священным] записям, также авторитетны» ¹⁰².

Слово «кула» означало, кроме того, территорию, которую могут вспахать две упряжки по шесть быков ¹⁰³. Тождество терминов заставляет предполагать, что эта территория соответствовала владениям кулы-семьи. По-видимому, данные производственные возможности были у семьи, состоящей, например, из отца и сыновей. Медхатитхи, комментируя то же место дхармашастры Ману, считает кулу частью деревни.

В качестве территориальной единицы кула в принципе идентична подразделениям — долям общинной земли. Вероятно, этими участками могли владеть весьма различные по численности коллективы.

Топонимические материалы указывают на происхождение деревень из однодворных поселений *кулы*. Обычно населенные пункты именуются по их основателю, очевидно главе кулы. Некоторые из таких названий даны в настоящей статье, однако выявить собственные имена довольно трудно. Проще рассмотреть некоторые постоянно встречающиеся компоненты названий, свидетельствующие о происхождении деревень из однодворного поселения. Значение этих слов — «дом», «жилище».

В бенгальских грамотах зафиксирован термин *поттака*. В Пахарпурской грамоте он входит в название населенного

пункта Приштхима-поттака¹⁰⁴. В грамоте из Калайкури Тапаспоттака и Дайитапоттака — части деревни (или какого-то объединения населенных пунктов) Хастиширшавибхитаки. Она делилась на два подразделения — Хастиширшу, включающую указанные поттаки, и Вибхитаку, включающую населенный пункт Читраватангара (очевидно, тоже поттаку)¹⁰⁵. Хастиширшавибхитака и три другие деревни — Гулмагандхика, Дханьяпаталика и Сангохали (или Сангохалика-грама), возможно, представляли собой объединение, ибо жители их, *кутумбины*, совместно присутствовали в качестве заинтересованных лиц при актах продажи и дарения земли. Издатель грамоты Д. Ч. Сиркар предполагал, что Сангохали объединяет несколько населенных пунктов, так как в строке второй это название поставлено во множественном числе. Таким образом, *поттака* в этом контексте — подразделение весьма сложной общинной организации, но этимологически термин связан со значениями сохранившихся в хинди и бенгали слов *пота* и *потак* — «место дома», «основание дома». <...>

Очень многочисленны деревни, названия которых оканчиваются на -вата, -ватака, -вада («место дома», «хижина», «огороженное место»), например: Ваппагхошавата-грама¹⁰⁶, Южная Валмикаталлаватака¹⁰⁷, Прастараватака¹⁰⁸, Перувадака¹⁰⁹. В грамоте Ваджрахасты III 1061 г. отмечается, что передаваемая в дар деревня Тамарачеру-грама объединена с Чикхаливатাকা¹¹⁰, видимо занимающей подчиненное положение.

В ряде надписей упоминаются названия деревень, оканчивающиеся на *васака* (*васа* — «жилое место», «жилище», «стоянка»). Примечательно употребление этого слова в надписи из Санчи Чандрагупты II: там имеется название Ишваравасака («дом Ишвары»), по контексту документа означающее участок земли (однако возможно все-таки толкование «деревня»)¹¹¹.

В произведении Баны «Харшачарита» фигурирует деревня Яшти-грихака¹¹², последний компонент слова свидетельствует, что первоначально в этом месте был дом Яшти, видимо основателя деревни. Компонент *гриха* встречается также в названии *патталы* Брихадгрихьева-ратха¹¹³. Этот факт показывает, что названия деревни-граммы и патталы образовывались по общему принципу, и подкрепляет высказанные ранее соображения о характере института, скрывающегося за термином *паттала*. Это община или большая община — волость. <...>

Уникальное описание однодворных поселений дает Бана¹¹⁴. Он рассказывает, что дома лесных жителей находились на большом расстоянии друг от друга и были окружены огороженными садами, где, в частности, выращивалось масличное полевое растение клещевина; тут же помещался домашний скот. В загонах были сооружены водоемы и поилки для птиц. Дома строились из расщепленного бамбука, листьев, кольев и тростника.

К сожалению, характер хозяйства «лесных жителей» не

совсем ясен. Мы можем лишь думать, что они занимались и земледелием и животноводством.

В новое время обычай селиться отдельными усадьбами — хуторами наблюдался у ряда отсталых племен Индии. У бхиллов Удайпура общины представляли собой группы нескольких маленьких поселков, называемых *пара* или *парра*. Такой поселок состоял из нескольких хижин, и его население (30—50 человек), по-видимому, составляло большую семью¹¹⁵. По мнению К. М. Гупты, этот обычай объяснялся преобладанием у отсталых племен переложной системы земледелия. В древности этот фактор играл значительную роль, однако, конечно, более важными были социальные причины: разложение общины, выделение частновладельческих хозяйств, формирование частной крестьянской собственности, главным образом в форме владения большой семьей, но также и малой. Благодаря росту производительных сил на определенном этапе развития общества возникали условия для независимого ведения хозяйства силами мелкого коллектива или даже индивидуально, что вызывало стремление превратить земельные владения в частную собственность — аллод. Этот процесс мог сопровождаться территориальным распылением общины.

* <Таким образом,> анализ топонимики показывает процесс роста и дробления общин, связь отдельных поселений в крупных общинах, соединенных, в свою очередь, в еще более обширных организациях, сохранявших, в сущности, общинную структуру.

Разрастание семьи основателя деревни приводило рано или поздно к разделу земель между братьями-сонаследниками или между потомками сонаследников. В ряде случаев отмечено деление деревни по дуальному принципу. Этим можно объяснить, в частности, четность подразделений больших общин, округов и отдельных селений. Образование выселков в виде однодворных хуторов или совместного поселения группы родственных семей создавало периферию материнской общины, которая таким образом разрасталась, сохраняя единство. Но рост населения дочерних деревень, их хозяйственная самостоятельность приводили к постепенному превращению выселков в равноправные общины, вновь начинавшие цикл дробления и расселения. Однако родственные селения в ряде отношений выступали единым целым: это — сознание родства и общности (своего рода «гражданство»), обычай совместного решения споров и дел, представлявших интерес для всех, защита своей территории, отношения с феодалом или государем и т. д.

Община-деревня являлась группой относительно близких родственников, а большая община — группой более далеких родственников. Видимо, оба коллектива можно назвать патро-

---

* Далее из главы «Северная Индия в VII—XII веках». — История Индии в средние века, с. 68—69.

ниями, еще более широкую общность — патриархальным родом (различие здесь в основном количественное).

Указания на происхождение деревень из заимок отдельных семей не исключают других путей образования поселений, например переселений родов и т. п. Так, возникновение крупных объединений деревень, образывавших целые округа и области, вряд ли может быть объяснено только приведенной выше схемой расширения общин. Очевидно, в основе таких крупных объединений лежала родовая и племенная структура даже в тех случаях, когда племенная организация реально уже не существовала.

Циклическая эволюция общины не затрагивала общественных отношений. В течение многих веков община могла оставаться неизменной.

Крупные и мелкие объединения деревень и отдельные деревни рассматривались древними правоведами как искусственно образованные административные единицы. Эта точка зрения не оспаривается и многими современными исследователями. На самом деле, эти округа и волости, как удается установить по данным эпиграфики, существовали в качестве исконной формы организации населения. Начальники округов и областей, вероятно, во многих случаях были местными вождями, главами родов и общин, превратившимися в феодалов.

<Данные источников о внутреннем устройстве общин в рассматриваемый период весьма скудны и отрывочны. Те крупницы сведений, которые мы находим, могли относиться к различным их типам.>

* Большой интерес представляет единственное в своем роде описание деревни, включенное в роман-хронику Банабхатты «Харшачарита». Ввиду особой ценности этого описания приведем его здесь почти полностью с небольшими сокращениями. Бана рассказывает, как царь Харша достиг леса Виндхья, и вот, «вступив [в лес], он увидел, пока еще на некотором расстоянии, лесное селение, характерное для лесных районов, подернутое серым [дымом] из амбаров с диким зерном, в которых от груд горящей рисовой мякоти поднималось пламя. Здесь были огромные банины, окруженные загонами для скота, сделанными из множества сухих сучьев; ловушки для тигров, сооруженные [крестьянами], разъяренными из-за убийства [тиграми] телят; ревностные лесники, силой отнимающие топоры у нарушивших запрет порубщиков; беседки, [посвященные] Дурге, построенные в чаще среди куп деревьев».

Харша увидел эту деревню, «окруженную большей частью лесом, имевшую многочисленные низкие рисовые поля и тока, которые мелкие земледельцы поделили с громкими спорами относительно долей, так как они обрабатывают землю по преимуществу мотыгами и озабочены пропитанием семей.

---

* Далее текст рукописи, обнаруженной в архиве Е. М. Медведева.

Небольшое число проходящих и уходящих [людей] вытоптало землю из-за трудности пахоты редко разбросанных полей, покрытых травой куша, с немногими незаросшими участками с их черной землей, твердой, как черное железо, с сучьями, отломившимися от стволов деревьев и торчащими здесь и там, с непроходимыми зарослями шьямаки, с изобилием аламбусы, [с участками], еще не расчищенными от кустов кокилакши. Около пашни были сооружены над землей [сторожевые] вышки, свидетельствующие о нападениях на [поля] диких животных.

Всюду на опушке леса были видны сделанные под [растущими] у дороги деревьями беседки, [в которых можно] напиться [воды] и которые своей прохладой, казалось, рассеивали летний зной, беседки, в тени которых [земля] была испещрена свежими ростками, серыми от пыли, поднятой ногами путников, где были кусты [растения] нагаспахута, растущие рядом с недавно вырытыми водоемами, украшенными пучками цветов сал, которые легко получают из леса; маленькие хижины, сделанные из теснопереpletенных прутьев; груды черепков с [остатками] пищи, окруженные вьющимися роями мух; косточки розовых яблок, съеденных путниками, [которые они] бросали около себя; масса цветов дхуликадамба с пылью из них; деревянные колья, увенчанные множеством кувшинов для воды со стеблями травы в них, [предназначенных] для утоления жажды; прохладные пористые сосуды с влажными стенками, чтобы устранить усталость; кувшины с влажными водяными растениями для сохранения воды холодной; небольшие [кучки] розового гравия, вынутого из кувшинов, чтобы охладить воздух; чаши с розовыми цветами, связанными соломенными жгутами; стволы деревьев, ошетилившиеся гроздьями сочных молодых манговых плодов, вянуть которым препятствуют пучки обрызганных водой веток; и следующие одна за другой группы паломников, пьющих воду.

В других местах были [видны] угольщики, чуть ли не усиливавшие зной, сжигая дерево на уголь. Всяду можно было видеть жителей округа, живших в окружающей местности, входящих в лес, чтобы собрать дров, нагруженных продовольствием, охраняемым для них стариками, живущими в домах окрестных селений. Свои тела они натерли [маслом], чтобы приготовиться к своему тяжелому труду в лесу. На их плечах лежали большие топоры, а на шеях висели узелки с едой. Из страха перед грабителями они были одеты в рваное платье... Перед ними шли упряжки сильных быков.

На опушке лесов бродили охотники, в руках у которых были ловушки из перепутанных петель, сделанные из сухожилий оленей, и которые несли свернутые силки и сети, прикрепленные ко множеству щитов, употребляемых при стрельбе по диким животным. Здесь и там бродили птицеловы, наполняя свои клетки соколами, куропатками, капинджаками и [другими] по-

добными птицами, в то время как их сыновья слонялись поблизости с клетками за плечами. [Здесь же] бродили группы охотящихся детей, преследующих воробьев в надежде подбить их ветками... Юные охотники, занимающиеся ловлей птиц, напустив собак, вспугивали куропаток, скрывающихся в зарослях травы.

Здесь были люди, шедшие со связками коры [дерева] шидху, по цвету напоминающей шею старого красного гуся, с бесчисленными мешками только что сорванных цветов дхатаки, цвета красной руды, и хлопкового растения, с огромными связками льна и конопли, с большим количеством меда, с хвостовыми перьями павлина, со связками спрессованного воска, с очищенными от коры бревнами кхадиры, украшенными висящей травой ламаджжака, с большими пучками куштхи и редхры, желтой, как грива взрослого льва. Деревенские женщины спешили в соседние деревни, сосредоточив все внимание на мыслях о продаже и неся на головах корзины с разными собранными в лесу плодами.

Здесь и там многочисленные ряды повозок, запряженных сильными молодыми волами, везли груды навоза из старых пыльных куч, чтобы приготовить [к севу] унылые поля неплодородной земли, и к скрипу их шатающихся колес примешивались гневные крики погоняющих [волов] серых от пыли мальчиков, сидящих на дышлах.

Окружающая местность казалась черной от многочисленных оград вокруг [полей] сахарного тростника, показывающего широко[листные] тщательно ухоженные побеги. На столбах были укреплены скелеты буйволов, чтобы отпугивать своими резкими очертаниями кроликов, которые уничтожают всходы. [Были видны] также высокие бамбуковые изгороди, через которые легко перепрыгивают антилопы, испуганные сторожами, швыряющими в них палками, которыми погоняют быков.

На очень больших расстояниях друг от друга были дома лесных жителей, окруженные садами блестящей как рубин снухи, опутанные зарослями бамбука, пригодного [для изготовления] луков, труднодоступные из-за рядов колючего [растения] каранджа. В их огороженных садах [росли] гармут, гаведхука, грантхипарка, шигру, сурана, сураса, вангака, вача и клешевина; на высоких прочных подпорках выращивалось ползучее растение кастхалука, которое, переплетаясь наподобие сети, создавало тень. В кругу беседок из ююбы к укрепленным в земле колам из кхадиры были привязаны телята. Лишь пение петухов указывало на примерное расположение домов. У подножия деревьев агасти в загонах были сооружены водоемы и поилки для птиц и вокруг было разбросано множество розовой ююбы. Стены были построены из частей, сделанных из расщепленного бамбука, листьев, кольев и тростника»¹¹⁶.

В этом отрывке прежде всего поражают правдивость деталей, реализм всего описания, которое выдержано, однако, в

цветистом возвышенном стиле кавья, в котором написано все произведение. Это достигается нагромождением правдивых, самых обыденных деталей в искусно сплетенных, нарочито усложненных грамматическими хитростями фразах, долженствующих показать литературную изощренность автора.

Несмотря на определение деревни как «лесной» и расположенной в лесу Виндхья, несмотря на подробное описание ряда признаков, характеризующих связь этой деревни с лесом, было бы неправильно игнорировать ценный материал, содержащийся в этом отрывке, как относящийся к одному специфическому типу сельского поселения. На наш взгляд, Бана и не стремился к точному описанию особенностей глухого лесного селения; он создал обобщенный образ — живописную картину оживленной сельской местности, хотя и не лишенную некоторых черт, обусловленных близостью этой местности к лесу.

В самом деле, если говорить о признаках отсталости, которую можно ожидать в глухом лесном поселении, то это, пожалуй, лишь упоминание о мотыжном земледелии.

Характер хозяйства «лесных жителей», о которых говорит Бана в своем сочинении, не совсем ясен. Бана рассказывает об огороженных садах около домов; в этих «садах» выращивались некоторые совсем не садовые растения, например масличное полевое растение клещевина.

Какую-то роль играло и разведение крупного рогатого скота (упоминаются привязанные к кольям телята), и птицеводство. Домашняя птица — это, очевидно, куры (так как упоминается пение петухов) и водоплавающие утки или гуси (если считать, что устроенные в загонах водоемы предназначались для домашней птицы).

В то же время Бана рисует картину весьма оживленной местности, никак не похожей на глухое лесное захолустье.

Деревня находится на опушке леса около большой дороги, по которой постоянно идут путники, видимо главным образом паломники (группы паломников следуют «одна за другой»). Путешественников, проходящих по дороге, так много, что у обочины сооружены для их отдыха беседки и водоемы. Упоминаются также сплетенные из ветвей шалаши, возможно предназначенные для ночлега путников.

На оживленное движение по дороге указывают упоминания Баны о грудах черепков, объедках, разбросанных у мест отдыха путников, и пр.

Лесная деревня описывается как находящаяся на периферии безлесного развитого района: значительная часть описания посвящена рассказу об эксплуатации лесных богатств жителями данной деревни и прилегающей местности. Здесь упоминаются и угольщики, и лесорубы, и люди, собирающие различные плоды леса.

Интересны сведения о лесорубах. За дровами или строительным материалом организовывались целые экспедиции. Кре-

стьяне направлялись в лес на долгое время, оставляя запасы продовольствия в ближайших к лесу деревнях. Лес вывозили упряжками быков. По-видимому, наиболее ценным деревом была твердая кхадира, которую Бана упоминает несколько раз. Любопытно указание на существование лесной охраны и борьбу с самовольной порубкой леса. Скорее всего охраняли лес общины «лесных деревень», которые считали его своей собственностью, браконьерами же были крестьяне деревень, находившихся в безлесной полосе.

Так как, согласно описанию Баны, одни порубщики приходили в лес с упряжками быков и многодневными запасами пищи, а у других лесники отнимали топоры, напрашивается вывод о том, что сводить лес можно было лишь с разрешения общины, которая считала данный участок леса своим и, видимо, взимала за пользование общинными угодьями какую-то плату с менее обеспеченных в этом отношении крестьян соседних деревень.

Бана перечисляет некоторые из объектов лесного промысла: это добыча коры [дерева] шидху, назначение которой неясно (может быть, применялась как дубильное вещество в кожевенном деле?), сбор дикого льна и конопли для производства тканей, добыча дикого меда и воска, сбор лесных плодов и др. Очевидно, этими промыслами занимались жители «лесных деревень», но реализовались ли все эти продукты лесного промысла в самих этих деревнях или частично продавались на сторону — неясно. Некоторый свет на этот вопрос проливает лишь одна, но зато очень важная фраза Баны: «Деревенские женщины спешили в соседние деревни, сосредоточив все внимание на мыслях о продаже и неся на головах корзины с разными собранными в лесу плодами».

Можно предполагать, что и ряд других предметов лесного промысла продавался в соседние деревни.

Конечно, это случай довольно примитивного товарообмена, так как объектом продажи являлся специфический товар — лесные плоды. Тем не менее этот факт имеет большое значение для характеристики деревни в рассматриваемый период.

Сам сельский пейзаж у Баны напоминает описание индийских деревень XIX в. Вышки для сторожей, отгонявших от посевов диких животных, были до последнего времени обычны в селениях, близко расположенных к джунглям, как были обычны и дежурства крестьян на полях для сохранения урожая. Полевые культуры традиционны: это рис, сахарный тростник. Обычны изгороди вокруг полей, построенные также для защиты от нападений диких животных.

Если учесть, что в те времена леса занимали огромные площади, то должно быть ясно, что подобные «лесные поселения» были весьма распространены. Бана сообщает о том, что в деревне земля «с громкими спорами» делилась между «мелкими землепашцами», очевидно, на общем собрании всего «мира». «Мелкие землепашцы» — это, по-видимому, полноправные об-

щинники, главы семей. Можно предполагать, что это семьи небольшие, включающие лишь ближайших родственников. На это как будто указывают слова о том, что землепашцы «озабочены пропитанием семей». Бана пишет только о разделе рисовых полей и токов. Рисовые «низкие» поля, вероятно, орошались; таким образом, это была наиболее ценная категория земель. Передел токов может быть объяснен тем, что тока территориально были связаны с долями, т. е. каждой доле соответствовал ток, расположенный здесь же у поля.

Бана упоминает кроме рисовых полей также и другие категории земель. Прежде всего это огороженные поля сахарного тростника, причем можно предполагать, что гипербола Баны — «местность казалась черной от многочисленных оград вокруг [полей] сахарного тростника» — означает, что ограды были вокруг многочисленных индивидуальных полей.

Суходольные земли частично оставались под паром, какая-то их часть была заброшена. Под паром, видимо, были те «унылые поля неплодородной земли», которые, как рассказывает Бана, крестьяне удобряли, чтобы подготовить к севу. Судя по описанию Баны, эти земли были расположены не сплошным массивом, а клиньями и даже отдельными полями. В «Харшачарите» говорится, что «многочисленные ряды повозок» с удобрением были видны «здесь и там»; о заброшенных землях той же категории (суходольных) Бана говорит, что эти поля были «редко разбросаны».

Таким образом, поля суходольной земли были разбросаны на большом пространстве на наиболее удобных для обработки участках, но черную «твердую, как черное железо», почву приходилось сначала раскорчевывать (Бана пишет о расчистке ее от кустарника кокилакша), пахать ее было трудно, она была неплодородна и нуждалась в удобрениях. Зброшенное поле быстро покрывалось травой куша, «непроходимыми зарослями шьямаки» и других растений. Очевидно, эти земли ценились невысоко^{*} и, возможно, не включались в переделы. Эти земли могли поднимать и присваивать отдельные семьи.

* Некоторые сведения об общинах сообщают нам данные эпиграфики, особенно бенгальские грамоты. В этих грамотах фигурируют термины: *кутумбин*, *аштакуладхикарана*, *махаттар*, *грамика*.

Слово «кутумбин» происходит от *кутумба* — «семья, род». Кутумбинами называли крестьян, имея в виду домохозяев, глав семей (возможно, больших семей). Однако так называли не всех жителей деревни, о чем свидетельствуют следующие тексты.

В третьей табличке Праварасены II Вакатаки из музея Патны (V в.) о даре деревни брахману объявляется «кутумби-

^{*} Далес текст из статьи «К вопросу о формах землевладения в Северной Индии в VI—VII веках (по данным эпиграфики)». — Проблемы востоковедения. 1959, № 1, с. 50—53.

нам и жителям деревни»¹¹⁷. В грамоте 794 г. Джайявардхана II из Рагхоли (Центральная Индия) правитель приказывает «жителям и тем, которые кутумбины»¹¹⁸.

С другой стороны, кутумбины не были и представителями общинной администрации, как пытался доказывать Гхошал¹¹⁹. В Калайкурской грамоте 439 г. сообщается о покупке 9 *кульвапа* пустоши за 18 *динаров* в трех деревнях¹²⁰. <...> Если предположить, что перечисленные в грамоте поименно 78 кутумбинов, к которым обращаются с просьбой о продаже земли, <...> представляют только деревни, в которых продавалась земля, то в среднем на каждую деревню придется по 26 кутумбинов, т. е. по 26 хозяйств. Таким образом, в данном случае речь идет, очевидно, о крестьянах, а не о сельских старшинах. Хотя деревня Хастиширшавибхитакки принадлежала двум феодалам, продажу пустошей производила община. Это можно объяснить тем, что феодалы еще не захватили общинную альменду.

Еще более очевидные доказательства того, что *кутумбин* означало «крестьянин», мы находим в валабхских грамотах, которые фиксируют дарения брахманам участков, принадлежавших отдельным кутумбинам. <...>

Значение термина *аштакуладхикарана* в литературе не установлено. Буквально это значит «управляющий восемью семьями», т. е., возможно, ответственный за сбор налога с восьми дворов.

Махаттары были представителями общинной верхушки, может быть старостами и членами общинного совета. В грамоте из Пахарпура (VI в.) они выступают как первые среди кутумбинов: «махаттары и другие кутумбины, возглавляемые брахманами»¹²¹. В грамоте из Малийя Дхарасена II 571/572 г. участок *махаттара* Викидинна назван среди других земель кутумбинов¹²². В грамоте из Лунсади Шиладити II 671/672 г. упоминается участок земли, вспахиваемый (*пракриштам*) *махаттаром* Джаджджуалукой¹²³. В смысле «крестьянин-староста» слово «махаттар» употреблено в Ашрафпурской грамоте А (VIII — начало IX в.).

Упоминание *грамика* — старосты общины — встречается в эпиграфике чрезвычайно редко. В грамотах о продаже земли это слово мы находим лишь в Дамодарпурской грамоте № 3 482/483 г. В надписи на каменном пограничном столбе из Бхумара, стоявшем на границе между царствами Паривраджаков и Уччакальпа, сказано, что этот столб поставил в деревне Амблода в 508/509 г. Шивадаса, сын грамике Васу¹²⁴, — по-видимому, сам он тоже был старостой. Этот факт свидетельствует о большой административной власти старост. О широких функциях старост говорится в «Артхашастре», у Нарады и в некоторых других шастрах. Например, границы продаваемого поля, а также спорные границы рекомендуется указывать в присутствии соседей и старшин селения. Между тем в Фаридпурской грамо-

те А (начало VI в.) покупатель земли обращается только к 17 *вишайямахаттарам*, которые «предводительствуют простым народом» (*пракрити*). В грамоте Самачарадевы из Гхаграхати (начало VI в.) названы один *вишайямахаттар* и несколько просто *махаттаров*; в Калайкурской — 8 *витхимахаттаров* и 78 *кутумбинов*. Нигде не упомянут грамика, хотя даже кутумбины перечислены поименно. Поэтому можно предположить, что грамика входит в число махаттаров, даже если это махаттары *вишайи* (округа) или *витхи* (более мелкого подразделения). Покупатель земли обращается к махаттарам со словами: хочу купить «у господ»¹²⁵, или «у милости господ»¹²⁶.

Между тем очевидно, что землю он покупал не у администрации вишайи, а у общины или члена общины, например, в Фаридпурской грамоте В (начало VI в.) у махаттара Тхода. Свою землю он мог продать, однако лишь при участии представителей общины¹²⁷.

Термин *махаттар*, несомненно, служил также названием чиновников окружной администрации, по происхождению, возможно, связанных с общинами.

В Баласорской грамоте Шри-Бхану (между 550 и 650 г.) четыре *махамахаттара* выступают как феодалы, получающие в свое владение деревню¹²⁸.

Следует сказать, что сохранившиеся бенгальские грамоты о продаже земли (V—VII вв.) фиксируют, в сущности, передачу купленного участка земли в дар, а не акт купли. Но для утверждения законных прав владельца дара нужно было, чтобы он получил его как собственность дарителя, с освобождением от претензий фиска. Поэтому в грамотах содержится описание сложной процедуры продажи и дара.

Возьмем для примера Фаридпурскую грамоту А Дхармадити о продаже пахотной земли. В ней сообщается, что после того, как покупатель, *сандханика* (?) Ватабхога, обратился с просьбой о продаже, *вишайямахаттарами* «улажено [это дело] разрешением хранителя записей (*пустапала*) Винайясены». Из Дамодарпурских грамот видно, что это разрешение хранителя записей (в этих грамотах обычно упоминаются три *пустапала*, состоявшие при *адхикаране* — управлении вишайи) сводится к определению категории земли: приносит ли она доход государству и не отдана ли уже в виде дара другому. Если земля была свободна и представляла собой пустошь (*кхила*), *пустапалы* санкционировали продажу земли, которая предназначалась для религиозного дара. Здесь же санкционировалось изъятие этой земли из фонда пахотных земель, обложенных налогом, что производилось без компенсации государству. «Затем шестая часть пользы по здешнему закону [приносится] к ногам императора»¹²⁹. На основании Пахарпурской грамоты Гхошал объясняет, что здесь может подразумеваться как шестая часть дхармы, так и шестая часть цены; «государь [получает] удовольствие от шестой части дхармы и богатства». Далее указывается,

что «в округе есть закон, [имеющий хождение около] Восточного моря: земли продаются по четыре динара за кульявапа». В соответствии с этим за 3 кульявапа земли было заплачено 12 динаров, после чего землемер отмерил купленный участок. «Нами [тогда] продано в Дхрувилати в присутствии Ватабхоги, согласно закону медных табличек, три кульявапа поля»¹³⁰. По всей видимости, купля-продажа земли была делом обычным.

Бенгальские грамоты показывают, что существовала общинная собственность как на пахотную, так и на непахотную землю. В Фаридпурских грамотах А и С (начало VI в.) не указано, кому принадлежала продаваемая пахотная земля. <...> Возможно, что продавцом была сама община. Однако, как уже отмечалось, были и закрепленные крестьянские держания. Интересные сведения о частном крестьянском землевладении можно почерпнуть из грамоты из Нирманда (окр. Кангра) VII в., утверждающей пожалования, сделанные храму. В числе пожалований есть «земля *двеша* (?), [которая была дана] кутумбином Ваккхаликой, [чье держание было] на краю вновь построенной *вайдила* (?) деревни Сулисаграма», а также «держание Сулбхака и держание Динна»¹³¹. Здесь речь идет о землях, принадлежащих крестьянам и каким-то образом переданных храму. Вероятно, старые владельцы (если только они не лишились своих держаний совсем) продолжали обрабатывать свои поля, но уже в пользу храма. Следовательно, имелись прочно закрепленные за крестьянами наделы, рассматривавшиеся как собственность крестьян. Об аналогичных частных крестьянских владениях говорится в валабхских грамотах. Как правило, получаемые в качестве брахмадеи участки земли и соседние с ними поля носили имена владельцев-кутумбинов¹³². При этом для указания принадлежности земли тому или иному кутумбину употреблялся термин *пратьяя*, равно как и для обозначения собственности брахмадей; на участие общины в акте дарения никаких указаний не встречается.

* * *

<Имеющийся материал позволяет прийти к следующим выводам о внутриобщинных экономических отношениях.>

* В грамотах из Гуджарата часто говорится о дарениях отдельных крестьянских участков, граничивших с участками других крестьян. Сходные сведения обнаруживаются в надписях из других частей Северной Индии, и их можно истолковать как доказательство крестьянских аллодов. Документы о продаже земли, найденные главным образом в Бенгалии, показывают, что продажа небольших участков была весьма обычным делом. По этим грамотам и дхармашастрам можно приблизительно восстановить порядок купли-продажи крестьянской земли и сопровождавшие этот акт обряды.

* Далее текст из главы «Северная Индия в VII—XII веках», с. 66—68.

Присутствие при отчуждении земли соседей и должностных лиц общины должно было, очевидно, обеспечить законность сделки, ее гласность. Родственники и соседи, т. е. вообще общинники, имели право преимущественной покупки, однако само возникновение этого правила показывает, что община не препятствовала и практически вряд ли могла помешать отчуждению земли ее членами. Внутри общины переход земли из одних рук в другие совершался, вероятно, еще более легко.

В первые века нашей эры сложилось, таким образом, <мелкое> аллодиальное землевладение, <хотя и подвергавшееся налоговому гнету, но> способствовавшее усилению процесса имущественной дифференциации и выделению из общины зажиточной феодализировавшейся верхушки. Процесс сложения мелкой крестьянской собственности должен был коснуться и тех общин, где сохранялись периодические переделы земли. Такая община упомянута лишь раз в «Харшачарите» Баны (VII в.). В условиях переделов, как это известно из более поздних материалов, крестьянская собственность принимала форму собственности на долю общинной земли, которую крестьянин мог дарить, продавать или закладывать, поэтому существование переделов также не могло помешать развитию имущественной дифференциации и концентрации земель, коль скоро община достигла стадии, когда отчуждение доли общинника допускалось.

Полноправные общинники — главы семей (кутумбины) — образовывали общинное собрание, старейшины-махаттары (букв. «наибольшие») — общинный совет. Среди них староста общины (грамика, грамакута, грамадхипати) пользовался большим влиянием и властью — административной и судебной. Важные дела разрешались, очевидно, на общинных собраниях, но по мере роста значения старост (в связи с их феодализацией) к ним переходило все больше прерогатив общинных органов самоуправления. В некоторых случаях трудно установить, являлся ли грамика собственно старостой или феодалом. Термин «аштакула» («восемь семей»), встречающийся в грамотах, указывает, по-видимому, на существование внутри общин каких-то подразделений, объединявших группы семей.

Сообщения источников о сельских рынках, периодических ярмарках и торговцах, живших в деревне, свидетельствуют о товарно-денежных отношениях между общинами и внутри общин. Это подтверждается и данными о продаже сельскими ремесленниками своих изделий. У нас нет сведений о характерной для позднего времени системе внутриобщинных нетоварных связей между земледельцами и ремесленниками и слугами, поддерживавшимися общинами, однако не исключено, что такая система могла возникнуть уже в период раннего средневековья.

VI. <ГОРОД>

<Проблема континуитета древнего и средневекового города>*

В индологической литературе существует представление об упадке городской культуры и городов в Индии в середине I тысячелетия н. э., связанном с возникновением феодального строя. «Рабовладельческое» хозяйство древней Индии противопоставляется замкнутому самообеспечивающемуся производству при феодализме как товарное, а высокая «рабовладельческая» культура — примитивной «феодальной»¹. Это представление возникло по аналогии с западноевропейским путем развития и не имеет под собой прочного основания. <...>

Для изучения истории раннесредневекового города наибольшую ценность должны иметь результаты археологических раскопок, однако, к сожалению, археологическое изучение железного века в Индии к настоящему времени еще недостаточно развито и не позволяет составить цельную картину жизни городов. Нумизматика дает подчас важные, но косвенные сведения. Поэтому нашим главным источником остаются письменные памятники. Среди них центральное место занимает уникальное по полноте данных сочинение китайского путешественника Сюань Цзана «Си-Ю-Цзы» — «Записки о Западном мире». В 630—645 гг. в качестве буддиста-паломника он объехал значительную часть Индии. Точность его сообщений многократно подтверждалась археологическими находками. Описание Сюань Цзаном Индии в настоящее время нельзя заменить каким-либо иным источником. Существенным дополнением «Записок» является «Житие Сюань Цзана», составленное учениками путешественника по его дневникам и записям. В деталях «Житие» менее надежно, чем книга самого Сюань Цзана.

Для наших целей среди разнообразных данных этих источников представляют интерес характеристики состояния областей и городов Индии, которые, собственно, и послужили поводом к возникновению мнения об упадке городской жизни в Индии в VI—VII вв. Внимательное рассмотрение этих сведений позволит

* Сокращенный текст статьи «Города Северной Индии в VI—VII вв. (по данным Сюань Цзана)». — Страны и народы Востока. Вып. XIV. М., 1972, с. 168—182.

проверить правильность такого заключения. В работе нами использованы полные английские переводы «Записок о Западном мире» и «Жития Сюань Цзана», выполненные Сэмюэлом Билом, и уточненный, но неполный перевод «Записок» Томаса Уоттерса, где часть текста дана в его переложении². Изучение такого важного памятника в английских переводах имеет, конечно, свои недостатки, однако другой возможности у автора не было ввиду незнания вэньяня. В середине прошлого века Сюань Цзана перевел на русский язык акад. В. П. Васильев. Эта ценная рукопись, хранящаяся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, оказалась чрезвычайно трудной для чтения и не была использована.

* * *

В период раннего средневековья в Северной Индии сохранилась большая часть известных старинных городов — центров ремесла и земледелия, возникли новые города. Сюань Цзан отметил большое число процветающих городов, но описал также области и города, находившиеся тогда в состоянии упадка. Данные о состоянии городов, названных Сюань Цзаном, почти не с чем сравнивать, но все же в отдельных случаях мы имеем сведения о некоторых из них, относящиеся к V или VI в.

В частности, свидетелем упадка ряда древних городов и областей — знаменитых центров буддизма — был другой китайский путешественник — паломник Фа Сянь, посетивший Индию в начале V в., когда империя Гуптов достигла апогея своего могущества в царствование Чандрагупты II Викрамадитьи.

О городе Шраваси (в районе современного г. Сахет-Махет) Фа Сянь отмсчает: «Этот город малонаселен, в нем живет лишь около двухсот семей»³. О родине Будды, столице шакьев Капилавасту, он писал: «В этом городе нет ни царя, ни горожан; он выглядит совсем заброшенным. Здесь живут лишь несколько монахов и семей мирян»⁴. «Страна Капилавасту пустынна, и по ее дорогам путешествует мало людей из страха перед белыми слонами и львами. Без великих предосторожностей одному здесь путешествовать нельзя»⁵. Затем Фа Сянь посетил Кушинагару: «Этот город почти совсем покинут, в нем осталась только горстка монахов и немного мирян»⁶. Спустя два с лишним столетия Сюань Цзан писал о царстве Шраваси: «Главный город пустынен и разрушен. Нет записи о его точных границах. Руины стен, окружающие царский город, имеют в окружности 20 ли⁷. Хотя большинство зданий разрушено, здесь еще есть жители. Злаки произрастают в великом изобилии, климат мягкий и приятный, нрав людей честный и простой. Они уделяют внимание образованию и любят религию. Есть несколько сангхарам (буддийских монастырей. — Е. М.), большинство их в развалинах. В них очень мало адептов, они изучают книги школы Самматия. Есть сто храмов дэвов с многочисленными еретиками (т. е. индусских храмов: еретики — небуддисты. — Е. М.)»⁸.

На первый взгляд кажется, что описания обоих пилигримов одинаковы. Однако Сюань Цзан уточняет, что древняя столица Кошалы находится в руинах, но сама область густо заселена и изобилует хлебом. Если буддийские монастыри бедствуют, то индусских храмов много и они процветают (см. подобные же сведения о других областях).

Совсем безотрадную картину рисует Сюань Цзан, рассказывая о Капилавасту: «В этой стране около десяти заброшенных городов, все они покинуты жителями и разрушены. Столица разрушена и лежит в руинах. Ее окружность не может быть точно измерена. Стены царской резиденции, находящейся в пределах города, имеют 14 или 15 ли в окружности. Они были построены из кирпича. Основания стен еще крепки и высоки. Город уже давно необитаем. Населенные деревни (или улицы) малочисленны и пустынные»⁹.

По-видимому, фраза о том, что окружность города не может быть точно измерена, как и соответствующее замечание о Шравастии, указывает на то, что руины под действием разрушительных сил времени уже частично сровнялись с землей или стали трудноразличимыми. Судя по всему, эти города пришли в упадок и стали разрушаться задолго до посещения их китайскими паломниками. Во всяком случае, это произошло еще в догутскую эпоху. Приведенный выше отрывок и последующие слова Сюань Цзана как будто противоречат друг другу. Сюань Цзан говорит, что в стране «нет верховного правителя, каждый город назначает своего собственного правителя. Почва богатая и плодородная и обрабатывается в обычный сезон. Климат ровный, обращение людей мягкое и любезное»¹⁰. Из этого сообщения можно заключить, что Сюань Цзан имел в виду в данном случае не «десять заброшенных городов», а другие населенные города. Благоприятная характеристика сельского хозяйства и населения, хотя и выраженная не очень определенно, не согласуется с заявлением о малочисленности и пустынности деревень. Поэтому представляется более вероятным запасной вариант перевода С. Била — не «деревни» малочисленны и пустыньны, а «улицы», тем более что эта фраза следует непосредственно за описанием города Капилавасту. В таком случае это место можно понять так, что в городе сохранились немногие населенные улицы, однако и они пустыньны. Далее наш автор говорит о сохранившейся еще буддийской сангхараме в Капилавасту и «двух храмах дэвов». Совершенно очевидно, что эти два храма также находились в городе, ибо предположение о том, что Сюань Цзан имел здесь в виду всю область, неправдоподобно, так как население в эту эпоху упадка буддизма исповедовало индуизм¹¹.

Следуя на восток, Сюань Цзан пришел в царство Рамаграма (не упоминаемое Фа Сянем), которое было «уже много лет пустынно и разрушено». «Города разрушены, и жителей мало», — продолжает Сюань Цзан¹². Столь же определенно описание

царства Кушинагара: «Столица этой страны в руинах, города ее и деревни заброшены и разрушены. Кирпичные фундаменты стен старой столицы имеют около 10 ли в окружности. Жителей мало, и улицы города пустынные»¹³.

Приведенные высказывания Фа Сяня и Сюань Цзана ясно показывают, что упадок пригималайской области, почти целиком примыкающей к непальским тераям и даже включающей их, наступил задолго до того времени, к которому обычно относят установление господства феодализма, и потому предполагаемая перестройка экономики не могла оказать решающего влияния. Причины регресса еще не ясны. Возможно, здесь сыграло роль «перемещение политических и религиозных центров»¹⁴. Перечисленные города стояли в стороне от основных торговых магистралей, по которым развивался товарооборот. Изоляция этого района была связана и с природными условиями: от пригангских областей он был отделен труднопреодолимыми лесами¹⁵. Экономическое значение этого района в древности могло быть далеко не столь большим, как это можно предположить, принимая на веру данные буддийских сочинений. Поэтому с разложением кшатрийских олигархических государственно-племенных образований (ган) пригималайский район, потеряв бывшее политическое значение, оказался на положении маловажной окраинной провинции передовых североиндийских областей. В этот период военные нападения (например, из Непала и Тибета) и связанное с этим разорение могли еще больше усугубить кризис.

Подобные предположения можно высказать и о городах области Вриджжи — территории ганы, образовавшейся на базе союза племен. Сюань Цзан говорит, что столица страны Вайшали «большей частью разрушена. В старом царском городе есть еще около 3000 домов; это поселение может быть названо деревней или местечком»¹⁶. Сюань Цзан упоминает здесь еще о двух древних, очень давно покинутых городах¹⁷.

В то же время Сюань Цзан говорит, что почва в стране Вриджжи «богатая и плодородная... Есть несколько десятков храмов дэвов с огромным числом неверных»¹⁸. О соседней области Вайшали, в былые времена объединенной с Вриджжи в рамках одного государства — ганы, говорится: «Почва богатая и плодородная, здесь изобилие цветов и плодов. Манго и бананов очень много, и они высоко ценятся. Климат приятный, умеренный. Поведение людей прямое и честное. Они любят свою религию и очень уважают образованность. Еретики и верующие живут вместе... Есть несколько сот сангхарам, которые в большинстве полуразрушены. В трех или пяти, что еще сохранились, монахов очень мало. Есть несколько десятков храмов дэвов, занятых сектантами разных толков. Последователи *ниргрантхов* очень многочисленны»¹⁹. Из этих отрывков можно сделать заключение о благополучном состоянии сельского хозяйства в противоположность разрушенной городской экономике.

<В другом месте Сюань Цзан повторяет, что> Вайшали «в значительной степени разрушены. Развалины его старых построек имеют от 60 до 70 ли в окружности. Царский город имеет 4 или 5 ли в окружности. В нем мало жителей»²⁰. Вайшали (на месте современного Басарха) находился близко от Ганга, на небольшом расстоянии от Паталипутры. Фа Сянь еще называл Паталипутру «величайшим городом во всем Срединном царстве» (т. е. Мадхьядеше); люди, по его мнению, «богатые и процветающие и соперничающие друг с другом в совершении добрых дел»²¹. Паталипутра в это время была столицей Гуптской империи.

Сюань Цзан рисует совсем другую картину. Он пишет, что со времени Ашоки «сменились многие поколения и теперь остались только основания древних стен. Сангхарамы, храмы дэвов и ступы, которые все лежат в развалинах, можно насчитать сотнями. Только два или три (строения) остались целы. К северу от древнего дворца на берегу Ганга есть маленький поселок, состоящий примерно из тысячи домов»²². По-видимому, этот городок и послужил основой будущей Патны.

Вопреки Сюань Цзану окончательное разрушение Паталипутры произошло незадолго до его прибытия в Индию, скорее всего в VI в., так как для ее гибели не было причин при могущественных гуптских императорах. В VI в., в период распада Гуптского государства и борьбы между феодальными государствами за преобладание в долине Ганга, закончившейся длительной войной между Шашанкой и Харшей (около 606 г.— до конца 30-х годов VII в.), Паталипутра и другие города Магадхи могли серьезно пострадать и — при неблагоприятной экономической конъюнктуре — прийти в запустение.

В целом Сюань Цзан говорит о Магадхе скорее как о стране процветающей, чем разоренной: «В укрепленных городах живут лишь немногие жители, но селения густо населены. Почва богатая и плодородная, урожай зерна обильны»²³. Таким образом, хотя Магадха в течение нескольких десятилетий была ареной военных действий, пострадали, по-видимому, в основном «укрепленные города», опорные пункты боровшихся за власть над Магадхой противников. Вероятно, значительный ущерб городам принесли, в частности, преследования буддистов Шашанкой, о чем упоминает Сюань Цзан²⁴. Буддийская традиция также сохранила воспоминания о гонениях Шашанки. В «Арья-манджушримулакальпа» царь Сома, отождествляемый с Шашанкой (оба имени имеют значение «луна»), назван «совершителем злых дел» и после смерти «отправился в ад»²⁵. В этом же источнике говорится и о смутах, наступивших после смерти Шашанки.

Страна Каджугхира (Kie-chu-hoh-khi-lo), или, как восстанавливает Т. Уоттерс, Каджангала²⁶, также отмечена Сюань Цзаном как область с пришедшими в упадок городами, причем он сам предлагает объяснение этому: «В течение последних столе-

тий царская династия вымерла, страна управлялась соседним государством, вследствие чего города покинуты жителями и большая часть населения рассеялась по деревням и поселкам»²⁷. Каджугхира идентифицирована с современным Раджмахалом²⁸. От Магадхи эту часть Западной Бенгалии отделяли царства Хиранья-парвата (примерно соответствует современному дистрикту Монгхир) и Чампа (дистрикт Бхагальпур), характеристика экономики которых положительная, причем о признаках упадка городов ничего не сказано. Вероятно, политические неурядицы, продолжавшиеся длительное время, могли нанести значительный ущерб именно городам, подорвав их весьма узкую экономическую базу и сравнительно мало затронув натуральный уклад сельской жизни. По-видимому, Каджугхира в VI — начале VII в. была спорной территорией между правителями Магадхи из династии имперских Гуптов, а затем поздних Гуптов, и бенгальскими правителями, ставшими самостоятельными уже в начале VI в., особенно государем Гауды Шашанкой и его предшественниками. Следует заметить, что и Харша воевал здесь. Из-за разорения городов, как объясняет Сюань Цзан, он построил временный лагерь с дворцом «из ветвей и сучьев»²⁹, который был сожжен после его отъезда.

Третий район с признаками упадка и разрушения городов — некоторые области Пенджаба и верхней части долины Инда. Причины регресса здесь достаточно ясны: это результат эфталитского нашествия. По уровню своего социально-экономического развития эфталиты (*хуна* индийских источников, часто называемые в литературе «белыми гуннами») стояли неизмеримо ниже земледельческого населения плодородных долин Индии. Китайский посол в стране эфталитов Сун Юнь, посетивший Северо-Западную Индию в 518 г. в царствование Михиракулы, описывал е-да (эфталитов) как людей, занятых отгонным скотоводством, — об этом говорит фраза, что «летом народ ищет прохлады в горах; зимой люди расходятся по деревням», т. е. нарисована картина, типичная для жителей афганских гор и предгорий. Характерная деталь — кожаная одежда е-да. По словам Сун Юня, у них не было письменности, «их правила вежливости очень несовершенны». У е-да «нет городов, обнесенных крепостными стенами, но они поддерживают порядок с помощью постоянной армии, которая то и дело передвигается то туда, то сюда»³⁰.

Индийская историческая традиция сохранила воспоминание о тяжких испытаниях, выпавших на долю народа в пору эфталитского нашествия. В «Раджатарангини» Кальханы говорится: «Когда земля была опустошена ордами млеччхов³¹, его (Васукулы, иначе Тораманы. — Е. М.) сын Михиракула, человек столь неистового нрава, что его можно было сравнить с богом разрушения, стал царем... О его приближении население, бегущее от него, узнавало, увидев грифов, ворон и других подобных птиц, стремящихся напиться трупами тех, кто был убит его

войсками... Этот страшный враг человечества избивал всех и не знал ни жалости к детям, ни милосердия к женщинам, ни уважения к старикам»³².

Это позднее предание совпадает с данными современников. Сун Юнь сообщает: «Нрав этого царя (Тораманы.—Е. М.) был жестокий и мстительный, и он совершал самые варварские жестокости»³³.

Согласно Сун Юню, е-да «разрушили» Гандхару за два поколения до его посещения Индии, т. е. примерно в середине V в.³⁴ При Сюань Цзане Гандхара была под властью Капиши. «Города и деревни покинуты, жителей очень мало»,— сообщает китайский путешественник. Он отмечает большие размеры Пурушапуры (современный Пешавар) — около 40 ли в окружности, но далее выясняется, что город почти необитаем и только «в одной части царской цитадели живет около тысячи семей»³⁵.

Из археологических данных известно, что к V в. относится разрушение таксильских монастырей, но о судьбе города Таксилы, в сущности, ничего не известно³⁶. Сюань Цзан говорит о небольшом размере города (10 ли в окружности). Он упоминает о неурядицах в стране («знать силой борется за власть») и указывает, что «земля славится плодородием и дает богатые урожаи»³⁷. Таким образом, у нас нет определенных сведений об экономическом состоянии Таксилы. Скорее всего после эфталтского завоевания город не смог оправиться и захирел.

О Таккадеше (Пенджаб) Сюань Цзан говорит об упадке только одного города Шакалы, который имел 20 ли в окружности. Теперь «в середине его построен маленький город примерно 6—7 ли в окружности; жители его зажиточны, богаты»³⁸. Даже если предположить, что древняя Шакала не была разграблена и разрушена в V в., то она могла прийти в упадок уже во времена Михиракулы, ставкой которого она являлась, так как быт эфталитов был весьма примитивным и не способствовал сохранению городской жизни. Столицей Такки Сюань Цзан называет, однако, другой город средних размеров (около 20 ли в окружности). Одновременно с эфталитами в Пенджаб пришли гурджарские племена, находившиеся, по-видимому, на том же уровне развития; они жили здесь и в последующие века.

Наконец, указан еще один разрушенный город—столица «царства» Сругхна, расположенного в верхней части долины Ганга и Ямуны и примыкающего к Гималаям³⁹.

Упадок тех или иных областей и городов Северной Индии был вызван разными причинами, однако обращает на себя внимание замедленность восстановления некоторых городских центров, если не отсутствие его вообще. В течение десятилетий, а если говорить о пригималайской полосе, в течение многих столетий, попыток восстановления городских центров не предпринималось. То, что было разрушено и заброшено, оставалось незаселенным и разрушалось окончательно. Пригималайские районы в течение всего средневековья были захолустьем, ничем не

напоминающим картин величия и процветания, рисуемых в буддийских легендах. Здесь вообще до последнего времени не строили сколько-нибудь крупных новых городов. Это ясно показывает, что сложение средневекового феодального общества не было причиной исчезновения древних городских центров.

Исчезли навсегда некоторые города и в других пострадавших в V—VI вв. районах, как, например, Таксила. Пурушапура возродилась как более или менее крупный торговый центр через длительное время. Патна в средние века оставалась мало-значительным городом; говоря о раннем средневековье, о ней можно и не упоминать.

Оценивая приведенные выше данные в целом, можно заключить, что условия экономической жизни в Индии в IV—VIII вв. в ряде районов не способствовали восстановлению городов и в какой-то степени ограничивали их развитие.

Однако, делая такое обобщение, нельзя говорить лишь о регрессе городской экономики. Ведь большинство городов Северной Индии, по данным того же источника, не только не стали жертвами упадка, но поразили китайского путешественника богатством и многолюдностью, причем особенно важно то, что эти города находились в районах, которые в раннее средневековье и в последующую эпоху играли важную и даже определяющую роль в экономическом развитии и политической жизни Индии. Это еще раз подтверждает явление смещения хозяйственно-политических центров в I тысячелетии н. э.

В бурных событиях раннефеодального периода складываются культурно-хозяйственные зоны Северной Индии, соответствующие в целом важнейшим государственным образованиям, и территории основных национальных групп, послуживших затем основой для образования крупнейших народностей.

Наиболее важной уже в VII в., безусловно, становится область долины Ганга от Восточного Пенджаба до Варанаси (Центральная зона). Эта территория сначала составляла основу державы Харши, а позже — в VIII—X вв. — империи Гурджара-Пратихаров. На востоке выделяется Бенгальская зона, с конца V — начала VI в. фактически обладавшая политической самостоятельностью и почти всегда объединявшая Бенгалию и часть Бихара в рамках единого государства (Гауда, затем государства Палов и Сенов). Магадха оказалась между этими двумя зонами. На западе очерчиваются две зоны: экономически развитые Мальва и Гуджарат и отсталая Раджпутана. На северо-западе — Пенджаб и Синд, причем последний по типу хозяйства и общему уровню развития сходен с Раджпутаной, а пенджабский район хотя и походил на Джамна-Гангское двуречье, но большого самостоятельного значения в политической жизни не имел.

За пределами собственно Северной Индии, в областях Декана, тесно связанных с ней историческими судьбами, следует отметить две зоны: Ориссу (Одра, Конгода и Калинга) и Ма-

хараштру. Последняя, не отличаясь высоким развитием торговли и городской жизни (за исключением Конкана), обладала рядом общих хозяйственных и этнических признаков и составляла основу ряда крупных государств (Западных Чалукьев из Ватапи, Раштракутов, Западных Чалукьев из Кальяни, Ядавов).

Крупнейшим городом Северной Индии в VII в. и последующих веках был Каньякубджа, или Канаудж. При ширине 4—5 ли он тянулся на 20 ли. «Город окружен сухим рвом с крепкими и очень высокими башнями, стоящими друг за другом. Всюду видны цветы и прозрачные, чистые озера и пруды, сверкающие, как зеркала. Здесь в большом количестве скапливаются ценные товары. Народ зажиточен и доволен, дома богатые, добротные. Всюду много цветов и плодов. Посев и уборка урожая производятся в соответствии с сезоном. Климат приятный и мягкий; люди честные и искренние. По виду люди благородны и добры. Они одеваются в узорчатые и яркие [ткани]. Они много занимаются учением и во время своих путешествий часто обсуждают религиозные вопросы. Их чистый язык известен далеко. Верующих в Будду и еретиков здесь приблизительно поровну. Здесь имеется около сотни сангхарам с 10 000 монахов... Есть двести храмов дэвов с несколькими тысячами последователей (т. е., вероятно, священнослужителей.— *Е. М.*)»⁴⁰.

Для правильной оценки сообщения Сюань Цзана необходимо, конечно, учитывать, что это был образованный человек, пришедший из страны с высокой культурой и многочисленными большими городами. Индийская действительность вряд ли могла показать такое развитие городской жизни, которое бы особенно удивило его. Поэтому мы не можем заподозрить его в преувеличении, когда дело касается описания Канауджа и других индийских городов. Возвышение Канауджа началось, очевидно, во второй половине VI в., когда он стал столицей государства Маукхариев. Богатство и величие его в записках Сюань Цзана объясняются в большой степени тем, что Канаудж был уже столицей державы Харши. В нем находились главная ставка Харши, двор, войско. Это обстоятельство способствовало росту города, но главным были, конечно, близость к основным торговым путям и выгодное местоположение его в центре важнейшего экономического района и государства. К тому же Канаудж был местом религиозного паломничества буддистов.

Сюань Цзан рисует яркую картину использования монахами религиозных чувств буддийских паломников. Верующим показывают «зуб Будды около полутора дюймов длиной. Народ собирается сюда из ближних мест и издалека. Выдающиеся люди во множестве собираются здесь для поклонения. Каждый день приходят сотни и тысячи [людей]. Охраняющие реликвию, ввиду шума и беспорядка, которые бывают из-за множества народа, установили за осмотр [зуба] высокую плату и объявили всюду, что тот, кто желает видеть зуб Будды, должен уплатить

одну большую золотую монету. Тем не менее верующих, которые приходят на поклонение, очень много, и они рады уплатить сбор в одну золотую монету»⁴¹. Сюань Цзан, конечно, говорит подробно только о буддийских святых и монастырях, но индусских храмов было в Канаудже и округе больше, чем буддийских сангхарам (свыше 200).

Расцвет Канауджа приходится на время правления Пратихаров. Во время вторжения Махмуда Газневи современник писал о Канаудже как о городе, который «вознес свою главу к небесам и который справедливо может похвалиться, что по мощи и архитектуре он не имеет себе равных»⁴².

Вторым крупнейшим городом Северной Индии, по сведениям Сюань Цзана, был Варанаси. Его размеры — 18—19 ли в длину и 5—6 ли в ширину. Сюань Цзан сообщает, что город густо населен, «семьи очень богатые и в жилищах есть редкостные вещи»⁴³. Варанаси издавна был центром религиозного паломничества индусов, и Сюань Цзан более подробно, чем обычно, рассказывает в этом месте об индусах и храмах и описывает аскетов — саньяси, многочисленность которых, очевидно, бросилась в глаза путешественнику. Индусская храмовая архитектура и скульптура поразили Сюань Цзана своим совершенством. Характер этих сведений подтверждает данные о Варанаси как об одном из важнейших торговых и ремесленных городов и центре паломничества. Видимо, последнее обстоятельство создавало постоянную благоприятную конъюнктуру для торговли города, хотя основой его процветания, несомненно, было выгодное местоположение на главной торговой артерии Северной Индии — Ганге, в экономически высокоразвитой области. Варанаси уже тогда специализировался, в частности, на производстве дорогих шелковых и парчовых тканей⁴⁴.

С древних времен святым местом считалась Праяга. Сюань Цзан рассказывает, что сюда приходит много людей, чтобы смыть грехи в священных водах и умереть. Но известно, что Праяга всегда была и местом паломничества. Она была знаменита и как место раздачи благотворительных религиозных даров. Харша каждые 5 лет, по существовавшей традиции, устраивал здесь съезды своих вассалов, во время которых раздавал накопленную казну брахманам, буддийским монахам, нищим и беднякам⁴⁵. Размеры Праяги, по Сюань Цзану, были сравнительно невелики: 20 ли в окружности, что соответствовало наиболее часто встречающейся у этого автора оценке размеров столиц «царств» и большинства упомянутых городов.

К юго-западу от Праяги находился Кошамби (около 30 ли в окружности). Согласно переводу Т. Коттерса, «его жители предприимчивы и любят ремесла»⁴⁶. «Ратнавали» — произведение, приписываемое поэту Харше, многими исследователями отождествляемому с царем Харшей, говорит о Кошамби как о городе купцов⁴⁷.

Один из главных городов на Джамне — древняя Матхура —

описывается Сюань Цзаном как город средних размеров (20 ли в окружности); особенностью его автор считает производство «прекрасных сортов хлопчатобумажной ткани».

Столица княжества дома Пушпабхути, домена Харши — Стханешвар (размерами «20 ли или около того»), поразила Сюань Цзана богатством. «Семьи богаты и живут в чрезмерной роскоши... — писал он. — Большинство народа посвящает себя мирской корысти, немногие занимаются земледелием. Здесь есть множество редких и ценных товаров со всех сторон света»⁴⁸. Неизвестно, существовал ли город Стханешвар до VI в., но паломничество в это место, традиционно отождествляемое с полем Курукшетра, где сражались легендарные Пандавы и Кауравы, безусловно, происходило. Вплоть до вторжений Махмуда Газневи Стханешвар был богатым, процветающим городом. Помимо паломничества этому способствовало расположение города на основном пути между долиной Ганга и Пенджабом.

Сюань Цзан говорит еще о нескольких городах в Центральной зоне Северной Индии — Матипуре (около 20 ли), Маяпуре (20 ли), Вишакхе (16 ли), Кашапуре (10 ли), Айодхье (20 ли), Хаямукхе (20 ли), Чен-чу — Гарджарапуре (10 ли). Все области, где расположены эти города, Сюань Цзан называет процветающими. Это относится ко всей Центральной зоне — Сюань Цзан неизменно пишет об изобилии здесь зерна и плодов, хороших почвах, в отдельных случаях приводя некоторые подробности. Так, об области Кошамби он говорит: «Земля славится своим плодородием, урожай удивительно большие. Выращивают очень много риса и сахарного тростника»⁴⁹.

Сведения об этих городах снабжены иногда одобрительными замечаниями. О Кашапуре, например, сказано: «Жители богаты и счастливы...»⁵⁰. О Маяпуре (иначе Гангадвара, современный Хардвар) Сюань Цзан пишет, что жители его очень многочисленны и что в это святое место всегда «собираются сотни и тысячи людей из далеких областей, чтобы искупаться и омыться» в водах Ганга⁵¹. Из более поздних источников известно, что, используя большой приток богомольцев, торговцы регулярно устраивали в Хардваре ярмарки. О царстве Чен-чу сказано, что народ там «богатый и процветающий и города и деревни расположены близко друг от друга»⁵².

Положительные черты придает Сюань Цзан также и городам Бенгальской культурно-хозяйственной зоны. Здесь упоминается знаменитая торговыми связями с Юго-Восточной Азией Чампа — город довольно крупных размеров, по определению Сюань Цзана около 40 ли. По-видимому, наибольшее впечатление на Сюань Цзана произвели городские укрепления: «Стены столицы построены из кирпича, высота их несколько десятков футов»⁵³. Стены поставлены на очень высоком валу и благодаря высокому эскарпу представляют неодолимое препятствие для атак врагов»⁵⁴. Далее говорится о многолюдной Пундравардхане окружностью около 30 ли, о столице Самататы (около 20 ли),

о Тамралипти (около 10 ли в окружности) — главном бенгальском порте, о густонаселенной богатой Карнасуварне — столице Гауды (около 20 ли).

Пундравардхана и Карнасуварна возникли или по крайней мере превратились в крупные города, вероятно, в гуптскую эпоху. Особенно важное значение для внешней торговли имел порт Тамралипти (современный Тамлук), на что указывают различные источники. Именно из Тамралипти отправился на корабле на Цейлон Фа Сянь. Существование торговли через этот порт со странами Юго-Восточной Азии отмечено в записках И Цзина (конец VII в.)⁵⁵. Многие китайские корабли, на которых плыли монахи, упоминаемые И Цзином, направлялись именно сюда. Тамралипти фигурирует в «Дашакумарачарите» Дандина⁵⁶ и других произведениях индийской литературы. «Здесь во множестве собраны удивительные ценности, и поэтому люди эти вообще очень богаты»⁵⁷.

В Западной зоне (Мальва и Гуджарат) названы Удджайини, Дханагара, Брахманапура, Суратха, Бхарукачха, Валабхи, Анандапура, столица области Каччха, идентифицировать которую трудно.

Знаменитый Удджайини (Уджайяни, современный Удджайн) стоял на пути из Мадхьядеша к западным портам, через него шел путь и на Декан. Он был центром экономически и политически важного района и почти постоянно служил столицей независимых и вассальных правителей. Будучи одним из главных культурных центров и местом паломничества, он постоянно упоминается в литературе. «Он окружен глубоким, как преисподняя, ровом, как будто океаном, окружившим его по ошибке вместо другой земли, и опоясан оборонительными стенами, белыми от штукатурки, как Кайласа... Его украшение — большие базары, которые подобны океанам, когда их воды пил Агастья, протянувшимся далеко, с золотой пылью вместо песка, с разложенными открыто раковинами и жемчугом, кораллами и изумрудами... Он как дерево желаний, которое одаривает своих добрых граждан; он возносит свои островерхие здания, зеркало всех форм... Как дикий танец Шивы, его улыбки — белые базары...» — так описывает Банабхатта город Удджайини в «Кадамбари»⁵⁸. Согласно Сюань Цзану, город имел в окружности 30 ли, был богат и многолюден⁵⁹. Район Удджайини Сюань Цзан считает отдельной страной, столицей же Мальвы называет другой большой город (тоже окружностью в 30 ли); возможно, это был Джаранагара, современный Дхар⁶⁰.

Во всех крупных городах-портах западного побережья главными занятиями были транзитная торговля и мореходство. Сюань Цзан дает точное определение характера экономики прибрежных районов: «Так как эта страна стоит на западной морской дороге, все люди добывают средства к жизни из моря и занимаются торговлей и обменом товаров»⁶¹. Богатые многолюдные города Суратха (современный Сурат) и Валабхи (сто-

лица одноименного государства, совр. Бхавнагар) имели, по Сюань Цзану, в окружности по 30 ли, Бхарукачхха (современный Броч) — 20 ли. О Валабхи Сюань Цзан пишет: «Население очень плотное. Семьи богаты. Есть около сотни семей, которые владеют ста лакхами (очевидно, крупные купцы.— Е. М.). Редкостных и ценных товаров из далеких мест здесь очень много»⁶².

Менее пригодная для земледелия и экономически отсталая Раджпутанская зона описана Сюань Цзаном все же в положительных тонах, города — как большие и богатые. Столица Гурджара-деши Пи-ло-моло (Ба-рмер?) имела 30 ли в окружности, «население плотное; семьи богаты и хорошо всем обеспечены»⁶³. Город Атали (не идентифицирован) имел 20 ли в окружности. Об области Атали сказано, что «торговля — главное занятие населения»⁶⁴, земли не плодородны.

Столица плодородной области Чи-цзы-то (не идентифицирована) имела 15—16 ли в окружности⁶⁵. Махешварапура, столица одноименного царства, сходного с областью Удджайини, достигала в окружности 30 ли⁶⁶. В Восточной Раджпутане названа Парьятра (современный Байрат) размерами 14—15 ли. Хотя, описывая эту область, Сюань Цзан отмечает обилие всякого зерна, пшеницы, скороспелого риса, он добавляет, что «быков и овец здесь много, плодов и цветов мало»⁶⁷.

Синд также охарактеризован Сюань Цзаном как преимущественно скотоводческий район⁶⁸, несмотря на благоприятные условия для выращивания пшеницы, проса и бобов. Так же как и при описании Раджпутаны, Сюань Цзан упоминает сравнительно много городов. Столичный город P'i-shen-p'o-pu-lo достигал в окружности 30 ли, что можно объяснить отчасти выгодным положением на торговом пути по Инду.

Главный город области Атьянабакела — Khie-tsi-shi-fa-lo, вероятно, идентичен важному порту в устье Инда — Дебалу. Его размер — 30 ли. Страна «лежит на реке Син-ту (Инд) и на берегу океана. Дома богато украшены, и в них много редкостных и дорогих вещей»⁶⁹. В таких выражениях Сюань Цзан рассказывал до сих пор о наиболее богатых городах Индии. К северу от устья Инда была расположена область Питашила с главным городом окружностью в 20 ли, а рядом с ней область Аванда со столицей такой же величины. Оба эти «царства» находились во владении Синда.

Выше говорилось об упадке некоторых районов Пенджаба. Общий обзор Пенджабской зоны показывает, что ущерб, нанесенный эфталитами экономике этой части Индии, уже в VII в. был в значительной степени устранен. Большая часть Пенджаба входила в состав области Такка; о ней у Сюань Цзана сказано, что «почва пригодна для риса и производит много ярового зерна»⁷⁰. Столица такой большой области, однако, невелика (около 20 ли), и Сюань Цзан не счел нужным что-либо добавить о ней. Область царства Такка Парвата, судя по названию

(«Горная») и расположению на северо-восток от Мултана, находилась в предгорьях Гималаев, но в описание областей Пенджаба она не была включена. Сюань Цзан характеризует ее как густонаселенную плодородную территорию. Величина главного города — 20 ли⁷¹.

Наиболее богатой частью Пенджаба, по Сюань Цзану, оказывается район Мулястханапуры (современный Мултан): «[Страна] плотно населена. Семьи богаты... Земля богата и плодородна»⁷². В окружности Мулястханапура достигала 30 ли. Благодаря удобству расположения Мултан играл важную роль в торговле Северо-Западной Индии. Но внимание Сюань Цзана больше всего привлек знаменитый храм бога Солнца — Адити, к которому стекалось множество верующих. «Цари и знать пяти Индий никогда не забывают сделать подношения драгоценными камнями [этому божеству]... — писал Сюань Цзан. — Люди из всех стран приходят сюда на богомолье. Здесь всегда несколько тысяч паломников»⁷³. Приток богомольцев, как и в других случаях, стимулировал развитие городской экономики.

Кризис, по-видимому, не коснулся двух областей Восточного Пенджаба — Джаландхары и Шатадру. Хотя главные города этих «царств» не выделяются большими размерами (12—13 и 17—18 ли в окружности), Сюань Цзан свидетельствует об их процветании. «Дома богатые и хорошо всем обеспечены»⁷⁴, — сообщает он о Джаландхаре. «Люди одеваются в блестящие шелковые ткани; их одежда изящна и богата»⁷⁵, — пишет он о столице Шатадру. В обеих областях злаки выращивались в изобилии.

В нашем обзоре не были названы государства, расположенные по северо-восточной и северной периферии Индо-Гангской низменности, временами игравшие значительную роль в политической жизни Северной Индии, в первую очередь Камарупа и Кашмир. В экономической жизни их роль сводится почти исключительно к транзитной торговле с Хотаном и Китаем (Кашмир) и Тибетом (Брахмапура, современный Кумаон, и Непал), причем в период раннего средневековья эти торговые связи довольно часто прерывались и не имели большого значения. Поэтому и роль городов в гималайских долинах также была мало важной. Тем не менее представляет интерес существование, видимо, довольно больших городов и в этом районе.

Столица Кашмира несколько раз смещалась в пределах очень узкой территории; может быть, по этой причине Сюань Цзан характеризует ее как один из крупнейших городов Индии, рассматривая близко расположенные новые и старые постройки как один город. Во всяком случае, площадь Сринагара, по его данным (12—13 ли на 4—5 ли), превышает площадь большинства равнинных городов, и лишь Канаудж и Варанаси могли бы с ним соперничать. Представляется маловероятным наличие экономической базы для существования такого боль-

шого города. Брахмапура в Кумаоне имела размеры 20 ли. По словам Сюань Цзана, жители богаты, «большинство занято торговлей»⁷⁶. Столица Непала достигла 20 ли в окружности. Сюань Цзан упоминает об употреблении здесь медной монеты, что можно расценить по крайней мере как свидетельство достаточно развитой торговли.

Камарупа (Ассам) обычно оставалась изолированной областью. Ее экономические связи с Бенгалией и другими районами Индии как будто не оставили существенных следов. Однако мы вообще мало знаем о ранней истории этой местности. В VI—VII вв. Камарупа находилась в пору расцвета, особенно во времена Бхаскаравармана. По Сюань Цзану, кроме большого столичного города (около 30 ли) здесь были и другие города⁷⁷.

Приведенный Сюань Цзаном материал с достаточной достоверностью рисует картину жизни индийских городов в первой половине VII в. Эти данные, безусловно, являются также и самыми полными для весьма большого периода: по существу, вплоть до конца I тысячелетия у нас нет источников, которые бы давали сведения такого рода в целом для Северной Индии. В то же время ценнейший материал Сюань Цзана имеет ограниченное значение (и прежде всего по времени). Необходимо комплексное исследование источников, особенно важно привлечение археологических данных.

В настоящее время историки располагают скудными сведениями о городах и торговле в IV—IX вв., поэтому обобщения неизбежно носят предварительный характер, и многое еще остается неясным. Так, серьезным аргументом в пользу точки зрения об упадке торговли и натуральном характере индийской экономики в V—X вв. служит меньшее число находок монет, относящихся к этому периоду, чем к предыдущему и последующему. Особенно заметно отсутствие находок медной монеты. Однако в оценке нумизматических данных следует проявлять осторожность, так как им противоречат эпиграфические и литературные источники. Какие, например, выводы можно сделать из отсутствия находок монет чекана Палов и Раштракутов? Мы, конечно, не можем предполагать, что в государстве Палов (VIII—XII вв.) или Раштракутов (VIII—X вв.) не было в обращении денег. Напротив, имеется немало данных о торговле, деньгах, рынках, денежных сборах и пошлинах, религиозных дарениях денег, исчислении доходов с земли в деньгах и т. д.

Р. Ш. Шарма объясняет этот феномен натуральным характером феодальной экономики. По всей видимости, в этом мнении, так же как в высказанной много раньше сходной точке зрения А. М. Осипова, немало справедливого. Однако сама идея о натурализации индийской экономики в VI—X вв. основана на аналогии с процессами, характерными для перехода западноевропейского общества от античности к феодализму. Если же ее применять к Индии, то потребуются специальное обоснование.

В самом деле, правомерна ли такая аналогия? Сходны ли были условия исторического развития в Индии и Европе? На этот вопрос можно ответить отрицательно. Изучение же истории хозяйства Индии в интересующем нас в данном случае аспекте — дело будущего. Поскольку и в древности и в средневековье господствовало натуральное хозяйство в форме мелкого парцеллярного земледелия, база для развития товарно-денежных отношений всегда оставалась очень узкой, и, если такое развитие происходило, причины его следует искать в каких-то конкретных обстоятельствах, внешних по отношению к основной сфере производства. Например, стимулом развития ткачества мог быть спрос на индийские ткани в странах Средиземноморья. Морская торговля портов Гуджарата, через которые эти ткани и другие товары вывозились в Аравию и Египет, была основой их процветания.

Существенную роль в жизни городов играло удовлетворение потребностей господствующих слоев и армии, поэтому изменения в форме распределения прибавочного продукта земледельцев могли оказать влияние на уровень товарно-денежных отношений: с ростом частной феодальной собственности местопребыванием большей части господствующего класса стала деревня. Мы неоднократно встречаем указания на то, что феодалы жили в принадлежавших им деревнях⁷⁸. В древности прибавочный продукт, собранный в форме налога, распределялся централизованно, тогда военная и чиновная знать жила, вероятно, главным образом в городах и армия почти полностью содержалась за счет государственных средств. Однако нельзя забывать, что в количественном отношении (территориально, по охвату населения) сфера эксплуатации была в те времена значительно уже, а названных выше мелких и средних феодалов, живущих в деревне, почти не было или было мало. По-видимому, говорить о натурализации хозяйства масс индийских общинников в целом было бы не более справедливо, чем утверждать, будто у германских племен хозяйство к X в. стало более замкнутым, чем в IV в. Но в некоторых наиболее развитых в древности районах этот процесс, возможно, и происходил. Таким образом, при исследовании данной проблемы необходим дифференцированный подход и изучение конкретных исторических условий существования городов и развития торговли. Надо также иметь в виду, что никогда не существовало абсолютно замкнутого земледельческого хозяйства и его в целом натуральный характер не исключал определенных торговых связей.

* Другим основанием мнения об упадке городов выдвигается мировая обстановка в связи с кризисом и гибелью Римской империи. Этот фактор действовал с конца III в., главным образом в IV—V вв., т. е. в период, предшествующий предполагае-

* Далее из статьи «О товарно-денежных отношениях в индийском городе второй половины I тысячелетия н. э.». — Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 140—141, 143—149.

тому времени натурализации индийской экономики. Это как раз период расцвета гуптской культуры. Тем не менее западной торговле Индии был нанесен большой ущерб. Последствия распада Римской империи были постепенно ликвидированы по мере стабилизации положения на Переднем Востоке в VI—VIII вв., главным образом с созданием Арабского халифата. Сюань Цзан говорит о портовых городах Западной Индии как о процветающих и прямо связывает их богатство с морской торговлей (первая половина VII в.). Одна из сцен аджантских росписей изображает прием Пулакешином II сасанидского посольства, что свидетельствует о развитии торговли Декана с районом Персидского залива. Очевидно, неблагоприятные условия западной внешней торговли имели существенное значение для развития связанных с ней индийских городов, однако при оценке влияния этого фактора на городскую жизнь Индии в целом допускаются нередко преувеличения, вызванные европоцентристским взглядом на вещи. В первую очередь следует обратить внимание на то, что с ослаблением западной торговли совпадают бурный расцвет торговли Индии с Юго-Восточной Азией, возникновение там колоний индийских купцов. Огромное культурное влияние Индии и отчасти миграция индийцев способствовали возникновению там так называемых индианизированных государств. Как бы ни велико было значение внешней торговли в развитии городов, она, с моей точки зрения, не могла быть основой существования большинства индийских городов, являвшихся прежде всего местными центрами ремесла и торговли и внутриндийского межобластного обмена.

Против критикуемого представления об упадке городов свидетельствует также расцвет искусств, литературы и науки, совпадающий с периодом предполагаемого «кризиса». В плане истории культуры IV—VIII века образуют единую эпоху, по праву именуемую в индологической литературе «классическим веком», «золотым веком». Поскольку развитие искусств и науки тесно связано с городской жизнью, в значительной мере зависело от меценатства правителей, имевших ставки в городах (что само по себе способствовало созданию благоприятных условий для развития города и в экономическом смысле, и в сфере культурной активности людей), то достижения культуры мы в немалой степени можем считать плодом развития городской жизни. Хотя и косвенно, уровень культуры является ярким показателем степени развитости городов. Мы, конечно, не хотим утверждать прямую зависимость от экономической жизни или обязательное отражение в сфере культуры временных, частичных перепадов в исторической эволюции. Но серьезный кризис формационного характера, тем более аналогичный ходу событий в период генезиса феодализма в Европе, обязательно оставил бы следы в культуре. Между тем история индийской культуры демонстрирует единую линию развития с древности по крайней мере до мусульманского завоевания Северной Индии.

Особенно бросается в глаза, что достижения культуры примерно в равной пропорции приходятся на гуптское и послегуптское (VI—VIII вв.) время. Именно эта эпоха внесла наибольший вклад в сокровищницу мировой культуры, однако и рубеж I—II тысячелетий вряд ли может быть охарактеризован как период существенного культурного спада (такое мнение нередко встречается в литературе). Мы видим эволюцию, обусловленную внутренней динамикой в каждой сфере культуры: изобразительные искусства, архитектура, литература и театр, философия и прикладные науки сохраняют преемственность, традиционность, но не стоят на месте, их развитие закономерно и имеет свою логику. К сожалению, история искусства, литературы и науки Индии этого времени как закономерного процесса еще не создана, все эти явления рассматриваются главным образом в качестве индийского феномена. На данном уровне изученности фактов истории культуры нет оснований говорить о каком-либо отражении в ней экономического упадка и кризиса городской жизни в середине — второй половине I тысячелетия. <...>

<Товарно-денежные отношения>

<Одним из показателей развития товарно-денежных отношений служит взимание денежных налогов. Так, > доходы с города поступали в казну или частным феодалам в основном в денежной форме. В этой связи представляет интерес установление ежегодной подати с города в 260 драмм, по-видимому, в пользу храма, фигурирующего в качестве получателя пожалования деревни в грамоте из Бхадана (близ Тханы), датированной 997 г.⁷⁹. Скорее всего эта сумма должна отчисляться из доходов с г. Гунапуры, поступавших феодальному владельцу Апараджитадеварадже, так как только из своего собственного дохода, из своей собственности он мог законно совершить религиозное дарение.

Грамота «А» Притхвичандры имеет такие данные о денежных сборах с сельской местности: 100 рупак Кришнараджи с Восточной Трикуты, 200 — с Западной Махагирихары, 100 — с Восточной Махагирихары, 50 — с Паллудхамбы. Эти деньги три перечисленных округа должны были выплачивать храму⁸⁰. Таким образом, хотя и относительно небольшие, денежные подати с сельской местности были в начале VIII в. обычным делом на Конкане. Следует обратить внимание, что здесь не указывается конкретный источник этих доходов, а только говорится о совокупной обязанности округов-вишайя отчислять указанные суммы храму. И в этом случае мы можем заключить, что эти суммы составляли какую-то часть денежных доходов самого раджи, которые он только и мог передать в религиозный дар, а не новый сбор, произвольно добавленный к традиционным податям общинников. Примечательно также уточнение, что платежи идут

в рупаках Кришнараджи, являвшихся, видимо, широко применявшейся в обращении и надежной монетой. Имеются в виду монеты правителя из династии Калачури (вторая половина VI в.), долго использовавшиеся в северной части империи Западных Чалукьев, в частности найденные в районе Бомбея и Сальсетты.

Безусловно, все основные подати собирались в различных видах сельскохозяйственного продукта, а денежные поступления составляли какую-то незначительную долю. Тем не менее знаменательно, что именно в эпоху Раштракутов в надписи IX в. мы впервые встречаем исчисление годового дохода в денежном выражении: Говинда IV Раштракута объявляет, что ежегодные поступления от податей составляют 700 тыс. суварна (золотых монет)⁸¹. Даже если эта цифра является скорее символической, чем реальным отражением финансовых подсчетов («семь» считалось магическим числом), сам этот факт весьма интересен, даже только с точки зрения психологии составителя надписи. Что касается указания на доходность участка земли, переданного в религиозный дар, исчисленную в гадыянаках, то тут вряд ли могут быть серьезные сомнения в возможности подсчета или перевода дохода в денежную форму. <...>

В раннесредневековых надписях из Южной Индии весьма часто встречаются документы о крупных денежных вкладах в религиозные учреждения (обычно в индусские храмы), фактически передававшихся в распоряжение ремесленной или торговой корпорации и пускавшихся ею в оборот с условием постоянной выплаты храму определенного процента. Таким образом, корпорации выступали здесь в качестве своего рода банкиров, используя в то же время этот денежный вклад на собственные нужды, вытекавшие из характера деятельности данной гильдии или цеха. В Северной Индии подобные операции меньше известны, — возможно, просто из-за недостаточного числа сохранившихся надписей. Во всяком случае, запись в эпиграфике о дарении процента с суммы, переданной корпорации ткачей, обнаружена в Западной Индии (район Карли и Насика) среди других надписей Ушавадатты, родственника царя (II в.)⁸². Надпись Теджавармана, бывшего, видимо, наследником уже упомянутого Притхивичандры, показывает, что такие операции осуществлялись с помощью купеческих гильдий в Конкане и в VIII в. В ней говорится, что с целью компенсации за землю храма Бхогешвары, обращенную в пастбище, общине купцов (*ваниннагара*) г. Джаяпуры передается 100 рупак, доход от которых должен год за годом, «пока существуют солнце, луна и звезды», поступать храму⁸³. В надписи из Сийядони 912 г. из района Джханси сообщается, что торговец солью Нагака заключил соглашение с главой корпорации производителей спиртных напитков о передаче этой шрени 1350 драмм типа «адивараха» (монет драма, выпускавшихся при императоре Михира Бходже из династии Гурджара-Пратихаров) на условии, что

ежемесячно храму Вишну будут отчисляться деньги из расчета: с каждой бочки вина полдраммы типа «виграхатунгийя» (монеты с уменьшенным содержанием металла)⁸⁴.

Распространенность подобного вида вложений в религиозных целях служит еще одним показателем, характеризующим степень развитости товарно-денежных отношений и авторитетности торгово-ремесленных корпораций, признававшихся безусловно надежными гарантами правильного использования вкладов в богоугодных целях.

Выше уже упоминалась подать с лавок, являвшаяся объектом пожалования храму. Очевидно, ее следует рассматривать как одну из форм феодальной эксплуатации торгово-ремесленной деятельности. Другими способами эксплуатации или, вернее, присасывания феодального государства и частных феодалов к этой сфере производства и обмена были таможенные и въездные пошлины при совершении сделок, обложение податью продукции ремесленников. По своему социально-экономическому содержанию эти сборы различны, но все они были объектом коллективного и частного присвоения классом феодалов, эти доходы переходили из рук в руки путем пожалований, а также, по крайней мере частично, купли-продажи. Существенно, что сами рынки оказывались приравненными в документах о пожаловании собственности к владению деревнями. В Кхалимпурской грамоте Дхармапалы из династии Палов (конец VII в.) говорится о дарении четырех деревень с их рынком (*хаттика*)⁸⁵. Поскольку дарение рынка специально зафиксировано, можно полагать, что дарение деревень не предусматривает автоматически передачу прав на доходы с рынка. Иного рода факт, характеризующий внимание феодалов в рассматриваемую эпоху к торговле и доходам от нее, мы находим в надписи на камне из Гхатиалы (близ Джодхпура), в которой местный раджпутский князь Каккука торжественно извещает, что «ради увеличения своей славы» он основал рынок (*хатта*) в деревне Рохинсакупа для *махаджанов* (общинников или просто «уважаемых людей») вместе с брахманами, воинами и купцами. Далее в надписи сообщается, что он воздвиг также две памятные колонны и храм⁸⁶. Эти сведения относятся к 859 г. Таким образом, устройство рынка выставлялось этим феодалом как важный акт благотворительной деятельности; в данном случае наибольший интерес представляет сам выбор объекта, безусловно имевшего и весьма практическое значение для правителя в качестве источника дохода.

Надпись из Раджоргарха (в Альваре) 959 г. называет наряду с натуральными податями с рынка денежные: сбор в 3 вимшопаки (мелкая монета) с каждого приносимого на базар мешка сельскохозяйственной продукции и ежемесячную подать в 2 вимшопаки с каждой лавки⁸⁷. В одном из документов, составляющих надпись из Сийядони (X в.), сообщается, что Чандука, глава гильдии продавцов бетеля, заключил соглашение, по ко-

торому храму Вишну с каждой *палика* (мера веса) бетеля будет поступать *виграхрадхамма-вишовака* (т. е. *драмма* Виграхапалы и одна *вимшопака*; видимо, *вишовака* — искажение)⁸⁸. В этом случае уже не феодальный правитель, а храм как частный феодал приобретал новую статью дохода. В той же надписи упоминается о пожертвовании *махаджанами* рынка, называвшегося Досихатта, $\frac{1}{3}$ драммы ежемесячно в пользу храма. Там же мы находим документ о дарении храму Вишну продавцом бетеля его лавки (*витхи*), находившейся в наследственном владении и расположенной на рынке, называвшемся Чатурхатта («Четыре рынка»). В той же надписи сообщается о пожаловании храму Вишну правителем г. Сийядони Ундабхатой, носившим титул *махасамантадхипати* и высокие придворные титулы, определенной доли пошлин с товаров. Там же зафиксирован дар храму дохода с 16 лавок, совершенный торговцами. Эти данные, относящиеся к самому началу X в., так же как другие приведенные сведения, позволяют сделать ряд выводов.

Надпись из Сийядони содержит информацию о довольно крупном и оживленном, имевшем несколько рынков, населенном торговцами и ремесленниками, организованными в корпорации, городе. Само наличие в городе нескольких рынков указывает на торгово-ремесленный характер этого поселения. Наличие здесь ставки феодального правителя, являвшегося вассалом Махендрапалы Пратихары, но достаточно самостоятельно, чтобы вести войну с другим князем (надпись из Терахи 903/4 г.)⁸⁹, способствовало хозяйственному развитию города. В результате религиозных дарений правителя, крупных купцов, торговцев, ремесленников, торговых и ремесленных шрени храмы становились получателями разнообразных денежных и натуральных доходов. Особо следует отметить многочисленность и обычность денежных сборов. Несколько раз упоминаемый храм Вишну превратился в крупного собственника.

Надлежит разделить случаи жертвования личного имущества и податей и пошлин. Вклад храму части капитала купца через шрени на условии выплаты процента, очевидно, приносил корпорации какую-то выгоду, что же касается связи, возникавшей между шрени и храмовой организацией, то она, если исходить из характера сделки, лежит в экономической сфере, а не в сфере господства—подчинения. Дарение торгового места — базара (в деревне или городе) либо лавки (*авари*, *витхи*) — само по себе лишь акт передачи собственности. Однако эта сделка предполагает дальнейшее использование собственности получателем дара, что достигалось, по-видимому, посредством сдачи в аренду. Тогда реальный доход храма складывался из платы за пользование торговым помещением, но арендатор был обязан отчислять из своей выручки средства для уплаты податей. Сам он рассчитывался со сборщиками пошлин и податей или это было обязанностью собственника-храма, трудно сказать. Можно предположить, что пошлины с отдельных сделок, если их

полагалось платить, реально был в состоянии платить только их участник, обязательства же по постоянному обложению могли погашаться собственником.

Добровольное пожертвование в пользу храма какой-либо суммы, имевшей вид постоянного отчисления, представляло акт религиозной благотворительности, формально не отличающейся от любого другого религиозного дара, например денежного вклада или даже сооружения купцом на свои средства нового храма (так, упомянутый выше глава торговцев бетелем Чандука построил храм, может быть, при участии своей гильдии). Практически же это было установлением новой подати, добавлявшейся к государственным и приобретающей вид частной ренты. Следует обратить внимание на то, что торговые места при таком пожаловании оставались в собственности жертвователя. Даже в случае дарения всего дохода с лавок собственность на них сохранялась за дарителем, являясь условием осуществления религиозного пожалования, причем, очевидно, предполагалось, что все обычные подати продолжают выплачиваться и, следовательно, храму поступает часть прибыли за вычетом податей. Наконец, в случае пожалования государственных податей и пошлин или аналогичных сборов в пользу частного феодала происходила простая смена обладателя прав на эти повинности, не затрагивавшая (не считая субъективного момента) торгово-ремесленной деятельности и соответствующих имущественных отношений.

Итак, индусские храмы, как в данном случае, или иные подобные организации (буддийские монастыри и пр.), а также частные лица могли быть получателями доходов от торгово-ремесленной деятельности в силу 1) собственности на торговые места (сюда, очевидно, следует включить и лавки-мастерские ремесленников) и 2) права на сбор податей, приобретавшего, как это наглядно обрисовывается в примерах с пожалованиями храмам, характер безусловной собственности; в других ситуациях оно могло быть временным, обусловленным службой владением. Так, если предположить, что Ундабхата и махараджа Дхурабхата, также фигурирующий в надписях из Сийядони (их разделяют несколько лет), были не наследственными князьями, а правителями области и города, назначавшимися императором из Канауджа, то они выступают временными собственниками податей в той мере, в какой они имели возможность присваивать их в свою пользу и распоряжаться ими, в частности, в целях религиозных дарений. Мы видим картину, сходную с имущественно-правовыми отношениями по поводу земли и сельскохозяйственного продукта в деревне: с одной стороны, отчетливо выступает податная, «подчиненная» собственность, связанная с владением местом и соответствующим помещением (лавкой, домом) в городе и ремесленными и торговыми занятиями; с другой — мы наблюдаем паразитирование на городской предпринимательской деятельности на основе

внеэкономического принуждения, осуществляемое государством и частными феодалами разного статуса. Здесь выступает собственность, уже описанная <...> в некоторых индологических работах применительно к сельскохозяйственной сфере как «верховная»⁹⁰.

* <В этой связи особый интерес представляет> надпись на камне из Ахара⁹¹, состоящая из десяти отдельных документов, позволяющих составить представление об одной из сторон имущественных отношений в индийском городе IX в.

Каменная плита с надписью была обнаружена на месте средневекового города Таттанандапура⁹², на территории которого совершались имущественные сделки, зарегистрированные в этой серии документов. Город был расположен на берегу Ганга в 21 миле от современного г. Буляндшахр, к юго-востоку от Дели. Документы датированы и относятся ко времени от 864 до 904 г. Язык — санскрит с незначительными пракритскими элементами, шрифт — нагари.

Из текста документов можно заключить, что Таттанандапура была большим городом с несколькими рынками. Упоминаются восточный рынок (*пурвахатта*, *пурвахатта прадеша*), большие (*врихадратхья*) и малые (*куратхья*) улицы, пригодные для проезда повозок, торговая улица (*хаттамарга*). Названы шесть храмов, выступающие в качестве владельцев недвижимой собственности. Представляет интерес способ обозначения места, где находятся объекты сделок — лавки (*авари*) и дома (*гриха*). Так, документ V фиксирует покупку храмом места со строениями (*грихабхуми*), измеряемого 27 локтями (*хаста*) по каждой стороне, на котором стоят дом из обожженного кирпича, обращенный фасадом на запад, и две лавки, обращенные на юг, в юго-восточной части города. В документе X речь идет о покупке храмом шести лавок, так же кратко описанных, в середине северо-восточной части города. В пяти случаях объекты сделок — лавки и дома — были расположены в средней части восточного рынка. В документе VIII место, где находится дом, не указано. Таким образом, выделялись центральная часть города, северо-восточная и юго-западная. Можно полагать, что такое деление отражало какую-то особенность структуры города, его планировки, а не просто ориентирование по странам света. Большая часть сделок была совершена по поводу построек в средней части восточного рынка, расположенного в средней части Таттанандапуры. Следовательно, в этой центральной части был, во всяком случае, не один рынок. Торговые же места существовали и в северо-восточном и в юго-западном концах города, что видно из описания объектов сделок. Мы имеем возможность сделать и более частные наблюдения: например, приведенное вы-

* Далее текст доклада «Важный источник по истории индийского города раннего средневековья (надпись из Ахара)». — Санскрит и древнеиндийская культура. Сб. статей и сообщений советских ученых к IV Всемирной конференции по санскриту. II. М., 1979, с. 51—62.

ше описание двух лавок в документе V дает основания считать, что эти лавки стояли вдоль северной стороны улицы; это подтверждается также тем, что была куплена южная часть участка с лавками, северная же часть застроенного участка не представляла для храма особого интереса, поскольку, видимо, не имела выхода на торговую улицу.

Описание приобретений храма в северо-восточном конце города не дает возможности определить, были ли все шесть построек в одном месте или располагались вразброс. Тем не менее можно предположить, что они стояли вдоль улицы, причем дом, занимавший северную часть купленного участка размером 27×27 локтей, выходил скорее всего на южную сторону улицы, а лавка, одно помещение которой было обращено на запад, а другое на север, — вероятно, стояла на углу двух улиц.

Сообщение о границах участков со строениями в средней части восточного рынка позволяет предположить, что они находились на краю вытянутой в длину в направлении с севера на юг рыночной площади или по обеим сторонам улицы-рынка. Последний вариант лучше объясняет указание на среднюю часть базара. В документе VI лавка, имеющая три помещения, с западной стороны выходила на базар, с юга от нее находилась лавка, принадлежавшая храму Гандхашридеви, с севера — лавка, принадлежавшая Сарввадеве, сыну купца Джаямти, с востока от нее был дом, принадлежавший купцу по имени Панека. Таким образом, купленная лавка и две соседние стояли в ряд вдоль восточной стороны рынка. В документе VII сообщается о приобретении храмом лавки из обожженного кирпича, обращенной фасадом на восток, где был рынок; с западной ее стороны был храм Шри-Нанда-Бхагавати, с северной — лавка, принадлежавшая храму Дашаватарадевы, с южной — лавка, принадлежавшая храму Сарввамамгаладеви в саду Сутавака. Значит, и в этом случае лавки располагались в ряд по стороне базара. К упомянутым здесь храмам, стоявшим на западной стороне восточного рынка, примыкал сад Сутавака, существование которого едва ли может быть истолковано как свидетельство сельскохозяйственного производства в центре города.

В документе VI о пожертвованиях храму ежемесячной ренты (*бхатака*) с дома в 10 вимшопак границами этого дома указаны: с юга и запада участки с домами, принадлежавшими соответственно Виджатте и Бхатта Имдре, с северной стороны был дом купца Уджуваки, а с восточной — переулок (малая улица) (*куратхья*). Поскольку дом выходил восточной стороной в переулок, логично предположить, что общее указание на местоположение дома в средней части восточного рынка означает, что сам базар был рядом, вероятно сразу же за домом Бхатты Имдры, стоявшим с западной стороны. «Адрес» дома, с которого храм начинал получать постоянный доход, свидетельствует о том, что это строение также располагалось на бойком месте.

Дом, купленный храмом у торговца благовониями Мадхавы, находился в средней части того же базара и был обращен на запад, т. е. выходил на рынок с его восточной стороны и использовался, по-видимому, как торговое помещение. Только документ VIII не определяет местоположение домов, рента с которых жертвовалась храму. С одного из домов, обращенного фасадом на восток, жертвовался доход в 10 вимшопак ежемесячно, полная рента (*бхатака*), очевидно тоже с домов, жертвовалась храму кшатриями по имени Кокака и Падманабха, сыновьями Мадхусуданы, жителями Таттанандапуры, Лаччхикой, женой Деванаги, и Сампат, женой Мадхавы (возможно, упомянутого выше). По всей вероятности, во всех этих случаях речь идет о строениях, каким-то образом приносивших постоянный доход. Большая заинтересованность храма, приобретения которого фиксирует Ахарская надпись, во владении доходной недвижимостью, связанной прежде всего с торговой деятельностью, не вызывает сомнений. Упоминания лавок на базаре, принадлежавших другим храмам, показывает обычность использования храмами такого вида недвижимой собственности.

Среди владельцев доходной недвижимостью — лавками, домами на рынке или рядом с ним, на торговых улицах, мы видим представителей купечества, что вполне естественно: это купец из кшатриев (*кшатрияваник*) Сахака, торговец благовониями Мадхава, выступающие в роли продавцов недвижимости, купцы Уджувака, Панека и Сарввадева, владевшие соседними лавками. В числе жертвователей фигурируют женщины — Сампат, бывшая, по-видимому, женой только что упомянутого Мадхавы, и жена его отца Деванаги, очевидно его мать. Таким образом, и здесь идет речь об имуществе купеческой семьи.

В документах IV и VIII жертвователями являются потомки некоего Мамгалаварммана, который, судя по компоненту имени *-варман*, был кшатрием. В документе VIII жертвователями являются два кшатрия. Поскольку в обоих текстах говорится о доходе с домовладений, судить о занятиях этих кшатриев не представляется возможным. В документе II продавец лавки прямо не назван. Что же касается других случаев, то продавцами лавок выступают брахманы: Бхатта Ишвара, сын Махадевы, и Махадева, сын Ассивы, т. е., видимо, сын и отец (документ V); Бхатта Ишанадатта, сын Бхатты Кешавы (документ X). В документе VII в качестве продавцов лавки названы два брата — Ачьюташива и Дамодарашива, сыновья Шайва-Бхатта Дийяки, Ананда-Бхатта-Шива, сын упомянутого Ачьюташивы, и некий Бхатта Дивакара, сын Бхатты Тараганы, — скорее всего родственник предыдущих. Во всяком случае, все они принадлежали к одной ведической школе (*шакха*), к готре Шаркаракиши и совместно владели данной недвижимостью. Можно предположить, что эта семья брахманов-чатурвединов не занималась непосредственно торговлей, а лишь пользовалась каким-то доходом от лавки. Такое допущение кажется

справедливым и в отношении роли остальных перечисленных брахманов. Лица, принадлежавшие к военно-феодалному сословию, могли непосредственно участвовать в торговых операциях с значительно большей долей вероятности, чем брахманы (хотя в принципе и это не исключено⁹³). Выше упоминался купец-кшатрий, очевидно раджпут. Владельцами домов в средней части восточного рынка названы еще брахман Бхатта Имдра и некий Виджатта, никак не охарактеризованный. Этот Виджатта мог быть и торговцем, и ремесленником.

Приведенные сведения о владельцах недвижимости, приносящей доход, дают основания считать, что в ряде случаев получение этого дохода определенно не являлось прибылью от торговли. Виджатта мог быть и ремесленником, все остальные собственники лавок и домов ремесленной деятельностью сами не занимались. Встает вопрос о характере дохода собственников указанного выше недвижимого имущества. Этот вопрос возникает также в отношении храмовой собственности на такого рода имущество: какова была цель приобретения торговых помещений? Участвовал ли храм в непосредственной торговой или ремесленной деятельности? На последний вопрос можно ответить отрицательно. Следовательно, использовали эти лавки по назначению лица, практически занимавшиеся торговлей или ремесленным производством и реализацией готовых изделий, собственники же получали нетрудовой доход, составлявший часть торговой прибыли или часть выручки от продажи ремесленной продукции. Хотя в Ахарской надписи нет прямых указаний об отношениях собственников лавок и пользователей, резонно предположить, что это была аренда. Собственники лавок — купцы, разумеется, могли сами использовать эти помещения для торговли и хранения товаров, однако тот факт, что они продавали лавки, говорит в пользу того, что для своего «дела» у них имелись другие помещения. Это соображение наводит на мысль, что купцы также приобретали лавки в качестве источника постоянного дохода от арендной платы, как брахманы и другие лица, чуждые торгово-ремесленной деятельности. Материалы Ахарской надписи показывают, что собственность на лавки, особенно расположенные на оживленных рынках и торговых улицах, считалась выгодным помещением свободных денег, их покупали и продавали; судя по описаниям местоположения объектов купли-продажи, значительная часть строений на рынке и торговых улицах находилась в руках храмов, брахманов и иных состоятельных людей, «присасывающихся» к деловой жизни города и извлекавших таким способом нетрудовой доход.

Объектом купли-продажи являются лавки, дома, земельные участки с постройками, причем термин, применяемый для обозначения торгового помещения — лавки (*авари*), может быть раскрыт частично из описаний в документах. Прямого указания на функциональное назначение авари надпись не содержит, но сомнений в том, что это именно постройка, предназначенная для

торговли и хранения товаров, не возникает. Авари определенно противопоставляется жилищу, дому. В то же время кажется вполне вероятным, что дома, стоявшие на торговых местах, могли использоваться с наибольшей выгодой в качестве лавок купцов и ремесленников. Купленные храмом авари имели два-три внутренних помещения. По описанию в документе X можно понять, что по крайней мере каждое из этих помещений имело отдельный выход (одно обращено на север, другое на запад). Лавки продавались с деревянными дверями, засовами, со всей движимостью. Что означает последнее — неясно, между тем именно эта деталь многое объяснила бы нам в отношениях собственника и пользователя. Специально оговорено, когда постройка сооружена из обожженного кирпича или просто глинобитная. Все эти обстоятельства упоминаются в документах в первую очередь как признаки приобретенной храмом собственности, с целью ее правовой защиты, но поскольку документы отражают содержание акта о купле-продаже, эти детали имели значение при определении цены.

В документе X, где речь идет о покупке шести авари, первым вместо лавки фигурирует участок 27×27 локтей (*хаста*), северную часть которого занимает дом из обожженного кирпича. Далее перечислены пять авари. Значит, здесь термин «авари» выступает в значении «участок со строениями», или, как дают словари, «огороженный участок». В двух других случаях были названы «домовые участки» (*грихабхуми*) со строениями: домом (документ IV), домом и двумя авари. В последнем случае площадь участка определялась, как и в документе X, в 27 локтей по каждой стороне. В документе IV домовый участок представляет собой обеспечение ежемесячных выплат храму по 10 вимшопак. Видимо, при нарушении обязательства регулярно платить эту сумму собственнические права на участок с домом должны были перейти к храму. Таким образом, объектом сделок по купле-продаже недвижимости являлись, очевидно, и в других актах не только постройки, но и земля, на которой они стояли. Стоимость лавки или домовладения складывалась из стоимости земельного участка и самой постройки, поэтому отмечались качественные характеристики: материал, число внутренних помещений и т. д. Важнейшее значение для установления продажной цены имело место расположения, определявшее возможность использования недвижимости для получения дохода.

Юридическое обеспечение приобретенной собственности обусловливалось, в частности, законностью прежнего владения, поэтому отмечается происхождение собственности: домовый участок был приобретен дедом (документ IV), куплен купцом Мадхавой на собственные деньги (документ IX). Эти сведения служат дополнительным показателем обычности купли-продажи недвижимого имущества в городе.

Покупка осуществлялась на деньги храма («на драммы»),

как и любая сделка такого рода. Подобные операции регулировались правовыми нормами, выработанными еще в древности⁹⁴. В надписи из Ахара мы видим частные сделки, храм выступает как юридически равное с продавцом лицо. Это подчеркивается тем, что сделка оформлялась «грамотой на девяносто девять лет» (*наванаватипатра*). Это выражение повторяется в V, VI, VII, IX, X документах о покупке недвижимости храмом. В документе IV та же самая формула использована, чтобы удостоверить законность покупки домового участка, совершенной дедом жертвователей Мемшадаварманом; эти лица и составитель надписи сочли нужным дополнительно указать, что жертвователи сами уже сделали две пристройки (*апаварака*). Дело, видимо, заключалось в том, что грамота «на девяносто девять лет», оставшаяся от их деда, учитывала не все недвижимое имущество, находившееся на домовом участке, который служил обеспечением выплаты ренты храму и мог стать его собственностью. Таким образом, применение указанной формулы подтверждает рядовой характер сделок и равное партнерство обеих сторон. Надо полагать, что выражение «грамота на девяносто девять лет» было стандартным обозначением акта передачи собственности в рамках нормальных имущественных отношений между юридическими собственниками. Соответственно такой собственностью мог быть и доход с недвижимости, имеющий постоянный характер, а также, вероятно, и любой иной постоянный доход, например от подати с тех же самых лавок, превращенный в частную ренту. Документ VIII фиксирует пожертвование дохода в 10 *вимшо* пак с дома ежемесячно и пожертвование другими лицами полного дохода, очевидно тоже с домов — последнее «по грамоте на девяносто девять лет».

Религиозные дарения давали их получателю права собственности особого рода, сохранявшиеся согласно формуле «пока светят солнце, луна и звезды» или «шестьдесят тысяч лет». В актах о приобретении собственности в обычном порядке применялась указанная выше формула. Вырезанные на камне сведения, подтверждающие законность владения недвижимостью, должны были оградить имущество храма Канакашридеви от всяких случайностей, но отраженные в надписи акты были чисто гражданскими. Интересно, что документ VIII был вырезан на камне в 904 г., в то время как акт о пожертвовании доходов на самом деле относится к 885 г. До 904 г. храм получал ренту по документу, составленному на бумаге или ином сходном материале; чтобы сделать соответствующую запись на камне, потребовались специальное решение *уттара-сабхи* Таттанандапуры (высшего городского совета) и распоряжение *дутаки* — чиновника, ведавшего оформлением прав владения. Так, благодаря стремлению храмовой администрации обеспечить неприкосновенность всего имущества, зафиксировав его на камне подобно дарениям, имевшим сакральный характер, в распоряжение историков попал и этот частный документ.

Происхождение ренты с домов, частично или полностью передававшейся храму, к сожалению, не указано. Речь идет о доходе с большого дома в документе IV, дома, упомянутого в документе VIII, в качестве имущества той же семьи, полного дохода (с домовладения?) двух женщин и полного дохода (с домовладения?) двух братьев-кшатриев. Семья потомков Мамгалаварммана совместно и индивидуально была собственником нескольких домов. Очевидно, они сдавались в аренду под жилье и как помещения для торгово-ремесленной деятельности. Сумма, отчислявшаяся храму, не позволяет составить определенное заключение об их доходности: доля храма была ограничена 120 вимшопака в год, или, иначе, шестью драммами с дома.

Изложенный материал довольно полно раскрывает отношения собственности в связи с владением недвижимостью в городе. Выявляется распространенность аренды лавок и домов, обеспечивавшей значительный нетрудовой доход собственников, являвшихся жителями города. Происходит концентрация такой собственности, обусловленная ее доходностью. Семья купца Мадхавы один дом продала, доход, вероятно, с двух домов передала храму (документ VIII), был, очевидно, и четвертый дом, где обитала сама семья. Брахман Ишанадатта продал участок с домом и шесть лавок, что составляло, по всей вероятности, часть его недвижимой собственности. В результате сделок, зафиксированных в исследуемой надписи, храм Канакашридеви приобрел 18 объектов собственности, приносящей постоянный доход: 10 лавок, 3 дома, 5 источников дохода в форме частичной или полной ренты с домов (как я уже упоминал, в трех случаях пожертвования полного дохода существование доходных домов предполагается).

Таким образом, большое число малосостоятельных торговцев и ремесленников, не обладавших собственностью на недвижимость, оказывались в зависимости от собственников, были вынуждены часть своего дохода отдавать в качестве арендной платы — в этом смысле положение тех и других было одинаковым. Точно так же с позиции собственника было безразлично, с торговца, ремесленника или иного лица он получал арендную плату. Эти отношения входили в систему «подчиненной», или «податной», собственности, с которой надо было платить налоги и пошлины государству и частным феодалам, обладавшим такими же правами, представлявшим субъектов «верховой собственности». Существование категории «подчиненной» собственности в городе скрывало за юридической формой различные явления в социально-экономическом плане. Рента с торговцев собственникам недвижимости относится к сфере перераспределения материальных благ между социальными слоями, живущими за счет труда непосредственных производителей. Рента же с ремесленников представляет собой часть прибавочного продукта, создаваемого этими непосредственными

производителями ручным трудом в их индивидуальных мастерских; поэтому мы должны рассматривать ее в качестве формы феодальной эксплуатации ремесленного труда, вырастающей на основе «подчиненной» собственности.

<Таким образом>, *вполне определенно видно довольно высокое развитие товарно-денежных отношений в индийском городе VI—X вв. Конечно, не следует и преувеличивать этот момент, степень их развития была обычной для индийского хозяйства поздней древности и средневековья, имевшего в целом безусловно натуральную основу. Однако и замкнутость хозяйственного комплекса индийской общины не следует абсолютизировать. В благоприятных условиях устанавливались экономические связи между городом и деревней, включая денежное обращение, был и междеревенский товарооборот, даже внутри общины в известной мере присутствовали товарно-денежные отношения.

Об уровне денежного обращения красноречиво свидетельствуют приведенные выше примеры, многочисленность монет разного достоинства и наименований. Число найденных к 1965 г., по сведениям Р. Ш. Шармы, монет, определенно выпущенных правителями из династии Гурджара-Пратихаров, относительно невелико — около 250⁹⁵. С Палами же, например, не удалось вполне доказательно связать ни одной монеты. Однако примечательно, что Дхармапала в надписи 801 г. исчисляет стоимость сооружения водоема в 3000 драмм. Р. Ш. Шарма предложил правдоподобное объяснение отсутствию или относительно небольшому числу монет Палов, Раштракутов и Гурджара-Пратихаров: монеты могли чеканить местные органы самоуправления и купеческие корпорации. Он связывает это с дезинтеграцией власти в условиях феодальной раздробленности и «преобладающей ролью местных экономических объединений»⁹⁶. Характерными чертами феодальной экономики VII—X вв. Р. Ш. Шарма считает, в частности, «превращение доходов от торговли и ремесел в бенефиции» и «существование самообеспечивающейся экономики с уменьшенным монетным обращением и сравнительно слабым развитием торговли»⁹⁷. Нам представляется, что эти два вывода индийского исследователя противоречат друг другу. Кажется необоснованным тезис Шармы, что хождение драммы, которую он считает основной монетой, ограничено городами, такими, как Сийадони. Эти высказывания весьма характерны, они демонстрируют влияние общей концепции на оценку фактов.

Не следует преуменьшать роль отрицательных факторов в истории индийских городов. Одни из этих факторов случайны — например, последствия эфталитского нашествия и войн, другие — закономерны и вызваны спецификой индийской социально-экономической структуры. В целом мы видим постоянный,

---

* Далее из статьи «О товарно-денежных отношениях...», с. 151—152.

хотя и замедленный рост товарно-денежных отношений и соответственно рост городов как торгово-ремесленных центров, увеличение их числа, появление городов в новых районах. Как средоточие мелкотоварного производства и обмена индийский город составлял необходимую часть феодальной экономической системы. Непрерывность его развития при общей заторможенности эволюции индийского общества может иметь значение для типологии феодализма.

<О самоуправлении городов по литературным источникам> *

<...> Уже давно установлено, что купцы и ремесленники Северной и Южной Индии были организованы в профессиональные корпорации (*шрени, пуга* и др.) и селились в городе обычно обособленно, на отдельных улицах. Известны также деревни ремесленников одной специальности — кузнецов, горшечников, плотников. Жители таких деревень и городов сохраняли связь с землей. Каутилья в «Артхашастре» (II.4.) писал, что в городе царь «должен установить границы владений глав семьи в зависимости от ремесла или полеводства (которыми они занимаются). В этих границах они должны, получив дозволение, заниматься цветниками, плодовыми садами, огородами, рисовыми полями, а также должны производить продажу и накопление зерна. На каждый участок из 10 семей должен быть один колодец». Горожане имели скот. Известны случаи дарения городом земель храму⁹⁸. Торговые и ремесленные корпорации владели полями, садами и другой подобной недвижимой собственностью⁹⁹. <...>

Четкую грань между деревней и городом провести довольно трудно: последний зачастую возникал из сельской общины путем развития промыслов и торговли. Торгово-ремесленное местечко сохраняло облик сельского поселения, противостоя уже в экономическом смысле своему земледельческому окружению. Дальнейшую судьбу такого местечка определяли удобство расположения на торговых путях, наличие продуктивного сельского хозяйства в округе, политическая роль в качестве центра территории племени, административного округа, владения, государства, наличие ставки правителя и его войск, а также святилищ. В благоприятных условиях оно превращалось в «настоящий» город с разнородным населением, с характерной застройкой, укреплениями, торговыми улицами, храмами и дворцами.

В Индии насчитывалось немало городов, существовавших с глубокой древности и сохранившихся, несмотря на непрерывные войны и нестойкость государственных образований, на терри-

* Сокращенный текст статьи «О самоуправлении североиндийских городов раннего средневековья». — Индийская культура и буддизм. Сборник статей памяти академика Ф. И. Щербатского. М., 1972, с. 103—114.

тории которых они находились. Таковы Дели (Индрапрастха), Матхура, Аллахабад (Праяга), Варанаси (Бенарес), Патна (Паталипутра), Удджайн (Удджайини), Броч (Бхарукачх), Сурат (Суратха), Мултан, Лахор, Пешавар (Пурушапура), Сялкот (Шакала), Мадурай, Куилон, Кожикод, Канчипурам, Пайтхан (Пратиштхана) и др.

В течение длительного времени они несли многие черты общинного устройства, лишь постепенно приспосабливаясь к новым условиям. Пережитки общинно-родового строя пронизывали всю структуру городов раннего средневековья.

Вероятно, древнейшим типом города в Индии был своеобразный полис, представлявший собой укрепленное поселение правящего рода племени или группы господствующих родов, — к сожалению, мы этого не знаем. Однако если судить по более поздним материалам о так называемых республиках — ганах и сангхах, то можно предположить, что центры ган — племен и объединений племен, у которых первобытная демократия в ходе развития классовых отношений сменилась олигархической властью аристократических кшатрийских родов, были такими полисами, обросшими ремесленным и торговым населением, разного рода слугами, зависимыми людьми и рабами. Некоторые из них, например Вайшали — столица союза племен вадджи и господствовавшего племени личчавов, достигали больших размеров. Подобного же типа города-общины видели, наверно, спутники Александра Македонского в долине Инда.

Управление территорией ганы — республики осуществлялось советом *раджанов* (кшатриев, которые получили посвящение), избранных на собрании полноправных кшатриев. В собрании могли участвовать и другие свободные из числа вайшьев и брахманов. Видимо, первоначальным условием их присутствия была принадлежность к данному племени. Впрочем, к концу I тысячелетия до н. э. это, кажется, стало необязательным, так как в дом собраний допускались брахманы-чужеземцы¹⁰⁰. В условиях классового общества строгий порядок родо-племенной структуры должен был отступить под натиском имущественных отношений; перемещения людей ломали прежние границы. Племенная чистота населения городов даже в ганах, где сохранялось весьма архаическое общественное устройство, не говоря уже о монархических государствах, в значительной мере нарушалась. Органы управления здесь являлись и органами самоуправления кшатрийского полиса, однако трудно сказать, в каком соотношении находилась городская и сельская администрация в ганах и сангхах.

Традиция самоуправления древнеиндийских городов, очевидно, восходит к родо-племенной демократии. В рекомендациях по планировке городов и деревень, содержащихся в трактатах по архитектуре (*шилпашастрах*) и в других сочинениях, предлагалось отводить специальные места для общих собраний в самом городе и вне его. У Апастамбы, например, говорится о

необходимости построить здание для собраний на небольшом расстоянии от города с его южной стороны¹⁰¹.

Данные многих источников позволяют сделать вывод об участии горожан столицы в решении важных государственных дел. В раннее средневековье собрание стало в основном лишь совещательным органом, пережиточным по существу, но сведения об избрании горожанами (а также жителями сельской местности) царя при отсутствии законного наследника¹⁰² свидетельствуют о том, что прежде оно пользовалось весьма широкими правами.

В данном случае связь народного собрания с племенным временем военной демократии и становления классового общества несомненна. Характерно, что источники сообщают главным образом об активности горожан; жители сельской местности (*джанапады*) играли как бы второстепенную роль. Это подтверждает существование городов типа полиса и их важное значение в формировании государственности.

Археологические раскопки показали, что схемы планировки поселений, представленные в шильпашастрах, не оставались лишь теоретическими выкладками, они были использованы и на практике. Чаще всего в идеальном плане город являл собой прямоугольник, разбитый на четыре части двумя главными перпендикулярными улицами¹⁰³. Можно предположить, что помимо соображений целесообразности традиционное деление города на четыре части определялось пережитками естественного деления в соответствии с дуальной структурой племени или рода. Существенных различий между планировкой деревни (*грама*) и города в этом смысле не отмечалось.

По «Манасара-шильпашастре» установить специфику городских и сельских поселений тем более затруднительно, что она заключалась почти исключительно в количественных показателях, в остальном же грама, как правило, характеризовалась теми же признаками, что и город, — укреплениями, наличием дворца правителя, торговых улиц и рынков, сходным размещением жителей — членов тех или иных каст по особым кварталам. Некоторые типы деревень были, в сущности, феодальными крепостями-замками (*нандьаварта*, *падмака*, *свастика*, *прастара*, *чандила*), но и другие рекомендовалось окружать каменной стеной и рвом. По-видимому, эти данные «Манасара-шильпашастр» и трактата Маяматы¹⁰⁴ отразили возникший в условиях феодализма обычай укрепления резиденций мелких феодальных владетелей.

Китайские источники сообщают, что экспедиция Ван Сюань Цзе покорила 580 индийских городов. Ряд историков (в частности, Р. Ч. Маджумдар, С. К. Дас и др.) относятся к этой цифре весьма скептически, полагая, что слабый отряд китайского посла, состоявший из вассальных тибетцев и непальцев, не мог добиться многого. Однако представляется вероятным, что это сообщение в какой-то степени отражает действительность, если

принять во внимание распространенность традиции укрепления деревень и строительства феодальных замков.

Большинство поселений, описанных Манасарой, было разделено на четыре квартала. Конечно, естественная застройка могла быть и совершенно хаотичной (например, на древнейшем городище Таксилы — Бхир Маунде). Сюань Цзан отмечал, что улицы и переулки индийских городов извилисты¹⁰⁵. Тем не менее не исключено, что деление на четыре или вообще на четное число частей происходило и без соответствующей планировки.

В «Артхашастре» (II.36; II.4; III.9; III.20) также говорится о разбивке города на четыре части (района), во главе каждой из которых стоит *стханика* <...> Более мелкие подразделения охватывали 10, 20 или 40 семей (точнее, «40 благородных соседей») <...> Возглавлял подобное подразделение *гопа*. Обычное значение этого термина — «староста», «старшина», но Каутилья в соответствии с брахманской юридической концепцией квалифицирует подобных должностных лиц (в том числе и *стханику*) как чиновников правительства.

Группа горожан-соседей, очевидно, составляла общинный или родовой коллектив, пережиточно сохранившийся внутри города. Каутилья указывает, что в сделках по продаже недвижимости предпочтение отдавалось сначала родственникам, потом соседям, а затем кредиторам. «После них предоставляется уже право покупки другим. 40 соседей из уважаемых семейств должны перед данным домом объявить о его продаже»¹⁰⁶. В другом месте говорится о преступнике, «причиняющем затруднения 40 благородным соседям»¹⁰⁷. По смыслу текста этот коллектив выступал в судопроизводстве как одно юридическое лицо.

Объединения соседей «Артхашастры» можно соотнести с часто встречающимся в эпиграфике термином *аштакула*, означавшим, вероятно, объединение восьми кул — семей в сельской общине.

Архаические общинно-родовые связи в городе сохранялись длительное время. В крупных торговых центрах, по-видимому, все большее значение приобретали связи чисто имущественные и деловые. Огромным влиянием здесь пользовались богатые купцы, стоимость имущества которых в литературных источниках выражается обычно в баснословных цифрах. Действительно, нельзя не признать, что купцов, обладавших значительными состояниями и ведших обширную торговлю, было много. Это подтверждается и записями о щедрых дарениях монастырям и храмам. Известно немало рассказов о переезде купцов в другой город, где они вновь занимали подобающее их богатству положение. Есть в литературе упоминания и о ремесленниках, меняющих места жительства. Население городов было очень пестрым, что усугублялось еще присутствием войск, приближенных и слуг правителя, а также люмпенов, стекавшихся сюда.

Однако был важный фактор, способствовавший консервации

общинных институтов в городе,— господство купеческих и ремесленных корпораций — *шрени, гана, пуга, нигама*. Как уже отмечалось, шрени объединяла людей одной профессии на определенной ограниченной территории. Видимо, она охватывала, например, ремесленников той или иной специальности — кузнецов, масленщиков, плотников, ткачей и т. д. — в данном городе. Возглавляемая советом корпорация защищала интересы своих членов, которые были связаны взаимопомощью и могли рассчитывать на ее поручительство¹⁰⁸, способствовала и регламентации производства, и накоплению производственных навыков. Несомненно, большую роль в укреплении профессиональных объединений играла конкуренция, порождая стремление тщательно хранить секреты производства¹⁰⁹.

По своим функциям индийские шрени напоминали античные корпорации и средневековые европейские цехи и купеческие гильдии. В принципе они представляли собой организации, открытые для вступления в них посторонних. Вероятно, как правило, контингент ремесленников здесь пополнялся за счет учеников, заканчивавших обучение у мастеров.

В «Нарада-смирти» (V—VI вв.) сообщается: «Желающий постигнуть свое ремесло с разрешения родственников пусть поселится у мастера, твердо определив срок [своего обучения]»¹¹⁰. На этот период мастер приобретал права на ученика и результаты его труда. Побег последнего карался телесным наказанием и тюремным заключением, что не избавляло беглеца от обязанности продолжать работать на своего хозяина. Мастера, видимо, были заинтересованы в увеличении срока обучения, ибо могли эксплуатировать учеников в качестве бесплатной рабочей силы. Более того, они пытались закрепить их за собой как наемных работников навечно. В том же источнике сказано: «Если после проверки искусства ученика ему будет назначено жалованье, [то] подмастерье должен взять [его], а не поселяться в доме другого»¹¹¹. За этими словами отчетливо проступает факт ожесточенной конкуренции. Если ученик, получавший звание мастера, не выражал желания работать самостоятельно, он должен был остаться у прежнего хозяина.

Обращает на себя внимание еще одна черта сходства с цехами Запада — проверка искусства ученика, что аналогично, вероятно, изготовлению «шедевра», изделия, удостоверяющего право на получение звания мастера. В более поздних южноиндийских источниках содержатся сведения о проведении состязаний мастеров. <...>

Примерно те же функции выполняли профессиональные ремесленные касты-джати. В принципе они представляли собой замкнутые эндогамные группы, порой отличавшиеся этнически от остального населения. Многие профессиональные касты, <как отмечалось выше,> образовывались из отсталых племен, специализировавшихся в процессе ассимиляции на выполнении специфических работ, нередко считавшихся нечистыми. Ввиду

большого сходства профессиональных джати и шрени, члены которых наследовали занятия предков, провести между ними четкую грань невозможно, да и вряд ли подобная грань существовала.

По известному словарю Амарасинхи (около IV в.) *варга* (разряд) шудр включает множество ремесленников самых разнообразных специальностей, в том числе и таких, кои раньше, в более глубокой древности, считались уважаемыми. Упомянуты там и презираемые занятия, выполнявшиеся, судя по другим источникам, членами вневарновых каст. Сопоставление данных показывает, что к IV в. большинство ремесленников уже объединялись в касты. Но в этот период касты-джати только формировались и кастовые правила не носили еще столь строгого характера, как в позднее средневековье.

Можно предположить, что взаимоотношения институтов каст и шрени в значительной степени определялись различиями в их расселении. Часть джати (более широкой организации) иногда входила в шрени, объединявшую ремесленников одной специальности в данной местности или городе. Вместе с тем шрени могла быть местным подразделением касты. Однако в изучаемый период связь между ними не была обязательной. Корпорация (например, купеческая) порой состояла из представителей различных каст-джати и жителей разных областей (*деша*)¹¹².

Внутренняя структура и цеховых и кастовых организаций в большой мере копировала общинно-родовую. По-видимому, наиболее свободными от кастовых ограничений и архаических пережитков были шрени купцов, составлявших самый богатый, а потому и самый влиятельный слой городского населения. Не случайно начальником города в литературе называется часто крупный купец. Единство купечества облегчало ему борьбу за власть с малоимущими. Правда, есть сведения, что и купечество делилось на различные категории в зависимости от рода торговли. Упоминаются, например, шрени торговцев фруктами, торговцев тканями¹¹³ и т. д. Корпорации помогали в организации караванов, обеспечивали их охрану, облегчали совершение денежных сделок, ссуд и залогов. Как и шрени ремесленников, купеческие объединения оберегали своих членов от произвола государства или частных владельцев.

Корпорации пользовались большим влиянием и умели постоять за себя. Иногда они переселялись в другой город или даже в другую страну, где рассчитывали найти более благоприятные для себя условия. Так поступила шрени шелкоткачей, уехавшая из страны Лата (Гуджарат) в г. Дашапуру (современный Мандасор) и быстро разбогатевшая там (V в.)¹¹⁴. Однако обычно не было нужды прибегать к столь крайним мерам.

Авторитет корпораций был так велик, что в дхармашастре Брихаспати царю рекомендуется одобрять деятельность их руководителей независимо от того, полезна она или нет¹¹⁵.

Во многих случаях шрени выступали в роли своеобразных гарантов-банкиров при передаче состоятельными людьми, знатью и даже царями религиозных даров храмам — принимали денежный вклад на условии выплаты процента с суммы, чтобы обеспечить храм маслом для ламп, цветами, тканями и т. п. Надежность такого помещения денег в качестве вечного религиозного дара не вызывала сомнений ни у дарителей, ни у храма. Иногда шрени осуществляли функции сборщиков налогов и податей, по-видимому выступая откупщиком.

В представительных органах городского управления корпорации, конечно, играли ведущую роль. Их руководители решали все важные вопросы. Общие собрания граждан, даже если они созывались в рассматриваемый период, были, вероятно, формальностью, данью традициям.

Согласно сообщению Мегасфена, в Паталипутре времени Чандрагупты Маурьи функционировал совет из 30 выборных членов, который делился на шесть комитетов по пять человек в каждом. Комитеты контролировали различные сферы городской жизни. Очевидно, это был орган самоуправления столицы. <...>

Городской совет и его глава *нагарашрештхин* обладали широкими полномочиями. В их ведении находились городская охрана и муниципальные службы. В «Дашакумараচারите» говорится, что *нагарашрештхин* распоряжается городской стражей. В другом эпизоде той же книги сообщается, что некий Калахакантака просил у городского совета Удджайини место сторожа на кладбище и получил его ¹¹⁶.

Совет мог санкционировать земельные сделки и дарения брахманам, монастырям и храмам в сельской округе города. Это показывает, что местные власти не ограничивались лишь чисто городскими делами, их влияние признавалось и удостоверялось официально, хотя не исключено, что практически они могли быть уже в полной зависимости от государственных чиновников. <...>

Какая-то часть сельской округи считалась территорией города или была подчинена ему. Помимо приведенных выше данных об этом свидетельствует то место из «Законов Ману», где сказано об обязанности начальника города проверять служащих лично, а в сельской местности (*раштра*) — с помощью соглядатаев (*чара*) ¹¹⁷.

Градоначальник, вероятно, избирался, во всяком случае можно предположить, что так было первоначально. Источники или ничего не сообщают о порядке выдвижения кандидата на этот пост, или указывают на факт назначения градоначальника царем. У Ману, например, читаем: «В каждом городе надо назначить одного думающего обо всех делах, высокого по положению, грозного на вид, подобного планете среди звезд» ¹¹⁸. Каутилья также сообщает о назначении начальника города.

Следует заметить, что эту должность, по-видимому, всегда

занимал богатейший и влиятельнейший представитель городского купечества, чаще всего глава купеческих гильдий, «начальник купцов». В его лице, по всей вероятности, сочетались государственная административная власть и городское самоуправление. Как руководитель городских корпораций и городского совета, как представитель людей, обладавших богатством, он пользовался авторитетом у чиновников царской администрации и, возможно, оказывал влияние на царя (если это был *нагарашрештхин* столицы). Такой человек мог успешно защищать интересы цехов. В то же время как чиновник правителя он получал над городом власть большую, чем та, которую ему давали демократические органы.

С подобным градоначальником мы встречаемся в одном из рассказов «Панчатантры» Пурнабхадры: начальник купцов Дантила, «поставленный над городом... исполнял и городские и царские дела и радовал всех жителей»; но, попав в немилость, лишился должности, когда же подозрения правителя рассеялись, был восстановлен на прежнем посту ¹¹⁹.

В этом плане любопытна характеристика купца в «Дашакумарачарите»: «По своей близости ко двору он превосходит всех старейшин города» ¹²⁰. Надо отметить и тот очевидный факт, что купцы нередко предстают в качестве феодальных земельных собственников. Можно поэтому допустить, что городская верхушка приспособлялась к феодальной власти и использовала ее в своих интересах.

Государство эксплуатировало город, облагая его многочисленными налогами, податями и пошлинами. Это свое право оно нередко передавало частным феодалам, превращавшимся в сеньоров городов ¹²¹. Феодальные порядки господствовали и в его внутренней жизни. Так, главы корпораций взимали с членов этих объединений подати в свою пользу ¹²². Сами корпорации имели феодальный статус. Гильдия купцов, например, получала податной и административный иммунитет на ее территории, право распоряжаться работниками и пастухами, использовать принудительный труд ремесленников. Купеческие корпорации в раннее средневековье нередко чеканили свою монету ¹²³.

Древние правоведы рассматривали шрени как судебные органы. Их юрисдикции подлежали преступления, не являвшиеся опасными для государства. Интересная надпись, очерчивающая судебные функции купеческой гильдии, была отмечена К. А. Антоновой ¹²⁴.

В сочинении Бузурга ибн Шахрияра ар-Рам-Хурмузи сообщается о судебном иммунитете мусульманских колоний на западном побережье Индии ¹²⁵. Эти права не были исключением. Ими обладали обычно и индийские шрени, и городские общины, что засвидетельствовано в южноиндийских источниках средневековья ¹²⁶.

Иными словами, если корпорациям не удавалось сохранить

полную автономию, они отстаивали свои позиции при помощи судебных и иных иммунитетов.

С течением времени, однако, города под натиском феодалов все больше утрачивали свою самостоятельность. Древние традиции самоуправления при благоприятных условиях сохранялись. Так было, например, в сравнительно отсталых районах Раджпутаны, где в период мусульманского господства выжила специфическая «индусская» общественная структура, а также в ряде торговых центров, где купечество обладало исключительным влиянием, но при всем том сфера независимой деятельности городских организаций сужалась.

Преемственность традиций самоуправления прослеживается в Раджпутане и в позднее средневековье. Здесь выборным муниципальным советом городов (*чотия, чаутхия, чабутра*) руководил наследственный *нагарсетх* (то же, что санскритское *нагарашрештхин*), считавшийся главным судьей. Некоторые города получили право чеканки собственной монеты. Характерно, что Дж. Тод, говоря о совете чотиев, не проводил различия между городом и деревней¹²⁷.

Следовательно, есть основания с уверенностью сказать, что предоставление власти шрени отнюдь не было «наиболее смелым административным экспериментом имперских Гуптов»¹²⁸, автономия соответствовала природе городской общины и корнями своими уходила в глубь веков.

Можно предположить, что значительные разноречия в источниках по поводу правового положения города и корпораций объясняются особенностями исторического развития различных районов Индии и сложностью взаимоотношений государственной власти и городских и профессиональных общин. Отдельные города пользовались значительной степенью независимости, другие были подчинены власти царей или князей. Если не считать гипотетического города-государства, на существование которого в древности имеются кое-какие указания в источниках, нам неизвестны полностью независимые индийские города, подобные городам-республикам средневековой Европы.

<Хартия Вишнушены и раннесредневековый город> *

Эпиграфические источники — это тот фундамент, на котором покоятся наши знания об истории Индии I тысячелетия н. э. Среди многочисленных надписей, имеющих, как правило, стандартную форму и содержащих весьма ограниченную информацию, хартия Вишнушены представляет счастливое исключение. По богатству материала и своей тематике эта надпись имеет

* Сокращенный текст статьи «Хартия Вишнушены как источник по истории раннесредневекового города». — Древняя Индия. Язык. Культура. Текст. М., 1985, с. 222—239.

особую ценность и не случайно обратила на себя внимание исследователей¹²⁹. Надпись, вырезанная на двух медных табличках, в отличие от аналогичных дарственных грамот о пожаловании деревень или участков земли является хартией¹³⁰, пожалованной правителем общины купцов и регламентирующей различные стороны жизни поселения, фигурирующего в надписи под названием Лохата и Лохатака-грама. Хартия содержит 72 установления, утвержденные Вишнушеной, который подтвердил также законность других прежде существовавших правил, конкретно не названных (стк. 28—29). Эти установления сообщают сведения о торговой, ремесленной, земледельческой деятельности в поселении Лохата и касаются вопросов, связанных с судопроизводством, взысканием податей, пошлин, штрафов и повинностей в пользу правителя, органов управления и суда, а также господствующей купеческой общины.

Столь подробного изложения правил, относящихся к жизни торгово-ремесленного населения, мы в других эпиграфических памятниках раннего средневековья не имеем. Сходные по тематике надписи, относящиеся к первой половине VIII в., также весьма интересны, однако несут, к сожалению, несравненно более скудную информацию. Это две надписи царя Притхивичаидры Бхогашакти из династии Чалукьев и одна надпись Викрамадити II из той же династии. Несмотря на краткость этих документов, их значение велико не только из-за имеющихся там сведений, но и прежде всего благодаря тому, что они указывают на существование специальных правил и обычаев, регламентировавших торгово-ремесленную деятельность и обеспечивавших права купеческих организаций, по-видимому пользовавшихся большим влиянием¹³¹.

Эпиграфика донесла до нас крайне мало данных о ранне-средневековом городе и о торгово-ремесленной сфере. Практически все сведения по этой проблематике в древний период мы черпаем из литературных памятников. Между тем сложение особого статуса городов, их самоуправления, привилегий, как и процесс подчинения государственной, а затем и феодальной власти, имеет давнюю историю. История города магадхского времени, гуптской эпохи и второй половины I тысячелетия н. э. не может рассматриваться изолированно, по частям. Представление об эволюции города может быть выработано только при комплексном сквозном исследовании всей суммы исторических материалов. Под таким углом зрения хартия Вишнушены, датированная концом VI в., представляет чрезвычайный интерес: это и наиболее ранний образец своего рода статута торгово-ремесленного поселения, которое по его социально-экономической сути можно определить как городскую структуру (черты подобной регламентации находят отражение и в документах VIII в.); это и любопытная параллель свидетельствам о самоуправлении городов гуптской и предшествующей эпох, об автономии и иммунитетах шрени — гильдий и цехов. В целом хар-

тию Вишнушены можно с полным правом назвать не только ценным источником по социально-экономической истории, но и важным культурно-историческим памятником.

Издавший грамоту Вишнушены Д. Ч. Сиркар приводит соображения, доказывающие подлинность даниого документа (оригинал утерян, сохранился лишь факсимильный оттиск табличек), относящегося по сумме признаков к району Гуджарата и к серии надписей династии Майтраков из Валабхи. На вероятную принадлежность самого правителя Вишнушены к роду Майтраков указывают как будто бы и его имя — имена Майтраков обычно оканчивались на «-сена», — и вариант этого имени в сделанной позднее приписке, вновь утверждающей хартию Вишнушены, — Вишнубхата (стк. 33). Характерный для Майтраков компонент имени «-сена» мог чередоваться с «-бхата». Так, Дхрувасена II Баладитья (629—640) носил также и имя Дхрувабхата. Д. Ч. Сиркар отмечает также специфическую деталь в титулатуре, встречающуюся только в эпиграфике Майтраков. Можно с большой долей уверенности полагать, что Вишнушена принадлежал к прямой линии этой династии или был близким родственником, владевшим отдельным княжеством. В надписи он выступает в качестве вассального правителя, имеющего придворные и владельческие титулы *махакартакритика*, *махаданданаяка*, *маханратихара*, *махасаманта*, *махараджа* (стк. 1). Сюзерен Вишнушены упомянут даже без указания имени как «*парамабхаттарака-шри-бава*» (стк. 2); возможно, это был Шаикарагаи, правитель из династии Калачури. <...>

Дата хартии, по убедительному заключению Д. Ч. Сиркара, соответствует 592 г., дата добавления, сделанного местным правителем уже не с княжеским титулом, а назвавшим себя просто *самантой*, — 605 г. Другая дата для добавления, получающаяся при использовании иного летосчисления, — 676 г. — не подходит по сумме данных.

Все перечисленные детали позволяют в общих чертах локализовать и уверенно датировать надпись, несмотря на утрату вместе с оригиналом сведений о месте ее находки. Более точная локализация, предложенная Д. Ч. Сиркаром, — идентификация Лохаты с гаванью Рохар — кажется удачной, хотя и не выходит за рамки гипотезы. Содержание надписи определению имеет в виду прибытие в Лохату кораблей с грузами товаров. Таким образом, скорее всего Лохата была портом на берегу моря (Рохар на берегу Качхского залива); менее вероятным предположением может быть локализация Лохаты в нижнем течении одной из рек, впадающих в Камбейский залив. Вообще поиск древних названий по современной топонимике оправдан огромной практикой индологов-этнографов: в Индии названия населенных пунктов сохраняются очень прочно, подвергаясь за многие столетия и даже полторы-две тысячи лет незначительным фонетическим изменениям.

То обстоятельство, что верховный правитель не назван по имени и пожалование хартии совершается непосредственно от лица крупного владетеля с княжеским титулом *махасаманты-махараджи*, не представляет исключения в ряду дарственных грамот; нередко царь упоминается лишь для соблюдения законной формы документа, фактически же местный правитель в его санкции не нуждался. Более примечательно, что *саманта* Аванти в своем добавлении к грамоте не упомянул ни одного титула Вишнушены и вообще не упомянул верховного государя. Хотя добавление очень краткое и занимает всего три строки (32—34), эта лаконичность, доходящая до непочтительности, не может быть объяснена недостатком места. Грамота была вырезана на одной стороне табличек, соединяющихся двумя кольцами, образуя как бы складень, и при необходимости можно было использовать чистую сторону, что обычно и делалось. Объяснение, следовательно, надо искать в другом: или этот *саманта* стал полностью независимым, что все же маловероятно, или суть добавления заключалась в том, что, став господином Лохаты в условиях слабости вышестоящей власти, он просто констатировал, что будет соблюдать существующие правила: его приписка не имела характера пожалования. Добавление отражало лишь отношения между местным сеньором и общиной купцов, представлявшей интересы населения Лохаты и выступавшей в качестве вассала *саманты* Аванти. Таким образом, эта приписка не выходила за рамки соглашения между сеньором и вассалом и появилась, очевидно, в связи с просьбой Лохатской общины, вызванной переходом ее под власть данного феодала (во время пожалования хартии Лохата подчинялась непосредственно *махарадже*).

Здесь следует остановиться на вопросе о том, почему вообще в руки историков мог попасть такой необычный для надписей на медных табличках документ, как статут Лохаты с дополнительным подтверждением его *самантой* Аванти. В литературе иногда высказываются ошибочные мнения, будто медные таблички являлись обычным материалом для фиксирования документов и грамоты, выгравированные на них, представляют собой нормальную феодальную документацию вообще; например, по ним можно непосредственно судить о системе феодального землевладения в целом. Это представление проявилось, в частности, в «Истории Индии» К. А. Антоновой, Г. М. Бонгард-Левина и Г. Г. Котовского (первое и второе издания)¹³². Такой подход в свое время привел Д. Д. Косамби¹³³ к заключению о теократическом характере индийского феодализма, поскольку известные грамоты на медных табличках сообщали о пожалованиях брахманам и храмам (исключений почти нет, одно из них — грамота Вишнушены).

Медные таблички фиксировали религиозные пожалования, имевшие целью приобретение религиозной заслуги самим дарителем и его предками, что само по себе предполагало не-

прикосновенность объекта дарения, каковым обычно был «высший дар» — земля (включая населенную землю, т. е. деревни). Решающее значение в распространении обычая вырезать тексты таких дарственных грамот на меди сыграло стремление получателей пожалования обеспечить неприкосновенность своих владений под предлогом их святости. Все прочие акты о приобретении недвижимости, о феодальных пожалованиях, а их было подавляющее большинство, фиксировались на простых писчих материалах, легко разрушавшихся и до нас не дошедших. Медные же таблички представляют только одну категорию землевладения, притом второстепенную. Однако они позволяют, являясь образцами типичных феодальных документов, а также благодаря попадающимся в них случайным упоминаниям, составить, используя специальные методы исследования, представление о картине феодального общества в целом по косвенным данным. <...> Вернемся к нашей надписи, появление которой в виде документа, выгравированного на медных пластинках, кажется необъяснимым в свете изложенного выше.

Мне кажется, разгадку следует искать в тексте статей хартии, многие из которых содержат оговорки, касающиеся податей, пошлин, штрафов, вообще вопросов, связанных с имуществом или проступками членов организации или группы, скрывавшейся за словом *дхармика*. Из 72 статей хартии *дхармика* упоминается в 21, а подразумевается еще в четырех. Смысл этих оговорок — в установлении малых ставок платежей — примерно в половину ниже обычных или минимальных, в некоторых же случаях оговорено, что они равны обычным. Так, в ст. 45 говорится, что «застигнутый за изготовлением спиртного напитка (*суры*) [должен платить штраф] в три *рупаки*; *дхармика* — *рупаку* с четвертью»¹³⁴; в ст. 51: «Налог на помещение с приспособлением (янтра, может быть, маслопресс и т. п. — *Е. М.*) — три *рупаки*, [если принадлежат] *дхармике* — *рупака* с четвертью»¹³⁵. В ст. 49 сказано, что «подать с поля сахарного тростника — тридцать две *рупаки*, [за принадлежащее] *дхармике* — две *рупаки* с четвертью»¹³⁶. В следующей статье *дхармика* не упомянут, но, очевидно, подразумевается: «Подать за поле имбиря (?) — половина [указанного выше]»¹³⁷, т. е. соответственно 16 и 1¹/₈ *рупаки*. Подобное же соотношение ставок податей мы видим и в ст. 53: «Ввозная пошлина с корабля, везущего сосуды (может быть, вообще «товар» — *Е. М.*), — 12 *рупак*, [если принадлежит] *дхармике* — *рупака* с четвертью»¹³⁸. В 16 случаях *дхармике* не отдается предпочтения и его платежи равны обычным. Например, в ст. 67: «За груз кожи — *рупака* с четвертью, также *дхармикой* [должно быть уплачено] 1¹/₄ *рупаки*»¹³⁹; в ст. 61 «За корабль с грузом бамбука — шесть *рупак* с четвертью, *дхармикой* [уплачивается] столько же»¹⁴⁰. Некоторые пункты свидетельствуют о том, что *дхармики* выполняли должностные функции наряду с *недхармиками*. Так, в ст. 30 говорится: «[Если] писец суда [или] служащий *караны*

(вероятно, органа самоуправления.— Е. М.) не приходит [к месту службы] после полудня, штраф — шесть с четвертью рупак, то же [уплачивается] дхармикой»¹⁴¹, т. е. эти должности мог занимать и дхармика. Это подтверждается также ст. 33, устанавливающей штраф в 6¹/₄ рупаки за отсутствие, очевидно в служебное время, печати или за неправильное ее применение (злоупотребление?); дхармика должен был платить такой же штраф¹⁴². Дхармика выступал «на равных» с другими жителями при наказании за обсчет при уплате цены товара (вообще за обман при уплате цены, уклонение от платы и т. д.), штраф был равен трем рупакам с четвертью (ст. 32)¹⁴³.

Получается, что дхармики вели торговлю, владели недвижимостью, в одних случаях они выращивали на полях товарные культуры, в других вели какое-то производство, пользуясь при этом существенными привилегиями. В некоторых отношениях они преимуществами не обладали, что частично можно объяснить их недостойным поведением — нечестностью, пренебрежением общественными обязанностями. Наличие среди них служащих общественных учреждений показывает также, что под названием дхармиков выступают отдельные индивиды, ответственные персонально, в то время как в определенных случаях могла подразумеваться собственность какого-то религиозного учреждения — религиозной общины или храма.

Дхармики в какой-то степени вели в Лохате ту же деятельность, что и господствующая там купеческая община, одновременно отличаясь от обычных купцов. Это наводит на мысль, что в Лохате существовала какая-то религиозная организация, охватывавшая часть купечества. Некоторые представители дхармиков, должно быть, не имели достаточного состояния, чтобы заняться торговыми делами, и существовали за счет работы в качестве писцов и других служащих (впрочем, предположение об их бедности не обязательно). На имущественную дифференциацию в среде дхармиков как будто указывает их участие в незаконном производстве (и, очевидно, нелегальном сбыте) спиртных напитков (ст. 43, 44, 45). Состоятельный, почтенный купец не пошел бы на такое дело, тем более что существовали вполне легальные виноделие и торговля вином: так, подать за повозку с вином (или корабль) составляла пять рупак, дхармика должен был платить рупаку с четвертью (ст. 66)¹⁴⁴; «[пошлина на продажу] сосуда [с вином] емкостью в четверть — пять вимшопак, так же и с дхармики» (ст. 69)¹⁴⁵. Вимшопак составляла ¹/₂₀ рупаки. По-видимому, право на производство и продажу вина охранялось и принадлежало представителям специализировавшейся на этом касты или лицам, добившимся разрешения на подобную выгодную деятельность. В регламентации была, как видим, заинтересована и администрация, взимавшая пошлину на вино, вероятно представлявшая интересы раджи (в таком случае суть приведенных выше установлений состояла в ограничении податей определенной фиксиро-

рованной суммой). Возможно, княжеская власть не только была заинтересована в получении дохода от винной подати, но и сама участвовала в винной торговле. Обращает на себя внимание ст. 47: «Пока [чиновник-] *варики*, [надзирающий] за виноделами (*кальвапала*), не освободится в царском хранилище от измерения вина [своей] рукой при помощи [мерного] сосуда в четверть, никакими другими делами [он не должен отвлекаться]»¹⁴⁶.

Приведенные примеры свидетельствуют против мысли о монополии феодала на торговлю вином,— может быть, измерялось вино, поступавшее в качестве натуральной подати; другое предположение сводится к тому, что измерялось все вино, произведенное виноделами. В пользу первого предположения говорит упоминавшаяся статья 45 о наказании нелегального изготовителя суры, указывающая, что помимо денежного штрафа «должны быть отданы в качестве платы радже две четверти вина»¹⁴⁷. Таким образом, княжеской администрации поступал штраф в натуре, и это вино могло быть реализовано путем продажи. Между прочим, приведенный текст указывает на то, что, по крайней мере в данном случае, денежный штраф не являлся «платой радже» и взыскивался, возможно, органами самоуправления.

Если верно заключение, что в состав купеческой общины Лохаты, испросившей у Вишнушены хартию «для защиты и в пользу нашего народа»¹⁴⁸, входила какая-то религиозная община или что часть купечества была связана с управлением и деятельностью храма и по этой причине имела особый статус дхармиков, то становится понятным оформление этой жалованной грамоты по формуляру пожалования брахмадеи и деваданы на медных табличках. Соответственно в надписи присутствуют все надлежащие части грамоты *тамра-патта* — грамоты на медной табличке <...>, только в разделе, посвященном объекту дарения, мы видим не описание земельного пожалования, а правила, регламентирующие жизнь торгово-ремесленного поселения. Пожалование их рассматривается формально в качестве религиозного дарения. При этом группа, обозначенная в тексте словом «дхармика», как бы подразумевалась, однако прямое пожалование именно ей было невозможно, так как ущемило бы интересы остальной части купеческой общины Лохаты. Реально существование дхармиков было только предлогом для получения всей общиной хартии в форме грамоты *тамра-патта*, поскольку именно такая грамота обеспечивала наибольшую стабильность пожалования в бурный век феодальных усобиц и политической неустойчивости.

Индийская эпиграфика дает много примеров фиктивного оформления владений в качестве религиозного пожалования; в частности, здесь уместно указать и на фальшивые грамоты, призванные юридически защищать фактическое владение. Упомянутые в начале статьи грамоты, содержащие элементы город-

ского статуса, были оформлены как *тамра-патта*, поскольку пожалования были связаны с местными храмами. Даже когда недвижимость просто покупалась храмом, сведения об этих приобретениях администрация храма старалась зафиксировать так, будто это — религиозное дарение (<см. разобранный выше> надпись на камне из Ахара).

Что же касается приписки о подтверждении хартии Вишнушены, то она имела те же мотивы, хотя оформлена была не по правилам. Освящать ее должна была грамота Вишнушены.

Несмотря на то что в надписи Лохата недвусмысленно названа «грамой», <...> представляется, что мы имеем дело с городом. В начале надписи сказано, что приказ был издан из Лохата-васаки; васака в данном случае может означать временную или постоянную резиденцию правителя, но не исключено и то, что это слово определяет Лохату как «поселение». Исследователи Д. Ч. Сиркар, Д. Д. Косамби, Р. Ш. Шарма, Б. Н. С. Ядава считают Лохату купеческой деревней, хотя и не всегда высказываются по этому поводу прямо. <...> В настоящем случае мы как раз имеем дело либо с городом, развившимся из поселения, определявшегося индийцами словом «грама», либо, применяя ставшее употребительным в исторической литературе выражение, с предгородской структурой.

Понятие города, как известно, весьма неопределенно и складывается из суммы признаков, сочетание которых может до известной степени варьироваться. Для древности и средневековья к числу таких признаков относятся экономическая и социальная особенность города, отделяющая его от деревни и противопоставляющая ей, специфическое правовое положение, большая концентрация населения, «городской» тип застройки, наличие крепостной стены или по крайней мере цитадели, значение как политического, религиозного, культурного центра и т. д. Как правило, характеристика любого конкретного города не может вместить все возможные «городские» показатели, но нельзя не признать, что все они в какой-то мере исторически проявляются, образуя то, что мы называем городом, имея в голове некое представление, а не четкое научное определение. Во всяком случае, надлежит установить иерархию признаков, которые явно не равноценны и, кроме того, выступают с разной степенью значимости на различных этапах исторического развития. Например, для раннего полиса роль его в качестве центра ремесла и торговли не только не является ведущей, но может и отсутствовать. Для зрелого города древности и средневековья характерна значительная концентрация торгово-ремесленной деятельности, и в европейско-средиземноморском регионе различие в типах городов этих двух эпох было значительным.

Что касается Индии, то представляется, что в связи с непрерывностью традиции городской жизни и единой социально-экономической природой общества древности и средневековья

типологические особенности городов магадхского, гунтского времени и второй половины I тысячелетия были, по существу, малоразличимы, хотя вследствие неравномерности исторического развития отдельных областей мы можем обнаружить и стадиально ранние формы городских структур типа полиса. Разумеется, большое значение для образования, роста и процветания города имели конкретные обстоятельства — выбор данного пункта ставкой правителя, политическая или военная его ценность, наличие коммуникаций, приток верующих к религиозной святыне и т. п. Однако во всех случаях можно наблюдать развитие ремесленной и торговой деятельности, становящейся основой городской жизни. Эта сфера имеет потенцию к постоянному росту независимо от преходящих факторов, сопротивляется неблагоприятным воздействиям и в конечном счете обеспечивает стабильность существования большого числа индийских городов, возникших в древности или в раннее средневековье.

На примере Лохаты мы видим развитие города прежде всего на основе торговой деятельности, что было обусловлено, видимо, удобством географического положения и наличием гавани. На повышение значения этого населенного пункта могло повлиять и выявленное нами наличие здесь культового центра — храма или религиозной общины. Вызванное этим обстоятельством пожалование грамоты в форме медных табличек способствовало укреплению положения купцов Лохаты и было важнейшим фактором в становлении особого правового статуса не только самой господствующей группы, но и всего населения. Следует заметить, что хартия, конечно, во многом фиксировала уже сложившиеся отношения, однако в Лохате действовали и другие давние обычаи, названные, так же как и данные установления, «ачара»¹⁴⁹. Вероятно, они не были зафиксированы в хартии по той причине, что этот документ составлен в сугубо утилитарных целях для определения границ власти и претензий княжеской администрации. Его можно охарактеризовать как договор между государем и общиной купцов, представлявшей Лохату. В этом смысле хартия имеет сходство с вассальным контрактом в средневековой Европе. Внутренние отношения между «гражданами»-купцами и группами подчиненного им населения нашли здесь слабое отражение, и поэтому полной картины жизни Лохаты документ не дает. Хартией Вишнушены представлен ранний этап самоопределения развивающегося социума, выделения его в особый правовой комплекс, позволяющий дальнейшему усилению автономии идти при четко ограниченном вмешательстве государственной (феодальной) власти, сводящемся в общем к взиманию фиксированных ставок податей и штрафов. Такого рода частичная независимость при продолжающемся присасывании феодала к торгово-ремесленной деятельности на основе верховной собственности-суверенитета типична для средневековых индийских городов. Она является и высшим достижением этих городов, никогда не имевших пол-

ной автономии или даже независимости, как это было в Европе; более того, характерной чертой их жизни всегда оставался мелочный податный контроль государства и частных феодалов.

Типичным для ранней стадии становления городов является и получение привилегий господствующей группой, доминирующей корпорацией, а не поселением в целом.

Кажется очевидным, что Лохата была не просто торговым поселением, а экономическим комплексом, во-первых, не вполне однородным и в торговой среде и, во-вторых, включавшим ремесленное население, работающее на продажу. По поводу первого положения уже приводились соображения в связи с дхармиками: существовала имущественная дифференциация, была малопочтенная нелегальная торговля вином, была и законная торговля вином, связанная с его производством теми же лицами, возможно объединенными в касту. Последнее касается и второго положения. То, что пошлины суммарно взимались со всего груза корабля, свидетельствует о том, что такой груз мог принадлежать одному хозяину, однако ценность его невысока; так, за корабль с грузом сосудов платили 12 рупак (ст. 53); за груз зерна — половину этой суммы, т. е. 6 рупак (ст. 59); за груз бамбука — $6\frac{1}{4}$ рупаки (ст. 61). В ст. 54 не совсем понятно говорится о пошлине в $5\frac{1}{4}$ рупаки за груз, то ли привезенный на буйволе или верблюде, то ли за корабельный груз, состоящий из буйволов и верблюдов. Такая же неясность с «грузом ослов», за которой полагалась пошлина в $1\frac{1}{4}$ рупаки (ст. 55). Малая пошлина указана за груз кожи — $1\frac{1}{4}$ рупаки (ст. 67), такая же — за груз имбиря (ст. 60), за товары в связках (ст. 57, 58, 68), за быка — $2\frac{1}{2}$ рупаки (ст. 55). Масштаб относительной ценности этих «грузов» и их величину трудно представить. Некоторую помощь здесь может оказать сопоставление ст. 66 и 69: пошлина за повозку (или корабль) с вином — 5 рупак, пошлина за сосуд, вмещающий четверть (вина?), — 5 вимшопака. Если предположить, что это действительно сосуд с вином, то логично, что пошлина за повозку подразумевает ту же оценку; тогда на повозке должно находиться 25 четвертей вина (вимшопака — $\frac{1}{20}$ рупаки, плата за повозку в 25 раз выше, чем за сосуд). Исходя из этого подсчета, можно заключить, что корабли были небольшие, но в ст. 54—56 речь все же идет о пошлинах на грузы буйволов, быков, верблюдов, ослов, привезенных на кораблях, иначе должны были бы быть указаны товары. Определенных сведений о крупной торговле надпись не содержит. Косвенным показателем может служить ст. 52: «Купец, отсутствовавший год, не должен платить въездную пошлину; уезжающий [снова] должен ее давать»¹⁵⁰. Далекие и долгие путешествия были, вероятно, сопряжены с крупными операциями и представлялись значительным событием, о чем говорит отмена пошлины.

Среди товаров, упомянутых или подразумеваемых в надписи, мы встречаем ремесленные изделия — ткани, изделия из

бронзы, железа, дерева, оружие, сосуды, кожи; продукты сельского хозяйства — зерно, имбирь, кориандр, горчицу; скот — буйвол, быков, верблюдов, ослов; продукты переработки сельскохозяйственного сырья — индиго, вино, сахар, вероятно, также масло; названы, кроме того, бамбук, какие-то товары в «связках».

Из приведенного списка видно, что на продажу поступали довольно разнообразные товары, из них 11 видов были результатом труда ремесленников. Разумеется, на рынки Лохаты поступало большое количество привозных товаров, что было показано выше; существенно, что ряд важных товаров, произведенных ремесленниками, имел местное происхождение — это ткани, индиго, сосуды, вино, сахар, бронзовые изделия, оружие, масло (?). Уже отмечались такие объекты податного обложения, как *янтра-кути* и *нила-кути*, в первом случае — помещение для изготовления масла или, может быть, выжимания сока сахарного тростника (*янтра* — приспособление, которым скорее всего мог быть пресс), во втором случае — мастерская по изготовлению индиговой краски. Помимо знакомого нам винодела упомянуты красильщик, ткач, кузнец, плотник, цирюльник, горшечник и башмачник. Последний (*падакара*), по мнению Д. Ч. Сиркара, мог оказаться и лоточником, торговцем вразнос, но, поскольку такое толкование плохо согласуется со смыслом соответствующей статьи статута (71), он счел более подходящим значение «башмачник». В самом деле, в этом месте говорится: «Подать с красильщика, ткача, башмачника — половина [в пользу] *раджакулы* от цены, обычной в джаналаде, на сделанное [ими]»¹⁵¹.

Эта статья не только показывает, что ремесленники трех названных специальностей работали на продажу, она свидетельствует о высокой степени эксплуатации их труда. При ставке налога в половину стоимости их продукции они вряд ли могли платить сколько-нибудь существенные подати в пользу Лохатской общины. Фактически в податном отношении они были полностью подчинены княжеской власти. Товарная специализация ткачей и красильщиков представляется естественной особенно в условиях Гуджарата, где торговля тканями, в значительной мере экспортная, традиционно занимала важное место. Существование в Лохате мастерских по производству краски индиго хорошо увязывается со специализацией части населения на изготовлении тканей. Впрочем, индиговый краситель сам по себе представлял ценный продукт, являвшийся одним из главных объектов внешней торговли. В статуте нет указаний на провозные или торговые пошлины на индиговую краску, зато мы узнаем, что взималась подать в 3 рупаки с мастерской (неизвестна периодичность этих выплат) — ст. 48. Производство какого-то товара (это могли быть растительное масло, сок сахарного тростника для получения сахара) с помощью механизма, скорее всего пресса, облагалось таким же образом; с соот-

ветствующего помещения с этим механизмом (*янтра-кути*) платили 3 рупаки (ст. 51). Тут уместно указать на ст. 49, где сообщается, что подать с поля сахарного тростника составляет 32 рупаки. Посадок этой товарной культуры вокруг Лохаты, видимо, было много, поскольку и дхармики, платившие по другой ставке, также названы в качестве их владельцев (ст. 50 трактуется об обложении подобным же образом, но по вдвое меньшей ставке, посадок имбиря). Очевидно, здесь надо говорить о связи этого поселения с земледелием, но в данном случае связь была особого рода, так как упомянутые культуры производились явно на продажу, а сахарный тростник выступает как сырье для производства продукта, также приносящего денежный доход.

Как и другие города, Лохата имела сельскохозяйственные угодья; ее связь с землей была, по всей видимости, более тесной и органичной, ибо это был город возникающий, частично сохраняющий еще черты сельской общины. Не случайно в хартию попали статьи о штрафах за потраву коровами и буйволами (ст. 40, 41), о пастухах и людях, обеспечивающих водопой (ст. 20), упоминается пахотное поле (ст. 36). Наверное, не будет ошибкой считать, что сельскохозяйственные занятия для жителей Лохаты были тем не менее второстепенными, подсобными или же представлявшими интерес с точки зрения сбыта. Кажется, что это и есть характерное для города отношение к земле как к объекту хозяйствования. Ст. 24 гласит: «Хозяин (*свамин*) не должен захватывать каршаков, пришедших в сезон дождей для сева из своих *вишайя*»¹⁵². Хозяев-сваминов можно отождествить с собственниками доходных полей. Ввиду торгово-ремесленной специализации населения своей рабочей силы в сфере сельского хозяйства не хватало, и богатые землевладельцы в страду нанимали пришлых. Факт такого сельскохозяйственного отходничества, очевидно, безземельных представителей низкокастовых слоев, сам по себе не указывает на какую-то особую «городскую» черту экономики, он приобретает звучание в комплексе сведений, рисующих товарную направленность производства. Попытки удержать рабочую силу в городе и стремление княжеской администрации воспрепятствовать этим попыткам представляются показательным моментом в плане общей тенденции к росту товаропроизводящего хозяйственного центра.

Вернемся к анализу сведений о ремесле. Из ст. 46 следует, что существовало натуральное обложение некоторых видов ремесла. Медные изделия, ткани, оружие в полнолуние месяца *ашадха* должны были быть помещены в хранилище (?)¹⁵³. Это можно понять как уплату медниками, ткачами и красильщиками, оружейниками подати долей своей продукции. Неясно, в чью пользу присваиваются упомянутые предметы: если в пользу администрации Лохатской общины, то это можно толковать как пережиток натуральных внутриобщинных связей. На сохра-

нение подобных порядков указывает ст. 72 о том, что кузнец, плотник, цирюльник, горшечник и другие могут принуждаться чиновником-варикой к вишти — принудительному труду¹⁵⁴. <...> Обязанность выполнения повинности вишти в деревнях, как правило, возлагалась именно на этот обслуживающий слой, представленный преимущественно членами низких каст. Сохранялась ли обязанность выполнения вишти в городах, неизвестно. В данном случае происхождение этой повинности не вызывает сомнений — она сохранялась в ходе превращения общинной сельской структуры в городскую, а с течением времени выполнение ее стало ограничиваться, видимо, в зависимости от экономической и социальной роли той или иной ремесленной специальности. Так, ткач все-таки указан в ст. 72, а красильщики, появляющиеся при развитии производства красивых дорогих тканей на продажу на рынке, не входили в традиционный общинный список ремесленников и слуг, и принуждение их к выполнению вишти сомнительно. В ст. 19 прямо указано, что к вишти не должны принуждаться производители краски индиго — думпхака и некие дхенку-каддхаки¹⁵⁵, которые, может быть, занимались производством сахара. Это толкование подкрепляется сопоставлением со ст. 48 и 51, где говорится о денежных податях в три рупаки с мастерской по производству индиго, где работал думпхака, и с янтра-кути. Можно предположить, что дхармики, фигурирующие среди владельцев янтра-кути (сказано, что они платили не три рупаки, а только рупаку с четвертью), как члены религиозной общины не занимались сами физическим трудом, а имели работников.

Вследствие практической направленности исследуемого документа он трактует о торговой деятельности в Лохате только с точки зрения фиксирования податей и пошлин. Тем не менее некоторое представление об этой стороне дела и о величине самого поселения наш источник позволяет составить. Уже приводились сведения о довольно разнообразной номенклатуре ремесленных изделий и предметов торговли, ясно и то, что Лохата была местным узлом коммуникаций, в значительной степени осуществлявшихся по воде. Намеков на заморскую, всеиндийскую торговлю в документе нет, хотя товары, являвшиеся объектом экспорта Индии, фигурируют. По-видимому, Лохата была центром местной торговли.

Ст. 12, запрещающая «всем шрени» торговать на одном рынке¹⁵⁶, дает основания полагать, что рынков было несколько и они были специализированы. Вероятно, торговля шла постоянно, но одна не очень ясная статья наводит на мысль, что, может быть, были рыночные дни: «петавика-варика должен каждые пять дней заставлять сообщать о цене; с того, кто не сообщает, — штраф в шесть рупак, с дхармики — четверть»¹⁵⁷. Такой порядок можно объяснить тем, что в отличие от ординарной торговли большие рыночные дни происходили на пятый день, и с целью лучшего податного контроля надо было именно

в эти дни точно знать цены, поскольку предполагалось, что сумма сборов будет велика. Но не исключено и другое понимание: цены контролировались регулярно в фискальных целях или для их регламентации при постоянной торговле. В пользу этого предположения говорит указание, согласно которому суд не должен принимать во внимание отговорки истца или ответчика, что во время слушания дела он сидел на рынке (ст. 9)¹⁵⁸. Допустимо заключить, что торговцы постоянно находились на рынке; кроме того, ситуация предполагает значительный размер поселения, о чем свидетельствует и наличие нескольких рынков, когда действительно можно было не знать, что происходит заседание суда.

Показательным моментом является существование в Лохате нескольких шрени. Трудно сказать, были ли это группы торговцев, специализировавшихся на разных товарах, а также различавшихся по имущественному уровню (по другим источникам известно, что особые организации образовывали крупные купцы и мелочные торговцы, купцы-караванщики и т. д.), или подразумевались шрени и торговые, и ремесленные. Кажется вполне возможным существование ремесленных шрени наиболее экономически важных профессий — тогда надо учесть это обстоятельство при обсуждении вопроса о пережитках порядков, свойственных сельской общине; под рынками могли подразумеваться торговые улицы, и ремесленники каждой специальности по известному обычаю должны были селиться вместе, своей улицей или кварталом; таким образом естественно возникали отдельные ремесленные рынки, где торговые места-лавки одновременно служили мастерскими. Отдельно существовал рынок (или рынки) торговцев, где продавались и привозные товары. Кстати сказать, постоянное присутствие приезжих купцов учитывалось в правовой части статута. Ст. 16 предусматривала, что купец, пришедший в суд из чужой вишайи, не мог выступать по чужому делу (видимо, в качестве свидетеля)¹⁵⁹. Юридическая неравноправность его определяется происхождением из другого округа-вишайи, а не противопоставлением «гражданину» Лохаты. В этом, возможно, сказывалась незавершенность правового обособления этого поселения как города; не исключено также, что в данной вишайе других купцов, кроме живущих в Лохате, просто не было. Рассмотренная выше ст. 12 интересна еще тем, что «все шрени» выступают как равные. То же самое мы наблюдаем в следующей статье (13), указывающей, что «все шрени» не должны платить какой-то побор «кхова». Характерное для города присутствие нескольких корпораций выявляется отчетливо, в то же время в проанализированных установлениях нет явных указаний на безраздельное господство одной шрени, которую так заманчиво было бы отождествить с ваниг-грама — общиной купцов Лохаты. Очевидно, социальная структура этого поселения была достаточно сложной. Все сказанное подтверждает мысль, что в экономическом и

социальном плане Лохата представляла собой структуру городского типа, следы незавершенности ее развития дают интереснейшую возможность проследить ряд черт процесса возникновения городов. Надпись позволяет лучше представить зарождение города из торгового пункта, вырастающего из сельского поселения под влиянием благоприятных условий — прежде всего наличия гавани, а затем и появления какого-то фактора религиозного характера, имевшего, правда, по-видимому, небольшое значение.

Особую тему составляет изучение правового содержания надписи — системы управления (собственно городской и феодальной) и податного механизма. Весьма интересны отношения города с феодальной властью. Надпись показывает значительное вмешательство княжеских агентов в жизнь Лохатской общины, в то же время благодаря полученной хартии наиболее грубые формы вмешательства были ограничены, поставлен в определенные рамки податный гнет. Первая статья хартии констатирует отказ раджи от присвоения имущества лиц, не оставивших сыновей-наследников¹⁶⁰. Родственники в соответствии с этим установлением получали право наследования собственности. Примечательно содержание второй статьи статута: «Люди раджи не должны вламываться [в дома]»¹⁶¹. Ст. 10 гласит, что они не должны захватывать быков и повозки, что имело особое значение для торгового люда. Эти статьи, касающиеся обеспечения собственности горожан, совершенно необычны для грамот о феодальных пожалованиях, каковые фиксировались на медных табличках. Однако следующий пункт хартии (ст. 11) называет типичный феодальный иммунитет, регулярно повторяющийся в дарственных грамотах тамра-патта, но в несколько иной форме. В земельных грамотах трактуется о недопущении на территорию пожалования гонцов (*дута*), солдат, «людей царя». Такие посещения были, очевидно, очень обременительны и даже разорительны для деревень, куда эти царские слуги наезжали. Полного освобождения от таких посещений город по своей роли общественного центра в отличие от феодального владения, являвшегося маленьким государством в государстве, получить, естественно, не мог. В данном случае он мог только по возможности оградить себя от поборов; это сформулировано следующим образом: «*Самантам, аматьям, дутам* и другим [людям раджи] по приезде в [Лохату] постелей, сидений и пищи давать не полагается»¹⁶². Здесь конкретизированы поводы для поборов под предлогом постоя, что дополнительно уточняет наши представления о соответствующем феодальном иммунитете в земельных грамотах. Согласно хартии, наезжавшие в Лохату вассалы князя и его должностные лица должны были получать кров и питание за свой счет. В обстановке феодального общества это было важным достижением города на пути к утверждению своей автономии. <...>

<Изучение данной грамоты> позволяет утверждать, что

поселение Лохата имело сложную социальную структуру, основанную на господстве внутренне дифференцированной общины купцов, возможно объединявшей не одну, а две-три торговые корпорации-шрени. Ремесленники в правовом отношении были неоднородны и не все подлежали трудовой повинности вишти, что было связано как с их кастой, так и с производственной функцией. В целом ремесленное производство было ориентировано на рынок; часть продукции ремесленников некоторых специальностей изымалась натурой,— очевидно, это были подати в пользу феодала, сведений же о натуральном обмене деятельностью типа *джаджмани* памятник не дает, хотя существование таких отношений полностью не исключено для ограниченного круга профессий. Наличие нескольких рынков, вероятно соответствовавших улицам, где жили разные шрени, сложность общественной организации, системы управления и податного контроля свидетельствуют об относительно больших размерах поселения. В социально-экономическом плане Лохата представляла собой место концентрации торговой и ремесленной деятельности на основе товарных отношений. Сюда поступали разнообразные товары, приезжали купцы из соседних округов-вишайя, на сезонные сельскохозяйственные работы из других округов стекались наемные работники. По основным показателям Лохата выступала как городская структура, сохраняя еще связь с земледелием, в значительной мере также перестроившимся на товарное производство.

Мы констатируем в то же время черты, указывающие на бытование в Лохате некоторых порядков, идущих от сельской общины, большое податное давление феодальной власти, слабость правовой самостоятельности.

Обращает на себя внимание то, что подтверждение грамоты самантой Аванти помечено как совершенное не в Лохате, а в Дарпапуре, бывшей, вероятно, резиденцией этого владельца. Таким образом, Лохата, по-видимому, ни раньше, ни в данный момент не была ставкой правителя. Однако предположение, что Дарпапура была более крупным городским центром, вряд ли правильно. <...>

В надписи нет указаний на укрепления Лохаты — это обстоятельство в сочетании с другими «негородскими» чертами характеризует незавершенность ее урбанизации, а упоминание о ранее существовавших и признанных Вишнушеной, но не включенных в статут установлений-ачара ставит вопрос о длительности и постепенности формирования города.

* Статут Лохаты — единственный полный документ такого рода, имеющийся в нашем распоряжении. Однако, видимо, регламентации, подобные содержащимся в этом статуте, были обычны в раннее средневековье. На это указывает сходная надпись, датируемая приблизительно 725 г. и относящаяся к юж-

* Из статьи «О товарно-денежных отношениях...», с. 143.

ной части государства Ранних Чалукьев¹⁶³. К сожалению, она очень кратка и плохо сохранилась. Установления, похожие на некоторые статьи лохатского статута, мы встречаем, например, в грамоте «А» Притхивичандры Бхогашакти 709—710 гг. из района Насика¹⁶⁴, где говорится об отчислении в пользу храма пошлины в одну рупаку с каждой привозившейся на рынок партии товаров. Храму переходила также подать с лавок на рынке. В противоположность этим денежным доходам с каждого дома в деревнях трех названных в документе округов подать в пользу храма назначалась в натуральной форме — в одну малую меру зерна и масла. Это, конечно, не означает, что с сельской местности брали только натуральные налоги и подати. Городским купцам, на которых возлагалась забота об обеспечении храма в соответствии с этой грамотой, даровалось освобождение от таможенных пошлин и расходов на содержание сборщиков пошлин.

В надписи «Б» того же правителя¹⁶⁵ сказано о даровании купцам г. Самагирипаттаны освобождения от таможенных пошлин в пределах его владений и о других привилегиях. На городской совет возлагалось взимание штрафов: так, 108 рупак полагалось платить при обнаружении непозволительной связи купеческого сына с женщиной из (касты?) носильщиков. Другие виды штрафов составляли 108, 40, 32 и 16 рупак. Более поздняя грамота из Кхарепатана 1008 г. упоминает назначение пошлин в золотую *гадьяну* с каждого корабля, пришедшего из чужих земель, и в золотую *дхарану* с каждого корабля, прибывавшего из Кандаламупли, исключая города Чемуля и Чандрапура¹⁶⁶. <...>

< **Некоторые особенности эволюции
индийского города в древности
и средневековье** > *

Первые города в Индии, возникшие в Хараппскую эпоху, исчезли в XVIII—XVI вв. до н. э. Поэтому историю индийского города приходится начинать заново с первой трети I тысячелетия до н. э., когда вновь складывается классовое общество. Распространенным типом ранних городов были образования, сходные с полисом. Такой город предстает как место концентрации господствующего в данной области племени или союза племен, на основе которого формируется государство (*джанапада*, *махаджанапада*). Город был оборонным и политическим центром, в котором главенствовала аристократическая верхушка народа, обычно рассматривавшаяся как кшатрийская. Форма власти могла быть республиканской (обычно олигархиче-

* Текст доклада на II Всесоюзной конференции востоковедов, Баку, май 1983 г. «Эволюция индийского города (древность и средневековье)». — Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988, с. 191—196.

ской) и монархической. Прочее со временем все более обширное население было неполноправным. Уже с середины I тысячелетия до н. э. значительную часть населения городов развитых областей составляли ремесленники и торговцы. Вокруг городского центра располагалось все более редкое к окраинам областно-государства сельское население, далее в большинстве случаев шла лесная или иная неосвоенная зона, отделяющая данный очаг цивилизации от других.

Примеры структур такого рода дает весь период древности, однако полисная организация постепенно изживается. Некоторые обычаи, оставшиеся от первого этапа формирования государственности, бытовали явно пережиточно. Так, в важных и чрезвычайных случаях долго сохранялся обычай созыва собраний народа, на которых горожане (*паура*) выступали как главные его представители, имевшие преимущества по сравнению с делегатами сельской местности (*джанапада*). Особенно показательна решающая роль горожан в избрании царя. Живучесть традиции избрания царя горожанами подтверждают факты такого рода, засвидетельствованные в Кашмире на рубеже I и II тысячелетий н. э. В состав горожан-паура здесь входила только верхняя прослойка городского населения, представленная купечеством и, может быть, главами ремесленников, а масса ремесленников и вообще городские низы исключались. Главенство купечества показывает дистанцию, пройденную городами от первоначальной полисной формы, и в то же время подтверждает преемственность в эволюции городской социальной структуры.

Благоприятные условия для развития города как центра ремесла и торговли создаются в древности с образованием крупных государств в Магадхской империи, основанных на территориальном принципе власти. Растущие потребности общества вели к развитию внутренней, межобластной и внешней торговли. Городские поселения именно в этот период превращаются в города в социально-экономическом смысле, ремесло и торговля становятся главным занятием жителей городов, роль торгово-ремесленных слоев в городе делается решающей, хотя это не исключает политического господства аристократии во многих городах и существования ряда полисных организаций, приспособившихся к условиям более высокой стадии раннеклассового общества. Основное население города образуют профессиональные корпорации (*шрени, пуга, нигама* и др.), аналогичные цехам и гильдиям. Сходную роль играют и кастовые организации; важно подчеркнуть, что шрени были некастовой формой корпоративного союза. Объединения горожан жили кварталами и улицами обособленно и обладали внутренней автономией. К концу древности складывается новая представительная система городского самоуправления с преимущественным участием делегатов торговых и ремесленных корпораций.

В раннее средневековье (III—XII вв.) существовало город-

ское собрание (*сабха*), включавшее, по-видимому, узкий круг лиц, а не вообще жителей города, которое в отдельных случаях располагалось за пределами города,— может быть на нейтральной для всех групп населения территории. Известно о существовании более узкого «высшего собрания» (*уттарасабха*), выносившего, в частности, решения по важным вопросам, связанным с недвижимой собственностью (надпись из Ахара, начало X в.). Функции уттарасабхи, возможно, были близки известному из других источников верховному представительному учреждению города — *нагара-адхикаране*. Это был комитет, возглавляемый городским старшиной (*нагара-шрештхин*) (очевидно, из влиятельных купцов или глава купеческого объединения) и включавший *пратхама-сартхаваху* (букв. «первого из купцов-караванщиков», т. е. богатых торговцев, участвовавших в далеких больших предприятиях), *пратхама-кулику* («первого из ремесленников») и *пратхама-каятху* (главного писца), социальное положение которых неясно.

Город имел собственные судебные органы, пользовался судебным иммунитетом. Если в принципе город раннего средневековья обладал большой автономией, то реальное положение конкретных городов обуславливалось многими факторами. В столичных городах и областных политических центрах царь или его наместники и вассалы имели возможность своим присутствием влиять на жизнь города. Характерно, однако, что главы столичных городов, обычно являвшиеся и главами купеческой корпорации, приобретали влияние, далеко выходящее за их городские функции, и нередко оказывались одновременно министрами или важными сановниками государства. Удаленные же от непосредственного надзора политические власти города могли полнее осуществлять и развивать свое самоуправление. Разумеется, городам приходилось бороться за свои права. «Свободы» города, его прерогативы и правила внутренней жизни закреплялись документально. Так, сохранился договор между небольшим растущим городом Лохатой и вассальным правителем области (о чем писалось выше; следы подобного рода документов встречаются в эпиграфике). Город обладал некоторой сельскохозяйственной территорией, но в целом земледелие имело подсобный характер.

Города как торгово-промышленные центры развивались благодаря удобству караванных, речных или морских коммуникаций, местоположению на путях транзитной торговли, а как естественные экономические и политические центры области или региона — благодаря наличию святынь, привлекавших массы верующих, а также присутствию двора государя и армии. Урбанизации способствовало умножение крупных феодальных владений: города возникали на приамковых территориях и вырастали из сельских поселений, превращенных в резиденции феодальных правителей. Новые города обретали историческое бытие только в тех случаях, когда местоположение и прочие

факторы способствовали их превращению в центры ремесла и торговли, когда они имели стабильную экономическую основу. Правители обычно выбирали для своей ставки старые экономические центры. Хотя многие города древности и средневековья прекратили свое существование в разное время и по разным причинам, порождает изобилие древних городов, сохранившихся до настоящего времени. Это обстоятельство подтверждает, что города доколониальной Индии были необходимым элементом существовавшей социально-экономической структуры.

Причины и пути изживания полисной структуры города на данной стадии изучения недостаточно ясны, но надо иметь в виду, что эволюция раннего индийского города проходила в условиях преобладания феодального способа производства. Большая часть политически господствующего слоя существовала за счет ренты-налога, собираемой главным образом с сельской местности. С городской экономикой этот слой было мало связан, его интересы концентрировались вокруг двора государя, управленческого, в основном фискального, аппарата и армии. По-видимому, это давало определенный простор для консолидации торговых и ремесленных корпораций. Государство и господствующий феодальный слой древнеиндийского общества стремились к паразитированию на городской экономике посредством податного обложения. Из этого противоречия между интересами растущих собственно городских (торгово-ремесленных) общин и хищнической природы феодального класса рождалась новая политическая структура городов. Урбанизация в целом проходила по феодальному типу. Подобные полисные структуры наиболее органичны на стадии классовообразования. Неудивительно, что в принципе такого типа явления мы наблюдаем на отставшем в исторической эволюции и медленно развивавшемся юге Индии в конце I тысячелетия н. э.

В период раннего средневековья индийские города обнаруживают многие черты сходства с европейскими городами XI—XIII вв. Как и в Европе, для расцвета городов большое значение имела внешняя торговля, в том числе внутрииндийская межобластная или, лучше сказать, межстрановая. В то же время экономическое взаимодействие с сельскохозяйственным окружением оставалось еще весьма ограниченным. Потребности внешней торговли обуславливали определенную специализацию сельского хозяйства и развитие некоторых видов ремесел в непосредственной округе городов. Масштабы экспортной торговли были очень велики, хотя и неодинаковы во времени. Особенно велик объем торговли с Западом был в I в. до н. э.—IV в. н. э., затем эта торговля постепенно восстанавливается с VII—VIII вв. и достигает максимума в XV—XVII вв. С III—IV вв. н. э. бурно развивается торговля с Юго-Восточной Азией. С кушанской эпохи постоянно шла торговля со Средней и Центральной Азией. Большое значение для Индии имело посредничество в торговле Китая и Юго-Восточной Азии с Западом. Ко-

нечно, во внешней торговле временами складывались неблагоприятные обстоятельства, такие, как крах Римской империи, нашествие эфталитов, монгольское нашествие и более локальные события. Однако подобные трудности в жизни индийских городов имели внешний характер и не вытекали из закономерностей социально-экономического развития.

В истории индийского доколониального города не было крутых перемен формационного характера. Источники не дают оснований говорить об общем упадке городов в середине I тысячелетия н. э. Обнаруживаются преемственность и непрерывность городской жизни, постепенное развитие товарно-денежных отношений. Город имел прочную внутриндийскую базу, ко времени предполагаемого «упадка» относятся сведения о новых городах и процветании старых. Формирование вассально-иерархической политической организации государства, интенсивно шедшее с Гуптской эпохи и завершившееся в VII—X вв., вело не к социально-экономическим переменам, а лишь к социально-политическим. Однако в целом это неблагоприятно сказалось на городе, усилив его подчинение феодалам.

К XI в. заметно существенное ухудшение качественных характеристик индийского города. Особенности развития индийского общества вели к постепенному угасанию прогрессивных факторов в жизни этого наиболее динамичного и наименее консервативного института феодальной формации. Борьба города за свою самостоятельность, шедшая с большим или меньшим успехом, завершилась феодальным подчинением города, принявшим особо грубые формы при мусульманском владычестве. Самоуправление города было ликвидировано практически полностью. Фактически город был поставлен в полную зависимость от произвола властей и местных феодалов. Остатки самоуправления городов сохранились лишь в некоторых районах, избежавших постоянного влияния мусульман. Но города проигрывали в борьбе с феодалами и до появления мусульман, независимо от них. Этому способствовала ограниченность возможностей расширения хозяйственного обмена с сельской периферией. Обмен с деревней лимитировался существованием системы *дждаджмани* и высокой степенью рентной эксплуатации сельского хозяйства. Правда, эта система не вела к полной хозяйственной автаркии общин и допускала в известных пределах товарно-денежные отношения. Основа деревенской экономики, однако, оставалась натуральной даже при общем высоком уровне товарно-денежных отношений, что особенно ясно проявилось уже в колониальный период. Изолированность города от деревни оказалась меньшей, чем предполагалось, но все же город поставлял в сельскую местность, правда в очень незначительных количествах, товары, которые, несмотря на свою простоту, являлись для общинников «предметами роскоши», а не настоящими жизненными средствами. Городская экономика специализировалась на изготовлении предметов роскоши разной степени

ценности и других товаров, которые могли быть потреблены только в городе или феодальным слоем общества. Но, представляя собой сложный производственный и социальный организм, имея многочисленное малоимущее население, город был также обширным рынком орудий труда и простейших жизненных средств, спрос на которые в основном сам же и обеспечивал. Потребность в продовольствии в значительной степени покрывалась за счет реализации феодалами натуральной ренты.

На город в значительной степени простиралось действие общинно-кастовой системы. Городские организации так или иначе принимали общинные и кастовые формы. Кастовая разобщенность препятствовала объединению горожан. К началу II тысячелетия каста практически поглотила цеховые корпоративные организации, ужесточив все худшие черты цехового строя, доводя до предела разобщенность людей и их закрепощенность наследственной профессией. Каста способствовала сохранению архаических форм сознания, препятствовала активному, осмысленному отношению к производственной деятельности. К позднему средневековью сложилась практика откупов городских налогов и податей, что вело к жесткому контролю откупщиков-монополистов за всяким видом ремесленной и торговой деятельности. Эти обстоятельства ставили серьезные преграды свободной предпринимательской деятельности, подавляя проявление какой-либо инициативы. В городе преобладал к концу средних веков подчиненный, пассивный тип личности, жестко регламентированной во всех проявлениях социальной жизни. Психология городских верхов была ограничена приспособленчеством к существующей обстановке, использованием традиционных методов торговой деятельности и эксплуатации ремесленников. Характерно засвидетельствованное с древности и проявлявшееся на всех исторических этапах стремление к вложению капитала в приобретение феодальных владений. Отрицательным моментом в жизни позднесредневекового города была его перенаселенность непроизводительным паразитическим населением, политически господствовавшим над деморализованными ремесленниками и большей частью торговых слоев.

Сложившаяся система «город — деревня», так же как и структура самого города, не могла служить почвой для зарождения капиталистических отношений. Капитализм был привнесен извне и долгое время мог прорасти только в пунктах коммуникаций метрополии и колонии — Бомбее и Калькутте.

<ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ>

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНДИЙСКОГО ДОКОЛОНИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА (некоторые основные черты) *

Основные типологические черты индийского общества выявились еще в древности, а в раннее средневековье (условно IV—XII вв.) приняли окончательную форму, с некоторыми изменениями сохранившуюся вплоть до нового времени. С начала I тысячелетия до н. э. мы наблюдаем в Индии непрерывную поступательную эволюцию общества, преемственность социальных институтов, единство основной социально-экономической структуры, отличающейся стойкостью и малой изменчивостью. Для исторического процесса в Индии характерна чрезвычайная замедленность темпов.

Общинно-кастовая структура. Причиной такого типа исторического развития является возникший еще в древности весьма сложный механизм воспроизводства экономических, общественных, идеологических отношений, культуры и психологического стереотипа человека, в условиях Индии принявший главным образом специфическую форму общинно-кастовой системы. Эта крайне консервативная основа индийского исторического бытия, обладавшая большой гибкостью и приспособляемостью к конкретным обстоятельствам и в этом смысле не являвшаяся абсолютно неподвижной и застойной, в конечном счете обеспечивала почти полную неизменяемость базисных и надстроечных устоев общества. Ее существование вызвало формирование своеобразной многослойной и чрезвычайно нечеткой в социально-классовом аспекте системы господства—подчинения, что блокировало осознание классовых антагонизмов и вело к обособлению и противостоянию друг другу мелких и мельчайших слоев населения по сословно-кастовым признакам. Несмотря на это противостояние, важнейшим моментом выступала социальная связанность населения на основе личностных отношений—кланово-кастовых, общинных, в частности на основе системы джаджмани, патронажа, крепостной и рабской зависимости, а также на основе вассалитета.

---

* Рукопись, обнаруженная в архиве Е. М. Медведева.

В данном контексте нет возможности подробно характеризовать общинно-кастовую систему. Отметим лишь, что в других странах Востока, где зафиксирован подобный индийскому замедленный темп исторического процесса, этот результат достигался, очевидно, вследствие действия иных социальных механизмов. В то же время объяснять эту замедленность развития только существованием общинно-кастовой системы или аналогичных по результатам однозначных факторов вряд ли было бы правильно.

Следует подчеркнуть, что тип индийской общины сложился, очевидно, уже в древности, хотя сведений о существовании системы джаджмани мало. Однако, если даже из осторожности предполагать, что система джаджмани находилась к концу древности в фазе формирования, внутриобщинная многокастовая структура господства—подчинения определенно складывалась в течение многих веков, начиная примерно с VII—VI вв. до н. э., и должна была достигнуть к первым векам н. э. достаточной выраженности. Непротиворечивое объяснение данных, относящихся к истории каст и общины, достигается только на почве признания многослойности и многокастовости общинной структуры. При этом надо различать общину в широком смысле как социальный и хозяйственный комплекс, т. е. собственно «индийскую», или «кастовую», общину, и общину в узком смысле—обычно клановую организацию полноправных общинников доминирующей касты, гражданскую организацию землевладельцев, играющую структурообразующую роль. Расселение кланов доминирующих каст вело к образованию больших, или областных, общин. В течение I тысячелетия н. э. прослеживается непрерывность и преемственность в эволюции индийской общины и кастового строя. Последнее проявляется в завершении трансформации варновой системы в кастовую к началу н. э. К этому времени большинство полноправных общинников трактуется по варновой классификации как шудры. Процесс формирования слоя низких и неприкасаемых каст в Северной Индии достиг к этому времени своего результата и далее шел по убывающей линии, так как большая часть отсталых племен в этом регионе уже была вовлечена в кастовую систему. В раннее средневековье наиболее активная зона кастеизации племен и формирования кастовой общины сместилась на Декан и в Южную Индию. В данный период эти части субконтинента обнаруживают черты относительной отсталости при сравнении с Севером, и не только в указанном отношении.

Многоукладность. Сложности социально-классовых отношений способствовало параллельное существование трех основных форм докапиталистической эксплуатации—феодальной, рабовладельческой и наемного труда, нередко тесно переплетенных и плохо различимых, особенно вследствие наложения на классовые отношения кастовых. В частности, существует тенденция причислять наемных работников докапиталистического типа,

занятых в сельском хозяйстве и являющихся в большинстве случаев низкокастовыми и неприкасаемыми, к классу рабов. Между тем, хотя эти непосредственные производители подвергались кастовому принуждению и часто бывали прикреплены к хозяйству того или иного общинника, а в периоды сезонных работ (сев, сбор урожая) практически они не имели возможности выбирать работодателя, эта форма эксплуатации вполне определенно отличается от рабовладельческой: наемный работник (называвшийся в древних источниках *кармакарой*) получал плату из доли урожая и по окончании страды был предоставлен сам себе. «Содержание» — пищу — наемные работники обычно получали от хозяина только во время работы наряду с рабами и такого же качества — «пищу рабов», что и понятно, поскольку и те и другие принадлежали к одному социальному слою низкокастовых и неприкасаемых.

Кстати, следует напомнить, что термин *даса*, применявшийся в древности, имел гораздо более широкое значение, чем понятие «раб», обозначая целую шкалу разных форм личной зависимости. По представлениям, отраженным в «Артхашастре», все *млеччи*, принадлежавшие к низким и неприкасаемым кастам, стоящим ниже шудр, обладали природой дасов. Это представление о зависимой, служебной и презренной роли низкокастовых по отношению к господам из доминирующих каст общинников сохранилось до нового времени и, можно сказать, не изжито по сию пору. Однако с точки зрения применяемых форм эксплуатации в их среде можно выделить наемных работников докапиталистического типа, бесправных арендаторов (или держащих землю на очень тяжелых условиях), рабов и общинных ремесленников. Экономически недифференцированный подход к этой категории тружеников ведет к произвольности толкований.

Так, Л. Б. Алаев¹ для периода древности считает возможным объединить всех внутриобщинных «бесхозных» работников в одну категорию рабов, включая сюда кармакаров-бхратаков (*бхратака* — другое обозначение кармакаров в древних источниках, букв. наемный [работник], *бхрити* — наемная плата). По его концепции, этот слой рабов состоял главным образом из представителей варны шудр. Слой разного рода арендаторов, в том числе исполщиков (*ардха-ситика*), обычно стоящих в одном ряду с дасами и кармакарами и, по-видимому, равных им по кастовой принадлежности, он фактически сбрасывает со счета. Что же касается полноправных общинников, то, по мнению Л. Б. Алаева, ими были вайшьи-*гахапати*, эксплуатировавшие труд названных выше «рабов», понимаемых в широком смысле. Таким образом, получается, что в древней общине существовал только один тип эксплуатации — рабовладельческий, следовательно, и общество было рабовладельческим. Характеризуя общину позднего средневековья, Л. Б. Алаев те же отношения внутриобщинной эксплуатации (правда, теперь уже

эксплуатации низкокастовых и неприкасаемых) считает своеобразной феодальной формой, делая, впрочем, некоторые оговорки. Кроме того, он придает соответствующее значение арендным отношениям. В итоге не возникает сомнений в феодальности средневекового индийского общества.

На мой взгляд, проблема заключается в том, что социально-экономическая структура общины с конца I тысячелетия до н. э. остается в общем и целом неизменной. Поскольку негородское общественное производство было сосредоточено в общине и в ничтожных размерах и нерегулярно встречалось вне ее, остается задача формационной квалификации как древнего, так и средневекового общества Индии. В этом плане важнейшим моментом является оценка удельного веса внутриобщинного производства феодального типа, рабовладельческого и с использованием докапиталистического наемного труда.

Наши источники дают основания считать, что в сельскохозяйственном производстве в древности значение труда кармакаров намного превышало роль рабского труда. Рабы в основном выполняли подсобные, домашние работы, наемные работники были заняты на главных сельскохозяйственных работах. Условия оплаты труда наемных работников, как прикрепленных, так и не прикрепленных к конкретному хозяйству, были одинаковы и традиционны, что определялось их принадлежностью к низким кастам. Эти традиционные условия труда сохранялись и за пределами той общины, где они жили. Примерно такое же положение сохранялось и позже. В XIX—XX вв. наемные работники получали в виде платы долю собранного ими для землевладельца урожая примерно в $1/20$, в древности — $1/10$ часть.

Рабы в древности внутри общины были двух категорий — из числа низкокастовых и неприкасаемых (большинство) и из числа обедневших и разорившихся представителей высших каст, практически из полноправных общинников той же общины, соседей и родственников одновременно. Причиной порабощения последних выступает долговая кабала, значение которой увеличивается к началу нашей эры в связи с тем, что развитие производительных сил сделало массовой формой хозяйственной ячейки хозяйство индивидуальной семьи, экономически менее устойчивое, чем большесемейное. Ограничение рабства, произвола господина по отношению к личности раба, возможность выкупа и т. д. — все это относится к категории высококастовых рабов, которых вообще не следовало порабощать, так как по своей кастовой принадлежности они обладали «природой свободных» (*арьябхава*). Нарушение определенных запретов в отношении порабощения таких людей и правил обращения с ними в период, когда они находились в положении дасы, подлежало наказанию.

Трудно представить, что подобное внимание уделялось защите личности неприкасаемых. В то же время ряд сведений о рабстве в древнеиндийских источниках удивительнейшим обра-

зом совпадает с данными о положении рабов из низких и неприкасаемых каст в Индии нового времени, данными, на которые редко обращают внимание, полагая, что рабовладение свойственно только эпохе древности, а в средние века и в период колониализма может существовать лишь как «пережиток рабовладельческой формации». Между тем если крайне незначительное численно и не имевшее сколько-нибудь существенно-го производственного значения рабство высококастовых изживается в раннее средневековье, то рабство низкокастовых не только сохраняет свои позиции в общинном производстве, но, видимо, в течение средних веков становится еще более весомым порядком с другими формами эксплуатации этого низшего общинного слоя (эксплуатацией наемного труда, арендной). Это связано с тем, что по сравнению с древностью в средние века число эксплуататорских общин, полноправные члены которых не являлись непосредственными производителями, росло. Соответственно должен был параллельно расти объем внутриобщинного труда подчиненных каст, представители которых выступали в качестве феодальных крестьян, обычно бесправных арендаторов, наемных работников, рабов и тружеников переходного типа; в таких общинах увеличивалась также роль привилегированных арендаторов из высоких каст. По сути дела, рабство в той основной форме, в которой оно существовало в древности — рабство низкокастовых и неприкасаемых, — в средние века не только не исчезло, а напротив, расширилось. Это основной вывод, который имеет значение для определения формационной принадлежности древнеиндийского общества. Менее значим он для оценки социально-экономического строя средневековой Индии, поскольку здесь мы не сталкиваемся с такой глубокой предубежденностью историков, как в отношении древности: нет ни одного ученого, который считал бы средневековое общество рабовладельческим. Однако остается выяснить, в какой мере оно является феодальным.

Феодальные отношения представлены феодальной эксплуатацией полноправных общинников-землевладельцев со стороны государства и частных надобщинных феодалов, частичной эксплуатацией этой же категории общинников феодализирующейся общинной верхушкой и почти целиком внутриобщинными арендными отношениями. С течением времени число трудовых общин земледельцев сокращается, как уже было сказано, но следует обратить внимание на то, что общинники-земледельцы уже в древности по мере формирования индийской кастовой общины, даже оставаясь сами непосредственными производителями, в то же время превращались в частичных эксплуататоров обслуживающего низкокастового персонала общины, поскольку размер его натурального содержания определялся не по стоимости, а по положению в кастовой иерархии. Кроме того, обычно образуются какая-то группа кастово угнетенного населения, выполняющая некоторые подсобные сельскохозяйственные работы

(например, чамары у джатов). Так же уже в древности, в первые века до н. э.— первые века н. э., широкое распространение получила аренда. Развитие арендных отношений в среде доминирующих каст (в большинстве причисляемых к варне шудр) связано с упомянутой неустойчивостью индивидуальных хозяйств и имущественной дифференциацией общинников. Арендаторы из этих каст платили ренту в $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ часть урожая. Их, очевидно, можно отнести к категории привилегированных арендаторов.

В случае отсутствия у арендаторов тяглого скота, орудий труда, посевного материала или того и другого в каком-либо сочетании или всего вместе арендная плата соответственно увеличивалась, если недостающее предоставлялось земельным собственником. В таком положении могли оказаться и представители доминирующих каст, в ряде случаев вынужденные отдавать членов своих семей в долговое рабство, но чаще подобного рода осложнения, видимо, должны были испытывать арендаторы из низкокастовых, бывшие в древности исполщиками. Эта же ситуация наблюдается с бесправными низкокастовыми арендаторами во многих случаях в позднее средневековье и в новое время. Такой арендатор, получающий от господина быков, плуг, семена, а иногда и аванс на прожитие до урожая, фактически оказывается более похожим на наемного работника, но находящегося к тому же в кабально-рабской зависимости. В итоге возникает ряд типологически смешанных переходных форм.

Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что аренда во внутриобщинных отношениях в указанный период древности играла важную роль, так же как во внеобщинных крайне малочисленных хозяйствах (как и в общине — наряду с эксплуатацией рабов и кармакаров). Роль аренды возрастала по мере имущественного расслоения полноправных общинников, но при этом общий объем феодальных форм производства оставался примерно тем же, изменялось соотношение между числом феодально эксплуатируемых крестьян-собственников и привилегированных арендаторов. Арендная эксплуатация низкокастовых в зависимости от конкретных местных условий имела неодинаковое значение, но в целом, если говорить приблизительно, она сохраняла постоянное и притом важное место в системе внутриобщинного производства. Арендная эксплуатация каждый раз приобретала новый импульс при завоевании общин и их подчинении новыми группами частных и коллективных эксплуататоров: полноправные общинники, если они не устранялись физически, становились арендаторами новых господ.

Количественно как в древности, так и в средние века в Индии преобладала феодальная эксплуатация, однако постоянную и заметную роль играла эксплуатация наемных работников и рабов. Это важная особенность социально-экономического строя Индии, причем обращает внимание необычно большая

для докапиталистических обществ доля наемного труда в аграрном производстве. При всех оговорках о месте внеэкономического принуждения в кастовой форме, полурабском социальном статусе низкокастовых наемных работников и т. д. своеобразие этой формы эксплуатации не подлежит сомнению. Показательно, что в советской историографии новейшего времени это явление принимали обычно за полукапиталистическую форму, хотя оценки были неоднозначны. Между тем традиционный характер отношений доминирующих каст и неприкасаемых сохранялся с поражающей прочностью до недавнего времени.

До сих пор речь шла об основных типах производственных отношений в главной — аграрной — сфере. Феодалный уклад охватывал подавляющую часть городского ремесленного производства, наемный труд здесь использовался в крайне ограниченных масштабах. Так же чрезвычайно незначительным было использование рабского труда в царских мастерских древности или в кархане мусульманского периода. Целесообразно различать главные типы производственных отношений, на базе которых возникают основные уклады — первобытнообщинный, феодальный, рабовладельческий, — и вторичные отношения, выделяемые по иным признакам, обычно дающие дополнительную характеристику (субуклады). Например, городской мелкотоварный субуклад противостоит натуральному, а по своему типу является в докапиталистической Индии феодальным — он базируется на ручном производстве, ремесленник обладает собственным хозяйственным комплексом, эксплуатируется типичными для феодализма способами: облагается налогом и пошлинами в пользу государства или замещающего его феодала на основе внеэкономического принуждения, а также платит арендную плату за пользование участком земли и за занятые им строения, если он сам не является их собственником. Здесь мы подходим непосредственно к проблеме собственности.

Собственность. Если общинно-кастовая система демонстрирует специфичность индийского общества, а в многоукладности мы замечаем лишь некоторое своеобразие, то в сфере собственности можно наблюдать значительное сходство с другими странами Востока, Европой и отчасти другими регионами мира. Здесь нет необходимости специально подчеркивать, что в целом индийская цивилизация развивалась в соответствии с историческими закономерностями, открытыми марксистской наукой, что еще раз подтверждает их универсальность. Для общей характеристики социального и экономического строя Индии выявление черт сходства с другими странами Востока особенно важно, поскольку, между прочим, поможет понять генеральные причины исторического отставания всего региона к началу нового времени.

Индию с другими странами Востока роднит прежде всего двухслойная система отношений собственности — существование собственности на землю как на объект хозяйствования, кажу-

щейся наиболее близкой привычному нашему представлению, и собственности на населенную территорию, сопряженную с публично-правовыми функциями власти. Строго говоря, во втором случае объектом собственности являлась не столько земля как подвластная территория, сколько население этой территории, подданные. Впрочем, объект этой собственности включал три компонента: территорию, население и права этого населения на землю как на объект хозяйствования. Территория включала обработанные и необработанные земли, угодья и вообще все, что на самом деле или потенциально подлежало власти такого «верховного» собственника; очевидно, что реально эта собственность могла проявиться только в отношении территории, так или иначе вовлеченной в хозяйственный оборот, в производство, т. е. именно населенной территории. Подданные, являвшиеся собственниками обрабатываемой земли, непосредственно или чужими руками ведшие на ней хозяйство, были плательщиками основного поземельного налога и ряда других податей, в сумме составлявших главную массу поступавших «верховному» собственнику податей (подобным же образом поступали податные сборы с подвластного города, хотя часть сборов имела другую природу). Собственность податного населения — «подчиненная» или, лучше сказать, «податная» — в силу этого обстоятельства была условной; условиями сохранения такой собственности были обработка земли и уплата земельного налога, обычно исчислявшегося в доле урожая. Этот налог и другие подати составляли экономическую основу государства или более мелких владений «верховных» собственников. «Подчиненные» собственники в значительной мере составляли гражданскую основу общества, хотя в конкретных исторических обстоятельствах их роль была различной.

«Верховный» собственник в отношении «подчиненных» («податных») собственников выступал в качестве господина, суверена, осуществлял над ними свою политическую власть, суд, административную функцию, в необходимых случаях привлекал их к принудительному труду в свою пользу. Эта власть государя-собственника имела двойственную сущность — политическую и экономическую, являясь в последнем случае главным рычагом внеэкономического принуждения, обеспечивавшего присвоение прибавочного продукта.

Такого рода «верховная» собственность, собственность-власть, собственность-суверенитет, не была основана на непосредственном владении землей как средством производства. Право четко различало указанные две категории собственности, причем нельзя не признать, что юридические представления, в которых они отражены, весьма точно передают реально существовавшие имущественные отношения, так же как и особенности общественного строя. Эти две категории собственности, фиксируя определенные имущественные отношения, в наибольшей степени соответствуют порядкам, свойственным феодализ-

му, однако попытка квалифицировать их привычной дефиницией «феодалной собственности» была бы неправомерна, так как эти категории несут преимущественно правовое содержание и индифферентны к способу производства: продукт на земле «подчиненного» собственника может создаваться личным трудом собственника, арендатором, рабом, наемным работником или комбинацией разнотипных непосредственных производителей. «Податной» собственник — непосредственный производитель по отношению к «верховному» собственнику — будет феодалным крестьянином, эксплуататор же в случае, если производство феодалное (арендаторы), сам является феодалом, и земельный налог «верховному» собственнику не будет равен феодалной ренте, а составит только ее часть в результате перераспределения между «податным» и «верховным» собственниками. Если же «податной» собственник ведет рабовладельческое хозяйство или, к примеру, использует труд наемных работников, о феодалной ренте говорить не приходится. Тем не менее в реальной ситуации в большинстве случаев мы не слишком далеко отступим от истины, считая в грубом приближении прибавочный продукт, присваиваемый «податным» собственником-эксплуататором и «верховным» собственником, феодалной рентой, поскольку феодалный способ производства преобладал над другими. Однако при более тонком анализе, особенно когда речь идет об индийской деревне, мы будем вынуждены вернуться к проблеме многоукладности.

Как уже сказано, система двух категорий собственности в наибольшей степени соответствует феодалным порядкам. Нагляднее всего это видно на примере «верховой» собственности. Распределение ее среди приближенных государя, военачальников, чиновников и т. д. создает феодалную иерархию владельцев, обычно перенимающих у государя основные государственные прерогативы в отношении подвластной им территории. Государь в конечном счете в результате усиления этих феодалных собственников и соответственно ослабления центральной власти не только передает им свои права на взимание податей, но и лишается почти всякого контроля над населением их владений. Складывается иерархия феодалов на основе вассальных связей, главным образом на условии несения военной службы. Колебания в течение веков централизаторской и центробежной тенденций приводят в Индии и других странах к периодической концентрации «верховой» собственности в руках государства и к усилению его могущества и, наоборот, к растаскиванию ее вассалами, что естественным путем влекло за собой раздробление государства, полное осуществление суверенитета наиболее крупными «верховными» собственниками.

Экономической формой реализации «верховой» собственности было присвоение прибавочного продукта или его части в виде земельного налога и некоторых других податей. Частная рента отдельных феодалов, имевших права «верховных» соб-

ственников, по своему существу ничем не отличалась от государственной ренты-налога. Понятие ренты-налога весьма удобно, когда речь идет о «верховой» собственности-суверенитете, подчеркивая ее двойственную природу; она охватывала и сферу политического господства, и экономические отношения, проявлявшиеся в непосредственном присвоении прибавочного продукта «податных» собственников-тружеников, т. е. их феодальной эксплуатации, или присвоении части прибавочного продукта в порядке перераспределения, раздела его с «податным» собственником-эксплуататором.

При продуктовой (а также денежной) ренте, каковой является, если говорить обобщенно, с указанными выше оговорками, рента-налог при обрисованной нами системе собственности, когда «верховный» собственник хозяйственно никак не связан с производством, его единственная экономическая функция заключается в стимулировании интенсификации труда путем податного давления. Чрезмерное усиление налогового пресса, возможное, в частности, именно вследствие отсутствия хозяйственной связи между «верховным» собственником и процессом производства, временами приводило к разрушению и упадку производительных сил, не вызванному внешними для данного социального организма факторами (такими, как чужеземные завоевания, эпидемии, стихийные бедствия, изменения экологической среды). Однако в целом и в конечном счете податное давление «верховных» собственников сыграло роль фактора роста производительных сил.

«Верховная» собственность, как и «податная», является ограниченной. «Верховный» собственник ограничен существованием «податной» собственности, не вмешивается в хозяйственную деятельность, а тем самым не заинтересован в принципе и в мелочном надзоре за подчиненным населением; при определенных условиях, как это было в Индии, была возможна весьма большая автономия разного рода коллективов податного населения (такая ситуация, естественно, не сводится к существованию описанной системы собственности). Правовые нормы не допускали узурпации «верховным» собственником «податной» собственности, что наглядно выражалось в необходимости для государя покупки земли у «податного» собственника в случаях религиозных дарений — в этих обстоятельствах правильное, «законное» оформление собственнических прав нового владельца (брахмана, храма, монастыря или другого религиозного учреждения) имело особое значение, тщательно фиксировалось на прочных материалах, и в ряде случаев сохранились соответствующие документы. Однако политическая сторона природы «верховой» собственности, власть такого собственника как суверена, существовавшая в той или иной степени во всех звеньях феодальной иерархии «верховных» собственников, открывала определенный простор для проявлений деспотизма, чему способствовал и ряд других факторов.

В Индии система двух категорий собственности приняла особенно выраженную форму, однако с теми или иными модификациями она прослеживается и в других регионах Азии, в мусульманских странах Переднего Востока в средние века и в новое время, в совершенно иной обстановке в Юго-Восточной Азии, в Камбодже XII—XIX вв. Если работы Л. И. Надирадзе² и И. М. Смилянкой³ дают материал для такого заключения, то Л. Д. Спекторов⁴, осмыслив сведения своих источников, решил провести прямую параллель между Камбоджей и Индией. Это отрядный пример выхода из заколдованного круга ставших у нас постоянными споров, замкнувшихся для большинства на перетолковывании антитезы «собственность—владение». Открыватель системы «верховой» и «подчиненной» собственности в Индии Л. Б. Алаев⁵ справедливо указал на сходство этой системы с некоторыми институтами раннефеодальной Западной Европы, напомнив об идее «собственности-власти», высказанной в свое время А. Я. Гуревичем⁶. Действительно, и здесь видна двойственность собственности, постепенно исчезающая в ходе формирования единой частной собственности. Похоже, что специалисты по западноевропейскому средневековью под воздействием устоявшихся теоретических установок просто не заметили существования обсуждаемых здесь отношений в период поступательного развития феодализма. Возможно, эта система собственности имела универсальное значение. Однако такие предположения требуют серьезной исследовательской проверки специалистами по соответствующим регионам.

В данной работе нет необходимости останавливаться на проблеме происхождения и формирования описанной системы собственности. Здесь следует лишь подчеркнуть, что через ее изучение раскрываются важнейшие черты индийского древнего и средневекового общества, в частности в значительной мере система распределения и перераспределения, структура господствующего класса, политическая организация и т. д. Как и сама система «двухслойной» собственности, эти черты не были сугубо специфичны, они в том или ином виде наблюдались и за пределами Индии.

Господствующий и подчиненный слой эксплуататорского класса. В связи со спецификой индийской общины внутри ее, так или иначе, в большем или меньшем объеме всегда существовали отношения господства—подчинения и эксплуатации. Эксплуататорами, полными или частичными, выступали в большинстве случаев верхушка общины и полноправные общинники, поэтому основное деление на эксплуататоров и эксплуатируемых внутри общины почти точно совпадало с делением на доминирующую касту и подчиненные касты (плюс арендаторы из представителей доминирующей касты там, где земледелие в ритуальном отношении не было противопоказано данной касте). Более сложным вследствие многоукладности и нерасчлененности способов эксплуатации, их комплексности во множестве кон-

кретных хозяйств общинников-эксплуататоров является вопрос о классовом делении. Точное разделение эксплуататоров на феодальных, рабовладельцев, эксплуататоров наемного труда докапиталистического типа практически оказывается затруднительным.

Что кажется важным и характерным в этой картине, так это то, как органично сосуществуют и дополняют друг друга разнотипные производственные отношения. Так было в древности, в средние века, в новое и новейшее время.

Общинный слой эксплуататоров был образован представителями гражданского коллектива общины, господствовавшего над подчиненными кастами, однако иные полноправные общинники, оставаясь господами низкокастовых и частичными эксплуататорами, сами являлись непосредственными производителями. Таким образом, и в этом случае обнаруживаются нечеткость и спутанность социально-классовых характеристик.

Общинники-эксплуататоры и общинники, бывшие главным образом непосредственными производителями, в равной мере принадлежали к разряду «податных» собственников и соответственно в равной мере подвергались обложению в пользу «верховных» собственников. Это обложение, исходя от государства, имело форму налога, а если рассматривать его как форму реализации обрисованных выше отношений собственности, то являлось своего рода рентой. Если бы община в Индии имела такую гомогенную структуру, как, например, русская община, то эта рента более или менее однозначно выражала бы непосредственно классовое отношение, но ввиду массового распространения в индийской общине разного рода эксплуатации она как бы затушевывает лежащие в ее основе производственные отношения, является к ним индифферентной. Поэтому общинники — «податные» собственники — все без разбора представляют собой, так сказать, «жертву» «верховных» собственников.

Это касается и общинных вождей, выступающих часто в роли администраторов той или иной ступени — глав и других служащих общин-деревень и более широких (областных) общин. В то же время общинная администрация, являясь низшим звеном фискального и управленческого аппарата государства, была, хотя и в небольшой степени, причастна к «верховой» собственности, поскольку вознаграждалась правом присвоения в свою пользу некоторой суммы налога. Это было в древности, когда главам общин и общинных объединений (1, 5, 10, 20 деревень) предоставлялось вознаграждение в виде доли необлагаемой земли (1, 2, 5, 10 кула, т. е. налог с этого числа средних наделов общинников шел в пользу соответствующих общинных глав). Начальник 100 деревень получал таким же образом в свое владение одну деревню. Был ли он вождем областной общины или исключительно представителем государственного аппарата, мы определенно решить не можем, но, во всяком случае, эти данные позволяют установить примерный

размер платы за подобную административно-фискальную службу — около одного процента общей суммы налога.

В целом сходная картина в положении лиц этой категории наблюдалась и в средние века; наиболее детально она известна для могольского времени. В течение всего средневековья наблюдался процесс возвышения общинных вождей до положения надобщинных феодалов — «верховных» собственников, но особенной интенсивности он достиг в I тысячелетии, став одним из источников сложения феодальной иерархической структуры государства с характерным преобладанием наследственных владений и отношениями вассалитета. Наибольшего развития эта иерархическая система достигла в VII—XII вв. Феодальные владельцы, выросшие из числа общинных вождей, в конечном счете могли быть признаны царской властью в качестве «верховных» собственников, если фактически добивались политического преобладания в данной местности, имели достаточную военную силу (а они могли опираться не только на личный военный отряд типа дружины, но и на помощь своих сообщников, членов своего клана). Подобное признание действительных носителей власти на местах де-юре было, должно быть, во многих случаях вынужденным, но зато они ставились под руку государя на условия вассального держания или за исполнение других служб. В связи с этим процессом круг аристократии пополнялся выходцами из слоя полноправных общинников, его варново-кастовый состав становился довольно пестрым; однако одновременно начинался и процесс статусного переосмысления варново-кастовой принадлежности: эти феодалы постепенно начинали причислять себя к кшатриям. Это явление особо широкие масштабы приняло после раджпутского завоевания, когда статус феодального владельца, господина стал в Северной Индии довольно определенно ассоциироваться со званием раджпуты, приравниваемого к кшатрию. Известны случаи перемены варны княжескими династиями: например, брахманы по происхождению, теоретически представители высшей варны, в последующих поколениях предпочитали называть себя раджпутами, кшатриями. Члены невысоких каст или племен, став феодальными господами, также причисляли себя к раджпутам (например, *хохары*, *гонды*). Подобная тенденция, как представляется, имела в основе те же причины, что и консолидация дворянского сословия в Европе. Хотя средневековое «кшатрийское» сословие, объединяющее различные местные военные касты, в очень малой степени было связано по происхождению с аристократическими кланами древности, функциональное сходство древней варны и «кшатриев» средневековых военных каст весьма велико.

Подобные же явления феодализации и приобщения к политически господствующей верхушке общества происходили и в периоды образования государств на национальной основе: например, в Махараштре в раннее средневековье (*раштракуты*) и

в XII в. в государстве Шиваджи. Однако надо сказать, что общинные вожди постоянно с переменным успехом вели борьбу за уменьшение своей доли в уплачиваемом централизованном налоге и за полное освобождение от него, т. е. за присвоение прав «верховных» собственников вместе с сопутствующей политической властью. Хорошей иллюстрацией может служить положение в Делийском султанате в конце XIII—XIV в. Ала-уд-дин Хильджи и Мухаммад Туглак шли на крайние меры, чтобы подавить свосволие этих *хутэ*, *мукаддамов* и *чаудхри*.

Характерным для Индии был также противоположный процесс деградации, дефеодализации части «верховных» собственников и их превращения в «податных» собственников-общинников. Это явление было обусловлено мельчанием и обеднением наследственных владетелей из господствующего слоя в результате прогрессирующего уменьшения тех примерно равных долей владения, которые умножающиеся в каждом поколении потомки первоначального «верховного» собственника получали согласно существовавшему в Индии обычаю наследования. В конечном счете образовывался коллектив сонаследников, объединенный общим интересом по эксплуатации подвластного населения в пределах деревни или нескольких деревень. Так возникала эксплуататорская община. Различные обстоятельства вели в дальнейшем к превращению этих общин в налогообязанные, а затем суровая необходимость иногда вынуждала таких общинников-землевладельцев становиться земледельцами. Происходило их «окрестьянивание».

Описанный процесс стал достаточно выраженным, очевидно, уже в древности в связи с наследованием владений типа *нибандхи*, в том числе и *брахмадеи*. Размножившиеся потомки *брахмадеики* в наибольшей степени были защищены обычаем от низведения образованной ими общины до уровня рядового коллектива «податных» собственников. Однако случаи секуляризации брахманских и храмовых земель доказывают, что религиозный характер владения сам по себе не всегда был достаточной гарантией его неприкосновенности. Массовая дефеодализация раджпутов заметна в X—XII вв. и позже. К превращению в «податных» собственников их приводили дробление наследственных владений в условиях прекращения новых территориальных захватов и вследствие обеднения, неспособность нести военную службу в положенном обычаем объеме, а также подпадение под власть правителей враждебных кланов или вообще посторонних данной социальной общности государей, особенно мусульманских. Специфичным для Индии было, разумеется, не обеднение некоторой части господствующего слоя, а именно оформление ее в виде эксплуататорских общин, становящихся все более и более многочисленными. Соответственно постоянно рос удельный вес в обществе непроизводительного населения. Эти общины иногда довольно длительное время сохраняли клановые связи с политически господствующим слоем.

Даже находясь в угнетенном состоянии, благодаря клановой организации такие общины могли поддерживать свою власть над сельским населением в пределах подчас обширной округи. Устойчивость, свойственная индийской общине, помогала им переносить тяжелые времена, а при благоприятных условиях начинался описанный выше процесс феодализации вождей таких общин.

Таким образом, постоянно, но с разной интенсивностью шло движение между двумя уровнями собственности, между подчиненным и господствующим слоями класса эксплуататоров. Тем не менее более важным и принципиальным является противостояние господствующего надобщинного «этажа» общества и общинного мира вместе с его эксплуататорской верхушкой.

Политически господствующий в государстве слой «верховных» собственников включал как непосредственных получателей ренты-налога, так и лиц, пользовавшихся долями ее в порядке перераспределения в качестве чиновников, военных и других лиц, состоящих на службе царя или его вассалов, а также путем перераспределения по ступеням феодальной иерархии. Если говорить о типичной ситуации, то этот слой даже в своих низших подразделениях был надобщинным. Возможность «сделать карьеру», вообще повысить свой общественный статус, получать милости от двора государя почти целиком была связана с обладанием собственностью-суверенитетом, но отнюдь не с «податной» собственностью: последняя не являлась желанной и значительной целью для представителей господствующего надобщинного слоя даже в таких обстоятельствах, когда они могли получить доступ к ренте-налогу только на условиях жестко ограниченного государством и временного владения, как, например, *икта* или *джагир* в периоды расцвета мусульманского государства.

«Верховные» собственники рассматривали общинное население как подданных, обязанных платить ренту-налог и быть объектом приложения власти государственной машины и отдельных «верховных» собственников. Само понятие «феодал» применимо почти исключительно к обладателю собственности-суверенитета, и сюда лишь частично могут быть отнесены представители общинной верхушки. «Подчиненные» собственники оставались, как правило, мелкими и мельчайшими эксплуататорами, лишенными каких-либо публично-правовых функций. В условиях Индии «подчиненный» собственник был почти всегда сражен с таким прочным, неподвижным и охватывающим за малым исключением все население социальным образованием, как общинно-кастовая система. «Верховный» собственник был мало связан с этой почвой. Чуть ли не единственным каналом общения с ней было для него взимание ренты-налога, оброчная форма которой делала его интерес к общинному миру крайне односторонним. Более прочные контакты «верховных» собственников с подвластным населением устанавливались в периоды

усиления их самостоятельности в качестве наследственных владельцев, совсем эфемерными оказывались в случаях резкого укрепления центральной власти. В любой ситуации, как показала историческая практика, господствующий слой эксплуататоров, в отличие от подчиненного, достаточно легко замещался завоевателями, присасывавшимися к тому же неколебимому «базису» индийской государственности — общинно-кастовому миру.

Феодальное подчинение общины. С началом классового формирования и складывания государственности складывается и система отчуждения прибавочного продукта на основе внеэкономического принуждения, главным объектом которой становится община (первая треть I тысячелетия до н. э.). На первых порах главной формой феодального подчинения иноплеменных общин была своего рода илотия. К середине I тысячелетия до н. э. устанавливается регулярное и в конкретных исторических условиях предельное налогообложение всех сельских общин, для чего, как видим, потребовались длительный период перестройки социальных представлений, интеграция разнородных социальных групп в разряд налогообязанных подданных — податных собственников, возникновение определенных отношений господства — подчинения. Сохранение права «податной» собственности оказалось обусловленным обязательной обработкой земли, т. е. практически поставленным в зависимость от уплаты налога. Если личная зависимость полноправных общинников оставалась на уровне «простого подданства», то между частными собственниками деревень, даже временными, и общинниками должны были устанавливаться более тесные личностные отношения — и уж тем более в случаях длительного наследственного владения деревнями (а такие владения известны с VIII—VII вв. до н. э.).

Документальные данные об имущественных правах собственников деревень появляются со II в. н. э. Податной, административной и судебной иммунитет в I тысячелетии н. э. были обязательными атрибутами «верховного» собственника. Они являются наглядным выражением власти господина над общинниками и их личной зависимости от него. При этом следует подчеркнуть, что власть феодала устанавливалась над общиной, ее частью или несколькими общинами без нарушения внутриобщинных отношений, как это было и в более позднюю эпоху. Частные, особенно мелкие, феодалы могли практически осуществлять мелочный контроль над своими подданными и взимать разнообразные, но ничтожные по величине дополнительные поборы, тем не менее их рента по своей социально-экономической сущности адекватна государственному налогу; что же касается крупных феодалов, то подати в их пользу даже по форме не отличались от платежей в казну царя.

В обстановке распада крупных государств и усобиц каждый даже мелкий владетель, способный отстоять свою территорию, сам становился государем, осуществляя на практике идеал фео-

дальной власти. Таким образом, с развитием в I тысячелетии массового частнофеодального владения принципиально новых форм феодального подчинения общины не возникало, хотя изменения, и притом существенные, разумеется, имели место. Не произошло и закрепощения общины; функции крепостного права в некоторой степени выполняла сама индийская община. В древности на положении крепостных находились общинники-иноплеменники типа илотов, называвшиеся дасами. Подобного характера закрепощение отсталых племен — низкокастовых при сохранении их хозяйственной самостоятельности — могло иногда встречаться и в средние века. Известные примеры крепостничества в раннее средневековье имеют в виду именно низкокастовых. Сведений же о закрепощении «нормальной» индийской общины с высококастовым (шудрянским, брахманским, кшатрийским) слоем полноправных общинников, сложившейся к первым векам до н. э., в источниках нет.

Г. Ф. Ильин и Л. Б. Алаев⁷ совершенно необоснованно придают решающее значение единичной формулировке в надписи VII в. о дарении деревни вместе с жителями. По мнению Г. Ф. Ильина, только применительно к этому времени можно говорить о феодальном подчинении общины. Но дело в том, что всегда жаловали населенную территорию, а не деревню без жителей (по логике этого автора под «деревней», видимо, следует понимать налоги с нее). Г. Ф. Ильин и Л. Б. Алаев не учитывают, кроме того, что само существование феодальных отношений в раннесредневековой Индии установлено и признано, в частности, ими самими, без всякого учета обсуждаемой здесь формулировки на основе анализа многочисленных феодальных грамот и других источников. Если их позиция правильна, то необходима ревизия представления о феодальном характере индийского общества в VII—XII вв., когда формулировка о дарении земли «с людьми» почти не встречается.

Развитие вассально-иерархической феодальной системы. Отношения частнособственнической эксплуатации в древности были сосредоточены в основном внутри общины, а на уровне собственности-суверенитета доминировало государство, хотя владельцев деревень, одной или нескольких, по-видимому, было немало. В крупных государствах были уже элементы вассальных отношений — в роли вассалов выступали разного рода подчиненные государственные образования. В Гуптскую эпоху заметно резкое увеличение массовости частнофеодальных владений. Характерно, что важные посты в административном аппарате занимают лица с владельческими титулами. Примерно с VII в. мы видим типичную многоступенчатую иерархическую феодальную структуру государства, государственные (доменные) земли невелики, полностью преобладает частное феодальное владение, существует развитая титулатура, указывающая на ранг феодала как территориального владельца, на его место в вассальной иерархии и на место в придворной иерархии. Сло-

жившаяся система вассально-иерархических отношений в верхнем надобщинном этаже индийского общества весьма напоминала европейскую. Устойчивость ее продемонстрировало раджпутское завоевание Северной Индии. Варвары-раджпуты, несмотря на некоторую специфику клановых отношений, быстро переняли феодальные порядки подчиненных народов, чему иллюстрацией служат империя Гурджара-Пратихаров в конце IX — первой половине X в. и раджпутские княжества X—XII вв.

Формирование иерархической структуры господствующего слоя эксплуататорского класса было важным элементом в процессе становления феодального общества в целом. Вассально-иерархическая система наиболее адекватно соответствует природе феодальной эксплуатации, максимально полно обеспечивая оптимальное соотношение внеэкономического принуждения, основанного на публично-правовой власти сеньора как почти неограниченного господина, и личностных связей с этим государем его подданных-вассалов.

Само собой, это общее положение должно быть скорректировано применительно к Индии с учетом рубежа между общинным и надобщинным этажами общества, кастовых отношений, религиозных и этнических различий между феодалом и общинниками и т. д. Однако в принципе с формированием вассально-иерархической системы завершается становление базисной и надстроечной структуры феодального общества. В Индии это не произошло в полной мере из-за более значительной роли нефеодальных способов производства, чем в обществах классического феодализма, из-за сохранения социальной дезинтеграции и классовой неоднородности слоя сельских непосредственных производителей, колебаний в сторону восстановления господства государственной собственности-суверенитета, что вело к своеобразной цикличности развития в надобщинной сфере (это, однако, самым существенным образом отражалось и на условиях жизни общинного мира, периодически подрывая даже простое воспроизводство). Иерархическая система своим появлением указывает на достижение обществом стадии развитости. Поэтому с определенными оговорками можно утверждать, что к концу I тысячелетия в Индии завершилось становление феодальной формации в ее специфической форме, свойственной данному региону, и начался период развитого феодализма. Следующей стадии зрелого феодализма в Индии не наблюдается.

Цикличность развития в XIII—XVIII вв. Как уже сказано, под цикличностью подразумевается смена централизации децентрализацией, распадом крупных государств и усилением частнофеодальной стихии при сохранении практически неизменной социально-экономической основы. В целом представляется правильной точка зрения В. И. Павлова⁸, в результате анализа главным образом социально-политического аспекта проблемы поставившего под сомнение высокую ступень стадийно-формационного состояния Индии к началу нового времени. Как

индийская община несла на себе видимую печать архаики, так и средневековые империи, возвышавшиеся над этими общинами, имели черты, сближающие их с раннеклассовыми политическими образованиями. И конечно, не случайно в индийском средневековом обществе (в периоды расцвета крупных государств) некоторые ученые хотели видеть «азиатский способ производства», выросший непосредственно из первобытности. Один из последних вариантов этой гипотезы — «политарное» общество Ю. И. Семенова⁹.

Здесь речь идет о целостном функционировании общества, о соответствии политической формы бытия социального организма его социально-экономической сущности. Указанные циклы являются внешним отражением относительной неподвижности и отчужденности общинно-кастового мира. Этот мир мог служить богатейшим источником эксплуатации внешними силами, но в очень малой степени был способен на какие-либо принципиальные изменения в своей социальной и социально-экономической структуре. В этом плане надобщинный этаж социального организма в целом и государство, опирающееся главным образом на эту аграрную основу, были лишены почвы для поступательного развития. Все новое возникало вне общинно-кастовой системы и в конечном счете приспосабливалось к ней, чаще всего паразитируя. Город в позднее средневековье не мог служить самостоятельной экономической опорой господствующего слоя и не выдвинул социальных сил, которые стали бы претендовать на изменение существующих порядков.

Характерно, что и в колониальную эпоху мы видим довольно продолжительное существование той же ситуации, то же топтание на месте: англичане, как и предыдущие властители, на первых порах лишь присасываются к общинно-кастовой основе индийского общества, идет такой же, как были раньше, цикл централизации с целью присвоения податных территорий и максимальной налоговой эксплуатации. При этом, какие бы новые методы упорядочения поступления своих доходов ни применяли колонизаторы, не менялось существо отношений нижнего и верхнего этажей общества, хотя феодальный господствующий слой был в значительной мере замещен на верхнем уровне колониальной администрацией, представлявшей самое передовое капиталистическое государство. В данном случае Ост-Индская компания выступала даже юридически в качестве прямой наследницы средневекового государства и выполняла прежнюю функцию собственника-суверена.

Цикличность в какой-то мере связана и с другим фактором, по нашему мнению сопутствующим: частично указанные циклы централизации соответствуют периодам внедрения и укрепления власти новых групп господствующего слоя, образованных преимущественно контингентами завоевателей. Мусульманские завоеватели и иммигранты, в основном тюркского и афганского происхождения, были носителями архаических форм обществен-

ного быта, раннеклассовых отношений, родо-племенной (клановой) организации. Соответственно и устанавливаемые ими порядки отнюдь не были последним словом прогресса. Поэтому иноземный компонент господствующего слоя в немалой степени способствовал торможению и без того черепашьего продвижения индийского общества по пути исторической эволюции. Сходную тормозящую роль играли также некоторые внутрииндийские завоеватели, например маратхи. Правда, регрессивные моменты реализовались в основном в верхнем этаже общества. В частности, как справедливо отмечал В. И. Павлов, в Индии остался незавершенным этап феодальной раздробленности; точнее будет сказать, естественное развитие, выразившееся в формировании феодально-иерархической системы, не получило ожидаемого продолжения, а было прервано новым циклом, начавшимся с мусульманского завоевания. Конечно, и у мусульман мы видим элементы простейшей иерархии, явления субинфеодации и пр. Но во времена сильной государственности это были только зачатки иерархической системы, а во времена распада крупных государств она не успевала вполне сформироваться.

Этапы социальной эволюции в Индии с начала I тысячелетия до н. э. до рубежа I и II тысячелетий н. э. обнаруживают в целом большое сходство с аналогичным процессом в Западной Европе в раннее средневековье (V—XI вв.) с тем, однако, отличием, что в Европе от эпохи военной демократии до формирования развитой феодально-иерархической системы прошло всего лишь несколько веков. В Индии до начала II тысячелетия наблюдалась крайне медленная, но последовательная стадияльная эволюция. Она не была нарушена ни эфталитским нашествием, ни раджпутским завоеванием. В дальнейшем поступательное движение остается таким же замедленным, что резко контрастирует со стремительным ускорением его в Европе в XII—XVI вв., а перспектива спонтанного формационного преобразования индийского общества делается сомнительной.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. <Источники и литература>

- ¹ Яджнавалкья I. 318—320.
- ² Вишну III. 81—82; Брихаспати VIII. 12—17.
- ³ EI, I, с. 5.
- ⁴ CII, III, № 16; См. также: *Sirkar D. Ch. Selected Inscriptions bearing on History and Civilization. Vol. I. Calcutta, 1942, с. 309—312.*
- ⁵ EI, XXI, с. 81 и след.; *Sirkar D. Ch. Selected Inscriptions...*, с. 342—345.
- ⁶ EI, XV, с. 130 и след.; *Sirkar D. Ch. Selected Inscriptions...*, с. 283—287, 324—330, 337—340.
- ⁷ IA XXXIX, с. 193 и след.; см. также: *Sirkar D. Ch. Selected Inscriptions...*, с. 350—359. Фаридпурская грамота «А» (VI в.) начинается словами: «В царствовании махараджадхираджи Шри-Дхармадитьи, по твердости подобного Яяти-Амбарише и не имевшего врагов на этой земле, во время правления махараджи Сthanудатты, мощью достигшего [великой] ясности духа, во вверенной ему мандале [области] Варака власть и управление принадлежали вишайяпати [начальнику округа] Джаджаве». Интересно, что здесь, несмотря на характерную для ранних грамот лаконичность вступления, кроме царя, упоминаются вассальный правитель и окружной чиновник.
- ⁸ Например, в Кохской грамоте 475/6 г. (CII, III, № 21).
- ⁹ EI, I, с. 67—76.
- ¹⁰ Там же, с. 86—87.
- ¹¹ EI, II, с. 3 и след.
- ¹² CII, III, № 26; ср. EI, II, с. 364; XX, с. 61; *Sirkar D. Ch. Selected Inscriptions...*, с. 342; JBORS, vol. XIV, pt. IV, с. 465.
- ¹³ CII, III, № 16.
- ¹⁴ EI, III, с. 284.
- ¹⁵ CII, III, № 27, 38; EII, I, с. 52—58, 85—92; XII, с. 139; XVIII, с. 304—307.
- ¹⁶ EI, XVIII, с. 226—235.
- ¹⁷ EI, III, с. 220—224.
- ¹⁸ CII, III, № 31.
- ¹⁹ CII, III, № 27, ср. EI, II, с. 364.
- ²⁰ CII, III, № 21.
- ²¹ CII, III, № 25; *Sirkar D. Ch. Selected Inscriptions...*, с. 375 (стк. 15) — cora-drohaka varjjah (ср. EI, VIII, с. 284—288).
- ²² EI, XI, с. 219 (стк. 10—11) coraṛajāpatthyakari varjja(m) a-cāṭa-bhaṭa-prāveśya.
- ²³ EI, III, с. 50 (стк. 12).
- ²⁴ EI, IV, с. 80, стк. 62; III, с. 56, стк. 42; III, с. 109, стк. 58; III, с. 216, стк. 13.
- ²⁵ EI, I, с. 7; CII, III, № 8; IHQ, XVII, с. 110—116.
- ²⁶ EI, XI, с. 107, 111, 221; XV, с. 130; IA, 39, с. 193—216.
- ²⁷ CII, III, № 16.
- ²⁸ Пример большой защитительной формулы (пять стихов) в сравнительно ранней грамоте дает Майгхаванская табличка Хастина Паривраджака (CII, III, № 23, см. также № 31). Поздние дхармашастры, начиная с Ядж-

навалкьи, рекомендуют включать в земельные грамоты проклятия нарушителям дара. Наиболее часто встречаются такие стихи: «Дающий земли наслаждается счастьем на небе шестьдесят тысяч лет, а захватчик [дарственной земли] и тот, кто разрешает [ее захватывать], столько же лет пребывает в аду» (EI, II, с. 263—264). «Тот, кто захватит землю, отданную в дар им самим или другим, став червем, будет гнить вместе с потомками в испражнениях собаки» (IA, 39, с. 196).

²⁹ EI, XII, с. 205.

³⁰ EI, XI, с. 312—313.

³¹ EI, XVIII, с. 218—224.

³² На это явление обратил внимание П. Кане: *Kane P. V. History of Dharmaśāstra* (Ancient and Mediaeval Religious and Civil Law in India). Vol. II. Poona, 1941, с. 861—863.

³³ *Sirkar D. Ch. Selected Inscriptions...*, с. 262; ср. IA, VII, с. 63; X, с. 277; XII, с. 48.

³⁴ EI, VII, с. 158. Согласно Яджнавалкье (II.243), подделка дарственных грамот каралась самым большим денежным штрафом. Вишну (V.9—10) и «Артакшаstra» (IV.9) предписывают за подделку царских указов приговаривать к смерти.

³⁵ EI, IX, с. 37; СII, III, № 80.

³⁶ EI, XIX, с. 115—125.

³⁷ В грамоте из Багумры (Барода) 915 г. говорится, что Индрараджа III вновь даровал брахманам 400 деревень, которые были отобраны у них прежними властителями (EI, IX, с. 33, 100). Кальхана упоминает о секуляризации Шанкараварманом (X в.) всей храмовой собственности (Раджатарангини V.166—170).

³⁸ Вишну III, 83.

³⁹ Яджнавалкья I. 319—320; Вишну III, 81—82 и др.; EI, VIII, с. 61, 64, 65, 66, 71; *Sirkar D. C. Some Early Rāja-Sasanas—Proceedings of the Indian History Congress. Fourth Session. Lahore, 1940*, с. 52—56.

⁴⁰ См., например, EI, IV, с. 81, стк. 67. Это различие было отмечено еще Д. Флитом (СII, III, с. 99). В качестве граверов указываются *sūtradhāra* (EI, III, с. 224, стк. 28; XVIII, с. 223, стк. 36), *suvarṇṇakāra* (EI, XII, с. 328, стк. 58); *hemakāra* (EI, XVIII, с. 97, стк. 22), *arkkaśālīka* (EI, VII, с. 106, стк. 41) и др. Ганджамскую грамоту Джаявармадевы (VII в.) гравировал вассал (*sāmanta*) Бхогака (IHQ, 1936, XII, № 3, с. 489), но это исключение.

⁴¹ В Палитанской грамоте Синхадиты 574 г. *sva-hasto mama* (EI, XI, с. 20, стк. 28; см. также EI, IV, с. 74—81, стк. 68; с. 208, стк. 18; XVIII, с. 32, стк. 27; с. 144, стк. 92; с. 324, стк. 27; V, с. 37, № 1, стк. 29; № 2, стк. 28—29).

⁴² До III в. н. э. медные таблички использовались иногда для votивных записей (СII, II, pt 1, с. 4—5, 23—29, 138—141); *Sirkar D. Ch. Selected Inscriptions...*, с. 85—86, 127—128.

⁴³ Упоминания об этом в поздневедической литературе, древнейших *смирти* и «Махабхарате» отмечены в кн.: *Kane P. V. History of Dharmaśāstra...*, vol. II, с. 840—859.

⁴⁴ Артакшаstra, II.1.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ману VII, 119.

⁴⁷ Махабхарата II, 87.6—8.

⁴⁸ Вишну III, 7, 10.

⁴⁹ См.: *Mazumdar B. P. Socio-economic History of Northern India. Calcutta, 1960*, с. 23.

⁵⁰ См.: *Гринцер П. А. Древнеиндийская проза (обрамленная повесть)*. М., 1963, с. 4—5. Определение «обрамленная повесть» не совсем удачно потому, что слишком широко, под него вполне подошла бы и «Дашакумарачарита» Дандина, не относящаяся к этому жанру литературы.

⁵¹ *Sternbach L. Indian Tales interpreted from the Point of View of the Smṛtis.—Journal of the Asian and African Studies. L., 1948, vol. 68; Sternbach L. The Pancatantra and the Smṛties.—«Bhāratiya Vidyā». Vol. XI, № 3—4. Bombay, 1960.*

⁵² Хотя имеется и противоположная точка зрения. См.: *Алаев Л. Б. Юж-*

ная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII веков. М., 1964.

⁵³ Кутумбин (kutumbina) — обычный термин в эпиграфике для обозначения крестьян.

⁵⁴ Шука 10, 20, 22, 28, 32; Панч. Пурн. IV. 8.

⁵⁵ Панч. Пурн. III.10.

⁵⁶ Там же, V.7.

⁵⁷ Там же, V.1.

⁵⁸ Там же, I. 24; II. 6; III. 13; IV. 5, 8.

⁵⁹ Там же, III. 12.

⁶⁰ Там же, I. 30.

⁶¹ Алаев Л. Б. Южная Индия..., с. 123, 125—127.

⁶² Шука, 26.

⁶³ Там же, 26, 42.

⁶⁴ Там же, 52.

⁶⁵ Панч. Пурн. I. 9.

⁶⁶ Там же, II. 5.

⁶⁷ Специальности, упоминаемые в сборниках «обрамленных повестей», перечислены в кн.: Гринцер П. А. Древнеиндийская проза..., с. 122.

⁶⁸ Панч. Пурн. IV. 2,7; V. 5, 6.

⁶⁹ Там же, IV. 2,7; V. 5.

⁷⁰ Ср. Шука 15, 20, 27; Панч. Пурн. III. 6.

⁷¹ Шука 61.

⁷² Панч. Пурн. I. 3, 28; V. Вступление.

⁷³ Там же, V. 2.

⁷⁴ Там же, I. 3.

⁷⁵ Там же, I. 22.

⁷⁶ Там же, IV. 1.

⁷⁷ См.: Дубровский С. М. К вопросу о сущности «азиатского способа производства», феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929; он же. Спорные вопросы методологии истории (Дискуссия об общественных формациях). Харьков, 1930; он же. Об азиатском способе производства (Стенографический отчет дискуссии по докладу т. Берина). Тифлис, 1930; Кожин М. и Папаян Г. «Цзин тянь». Аграрный строй древнего Китая. Л., 1930; Пригожин А. Г. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. Л., 1933.

⁷⁸ Мишулин А. Античная Индия.— Борьба классов. 1934, № 9.

⁷⁹ Авдиев В. И. История Древнего Востока (Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1943 г.). М., 1943, с. 180.

⁸⁰ Шолпо Н. А. Древняя Индия.— Струве В. В. История Древнего Востока. М., 1940; он же. История Древней Индии и Китая. Ереван, 1946 (на арм. яз.).

⁸¹ Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1948, с. 490 (2-е изд.— М., 1953; 3-е изд.— М., 1970). Имея в виду эту книгу, Г. Ф. Ильин упрекал В. И. Авдиева в том, что там «ничего не говорится об удельном весе труда рабов в древнеиндийской экономике, не указаны сферы применения труда рабов, нет характеристики особенностей в положении рабов и т. д.» (Ильин Г. Ф. Вопрос об общественной формации в советской литературе по поводу кн. А. М. Осипова «Краткий очерк истории Индии до X века». — ВДИ. 1950, № 2, с. 175). Указанные недостатки сохранились и во 2-м изд. 1953 г. См. также рецензии на этот учебник: Редер Д. Г. Новые учебники по древней истории.— Советская книга. 1949, № 5; Никольский В. К., Редер Д. Г., Постовская Н. М.— ВДИ. 1949, № 3; Лурье И. М., Дьяконов И. М.— ВДИ. 1949, № 1; Пикус Н. Н.— Вопросы истории. 1953, № 10; Липин Л. Учебник по древней истории.— Новый мир. 1953, № 12; Мелиншивили Г. А., Рубинштейн Р. И., Ильин Г. Ф., Симоновская Л. В.— ВДИ. 1954, № 3; Гиоргадзе Г. Г., Дьяконов И. М., Коростовцев М. А., Мекабде Э. А., Якобсон В. А., Герасимов А. В., Медведев Е. М., Переломов Л. С. Третье издание учебника по истории Древнего Востока.— НАА. 1972, № 5.

⁸² Осипов А. М. Краткий очерк истории Индии до X века. М., 1948, с. 53, 37.

- ⁸³ Там же, с. 54.
- ⁸⁴ Там же, с. 37.
- ⁸⁵ Там же, с. 28.
- ⁸⁶ Там же, с. 51, 67.
- ⁸⁷ Сулейкин Д. А. Основные вопросы периодизации истории древней Индии.— Ученые записки Тихоокеанского института. Т. II. Индийский сборник. М.—Л., 1949, с. 190.
- ⁸⁸ Ильин Г. Ф. Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов.— ВДИ. 1950, № 2; он же. Особенности рабства в древней Индии.— ВДИ. 1951, № 1; он же. Древняя Индия в XV—VI вв. до н. э.— Всемирная история. Т. I. М., 1955, гл. XXV, с. 597—606; он же. Индия в VI—II вв. до н. э.— Там же, т. II. М., 1956, гл. XVII, с. 542—558; он же. Индия с I в. до н. э. по V в. н. э.— Там же, гл. XVIII, с. 559—575; он же. Древняя Индия.— История древнего мира. Под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева. М., 1956, с. 209—224.
- ⁸⁹ Ильин Г. Ф. Вопрос об общественной формации..., с. 179.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же, с. 177.
- ⁹² Там же, с. 179.
- ⁹³ Там же, с. 177.
- ⁹⁴ Ильин Г. Ф. Особенности рабства в древней Индии, с. 42.
- ⁹⁵ Осипов А. М. Очерк истории Индии в древности (раздел в ст. «Индия».)— СИЭ. Т. 5, М., 1964, стб. 847—851.
- ⁹⁶ Ильин Г. Ф. Основные проблемы рабства в древней Индии.— История и культура древней Индии. М., 1963, с. 120.
- ⁹⁷ Там же, с. 151.
- ⁹⁸ Там же, с. 142.
- ⁹⁹ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969, с. 353—354.
- ¹⁰⁰ Ильин Г. Ф. Основные проблемы рабства..., с. 142.
- ¹⁰¹ Там же, с. 145.
- ¹⁰² Там же, с. 145—146.
- ¹⁰³ Там же, с. 159, прим. 138 (ссылка на джатаку № 520).
- ¹⁰⁴ Артхашастра II. 23.
- ¹⁰⁵ Ильин Г. Ф. Особенности рабства в древней Индии, с. 45.
- ¹⁰⁶ Ильин Г. Ф. Основные проблемы рабства..., с. 143.
- ¹⁰⁷ Ильин Г. Ф. Единство исторического процесса.— Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966, с. 173. Эта же мысль в работе: Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия, с. 360.
- ¹⁰⁸ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия, с. 360.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Там же, с. 369.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же, с. 316.
- ¹¹³ Байков И. П. «Артхашастра» — памятник большой исторической ценности.— Артхашастра, или Наука политики. М.—Л., 1959, с. 545.
- ¹¹⁴ Ульяновский Р. А. Некоторые вопросы марксистско-ленинского учения о формациях и проблемы современного аграрного строя в странах Востока.— Общее и особенное..., с. 187—188.

II. <Вопросы методологии>

¹ Singh G. The Indus Valley Culture seen in the Context of Postglacial Climatic and Ecological Studies in Northwest India.— Archaeology and Physical Anthropology in Oceania. Vol. 4, № 2, 1971.

² Thapar B. K. Climate during the Period of the Indus Civilization: Evidence from Kalibangan.— Ecology and Archaeology of Western India. Proceedings of a Workshop Held at Physical Research Laboratory. Ahmedabad, February 23—26, 1976. Ed. by D. P. Agrawal and B. M. Pande. Delhi, 1977, с. 68—71.

³ Там же, с. 68.

⁴ Выводы Г. Сингха подтверждают геологические исследования Р. Гхоша

в бассейне р. Луни: *Ghosh R. Protogeological Studies on Ancient Water Regimes of Rajasthan Rivers.*— *Ecology...*, с. 157.

⁵ Арриан V. II; VI. I, 3, 8, 14, 15; Курций Руф кн. VIII, гл. XI, 8; гл. XII, 2; гл. XIII, 17; кн. IX, гл. I, 4, 9.

⁶ Щетенко А. Я. Первобытный Индостан. Л., 1979, с. 138.

⁷ Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1978.

⁸ Щетенко А. Я. Первобытный Индостан, с. 140.

⁹ Гуров Н. В. Южнодравидийская легенда о прародине.— НАА. 1976, № 3.

¹⁰ Щетенко А. Я. Первобытный Индостан, с. 140.

¹¹ Арриан VI. 23—27; Курций Руф кн. IX, гл. X.

¹² Грантовский Э. А. Из истории восточноиранских племен на границах Индии.— КСИНА. 1963, № 61, с. 25.

¹³ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969, с. 476—478.

¹⁴ Пессель М. Мустанг и Бутан. М., 1977.

¹⁵ Si-Yu-Ki. Buddhist Records of the Western World. Transl. by S. Beal. Vol. I. L., 1905. Introduction.

¹⁶ Бонгард-Левин Г. М. К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (индоарии и местные субстраты).— ВДИ. 1979, № 3, с. 7—8, примеч. 20.

¹⁷ Медведев Е. М. Об уровне географических знаний древних индийцев в III—I вв. до н. э.— КСИНА (Сборник памяти Ю. Н. Периха). 1961, LVII.

¹⁸ См.: Медведев Е. М., Рифтин Б. Л. [Ред. на:] В. М. Штейн. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности (до III в. н. э.). М., 1960, 176 с.— НАА. 1961, № 4.

¹⁹ The History and Culture of the Indian People. Vol. II. The Age of Imperial Unity. Bombay, 1954, с. 645.

²⁰ Плиний VI. 26, 101, 176; XII, 84; XIV, 52.

²¹ Маркс К. Капитал. Т. III.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. II, с. 354.

²² Ильин Г. Ф. Основные проблемы рабства в древней Индии.— История и культура древней Индии. М., 1963; он же. Единство исторического процесса.— Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.

²³ Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину.— НАА. 1965, № 2—3.

²⁴ Краткий обзор взглядов советских ученых на проблему собственности, см., например: Каштанов С. М. Феодалный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте.— Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.

²⁵ Политическая экономия. Т. 1. 2-е изд., доп. (ВПШ при ЦК КПСС. Кафедра политической экономии). М., 1969, с. 16.

²⁶ Там же.

²⁷ Никифоров В. Н. Логика дискуссии и логика в дискуссии.— Вопросы истории. 1968, № 2, с. 125; он же. Заключительное слово по докладу.— Общее и особенное..., с. 237, 240.

²⁸ Никифоров В. Н. Логика дискуссии..., с. 126.

²⁹ Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, с. 101, 103.

³⁰ Набизаде Л. И. Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII—VIII вв.— Арабские страны. История. Экономика. М., 1970, с. 203.

³¹ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия, с. 315—322, 369, 566—572, 580.

³² Там же, с. 144. В книге это интерпретируется как пожалование налогов с деревень частным лицам.

³³ История Индии в средние века. М., 1968, с. 113—118, 152—158.

III. <Этническая история и формирование кастовой системы>

¹ Sankalia H. D. The Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. Poona, 1974; Wheeler M. The Indus Civilization. Cambridge, 1968; Lal B. B. Indian Archaeology Since Independence. Delhi, 1964.

² Массон В. М. Культурно-хозяйственные зоны древней Индии.— *Индия в древности*. М., 1964.

³ Считают, что именно из этих областей металл, добытый из местных руд и привезенный из Средней Азии, поступал в долину Инда и Гуджарат; свинец и серебро в хараппских поселениях имели происхождение из арабских руд.

⁴ Щетенко А. Я. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968, с. 133—134.

⁵ Там же; он же. Обмен и торговля доисторического Индостана.— *КСИА*. Вып. 138, М., 1974.

⁶ Ср.: Гуров Н. В. Южнодравидийская легенда о прародине.— *НАА*. 1976, № 3.

⁷ Sankalia H. D. The Prehistory and Protohistory..., с. 390.

⁸ Ср.: Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969, с. 113—117.

⁹ Lal B. B. Further Cooper Hoards from the Gangetic Basin and a Review of the Problem.— *Antiquaries Journal*. 1951, № 7; Sankalia H. D. The Prehistory and Protohistory...

¹⁰ Воробьев-Десятовский В. С. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков.— *СВ*. 1956, № 1; Бонгард-Левин Г. М., Деоник Д. В. К проблеме происхождения народа мунда.— *СЭ*. 1957, № 1; Алексеев В. П. Антропологический состав населения древней Индии.— *Индия в древности*. М., 1964; Чебоксаров Н. Н. Новые данные по этнической антропологии Индии.— *Очерки экономической и социальной истории Индии*. М., 1973.

¹¹ Чеснов Я. В. Распространение риса в Южной Азии и некоторые вопросы этногенеза.— *Очерки экономической и социальной истории Индии*. М., 1973; он же. Юго-Восточная Азия — древнейший культурный центр.— *ВИ*. 1973, № 1; он же. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.

¹² Бонгард-Левин Г. М. Хараппская цивилизация и «арийская проблема».— *СЭ*. 1962, № 1; он же. Упадок хараппской цивилизации и вопрос об арийском нашествии.— *Народы Южной Азии*. М., 1963, с. 87—94; Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия.

¹³ Топоров В. Н. О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимики.— *Топонимика Востока*. М., 1962.

¹⁴ Ригведа. VII. 18; VII. 33, 2—5; VII. 83, 8.

¹⁵ Hamilton F. An Account of the Kingdom of Nepal and the Territories Annexed to this Dominion by the House of Gurkha. Edinburgh, 1819.

¹⁶ Литература по этой проблеме огромна. См. в частности: Dutt N. K. The Aryanization of India. Calcutta, 1925; The History and Culture of the Indian People. Vol. I. Vedic Age. L., 1951; Bhargava P. L. India in the Vedic Age (A History of Aryan Expansion in India). Lucknow, 1956; Gonda J. Aspects of Early Visnuism Delhi, 1969.

¹⁷ Jain R. The Great Panj People.— *Summaries of Papers*, 26 International Congress of Orientalists. New Delhi, 1964.

¹⁸ Paranjape V. G. Asura Domination in Rigvedic India.— *XII All India Oriental Conference*. Banaras, 1943—1944; Leuva K. K. The Asur. New Delhi, 1963; Ramdas G. Ravana and His Tribe.— *IHQ*. 1929, vol. V; 1930, vol. VI; Sastri T. R. V. Monkeys and Serpents in the Epics.— *JOR*. 1948, vol. 17, pt. 4; Косамби Д. Д. Культура и цивилизация древней Индии. М., 1968.

¹⁹ History of Ceylon. Vol. I, pt 1. Colombo, 1959; Geiger W. Culture of Ceylon in Medieval Times. Wiesbaden, 1960.

²⁰ О нага см., в частности: Косамби Д. Д. Культура и цивилизация..., с. 103—105; Чеснов Я. В. Историческая этнография..., с. 100—103.

²¹ См., в частности: Law B. Ch. India as Described in Early Texts of Buddhism and Jainism. L., 1941.

²² Маретина С. А. Образование сословий и классов у горных народов Северо-Восточной Индии (К проблеме классообразования).— *Страны и народы Востока*. Вып. XIV. М., 1972.

²³ Sharma R. S. Śūdras in Ancient India. Delhi—Varanasi—Patna. 1958, с. 281. Ср. с толкованием этого раздела в работе: Вигасин А. А. «Устав о рабах» в «Архашастре» Каутильи.— *ВДИ*. 1976, № 4.

- ²⁴ Ману I. 91; VIII. 410, 413, 414; X. 99; II. 31, 32; Яджнавалкья I. 120; Махабхарата XII. 283. 3 и др.
- ²⁵ Ману IV. 61; VIII. 22; X. 129.
- ²⁶ Ману X. 4.
- ²⁷ Sharma R. S. *Sūdras in Ancient India*, с. 208.
- ²⁸ Алаев Л. Б. Сельская община как элемент общественного строя древней Индии.— ВДИ. 1976, № 1.
- ²⁹ См., например: *Перишц А. И. Данничество*.— IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклады советской делегации. М., 1973.
- ³⁰ Идея о том, что шудры первоначально были своего рода илотами, была выдвинута Д. Д. Косамби и Р. Ш. Шармой. См.: *Kosambi D. D. An Introduction to the Study of Indian History*. Bombay, 1956, с. 95, 104, 141, 187; *Косамби Д. Д. Культура и цивилизация...*, с. 94; *Sharma R. S. Sūdras in Ancient India*, с. 48, 102, 280.
- ³¹ *The Vedic Age*. Bombay, 1971, с. 159, 253, 254.
- ³² Ригведа I. 130. 8; IX. 73. 5; IV. 16, 13; VII. 5. 2—3; VIII. 19. 36—37; IX. 1—2. 41.
- ³³ Ригведа V. 29. 10.
- ³⁴ Ригведа VII. 99. 4.
- ³⁵ Ригведа I. 33. 4; I. 51. 8—9; I. 101. 2; I. 133. 1; I. 175. 3; IV. 14. 3; IV. 16. 9; V. 2.3; V. 40. 9; V. 42. 9; VII. 1. 8; VII. 1, 16; VII. 6. 3; VIII. 70. 11; VIII. 96. 13—15; IX. 41. 2; X. 22. 8; X. 27. 6; X. 48. 7; Атхарваведа II. 14. 5; XII. 1. 37.
- ³⁶ Ману X. 43—45.
- ³⁷ Ригведа I. 104. 2; II. 12. 4; III. 34. 9; III. 39. 4; Атхарваведа XX. 11. 9; XX. 34. 4.
- ³⁸ Ману II. 103; IV. 99; X. 127; XI. 13; см. также. III. 178; XI. 42; III. 249.
- ³⁹ Гаутама X. 53, 65.
- ⁴⁰ *Sharma R. S. Sūdras in Ancient India*, с. 31.
- ⁴¹ Там же, с. 251.
- ⁴² Айтарея-брахмана VII. 18.
- ⁴³ Матсья-пурана 16. 16.
- ⁴⁴ Артхашастра III. 13.
- ⁴⁵ Айтарея-брахмана VII. 29.
- ⁴⁶ *Sharma R. S. Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India*. Delhi—Varanasi—Patna, 1959, с. 88—93.
- ⁴⁷ Маджхима-Никая II. 148—149; *Патанджали* II. 269. См.: *Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев*. М., 1973, с. 151.
- ⁴⁸ Арриан. Поход Александра. М.—Л., 1962, с. 356; Диодор XVII. 104.
- ⁴⁹ *Чаттопадхья Д. Локаята Даршана. История индийского материализма*. М., 1961, с. 186.
- ⁵⁰ *Грантовский Э. А. Племенное объединение Paṇḍu-Paṇḍava у Панини*.— История и культура древней Индии. М., 1963; *Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии*. М., 1970, с. 164—165 и др.
- ⁵¹ Страбон XV; Диодор XVII. 105.
- ⁵² Под оазисной, или очаговой, освоенностью территории подразумевается существование цивилизации на отдельных, изолированных площадях, окруженных лесами и другими неосвоенными землями, населенными отсталыми племенами. Судя по сообщениям Фа Сяня и Сюань Цзана, обширные пустынные дикие леса обычно разделяли культурные области даже в раннее средневековье. См.: *Fa-Hsien. A Record of the Buddhist Countries*. Peking, 1957; *Si-Yu-Ki. Buddhist Records of the Western World*. Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang by S. Beal. Vol. I—II. L., 1906; *Beal S. The Life of Hiuen Tsiang by the Shaman Hwui Li*. L., 1911.
- ⁵³ *Kādambari of Bana*. Transl. by C. M. Riding.—[«Oriental Translation Fund». New Series. II]. L., 1896, с. 27, 31.
- ⁵⁴ Шаганатха-брахмана I. 4. 1; Айтарея-брахмана V. 22, 14; *Horsh P. Buddhismus und Upanisadem*.—Pratidanam, Indian Elamian and the European Studies Presented to F. B. J. Kuiper on His Sixtieth Birthday. The Hague—

Paris, 1968; Kane P. V. History of Dharmaśāstra. Vol. II, pt 1. Poona, 1941, c. 103.

⁵⁵ Ману X. 43—44.

⁵⁶ Анушасанапарва 35. 17—18.

⁵⁷ Арриан VI. 7. 4; Панини V. 2. 71; Анастамба I. 18. 19.

⁵⁸ Ману X. 23.

⁵⁹ См., в частности: Kane P. V. History of Dharmaśāstra. Vol. II, pt. 1, chap. IV.

⁶⁰ Jha V. From Tribe to Untouchable: the Case of Nisadas.— Indian Society: Historical Probings. New Delhi, 1974.

⁶¹ Артхашастра III. 13, c. 199.

⁶² Нарада V. 23.

⁶³ Sharma R. S. Sūdras in Ancient India, c. 97—98.

⁶⁴ Agrawala V. S. India as known to Panini. Lucknow, 1953, c. 236; см. также: Чанана Д. Р. Рабство в древней Индии по палийским и санскритским источникам. М., 1964, прил. III, c. 174—275.

⁶⁵ Dutt N. K. Origin and Growth of Caste in India. L., 1931, c. 271.

⁶⁶ Ману IV. 159.

⁶⁷ Sharma R. S. Sūdras in Ancient India, c. 96—97.

⁶⁸ Джатака I. 475; II. 139; III. 325, 406, 444.

⁶⁹ См.: The Cambridge History of India. Vol. I. L., 1921, c. 205; Sharma R. S. Sūdras in Ancient India, c. 97—98; Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия, c. 372—380.

⁷⁰ Махавагга VI. 34, 2.

⁷¹ Артхашастра III. 13.

⁷² Ангуттара-никая. I. 145; III. 406—407; Джатака I. 355.

⁷³ Артхашастра II. 15.

⁷⁴ Там же, 25.

⁷⁵ Виная-питака IV. 272.

⁷⁶ Ильин Г. Ф. Основные проблемы рабства..., c. 142.

⁷⁷ Артхашастра II. 24; V. 2.

⁷⁸ Неприкасаемым посвящена довольно большая литература. На русском языке см., например: Сингх М. Угнетенные касты Индии. М., 1958; Котовский Г. Г. Социально-экономическое содержание проблемы «неприкасаемых». — Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. V, c. 75—152; Кудрявцев М. К. Неприкасаемые (о некоторых особенностях кастовой организации в Индии). — СЭ. 1951, № 2.

⁷⁹ Сингх М. Угнетенные касты Индии, c. 126.

⁸⁰ См.: Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. — ВДИ. 1959, № 1; Enoki K. On the Nationality of the Ephtalites. — Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko (the Oriental Library). 1959, № 18.

⁸¹ Si-Yu-Ki. Buddhist Records of the Western World. Vol. I, c. XCI.

⁸² Там же.

⁸³ Ашрафян К. З. Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVII в.). М., 1965, c. 106.

⁸⁴ Семашко И. М. Бхилы. Историко-этнографическое исследование. М., 1976, c. 39—41.

⁸⁵ Ашрафян К. З. Аграрный строй Северной Индии, c. 106. Ср. характеристику древних вахиков в «Махабхарате» (Чаттопадхья Д. Локаята Даршана. История индийского материализма. М., 1961, c. 184—187 и др.).

⁸⁶ Ашрафян К. З. Делийский султанат. М., 1958, c. 190—199; Бабур-наме. Ташкент, 1958, c. 298, 318

IV. <Проблемы феодализма>

¹ Ильин Г. Ф. Основные проблемы рабства в древней Индии. — История и культура древней Индии. М., 1963; Цыганков Ю. Я. Древнеиндийский город (по данным «Артхашастры»). — КСИВ. М., 1963, № 61.

² Например, в надписи времени Канишки фигурирует раб (dāsa) Агишала — архитектор (pavakarmia). — CII, vol. II, pt. I, 1929, c. 137. Этот факт по-

казывает, что иногда люди высокой квалификации могли оказаться в положении рабов.

³ Артхашастра II. 12—14.

⁴ Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря.—ВДИ. 1940, № 2, с. 266 (далее — Псевдоарриан).

⁵ Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М., 1948, с. 81.

⁶ Вишну. 83.

⁷ Производством дорогих шелковых тканей славился Варанаси (см.: The History and Culture of Indian People. Vol. III. The Classical Age. Bombay, 1954, с. 587).

⁸ Maity S. K. Economic Life of Northern India in the Gupta Period (cir. A. D. 300—350). Calcutta, 1957, с. 86—87.

⁹ Kosambi D. D. An Introduction to the Study of Indian History. Bombay, 1956, с. LIX. В индийских источниках оно впервые упоминается в «Харшачарите» Баны (VII в.).

¹⁰ Псевдоарриан 60, с. 280.

¹¹ Джатака III, с. 103.

¹² Madurai-Kaṇṇi (Māngudi Marudanār): Naccinār kkiniyar's commentary. Madras, 1956, II, 489 и сл.

¹³ Псевдоарриан 14, с. 268.

¹⁴ Плиний VI. 26, 101, 126; XII. 84; XIV. 52.

¹⁵ Важные соображения о роли богатства в варварском обществе см.: Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

¹⁶ Ману VII. 70, 129, 139.

¹⁷ СII, vol. I, Calcutta, 1877, с. 164.

¹⁸ Вишну III. 22—25; ср. Артхашастра V. 2.

¹⁹ Артхашастра V.2.

²⁰ Гаутама X. 24.

²¹ Артхашастра V. 3.

²² Fa-hsien. A Record of the Buddhist Countries. Peking, 1957, с. 35.

²³ Артхашастра II.1.

²⁴ Ману VII. 119.

²⁵ Махабхарата 12. 87. 6—8.

²⁶ Вишну III. 7—10.

²⁷ Джатака I, с. 31.

²⁸ Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисатвы. М., 1962. XXVI. 16; XIX. 17.

²⁹ Рамайна VI. 44—125.

³⁰ Милинда IV. II. 8.

³¹ См.: Чанана Д. Р. Рабство в древней Индии. По палийским и санскритским источникам. М., 1964, с. 73, 74, 167.

³² Рамайна II. 22—31.

³³ Джатака II, с. 237 (№ 238); IV, с. 342 (№ 492).

³⁴ Eells Ch. P. [Philostratus Flavius the Elder]. Life and Times of Apollonius of Tyana. Vol. II. Stanford University (California), 1923, с. 56.

³⁵ См.: Kane P. V. History of Dharmaśāstra. Vol. II. Poona, 1941, с. 840—859.

³⁶ Чхандогья IV. 2. 4—5.

³⁷ Kane P. V. History of Dharmaśāstra. Vol. II, с. 857.

³⁸ Джатака III, с. 105.

³⁹ Артхашастра II. 1.

⁴⁰ EI, VIII, с. 57—58.

⁴¹ EI, VIII, с. 61, 64; VIII, с. 65—66, 71, 73. См. также: Sircar D. C. Some Early Rāja-śāsanas.—Proceedings of the Indian History Congress. Fourth Session. Lahore, 1940, с. 52—56.

⁴² См.: История Индии в средние века. М., 1968, с. 113—118, 152—158.

⁴³ Scharfe H. Untersuchungen zur Staatsrechtslehre des Kautiliya Arthaśāstra. Wiesbaden, 1968, с. 282; Schetelich M. Die Dorfgemeinde nach dem Kautiliya Arthaśāstra. Inaugural dissertation, с. 47.

⁴⁴ Ильин Г. Ф. О некоторых особенностях рабства в Индии в эпоху Маурьев.—Московский ордена Ленина государственный университет им.

М. В. Ломоносова. Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. 8. 1948, с. 99.

⁴⁵ Ильин Г. Ф. Основные проблемы рабства в древней Индии.— История и культура древней Индии. М., 1963, с. 146.

⁴⁶ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 83—100.

⁴⁷ Артхашастра III. 13.

⁴⁸ Артхашастра II. 24. 25; V. 3; Дигха-Никая XXXI. 32.

⁴⁹ Чанана Д. Р. Рабство в древней Индии..., с. 74.

⁵⁰ Артхашастра III. 13.

⁵¹ Нарада V. 37.

⁵² Павлов В. И. К стадияльно-формационной характеристике восточных обществ в новое время.— Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.

⁵³ Ригведа VII. 33.

⁵⁴ Регулярное отчуждение избыточного продукта как начальная форма эксплуатации засвидетельствовано у ряда весьма примитивных народов, сохранявших еще черты первобытнообщинного строя. См.: Першиц А. И. Данинчество. М., 1973 (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук). Чикаго, сентябрь 1973 (Доклады советской делегации).

V. <Землевладение и община>

¹ СII, III, с. 122.

² EI, IX, с. 173, стк. 8.

³ EI, XII, с. 135.

⁴ EI, III, с. 261.

⁵ СII, III, с. 121, № 27; с. 257, № 60; ср. EI, II, с. 363—364; IX, с. 342.

⁶ СII, III, № 21.

⁷ СII, III, № 55; EI, III, с. 261; EI, XXVII, с. 78, стк. 28.

⁸ EI, III, с. 50, стк. 12.

⁹ EI, IV, с. 80, стк. 62; III, с. 56, стк. 42; с. 109, стк. 58; с. 216, стк. 13.

¹⁰ СII, III, № 55, с. 238.

¹¹ Там же, № 27, 21, 25; Sircar D. Ch. Selected Inscriptions bearing on History. Calcutta, 1942, с. 375 (ср. EI, VIII, с. 284—288); EI, XI, с. 219, стк. 10—11.

¹² СII, III, с. 189, примеч.

¹³ EI, VII, с. 65—72.

¹⁴ Watters T. On Yuan Chwang's Travels in India, 629—645 A. D. Vol. I. L., 1904, с. 176.

¹⁵ В ранних грамотах термин «аграхара», по-видимому, тождествен термину «брахмадея».

¹⁶ EI, VII, с. 40.

¹⁷ Beal S. Life of Hiuen Tsiang. L., 1911, с. 164. (в переводе — «towns»).

¹⁸ EI, IX, с. 33.

¹⁹ Раджатарангини V, с. 166, 170.

²⁰ EI, VII, с. 73—74; см. также, с. 71—72.

²¹ EI, XXI, с. 208.

²² Watters T. On Yuan Chwang's Travels..., vol. I, с. 177 (в переводе «города» — «cities»; должно быть, здесь имеются в виду и деревни).

²³ EI, XXVII, с. 124.

²⁴ EI, X, с. 50.

²⁵ EI, XIX, с. 69 ff.

²⁶ EI, XVIII, с. 62.

²⁷ EI, III, с. 214—216; IV, с. 254.

²⁸ EI, XVII, с. 127.

²⁹ СII, III, № 50, с. 235.

³⁰ EI, XIV, с. 176.

³¹ EI, XXVII, с. 115.

³² EI, XI, с. 164, стк. 17.

- ³³ *Si-Fu-Ki*. Buddhist Records of the Western World. Transl. by S. Beal. Vol. II. L., 1906, c. 110, 112.
- ³⁴ IA, XII, c. 190; XVI, c. 272; EI, XIX, c. 209.
- ³⁵ EI, XXIV, c. 25, стк. 20; XV, c. 289.
- ³⁶ CII, III, № 5, c. 31—32.
- ³⁷ См.: EI, XV, c. 103.
- ³⁸ Buddhaghosa, *Sumaṅgala-vilāsinī*. L., 1886, c. 246.
- ³⁹ Beal S. Life of Hiuen Tsiang, c. 112—113.
- ⁴⁰ Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958, c. 72.
- ⁴¹ Beal S. Life of Hiuen Tsiang, c. 105. В переводе «farm-house». С. Бил указывает в примечании, что он так переводит иероглиф (чжуан). Согласно китайско-русскому словарю Ошанина, этот иероглиф означает «хозяйство», «деревня», «хутор».
- ⁴² EI, VII, c. 158; XIX, c. 115—125; XXVII, c. 182—191.
- ⁴³ EI, IX, c. 317—319; XVIII, c. 1.
- ⁴⁴ Термин *патта* означал документ на земельное владение и также само владение; встречается с начала средневековья.
- ⁴⁵ Шука 26, 42, 59, 62, 64.
- ⁴⁶ IA, XVIII, c. 136—146. См.: *Mazumdar B. P. The Economic History of Northern India (1030—1149)*. Calcutta, 1960, c. 95.
- ⁴⁷ Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей.—ВДИ. 1963, № 1, c. 21, 25, 33; Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
- ⁴⁸ EI, VII, c. 157; XII, c. 8.
- ⁴⁹ EI, II, c. 129 (*kardamakhāta*).
- ⁵⁰ JRAS, July 1895, c. 521 (*Rohinsakūpa*); EI, II, c. 129 (*Tūnakūpaka, Isā-nakūpa, Khaṭṭakūpa, Kolikūpaka*).
- ⁵¹ EI, XV, c. 311.
- ⁵² EI, X, c. 53.
- ⁵³ EI, IX, c. 1, 181 (*Rājapura*); XV, c. 297 (*Visamapura*).
- ⁵⁴ EI, IX, c. 2.
- ⁵⁵ CII, III, № 28, c. 127.
- ⁵⁶ EI, XV, c. 136.
- ⁵⁷ EI, XXI, c. 126.
- ⁵⁸ EI, XV, c. 42.
- ⁵⁹ См.: *Platts J. T. A Dictionary of Urdu, Classical Hindi and English*. L., [6. г.], c. 214, 223, 226, 227, 229. См. также: *Wilson H. H. Glossary of Judicial and Revenue Terms...* L., 1855, c. 400—411; *Monier-Williams M. A. Sanscrit-English Dictionary*. Oxford, [6. г.], c. 579.
- ⁶⁰ *Sircar D. Ch. Selected Inscriptions...*, vol. I, c. 333.
- ⁶¹ IA, XVIII, c. 135.
- ⁶² EI, III, c. 266.
- ⁶³ EI, II, c. 178.
- ⁶⁴ EI, III, c. 188.
- ⁶⁵ EI, V, c. 39.
- ⁶⁶ Там же, c. 185.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ EI, II, c. 354.
- ⁶⁹ EI, V, c. 185.
- ⁷⁰ EI, IV, c. 103, стк. 15; *grāmaḥ sa-pāṭakaḥ sa-jala-sthalah...*, c. 105, стк. 13; *grāmaḥ sa-patakaḥ sa-lohalavaṇ(a)*.
- ⁷¹ См.: Алаев Л. Б. К вопросу о североиндийских общинах типа заминдари, паттидари и бхайачара.—НАА. 1962, № 5, c. 107—108.
- ⁷² EI, XII, c. 139, стк. 17; здесь следует обратить внимание на написание термина *paṭaka* с кратким «а». Возможно, такое написание — результат ошибки, но оно встречается в эпиграфике.
- ⁷³ Там же, c. 141.
- ⁷⁴ Там же, c. 40. Дрона (*droṇa*), очевидно, то же, что *droṇavāra* — мера площади, засвидетельствованная в бенгальской эпиграфике.
- ⁷⁵ EI, XV, c. 301—315.
- ⁷⁶ *INQ*. V, 1930, № 1, c. 45 и далее.

⁷⁷ *Sirkar D. Ch. Selected Inscriptions...*, с. 332; *Maity S. K. Economic Life in the Gupta Age*, с. 39—41. Древние меры площади, упоминаемые в эпиграфике, сопоставляются с сохранившейся в некоторых районах Индии, в частности в Бенгалии, системой измерения земли количеством потребного для сева зерна. Дронавапа рассматривается как площадь, которую можно засеять 1 дроной (мера объема) риса. Если подсчитывать по площади, занимаемой рисовой рассадой, что, на наш взгляд, неверно, 1 патака равна 640—800 бигхов, если по площади, засеваемой зерном, — 192—240 бигхов, т. е. 29,2—35,5 га. Майти указывает, что в первом случае площадь деревни, состоящей из 11 патак, невероятно велика для Бенгалии — 7040—8800 бигхов. При втором исчислении она будет составлять 2112—2640 бигхов, что все-таки допустимо. Вычисления Д. Ч. Сиркара и С. К. Майти имеют тот существенный недостаток, что основаны на современных нормах высева зерна.

⁷⁸ EI, XVIII, с. 221, стк. 14. Д. Р. Сахни в соответствии с господствующей в индийской и английской историографии тенденцией рассматривать всякие группы населенных пунктов, связанных между собой, как установленные сверху административные единицы, переводит *pattalā* как *district*, хотя именно в этом случае наиболее ясно выступает значение «община», отмеченное в словаре Моньер-Вильямса (с. 579). Наше толкование этого термина см. ниже.

⁷⁹ *Mukerjee R. Tye Gupta Empire. Bombay, 1950*, с. 81, 115; *The History of Bengal. Vol. I. Dacca, 1943*, с. 652; *Maity S. K. Economic Life...*, с. 40—41.

⁸⁰ СII, III, № 22, с. 103.

⁸¹ EI, III, с. 222.

⁸² EI, II, с. 124.

⁸³ EI, IX, с. 37.

⁸⁴ EI, V, с. 39.

⁸⁵ EI, II, с. 344.

⁸⁶ *Wilson H. H. Glossary...*, с. 329; *Tamil Lexicon, Vol. IV. Madras, 1936*.

⁸⁷ Шукра I. 193. Слово «*kumbha*» («горшок», «глиняный сосуд») встречается в таком специфическом значении только в этом месте. Может быть, термин «*кумбха*» служил названием большой семьи, пища для которой готовилась в одном общем горшке, «котле».

⁸⁸ EI, IV, с. 258, стк. 8—9; *pañcadaśapallikādhpati*.

⁸⁹ EI, II, с. 129, стк. 37; *pāṭakdvayaṁ* (?) *pallikāgraman*.

⁹⁰ EI, XVI, с. 235.

⁹¹ EI, I, с. 85.

⁹² EI, II, с. 129. Ряд примеров, указывающих на это значение термина, приведен в кн.: *Saletore R. N. Life in the Gupta Age. Bombay, 1943*, с. 339.

⁹³ *INQ, XVII, 1941, № 1*, с. 112.

⁹⁴ EI, VII, с. 105.

⁹⁵ EI, XI, с. 18.

⁹⁶ СII, III, № 38, с. 16. Ср.: *Saletore R. N. Life in the Gupta Age*, с. 339.

⁹⁷ IA, XII, с. 201.

⁹⁸ EI, XVIII, с. 256.

⁹⁹ EI, III, с. 56.

¹⁰⁰ EI, IX, с. 2.

¹⁰¹ Яджнавалкья II. 31.

¹⁰² Гаутама XI. 20.

¹⁰³ Ману VII. 119. Комментарий Куллуки.

¹⁰⁴ EI, XX, с. 59 и следующие.

¹⁰⁵ *INQ, XIX, 1943, № 1*, с. 22.

¹⁰⁶ EI, XVIII, с. 62.

¹⁰⁷ EI, XV, с. 289.

¹⁰⁸ EI, VIII, с. 284.

¹⁰⁹ EI, XII, с. 135.

¹¹⁰ EI, IX, с. 98, стк. 44; *Cikhalī-vāṭakena samamekikṛtya*.

¹¹¹ СII, III, № 5, с. 31.

¹¹² *Bāṇabhaṭṭa. The Harsacharita of Bāṇabhaṭṭa with the Commentary (Saṅketa) of Śaṅkara. Ed. by Kāśināth Pāṇḍurang Parab. Bombay, 1897*, с. 56.

¹¹³ EI, IV, с. 103.

- ¹¹⁴ Bāṇabhaṭṭa. The Harṣacharita..., c. 230. См. перевод: «The Harṣa-charita of Bana», transl. by E. B. Cowell and F. W. Thomas. L., 1929, c. 228—229.
- ¹¹⁶ Baden-Powell B. H. The Indian Village Community. New Haven, 1957, c. 152, ср. с. 171. Этнография отсталых племен Индии дает много аналогий нашему материалу, в частности: засвидетельствованы общины — объединения нескольких (до 25) деревень (*парха* у санталов и хо); подразделения деревень на кварталы, являющиеся поселениями одной родственной группы; образование дочерних поселений вокруг общин.
- ¹¹⁶ Bāṇabhaṭṭa. The Harṣacharita, c. 227—231. Текст о переделе земли: *aṭavīprāyaprāntatīyā kuṭumbabharanākulāiḥ kuddālaprāyākṛṣibbiḥ kṛṣivalāirabalaavadbhīr uccabhāgabhāsitēna bhajyamārabhūriḥcālikhalakṣētrakhaṇḍalakam.*
- ¹¹⁷ JBORS XIV (1928), pt IV, c. 465: *kuṭumbino grāma-vāsinaśca.*
- ¹¹⁸ Prativāsinīyamśca kutumina. EI, IX, c. 41.
- ¹¹⁹ Ghoshal U. N. Contributions to the History of the Hindu Revenue System. Calcutta, 1929, c. 206.
- ¹²⁰ IHQ, 1943, XIX, № 1, c. 12.
- ¹²¹ EI, XX, c. 59, стк. 3: *bhāhmaṇḍottarān-mahattar-ādikuṭumbinah.*
- ¹²² CII, III, № 38, c. 16.
- ¹²³ A Collection of the Prakrit and Sanskrit Inscriptions. Bhavanagar, 1896. Valabhi Inscriptions. V, c. 45.
- ¹²⁴ CII, II, № 24, c. 110.
- ¹²⁵ IA, XXXIX, c. 195, стк. 7: «*bhavatan sakāśa*».
- ¹²⁶ Там же, c. 204, стк. 10. JASB. 1911, VII, c. 476: *bhavatānhiprasādā.*
- ¹²⁷ JASB. 1911, VII, № 8, c. 477.
- ¹²⁸ IHQ. 1935, XI, № 4, c. 611.
- ¹²⁹ IA, XXXIX, c. 195, стк. 13: *tac-ca-parama-bhaṭṭaraka-pādānāmātra-dharma-śad-bhāga-labhaḥ.*
- ¹³⁰ Там же, c. 195: *arthō-pacayō-dharmma-śad-bhāgā-pyāyanañca bhavati.* Строки 10—11: «*viṣayē-prak-samudramaryyādā catur-ddāin nārikya-kulya-vāpēna kṣettran vikriyā*».
- ¹³¹ CII, III, № 80, c. 286.
- ¹³² A Collection of the Prakrit and Sanskrit Inscriptions, c. 74; EI, III, c. 74; EI, XI, c. 105, EI, XXI, c. 181.

VI. <Город>

¹ Всемирная история. Т. III. М., 1954, с. 309; Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958, с. 80—81; История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 78; Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969, с. 557—559; Ашрафян К. З. Феодализм в Индии. М., 1977, с. 125, 128—129; см. также: Sharma R. S. Indian Feudalism: 300—1200. Calcutta, 1965, с. 66 и др.

² Hiuen-Tsiang. Chinese Accounts of India. Transl. from the Chinese. Vol. I—IV. L., 1904 (*Si-Yu-Ki. Buddhist Records of the Western World*); The Life of Hiuen-Tsiang by the Shaman Hwui Li, with the Introduction Containing an Account of the Works of Li I-Tsing, by S. Beal. L., 1914; Watters T. On Yuan Chwang's Travels in India (629—645 A. D.). Vol. I—II. L., 1904 (Oriental Translation Fund. New Series, Vol. XIV—XV).

³ Fa-hsien. A Record of the Buddhist Countries. Transl. from the Chinese by Li Yung-hsi. Peking, 1957, c. 43.

⁴ Там же, с. 60.

⁵ Там же, с. 51.

⁶ Там же, с. 54.

⁷ Ли, согласно С. Билу, равнялось примерно 300 м. Ян Куань в своем «Исследовании о размерах „чи“ в различные исторические эпохи Китая» (Шаихай, 1955, на кит. яз.) установил, что «чи» (1/1800 ли) в период Суй составляло 0,274 м, при династии Тан — 0,302 м. Таким образом, суйское ли равно 493,2 м, танское ли — 543,6 м. В «Древней Индии» Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин приняли длину ли в 270 м. Однако значение ли у Сюань Цзана неизвестно, поэтому размеры здесь даются без перевода в километры.

- ⁸ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. II, c. 1—2.
- ⁹ Там же, с. 24. У Т. Уоттерса перевод здесь другой: «Так как этот район долгое время был необитаем, то в нем население очень редкое» (*Watters T. On Yuan Chwang's Travels...*, vol. II, c. 1).
- ¹⁰ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. II, c. 24.
- ¹¹ Там же, с. 25.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же, с. 31.
- ¹⁴ *Осипов А. М.* Краткий очерк истории Индии до X века. М., 1948, с. 83
- ¹⁵ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. II, c. 43.
- ¹⁶ Там же, с. 78.
- ¹⁷ Там же, с. 74, 80.
- ¹⁸ Там же, с. 77—78.
- ¹⁹ Там же, с. 66.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Fa-hsien. A Record...*, c. 60.
- ²² *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. II, c. 86. См. также: *The Life of Huien-Tsiang...*, c. 101. Уоттерс переводит это место так: «К северу от столицы, близ Ганга, был маленький, обнесенный стеной город с примерно тысячью жителей».
- ²³ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. II, c. 82. Следует отметить, что не всегда ясно, город или деревня имеется в виду в английских переводах «Записок», когда употребляется слово «town».
- ²⁴ «После того как Шашанка-раджа разрушил религию Будды, духовенство было разогнано и рассеяно на многие годы» (*Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. II, c. 42). «Недавно Шашанка-раджа, когда он ниспровергал и уничтожал закон Будды...» (там же, с. 91). «Шашанка-раджа, будучи сторонником ереси, порочил религию Будды и из зависти разрушил монастыри и срубил дерево Бодхи» (там же, с. 118).
- ²⁵ *Yayaswal K. P. An Imperial History of India in Sanscrit Text (700 B. C.—770 A. D.)*. Lahore, 1934, c. 50—51.
- ²⁶ *Watters T. On Yuan Chwang's Travels...*, vol. II, c. 183.
- ²⁷ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. II, c. 193.
- ²⁸ *Cunningham A. Ancient Geography of India*. Calcutta, 1924, c. 478.
- ²⁹ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. II, c. 193.
- ³⁰ Там же, т. I, с. XC—XCI.
- ³¹ Здесь имеются в виду эфралиты — хуна.
- ³² *Rajatarangini. The Saga of the Kings of Kashmir. Transl. from the Original Sanscrit of Kalhana...* Allahabad, 1935, c. 34—35.
- ³³ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. I, c. 6.
- ³⁴ См. об этом: *Marshall J. Taxila*. Oxford, 1953. Vol. 1, c. 75.
- ³⁵ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. I, c. 97.
- ³⁶ *Ильин Г. Ф.* Древний индийский город Таксила. М., 1958, с. 80.
- ³⁷ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. I, c. 136—137.
- ³⁸ Там же, с. 167; *Watters T. On Yuan Chwang's Travels...*, vol. I, c. 238.
- ³⁹ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. I, c. 186—187.
- ⁴⁰ Там же, с. 207.
- ⁴¹ Там же, с. 222.
- ⁴² Цит. по: *Banerjea P. Public Administration in Ancient India*. Glasgo, 1916, c. 243.
- ⁴³ У Т. Уоттерса эта фраза передана так: «Жители очень многочисленны и имеют безграничные богатства, их дома полны драгоценностей» (*Watters T. On Yuan Chwang's Travels...*, vol. II, c. 47).
- ⁴⁴ *The History and Culture of the Indian People. Vol. III. The Classical Age*. Bombay, 1954, c. 587.
- ⁴⁵ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. I, c. 233.
- ⁴⁶ *Watters T. On Yuan Chwang's Travels...*, vol. I, c. 366. В переводе С. Биля эта фраза отсутствует.
- ⁴⁷ См.: *Das S. K. The Economic History of Ancient India*. Howrah, 1925.
- ⁴⁸ *Huien-Tsiang. Chinese Accounts...*, vol. I, c. 183.
- ⁴⁹ Там же, т. I, с. 235.

- 50 Там же, с. 239.
- 51 Там же, с. 190.
- 52 Там же, т. II, с. 61.
- 53 В тексте, вероятно, «чи», примерно равное англ. футу.
- 54 Там же, с. 192.
- 55 The Life of Hiuen-Tsiang..., с. XXXVIII; *I-Tsing: A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malay Archipelago* (A. D. 671—695). Vol. II. Oxford, 1896, с. 201.
- 56 Дандин. Приключения десяти принцев. Пер. Ф. И. Щербатского. М., 1964, с. 95.
- 57 Hiuen-Tsiang. Chinese Accounts..., vol. II, с. 201.
- 58 Kadambari of Bana. Transl. by C. M. Riding. L., 1896, с. 210—212.
- 59 Hiuen-Tsiang. Chinese Accounts..., vol. II, с. 270.
- 60 Cunningham. Ancient Geography of India, с. 560, 562.
- 61 Hiuen-Tsiang. Chinese Accounts..., vol. II, с. 269.
- 62 Там же, с. 266.
- 63 Там же, с. 270.
- 64 Там же, с. 265.
- 65 Там же, с. 271.
- 66 Там же.
- 67 Там же, т. I, с. 178.
- 68 Там же, т. II, с. 272—273.
- 69 Там же, с. 276.
- 70 Там же, т. I, с. 165.
- 71 Там же, т. II, с. 275.
- 72 Там же, с. 274.
- 73 Там же, с. 274—275.
- 74 Там же, т. I, с. 175—176.
- 75 Там же, с. 178.
- 76 Там же, с. 98.
- 77 Там же, т. II, с. 196.
- 78 Sharma R. S. Indian Feudalism...
- 79 EI, XXX, с. 276.
- 80 EI, XXV, с. 233.
- 81 EI, VII, № 6; Sharma R. S. Indian Feudalism..., с. 133.
- 82 EI, VII, с. 82—83.
- 83 EI, XXV, с. 233.
- 84 EI, I, с. 174; Puri B. N. The History of the Gurjara-Pratiharas. Bombay, 1957, с. 130—131.
- 85 EI, IV, с. 243.
- 86 JRAS. July 1895, с. 513—521.
- 87 EI, III, с. 266.
- 88 EI, I, с. 173.
- 89 Puri B. N. The History..., с. 109.
- 90 История Индии в средние века. М., 1968, с. 110—118; см. также: Медведев Е. М. Генезис феодальной формации в Индии.— Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973, с. 80—93.
- 91 EI, XIX, с. 52—62.
- 92 Об археологических разведках на месте города см.: Archaeological Survey of India. Annual Report 1925/26, с. 56—58; Chattopadhyaya B. D. Trade and Urban Centres in Early Medieval Northern India.— IHR. Vol. I, 1974, с. 206—207; Sharma R. S. Light on Early Indian Society and Economy. Bombay, 1966, с. 138—139.
- 93 Например, среди торговцев лошадьми были брахманы (EI, I, с. 184—190; Chattopadhyaya B. D. Trade and Urban Centres..., с. 205).
- 94 См.: Самозванцев А. М. Теория собственности в древней Индии. М., 1978.
- 95 Sharma R. S. Indian Feudalism..., с. 131.
- 96 Там же, с. 129—130.
- 97 Там же, с. 134.
- 98 Там же, с. 117.

- ⁹⁹ Majumdar R. C. Corporate Life in Ancient India. Calcutta, 1922, с. 21.
- ¹⁰⁰ См.: Бонгард-Левин Г. М. О сословной организации в ганах и сангхах древней Индии. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964; он же. Некоторые черты сословной организации в ганах и сангхах древней Индии.— Касты в Индии. М., 1965; он же. Республики в древней Индии.— ВДИ. 1966, № 3.
- ¹⁰¹ Апастамба II, 10, 25. 5.
- ¹⁰² О взаимоотношении царской власти и горожан см.: Бонгард-Левин Г. М. Некоторые особенности государственного устройства империи Маурьев (источники и проблематика).— История и культура древней Индии. М., 1963.
- ¹⁰³ Acharya P. K. Architecture of Mānasāra. L., 1933, Vol. I—V и др. источники.
- ¹⁰⁴ Sharma R. S. Indian Feudalism..., с. 287, см. также Appendix II.
- ¹⁰⁵ Si-Yu-Ki. Buddhist Records of the Western World, vol. I.
- ¹⁰⁶ Артхашастра III. 9.
- ¹⁰⁷ Там же, III. 20.
- ¹⁰⁸ Там же, IV. 1.
- ¹⁰⁹ Милиндапанья IV. IV. 5.
- ¹¹⁰ Нарада V. 16.
- ¹¹¹ Там же, 21.
- ¹¹² Комментарий Медхатитхи к Ману VIII. 219.
- ¹¹³ EI, XIII, с. 15.
- ¹¹⁴ СН, III, с. 84—87.
- ¹¹⁵ Брихаспати XVII. 18.
- ¹¹⁶ См.: Дандин. Приключения десяти принцев. М., 1964, с. 67, 113.
- ¹¹⁷ Ману VII. 122.
- ¹¹⁸ Там же, 121.
- ¹¹⁹ Панч. Пурн. 1.3.
- ¹²⁰ Дандин. Приключения десяти принцев, с. 110.
- ¹²¹ См.: Husaini S. A. Q. The Economic History of India (from the Earliest Times to the Formation of Feudalism). Vol. I. Calcutta, 1962, с. 95.
- ¹²² Sharma R. S. Indian Feudalism..., с. 129.
- ¹²³ Там же, с. 69—70, 73, 131.
- ¹²⁴ Антонова К. А. К вопросу о развитии феодализма в Индии.— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. III. М., 1952, с. 29—30. Об этой надписи см. также: Sharma R. S. Indian Feudalism..., с. 71.
- ¹²⁵ Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии. М., 1959, с. 94—95, 104.
- ¹²⁶ Алаев Л. Б. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII веков. М., 1964, с. 55—56.
- ¹²⁷ Tod J. Annals and Antiquities of Rajasthan. Vol. I. L., 1829, с. 145.
- ¹²⁸ The History and Culture of the Indian People. Vol. III. The Classical Age, с. 345.
- ¹²⁹ Sirkar D. C. The Charter of Vishnusena, Samvat 645.— EI, XXX, с. 163—181; Kosambi D. D. Indian Feudal Trade Charters.— JESHO. Vol. II, pt 3, с. 281—293; Sharma R. S. Indian Feudalism..., с. 69—70; Yadava B. N. S. Society and Culture in Northern India in the Twelfth Century. Allahabad, 1973, с. 273.
- ¹³⁰ В надписи документ назван: ācāra-sṭhiti-pātra (стк. 3), sṭhiti-pātra (стк. 4, 30), sṭhiti-vyavasthā (стк. 33), sṭhiti-pātra-vyavasthā (стк. 34).
- ¹³¹ EI, XXV, с. 225—238; XIV, с. 189—191.
- ¹³² Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. Краткий очерк. М., 1973, с. 124, 156; они же. История Индии. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1979, с. 123, 168.
- ¹³³ Kosambi D. D. Introduction to the Study of Indian History. Bombay, 1956.
- ¹³⁴ surā-ara[ṇa] syāvalokye rūpaka-trayaṁ dhārmike rūpakaḥ sa-pādaḥ (стк. 17—18).
- ¹³⁵ yantra-kuṭy-ādānain rūpaka-trayaṁ rū 3 dhārmike rūpakaḥ sa-pādaḥ (стк. 20—21).

¹³⁶ ikṣu-vat-ādānaṁ rūpakāḥ dvātrīṁśat rū 30 2 dhārmhike rūpaka-dvayaṁ sa-pādaṁ rū 2 1/4 (стк. 20).

¹³⁷ alla-vatasy-āto-ādānaṁ (nam) (стк. 20).

¹³⁸ bhāṇḍa-bhṛta vahitrasya śulka-ātiyātrike rūpakāḥ dvādaśa rū 10 2 dhārmhike rūpakāḥ rū 1 1/4 (стк. 21—22).

¹³⁹ kha[llā-bha] raka [sya] rūpakāḥ sa-pādaḥ saha dhārmhikena (ṇa) rū 1 1/4 (стк. 27).

¹⁴⁰ vaṁśa-bhṛta-vahitrasya rūpakāḥ ṣaṭ sa-pādaḥ saha dhārmhikena (ṇa) rū 6 1/4 (стк. 24).

¹⁴¹ vyavahār-ābhilekhitaka-karaṇa-sevakasya-madhyahnād-ūrdhvaṁ nirupasthitasya vinayo rūpakāḥ ṣaṭ-sa-pāda-saha dhārmhikena (стк. 13).

¹⁴² mudr-āpacāre vinaye rūpakāḥ ṣaṭ-sa-pādaḥ saha dhārmhikena (стк. 14).

¹⁴³ arggha-varīcane rūpaka-trayaṁ sa-pādaṁ saha dhārmhikena (стк. 26).

¹⁴⁴ madya-vahanakasya-ādāne rūpakāḥ pañca rū 2 dhārmhike rūpakāḥ sa-pādaḥ rū 1 1/4 (стк. 26).

¹⁴⁵ pada-ghatasya viṁśopakāḥ pañca saha dhārmhikena (ṇa) (стк. 27).

¹⁴⁶ rājakiya-gaṇje kalvapāla-vārikena caturttha-śotihastena meyam muktva n-ānyat-[ki]micit-karaṇiyaṁ yaṁ (стк. 19).

¹⁴⁷ rāj-argghikaya madya-caturttha dvayaṁ 2 (стк. 18).

¹⁴⁸ āsmākaṁ loka-saṁgrah-ānugrah-ārtham (стк. 3).

¹⁴⁹ ...ye c-ānye-[pu]rvya-valamānak-acārās-te-pi mayā samanujñataḥ (1. 28—29).

¹⁵⁰ varṣa-parryuṣita vaṇijaḥ prāveśyam śulka-ātiyātrikam na dāpaṇiyāḥ naigrgamikaṁ deyaṁ (yam) (стк. 21).

¹⁵¹ chimpaka-kolika-padakārāhaṁ yath-ānurūpa-karmaṇaḥ janapadamūlyād-rājakule-rdh-ādānaṁ (nam) (стк. 28). О значении слова chimpaka см.: EI, XXX, с. 178. Rajakula — букв. «царский род, семья» — нередко заменяет в подобном контексте термин, обозначающий правителя. Смысл этого выражения более широкий, чем буквальный; может быть, удачным будет перевод «[в пользу] княжеского дома».

¹⁵² varṣāsu sva-viṣayāt bij-ārtham-āgataka-karṣakāḥ svāmi-nā na grāhyāḥ (стк. 10).

¹⁵³ kāmasya-dosy-āyudhānām (nam) ā[sā]dhī-pauruṣamāsī-bharolakanirodhena drahaṇaka-praviṣṭaṁ bhavati/grahaṇakeṣu saṇḍako n-anusaraṇiyāḥ (стк. 18—19).

¹⁵⁴ lohakāra-rathakāra-nāpita-kumbhakāra-prabhṛtinām vārikena viṣṭiḥ-karaṇiyā (стк. 28).

¹⁵⁵ dheṇkyakadḥaka- niladumhakāś-ca viṣṭim na kārayitavyāḥ (стк. 8).

¹⁵⁶ sarva-śreṇinām-ek-āpaṇako na deyaḥ (стк. 6).

¹⁵⁷ peṭavika-vārīcena pañca-rātrake pañca-rātrake karttavyam-arggha-nivedanaṁ (nam) a-nīvedayato vinaye rūpakāḥ ṣaḍdhārmhike pādaḥ (стк. 11—12).

Петавика-варика — видимо, чиновник, надзиравший за рынками.

¹⁵⁸ āraṇe āsanasthasya chalo na grāhyāḥ (стк. 6).

¹⁵⁹ para-visayāt-kāraṇ-ābhyāgato vāṇijakaḥ para-rese na grāhyāḥ (стк. 7).

¹⁶⁰ āputrakam na grāhyaṁ (hyam) (стк. 4).

¹⁶¹ unmara-bhedo na kurāṇiyo rāja-purusena (стк. 4).

¹⁶² sāmānt-āmātya-dūtānām-anyesaṁ c-ābhyupāgame śayaniyāsana-siddhānaṁ na dāpayet (стк. 6).

¹⁶³ EI, XIV, с. 190—191.

¹⁶⁴ EI, XXV, с. 225—238.

¹⁶⁵ Там же, с. 237.

¹⁶⁶ EI, III, с. 301.

<Вместо заключения>

¹ Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981, с. 32—71.

² Надирадзе Л. И. Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII—VIII вв. — Арабские страны. История. Экономика. М., 1970.

³ Смиланская И. М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (на материалах Сирии, Ливана и Палестины). М., 1979, с. 79.

⁴ *Спекторов Л. Д.* Феодалные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората (основные формы земельной собственности в середине XIX в.). М., 1979.

⁵ *Алаев Л. Б.* О характере общественного строя средневековой Индии.— Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.

⁶ *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1969, с. 45.

⁷ *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969, с. 572; *Алаев Л. Б.* Сельская община..., с. 80.

⁸ *Павлов В. И.* К социально-формационной характеристике восточных обществ в новое время.— *Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.

⁹ *Семенов Ю. А.* Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения.— Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Айтарейя-брахмана — The Aitareya Brahmanam. Ed., transl. and explained by M. Hang. Vol. I—II. Bombay, 1863
- Ангуттара-никая — The Aṅguttara-Nikāya. Ed. by R. Morris. Pts 1—6. L., 1885—1900; Aṅguttara-Nikāya. Transl. by F. L. Woodward. Vol. 1—4. L., 1932—1936
- Анушасанапарва — см. Махабхарата
- Апастамба — The Sacred Laws of the Aryas as Taught in the Schools of the Apastamba, Gautama, Vāsishtha and Baudāyana.— Sacred Books of the East. Vol. II, XIV. Oxf., 1879, 1882
- Арриан — Арриан. Индия.— ВДИ. 1940, № 2; Арриан. Поход Александра. М.—Л., 1962
- Артакшастра — Артакшастра или наука политики. М.—Л., 1959; The Kauṭīliya Arthaśāstra. Pts I—II. Ed. by R. P. Kangle. Bombay, 1960, 1962
- Атхарваведа — Atharvaveda. Transl. by W. D. Whitney. Cambridge. Mass., 1905; Atharvaveda. B., 1856
- Брихаспати — Brhaspatismṛti. Ed. K. V. Rangaswami Aiyangar. Baroda, 1941; The Minor Law-Books.— Sacred Books of the East. Vol. 33. Oxf., 1889
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВИ — Вопросы истории. М.
- Виная-питака — Vinaya Pitaka. Ed. by H. Oldenberg. Vol. I—III. L., 1879—1883. Vinaya Texts. Transl. by T. W. Rhys Davids and H. Oldenberg. Pts I—III. Oxf., 1881—1885
- Вишну — The Institutes of Vishnu. Oxf., 1880
- Гаутама — см. Апастамба
- Джатака — Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births. Transl. by E. B. Cowell and Others. Vol. I—IV. L., 1957
- Дигха-никая — The Digha-Nikāya. Ed. by T. W. Rhys Davids and J. E. Carpenter. Vol. I—III. L., 1890—1911
- Диодор — Историческая библиотека. Ч. 1—6. СПб., 1774—1775
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
- КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения. М.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии. М.
- Курий Руф — Quintus Curtius Rufus. Historiae Alexandri Magni. Ed. by E. Hedicke. Leipzig, 1908
- Маджхима-никая — The Majjhima nikāya. Ed. by R. Chalmers. Vol. I—II. L., 1951
- Ману — Законы Ману. М., 1960; Mānava-dharma-sāstra (Institutes of Manu) with the Commentaries Medhātithi, Sarvajñanārāyaṇa, Kullūka, Rāghuvāṇḍa, Nandana and Rāmachandra and an Appendix. Vol. I—III. Bombay, 1886
- Матсья-пурана — Matsya Purāṇa. Poona, 1907; Matsya Purāṇa, Eng. Transl. Vol. I—II. Allahabad, 1916—1917
- Махабхарата — Махабхарата. Адипарва. М.—Л., 1950; Сабхапарва. М.—Л., 1962; Виратапарва. Л., 1967; Махабхарата. Т. I—VII. Ашхабад, 1956—1963; The Mahābhārata, for the First Time Critically ed. by V. S. Sukthan-

- kar. Poona, 1927—1966; Mahabharata. Eng. Transl. Calcutta, 1926—1932
- Махавагга — см. Винья-питака
- Милинда — The Milindapañho. Being Dialogues between King Milinda and the Buddhist Sage Nāgasena. Ed. by V. Trenckner. L., 1928
- Нарада — Nārada Smṛti. Ed. by J. Jolly. Calcutta, 1885—1886; The Minor Law-Books. — Sacred Books of the East. Vol. 33. Oxf., 1889
- НАА — Народы Азии и Африки. М.
- Панини — Paṇini-Sūtra-Pāṭha and Paṇiṣṭas with Word Index. Poona, 1935
- Панч. Пур. — Панчатантра Пурнабхадры. М., 1959
- Патанджали — The Vyākaraṇa-Mahābhāṣya of Patañjali. Vol. I—III. Bombay, 1932—1937
- Плиний — Pliny. Natural History. Vol. I—X. L., 1947—1961
- Раджатарангини — Rajatarāṅgiṇi. The Saga of the Kings of Kashmir. Allahabad, 1935
- Рамаяна — Rāmāyaṇa. Ed. by Raghu Vira. Lahore, 1938; Vālmīki. The Rāmāyaṇa. Transl. into English Prose. Calcutta, 1892—1894
- Ригведа — Die Hymnen des Rīgveda. Bd. I—II. B., 1955; The Hymns of the Rīgveda. Transl. by R. T. H. Griffith. Vol. I—II. Benares, 1896—1897
- СВ — Советское востоковедение. М.
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия
- Страбон — Страбон. География. М., 1964
- СЭ — Советская этнография. М.,
- Хемачандра — Hemachandra. Kumārapala-charita or Dvyasraya-kavya. 2nd., rev. ed. Poona, 1936
- Чхандогья — Чхандогья упанишада. М., 1965
- Шатапатха — Śatapatha Brāhmaṇa. Ed. by A. Weber. L., 1885; The Śatapatha-Brāhmaṇa. Transl. by J. Eggeling. Vol. I—5. Delhi, 1963
- Шука — Шукасаптити. Семьдесят рассказов попугая. Пер. с санскрита. М., 1960
- Шукра — Sukranitisara or the Elements of Polity. Ed. by G. Oppert. Madras, 1882
- Яджнавалкья — Yajñavalkyasmṛti of Yogiśvara Yajñavalkya, with the Commentary Mitakṣarā of Vijñāneśvara. Bombay, 1949
- СII, II — Corpus Inscriptionum Indicarum. Vol. II. Sten Konov. Kharoshthi Inscriptions. L., 1929
- СII, III — Corpus Inscriptionum Indicarum. Vol. III. Fleet J. F. Inscriptions of the Early Gupta Kings and their Successors. Calcutta, 1888
- EI — Epigraphia Indica. Vol. I—XXXVII. Calcutta—New Delhi, 1888—1965
- IHQ — Indian Historical Quarterly. Madras
- IHR — Indian Historical Review. New Delhi
- JASB — Journal of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta
- JBORS — Journal of the Bihar and Orissa Research Society. Patna
- JESHO — Journal of Economic and Social History of the Orient. Leiden
- JOR — Journal of Oriental Research. Madras
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society. L.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ Е. М. МЕДВЕДЕВА

- К вопросу о формах землевладения в Северной Индии в VI—VII вв.—Проблемы востоковедения. 1959, № 1, с. 49—61.
- Рец.: Штейн В. М. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности (до III в. н. э.). М., 1960, 176 с.—Народы Азии и Африки. 1961, № 4, с. 218—222 (совм. с Б. Л. Рифтиным).
- Пословицы и поговорки хинди.—Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961, с. 595—604 (совм. с Ю. А. Смирновым).
- Об уровне географических знаний древних индийцев в III—I вв. до н. э.—Краткие сообщения Института народов Азии. LVII. Сборник памяти Ю. Н. Рериха. М., 1961, с. 73—82.
- Эволюция формы индийских дарственных грамот и их происхождение (III—XII вв.).—История и культура древней Индии. М., 1963, с. 177—188.
- Рец.: Народы Южной Азии. Индия, Пакистан, Непал, Сикким, Бутан, Цейлон и Мальдивские острова. Народы мира. Этнографические очерки.—Вестник АН СССР. 1964, № 5, с. 166—170 (совм. с Д. В. Деопиком).
- Опыт исследования древнеиндийской общины по данным топонимики.—Индия в древности. М., 1964, с. 218—230.
- Рец.: Алаев Л. Б. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII веков. М., 1964.—Народы Азии и Африки. 1965, № 1, с. 127—132.
- Kamtakara и bhrtaka. К проблеме формирования низших каст.—Касты в Индии. М., 1965, с. 133—149.
- Подготовка к изд., ред., от редактора (с. 3—8), примеч.—Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 г. И. П. Минаевым. М., 1966, 259 с.
- Индийский город в раннее средневековье.—Научная конференция «Ломоносовские чтения». Тезисы докладов. ИВЯ. М., 1966, с. 15—17.
- Проблема социально-экономического строя древней Индии в работах советских историков.—Межвузовская научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии. 20—22 декабря 1966 г. Тезисы докладов. М., 1966, с. 59—60.
- К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии.—Народы Азии и Африки. 1966, № 6, с. 65—77.
- И. П. Минаев — фольклорист.—Иван Павлович Минаев. М., 1967, с. 95—105.
- Возникновение феодализма в Северной Индии. Автореф. канд. дис. М., 1967, 26 с.
- История Индии в средние века. М., 1968. Авт. глав: Возникновение феодальных отношений, с. 19—51; Северная Индия в VII—XII веках, с. 52—90; сост. ист. карт: Индия в VI—VII вв.; Индия во второй половине IX—середине X в.; Индия с середины X в. до 1175 г. Вклейка между с. 68—69, с. 88.
- Le régime socioéconomique de l'Inde ancienne.—Les cahiers du centre d'étude et de recherche marxistes. P., 1959, № 71, 19 с.
- Памятники средневековой индийской литературы как источник по истории социально-экономических отношений в феодальной Индии («обрамленная повесть»).—Историография стран Востока. Проблемы социально-экономиче-

- ской истории феодализма в странах Востока (историографические очерки). М., 1969, с. 152—179.
- Феодалыные отношения в древней и средневековой Индии.— Народы Азии и Африки. 1970, № 3, с. 71—79.
- О самоуправлении североиндийских городов раннего средневековья.— Индийская культура и буддизм. Сборник статей памяти академика Ф. И. Щербатского. М., 1972, с. 103—114.
- Рента, налог, собственность. Некоторые проблемы индийского феодализма.— Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока. Сборник статей памяти И. М. Рейснера. М., 1972, с. 15—44.
- Города Северной Индии в VI—VII вв. (по данным Сюань Цзана).— Страны и народы Востока. Вып. 14. Индия— страна и народ. Кн. 3. М., 1972, с. 168—183.
- Третье издание учебника по истории Древнего Востока. Рец. раздела «Древняя Индия» в кн.: Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970. 608 с.— Народы Азии и Африки. 1972, № 5, с. 144—145 (совм. с А. В. Герасимовым).
- Рец.: Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969, 736 с.— Вестник древней истории. 1972, № 2, с. 135—140.
- Генезис феодальной формации в Индии.— Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973, с. 56—95.
- Изучение советскими историками проблемы формирования традиционного общества в Индии.— Современная историография стран зарубежного Востока. Роль традиционных институтов в историческом развитии народов Востока. М., 1975, с. 3—31.
- Южная Азия.— Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблема исторических контактов). М., 1978, с. 39—71, 265—267.
- Об уровне товарно-денежных отношений в индийском городе раннего средневековья.— Бартольдские чтения. 1978. Год четвертый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1978, с. 40—42.
- К вопросу о формировании кастовой системы в Индии. Возникновение варны шудр.— Вестник Московского университета. Серия XIII. Востоковедение. 1978, № 3, с. 14—24.
- Важный источник по истории индийского города раннего средневековья (надпись из Ахара).— Санскрит и древнеиндийская культура. Сб. статей и сообщений советских ученых к IV Всемирной конференции по санскриту (Веймар, ГДР, 23—30 мая 1979 г.). II. М., 1979, с. 51—62.
- Ancient Indian Society: Feudal or Slave-owning System? — Soviet Land. November, 1979, № 21, с. 26.
- Изучение и преподавание истории стран Азии и Африки в Московском университете.— Вестник Московского университета. Серия XIII. Востоковедение. 1979, № 4, с. 25—26, 27—28.
- Методическая конференция по курсу истории стран Азии и Африки в древности.— Вестник Московского университета. Серия XIII. Востоковедение. 1980, № 1, с. 67.
- О товарно-денежных отношениях в индийском городе второй половины I тысячелетия н. э.— Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 139—153.
- Грамота 592 г. городской общины Лохаты (Гуджарат).— Бартольдские чтения. 1981 (Тезисы докладов и сообщений). 1—5 апреля 1981 г. М., 1981, с. 56—58.
- Индийский город раннего средневековья по эпиграфическим источникам.— Тезисы докладов и сообщений советских ученых к V Международной конференции по санскритологии. М., 1981, с. 129—134.
- Рец.: Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. М., 1979, 608 с.— Народы Азии и Африки. 1981, № 3, с. 201—213 (совм. с А. В. Райковым).
- Основные этапы развития феодальных отношений в Индии в древности и средневековье.— Узловые проблемы истории Индии. М., 1981, с. 96—117.
- Рец.: Павлов В. И. К стадильно-формационной характеристике восточных об-

- ществ в новое время.— Народы Азии и Африки. 1982, № 1, с. 156—159.
- Роль географического фактора в исторических контактах индийской цивилизации с окружающим миром.— Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с. 202—218.
- Феодальная собственность индийского духовенства в раннее средневековье.— Бартольдские чтения. 1982. Год шестой. Тезисы докладов и сообщений. М., 1982, с. 40—41.
- Ценный труд по духовной культуре древней Индии (Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980, 333 с).— Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1982. М., 1982, с. 166—170.
- Рец.: Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981, 240 с.— Народы Азии и Африки. 1983, № 1, с. 192—198.
- Вторая Всесоюзная конференция востоковедов.— Народы Азии и Африки. 1983, № 6, с. 126—127 (совм. с А. Э. Азархом, Е. А. Биргауз, В. М. Солнцевым).
- Предисловие. Переводы. Комментарии.— Индия в литературных памятниках III—VII веков. Учебное пособие. М., 1984, с. 3—9, 79—165.
- Хартия Вишнушены как источник по истории раннесредневекового города.— Древняя Индия. Язык. Культура. Текст. М., 1985, с. 222—239.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ *

- Абхиры 95
 Авантьи 110
 Авари 238
 Аватара 95
 Аграхара 162, 187
 А-данда-кара 20
 Адхипати 29
 Адхьякша 20, 160
 А-карада 184
 Анаса 100
 Анги 94
 Андхака-вришнн 95
 Антаवासайнн 112
 Аправешанин 18
 Арабы 147
 Ардха-ситтика 278
 Арни 39, 61, 62, 64, 90—95, 98—110, 112, 114, 151, 152, 157, 169, 171, 172, 176—178
 Арьябхава 279
 Арьявари 101
 Аснкии 100
 Асур 65, 94
 Ахир 122 (см. также абхиры)
 Ахом 59, 119
 Ачара 262
 Ашрам 162, 196
 Аптакула 215, 249

 Баджра 66
 Бали 154, 155
 Брахмадея 16, 18—21, 31, 32, 162, 163, 165, 171, 183—185, 187, 188, 190—192, 194, 214, 260, 289
 Брахман 17—20, 24—29, 31, 32, 34, 40, 95—103, 105, 106, 108—111, 153—155, 162, 163, 165, 166, 168, 169, 177—180, 183, 185—192, 194, 200, 211, 212, 225, 235, 240, 241, 244, 247, 249, 252, 257, 288, 289, 292
 Брахманизм 93, 96, 101
 Бурншики 85

 Бхагабхогакара 18, 183
 Бхата 18, 184
 Бхатака 113, 139, 240 (см. также Бхртака)
 Бхикшу 161, 163
 Бхилы 29, 120—122, 205
 Бходжи 95
 Бхртака 113, 114, 116—118, 161, 278
 Бхрти 114, 272, 278
 Бхрти 114, 272, 278
 Бхунджита 160

 Вадджи 247
 Вайшья 97—102, 105, 110, 112, 158, 159, 168, 169, 177, 178, 180, 247, 278
 Валлика 203
 Варга 251
 Варна 91, 93, 96—104, 106—108, 110—112, 114, 121, 122, 153—155, 159, 169, 171, 176, 177, 251, 277, 281, 288
 Васа (Васака) 204
 Васати 106
 Вахик 106
 Ведды 94
 Ведизм 101, 111
 Веды 100, 101
 Веш 203
 Виш 99
 Вишая 185, 213, 233, 265, 267, 269
 Вишти 184, 266, 269
 Вратын 110

 Гавишти 152
 Гавьюддха 152
 Гандхарвы 94
 Гана 46, 104—107, 158, 169, 170, 179, 180, 195, 219, 247, 250
 Гарасия 121
 Геронт 106
 Гетера 47 (см. также Девадаси)
 Гобраха 117
 Гопа 20

* В указателе включены лишь основные термины, географические названия и имена.

Гонды 121, 122, 193, 288
Готра 19
Грама 195—198, 202—204, 242, 255,
261
Грамадхипати 29
Грамастха 196
Грамнка 211—213, 215
Грас 30, 121, 193
Греко-бактрийцы 61, 109
Гриха 204
Грихьясутра 103
Гуджар 120
Гурджары 119, 122, 129, 134
Гурунги 59, 93

Дарада (Дарды) 109
Даса, даси 44, 46, 47, 100—105, 115,
159, 164, 166, 168—170, 172, 178,
179, 292
Дасаварна 101
Даса-парибхога 116
Дасью 100—103, 168, 169
Дашапарадха 18, 185, 186
Двнджати 101, 104
Девадаси 47 (см. также Гетера)
Девадайя (девадана) 16, 162, 181,
187, 191, 260
Деша 251
Джагир 290
Джагирдар 82
Джаджмани 113, 269, 274, 276, 277
Джана 104
Джанапада 104, 110, 248, 264, 270,
271
Джатака 22, 28, 115, 161, 162, 172
Джати 96, 97, 109, 110, 112, 113, 250
(см. также Каста)
Джати 120, 121, 145, 203, 281
Джовар 66
Дравиды 90, 109, 135, 176, 177
Дрона 200, 201
Дулос 170
Дута 185, 268
Дутака 243
Дхарма 213
Дхармасутра 103, 110
Дхармашастра 19, 20, 22—24, 26, 28,
39, 100, 103, 108, 109, 114, 156,
157, 172, 185, 194, 203, 214, 251
Дхармика 258—260, 263, 265, 266
Дэв 217—220, 224

Иктадар 82
Илоты 99, 100, 104, 170, 179, 291, 292
Индоарии 93, 95, 101, 151, 158, 179
Индунэм 93, 95, 96, 110, 111, 171

Кавья 209
Камбоджн 106, 109, 169
Кара 155

Карада 19
Каранмай 163
Кармакара (Каммакара) 45, 105,
113—118, 158, 159, 161, 164, 165,
278, 279
Кархане 282
Каста (Джати) 37, 77, 93, 96, 97,
111—114, 120, 122, 145, 175, 179,
180, 194, 248, 250, 270, 271, 275—
282, 286—288, 290—294
Катехры 121
Киннар 94
Кират 94, 109, 113, 125
Китайцы 147
Коли 46
Кона 200, 201
Кула 21, 160, 165, 287
Кульявапа 200
Кумбха 202
Куру 95, 109
Кута шасана 19
Кутумбин 17, 24, 202, 204, 211—215
Кхасы 93
Кшатрап 127, 202
Кшатрий 28, 40, 46, 91, 95, 97—102,
104—106, 109—111, 120, 153, 154,
157, 159, 166, 168, 169, 177—180,
193, 219, 240, 241, 244, 270, 288,
292

Лава 109
Личхави 105, 106, 247

Магар 59
Мадраки 106, 127
Макалы 109
Малавы 127
Малайцы 149
Маратхи 295
Махаданданаяка 256
Махаджан 235, 236
Махаджанапада 95, 104, 110, 158, 270
Махакартакритнка 256
Махапратихара 256
Махараджа 256, 257
Махараджадхнраджа 127, 131, 188,
189
Махаранакка 188
Махасаманта 256
Махаттар 211—213, 215
Мевы 121
Мнятчи 163
Млеччхи 98, 100, 102, 103, 109, 132,
172, 221, 278
Мукаддам 289
Мунда 59, 60, 91, 92, 177

Нагарашрештхнн 252—254
Нагарсетх 254
Наги 94, 95
Наяка 189

Нибандха 289
Нивартана 162
Нигама 250, 271
Ниргрантх 219
Нишады 67, 113, 125
Непальцы 248
Ном 105

Одра 109

Падра (Падрака) 202
Палли (Паллика) 202
Панн 94
Пара 197, 205
Парада 109
Парфяне (Пахлава) 61, 109
Паршавы 106
Пата (Патака) 196—201
Патта 193, 196, 197
Паттидарн 198, 201
Паура 271
Пахлава 109 (см. также Парфяне)
Персы 149
Песса 115
Пишачн 94, 106
Полнс 105, 110, 262, 270, 271, 273
Пракшепаниям 18
Пратья 202
Пуга 195, 203, 246, 250, 271
Пулинда 125
Пуйдрака 109
Пура 196
Пурана 39
Пушьямитры 127, 128

Рага 66
Раджа 91, 119, 159, 164, 188, 233,
259, 260, 268
Раджан 154, 247
Раджакнянам-а-хаста (или ан-ангу-
ли) 18
Раджакула 264
Раджапуруша 18, 185
Раджгонд 121
Раджпуты 28, 30, 31, 119—121, 129,
132—134, 136—138, 142, 143, 181,
189, 192—194, 235, 241, 288, 289,
293, 295
Ракшас 94
Раштра 252
Раштракуты 189, 288

Сабха 191, 192, 272
Саманта 188, 256—259
Сангха 46, 104—107, 110, 145, 158,
169, 170, 179, 180, 247
Сангхарам 217—219, 224, 225
Санкхьяка 20
Саньяси 225

Сарва-кара 184
Саттваты 95, 110
Свамин 265
Сингалы 94
Сита 159, 164—166
Скифы-саки (Шаки) 61, 109
Смрити 162
Содран (Согдан) 102
Стаханика 249
Суры 94
Сутрашала 47, 145

Таманги 59
Тамра-патта 260, 261, 268
Тараф 201
Тибетцы 119, 177, 248
Тохары 61, 119, 122, 127
Тригарты 106
Турушки 132
Тхок 201

Удранга 18, 183
Упанаяна 104
Упарикара 18, 183
Уттарасабха 272
Хала (Халака) 203
Хасита 238
Хиранья 18, 183
Хохары 120, 121, 288
Хуна (эфталиты) 61, 128, 135, 221
Хунзакуты 85
Хутэ 289

Чамар 281
Чандал 102, 103, 112
Чара 252
Чата 18, 184, 185
Чаудхри 289
Чатурварнья 97, 109
Чигирь 35, 147
Чина 109
Чора (Чаура) 18, 185
Чотия 254
Чхаттра 184, 185

Шабаны 125
Шабар 108, 113
Шад-бхага 156, 181
Шаки 109, 119, 122, 127 (см. также
Скифы)
Шакха 19
Шакья 46, 217
Шандака 202
Шастра 112, 165, 212, 247, 248
Шраутасутра 103, 109
Шрейн (Аиа, Пуга, Нигама) 34, 107,
145, 203, 234, 236, 246, 250—257,
269, 271
Шрештхин 272 (см. также Нагараш-
рештхин)

Шудры 38, 77, 97, 98, 101—105, 108,
110—113, 158, 171, 177, 178, 180,
251, 277, 278, 281, 292

Шулка 18

Экаджати 101, 104, 110

Эфталиты 119, 120, 122, 128, 129, 221,
222, 228, 245, 274, 294 (см. так-
же Хуна)

Яваиа 109, 134

Яду (Ядавы) 95

Яккхи 65, 94

Якша 94

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абу 138
 Аванти 257, 269
 Агра 137
 Адмир (Аджаямеру) 141, 143
 Айодхья 66, 161, 226
 Аллахабад 27, 247 (см. также Пра-
 яга)
 Амор 132
 Альвар 235
 Амаравати 146
 Амри 87
 Амударья 85
 Анандапура 227
 Анахилапатака (Патан) 140
 Анга 104, 139, 144
 Андхра 142
 Аравийское море 127, 149
 Аравия 67, 231
 Аратта 106
 Арикамеду 68
 Арьяварта 108
 Ассам 197
 Афганистан 54, 55, 58, 60, 61, 85, 86,
 91, 105, 119, 126, 132, 140, 152,
 169, 221
 Африка 67
 Ахар 239, 240
 Ахичхатра 125
 Бадаун 143
 Бадахшан 58, 59
 Бактрия 85
 Бали 150
 Белуджистан 54, 55, 85—87
 Бенарес (Варанаси) 247
 Бенгалия 63, 65, 119, 127, 130, 131,
 133—135, 139, 140, 142, 144, 145,
 214, 221, 223, 226, 230
 Бенгальский залив 59, 67, 126, 150,
 201
 Берар 142
 Бирма 50, 59, 68
 Бихар (Митхила) 63, 65, 104, 124,
 133, 142, 144
 Бомбей 234, 275
 Брахмапура (Кумаон) 229, 230
 Брахмапутра 126
 Брахмариши 108, 109
 Броч 129, 137, 247, (см. также Бха-
 рукачча)
 Буляндшахр 238
 Бунделкханд 136, 139, 142
 Бурзахом 85
 Бутан 63
 Бхарукачча (Бхригукачча) 125, 129,
 227, 228, 247 (см. также Броч)
 Бхилса 139
 Вагада 137
 Вайшали (Весали) 105, 125, 219, 220,
 247
 Валабхи (Бхавнагар) 131, 214, 227,
 228, 256
 Ванга 130, 139
 Варанаси 125, 136, 141—143, 197, 223,
 225, 229, 247 (см. также Бенарес)
 Ваталл 139
 Вриджн 219
 Видеха 109
 Византия 147
 Виндхья 66, 125, 134, 135, 209
 Восточная Индия 59, 97, 104, 105, 135,
 147
 Восточный Туркестан 59, 64
 Газни 140, 141
 Ганг 30, 56, 59, 60, 64, 65, 85, 87, 88,
 90, 91, 93—95, 104, 108, 121, 122,
 124—126, 128—130, 132—136, 139,
 140, 142, 144, 147, 150—152, 158,
 169, 176, 220, 222, 223, 225, 226,
 229, 238
 Гандак 140
 Ганджам 130, 138
 Гандхара 128, 134, 146, 222
 Гауда 130, 139, 221, 223, 227
 Гая 188
 Гвалляр 127, 128, 139
 Гедрозия 61
 Герат 61
 Гималаи 59, 60, 62—64, 85, 90, 93,
 104, 222

- Гиндукуш 61, 62, 85
 Гирнар 147
 Гогра 140
 Годавари 126, 138
 Гомала 91
 Гонда 140
 Гопагири 139
 Горакхпур 140
 Греция 45, 170
 Гуджарат (Лата) 30, 55, 57, 58, 65, 85, 88, 89, 119, 129, 131—133, 136—141, 147, 149, 176, 187, 214, 227, 229, 231, 251, 256
 Гурджаратра 119, 129, 133
 Гхаггар 57
 Гхаты 88
 Дабар-Кот 86
 Дарджилинг 63
 Дахал 139, 143
 Дашапур (Мандасор) 128, 251
 Декан 132, 228
 Декан 59, 64—66, 88—90, 95, 108, 121, 125—127, 129, 131, 133, 138—140, 142, 149, 173, 174, 176, 223, 227, 232, 238, 277
 Дели 108, 128, 130, 134, 137, 141, 143, 146, 147
 Делийский султанат 289
 Джаббалпур 139
 Джалор 138
 Джамна 85, 88, 90, 91, 95, 108, 121, 127, 134, 135, 139, 176, 225
 Джаяпура 234
 Джесар 187
 Джодхпур 129, 135, 138, 235
 Джханси 134, 136, 234
 Джхукар 87
 Доаб 59, 121, 130, 132, 134, 136, 137, 141—144
 Дхавалапур (Дхолпур) 137
 Дхаранагара (Дхар) 137, 138, 227
 Дхиллика 134 (см. также Дели)
 Европа 61, 70, 71, 74, 84, 90, 254, 261, 263, 282, 286, 295
 Египет 149, 231
 Забул (Забулистан) 132
 Западная Индия 232, 234
 Зхоб 86
 Инд 54—57, 85—91, 105, 128, 132, 133, 135, 140, 141, 173, 228, 229, 247
 Индийский океан 67
 Индокитай 59, 60
 Индонезия 149
 Индрапрастха 134, 247 (см. также Дели)
 Индур 190
 Иран 60, 85, 87, 132, 140
 Кабул 91, 132, 140
 Кавери 126
 Каджангала 220
 Каджугхира 220—221
 Кайласа 227
 Каланджар 141
 Калибанган 56, 88
 Калимантан 149
 Калининга 65, 126, 139, 142, 147, 150, 189, 223
 Калькутта 275
 Кальяни 140, 142, 147
 Камарупа (Прагдждьотиша) 126, 131, 135, 144, 197, 229, 230
 Канаудж 63, 130, 132, 134, 136, 141, 143, 224, 225, 229, 237 (см. также Каньякубджа)
 Кангра 142
 Кандагар 86
 Каннара 133
 Канчипур 17, 247
 Каньякубджа 130, 224 (см. также Канаудж)
 Капилавасту 217, 218
 Капиши 132, 222
 Караджал 63
 Каракорум 64
 Карли 163, 234
 Карнатак 88
 Каси (Каши) 162
 Катманду 63, 93
 Катхиавар 131, 135, 136, 143
 Кашмир 62—64, 85, 128, 132, 229, 271
 Керала 125—127
 Кералапутра 65
 Китай 61, 64, 70, 131, 149, 150, 160, 186, 221, 223, 229, 273
 Кожикод 247
 Кольхапур 189
 Коморин 150
 Конгода 130, 187, 223
 Конкан 125, 127, 129, 138, 139, 147, 224, 233, 235
 Коркай 150
 Коромандель 147, 150
 Кот-Диджи 87
 Кошала 109, 138, 139, 144, 162, 218
 Кошамби 225, 226
 Красное море 67
 Кришна, р. 88, 126, 140
 Куилон 150, 247
 Кулли 87
 Кумаон 63, 230 (см. также Брахмапура)
 Курукшетра 226
 Куру-Панчала 64, 177
 Кушинагар 219
 Кхарджуравахака (Кхаджурахо) 139
 Лата 137, 251 (см. также Гуджарат)
 Ламгхан 140

- Лахор 141, 247
 Лотхал 58
 Лохата 255—270, 272
 Лумбини 156

 Магадха 44, 62, 64, 65, 104, 106, 109, 124, 125, 127, 128, 130, 131, 135, 144, 159, 162, 179, 190, 220—221, 223, 255, 262, 271
 Мадурани 247
 Мадхьядеша 220, 227
 Малабар 88, 125, 150, 151
 Малава 125
 Малаккский полуостров 68, 150
 Мальва 30, 88, 89, 127—131, 133—137, 139—144, 223
 Мандавьяпура 129, 135 (см. также Мандор)
 Мандасор (Дашапура) 128, 251
 Мандор (Мандавьяпура) 129
 Манду 138
 Маньякхста 138
 Матхура 125, 141, 146, 225, 247
 Маханади 126
 Махешварапура 228
 Махендрагири 130
 Махараштра 66, 88, 89, 133, 140, 223
 Махоба (Махотсаванагар) 139
 Мевар (Медапат) 138
 Мекран 86, 106
 Месопотамия 85, 149
 Мехераули 146
 Митхила 139, 144 (см. также Бихар)
 Монгхир 134
 Мохенджо-Даро 86, 87, 89, 176
 Музирис 125
 Мултан 132, 134, 141, 229, 247
 Мундигак 86

 Нагаленд 95
 Нагор 141
 Надол (Наддул) 137, 138
 Наланда 192
 Нандипур 129
 Нарбада 126, 129, 131, 137, 138
 Насик 163, 186, 187
 Непал 63, 93, 94, 131, 219, 229, 230
 Ниса 105

 Одра 142, 223
 Орисса (Уттал) 90, 108, 125, 130, 131, 135, 138, 144, 187, 189, 223

 Пакистан 60
 Пальхат 147
 Памир 54, 59, 61
 Пандья 65, 127
 Партабгарх 137
 Парфия 62

 Паталипутра (Патна) 125, 211, 220, 223, 247, 252
 Пенджаб 56, 57, 59, 62, 64, 85, 88, 90, 91, 105—108, 119, 121, 125, 127—129, 132, 134, 135, 140—143, 148, 152, 158, 176, 221, 223, 226, 229
 Пеннер 126
 Передний Восток 61, 170, 232, 286
 Персидский залив 58, 67, 232
 Прагджотиша (Камарупа) 126
 Пратиштхан 147, 247
 Праяга 125, 130, 134, 135, 142, 143, 225, 247 (см. также Аллахабад)
 Пуиндравардхана 226
 Пурушапура (Пешавар) 125, 129, 140, 222, 223, 247

 Раджмахал 221
 Раджпутана (Раджастхан) 30, 56, 58, 85, 88, 91, 119, 122, 125, 127—129, 131, 132, 134, 136—139, 141, 142, 148, 223, 228, 254
 Радха 139
 Рим (Римская империя) 45, 67, 68, 146, 147, 157, 231, 232, 274

 Сабармати 137
 Сакамбхари (Самбхар) 136, 138
 Сакастан 61
 Салсетта 234
 Санчи 204
 Сараяупара 140
 Сатледж 131, 136
 Сатьяпутра 65
 Саураштра 125, 127, 128, 147
 Северо-Восточный Иран 59
 Синд 56, 62, 85, 87, 105, 119, 125, 127, 129, 132, 140, 141, 148, 158, 223, 228
 Систан 61, 86
 Сирхинд 108, 130, 137
 Сомнатх 139, 141
 Сон 124
 Спарта 105
 Средиземноморье 67, 149, 231, 261
 Средняя Азия 35, 55, 58, 61, 85, 126, 140, 170, 273
 Сринагар 229
 Стханешвар (Тханесар) 17, 128, 130, 131, 226
 Суктаген-Дор 146
 Султангандж 146
 Суматра 68, 150
 Суратха 125, 227, 247

 Тавала 105
 Таккадеша 222, 228 (см. также Пенджаб)
 Такшашила (Таксила) 125, 129, 158, 192, 222, 223
 Тамилнад 125

Тамралипти (Тамлук) 150, 227
Тапти 129, 138
Тар 132
Тибет 59, 62, 63, 64, 131, 219, 229
Тирхут 119, 131
Тондаймандала 126, 127
Трипурн (Тевар) 138, 139, 142
Тхана 233

Удайпур 205
Удджайни (Уджайни, Удджайн)
125, 131, 137, 138, 147, 189, 227,
228, 247, 252
Удра 130
Уткал 135, 144 (см. также Орисса)
Уч 141
Уччакальпа 212

Халнфат 132
Хараппа 55, 57—60, 85—87, 90, 91,
173—176
Хардвар 226
Харьяна 56, 57, 85, 137

Цейлон 65, 66, 68, 94, 227
Центральная Азия 61, 273

Центральная Индия 90, 125, 127, 128,
133, 138, 139, 212
Чампа 150
Чанда 138
Чанху-Даро 87
Чедн 139
Чера 125, 127
Читор (Читракот) 138
Чола 65, 68, 125, 127
Чхота-Нагпур 121, 125

Шакала (Сналкот) 129, 222, 247
Шахрн-Сохте 86
Шравастн (Сахет-Махет) 217, 218
Шрн Виджайя 68
Шумер 58
Шурпарака 125

Юго-Восточная Азия 67, 68, 150, 226,
227, 232, 273, 286
Южная Азия 53, 59, 60, 62, 64, 66,
84, 96, 122, 123, 202
Южная Индия 67, 68, 88, 108, 121,
125, 127, 139, 147, 149, 234, 246,
277

Ява 150

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авантнварман 144
 Авдиев В. И. 38, 39
 Аджаташатру 162
 Аджаяраджа Чаухан 143
 Алаев Л. Б. 29, 83, 98, 163, 278, 286, 292
 Ала-уд-дин Хильджи 289
 Александр Македонский 61, 62, 105—107, 157, 158, 247
 Амарасинха 251
 Амогхаварша 203
 Антиох Великий 61
 Антонова К. А. 253, 257
 Арджуна 95, 132
 Арриан 102, 110
 Арнораджа Чаухан 143
 Ахемениды 61, 62
 Ашока 65, 156, 162, 220

 Байков И. П. 51
 Бана (Банабхатта) 23, 35, 108, 204, 206, 210, 211, 215, 227
 Банерджи П. Н. 36
 Басак Р. 200
 Беляев Е. А. 38
 Бил С. 217, 218
 Бимбисара 162
 Бонгард-Левин Г. М. 50, 170, 257
 Брихаспати 16
 Будда 217, 224
 Буддхагупта 128
 Будддхагхоша 191
 Бузург ибн Шахрияр ар-Рам-Хурмузи 253
 Бханугупта 128
 Бхарата 17
 Бхарашива 127
 Бхаскараварман 131, 230
 Бхим Дева II 141
 Бхима Чаулукья 138, 141, 142
 Бходжа Парамара 138, 142
 Бходжа Пратихара 139

 Вавилов Н. И. 54
 Вайдыадева 197
 Вайнягупта 200

 Вайрисимха II Парамара 137
 Вакатаки 127
 Вакпати I Парамара 137, 138, 140
 Валлабхадсва 197
 Валлаласена 144
 Ван Сюань-цзе 63, 131, 248
 Варуна 17
 Васильев В. П. 217
 Ватсараджа 133, 134
 Великие Моголы 63
 Виграхапала I, II, III 135, 144
 Виграхараджа II 137, 138, 202
 Виджая 65, 94
 Виджаяпала Пратихара 139
 Виджаясена 144
 Видхьяварман 143
 Викрамадитья II 189, 255
 Вирьярама Чаухан 138
 Вишну 95, 146, 235, 236
 Вишнушена 254—257, 260—262, 269
 Восточные Ганги 144
 Восточные Чалукьи 138
 Вьягхрасена 18

 Газнесвиды 141, 143
 Гангайдева Калачури 138
 Ганеша 27
 Гаутамипутра Сатакарни 187
 Гахадавали 142—144
 Геродот 124
 Гийас-уд-дин Мухаммад Гури 141
 Говинда III 134
 Говинда Гахадавала 143, 198, 200
 Говинда Раштракута 187
 Гопал Л. 37
 Гопала Пала 133, 142, 144
 Грантовский Э. А. 61
 Грахаварман Маукхари 130, 131
 Гринцер П. А. 22, 23
 Гупта К. М. 205
 Гупты 98, 127, 128, 130, 131, 146, 147, 150, 217, 218, 220, 221, 227, 233, 254, 255, 262, 292
 Гурджара-Пратихары 120, 132—134, 136, 137, 141, 189, 223, 245, 293
 Гуревич А. Я. 286
 Гуров Н. В. 59

Гухилоты 136, 138, 143, 193
 Гхатоткача 127
 Гхошал У. Н. 36, 212, 213
 Дадда IV Прасантарага 202
 Дандин 23, 227
 Дантидурга Раштракута 133
 Дас С. К. 248
 Давагупта 130
 Девапала 135, 139
 Джанамеджайя 95
 Джаивардхана II 212
 Джаянатха Уччакальпа 17
 Джаяпала Шахия 140, 141
 Джаисимха Чаулукия (Сиддхараджа) 143
 Джаясимха II Чаухан 138
 Джаясвад К. П. 36
 Джаячандра Гахадавала 144, 193
 Диодор 102, 105
 Дханада 17
 Дханга 139
 Дхарасена 212, 256
 Дхармапала 133—135, 235, 245
 Дхрува 134
 Дхрувасена III 17, 202, 256
 Западные Чалукьи 131, 137, 139, 140, 189, 224, 234
 Ильин Г. Ф. 41—43, 45—51, 69, 80, 116, 168, 170, 192, 292
 Индра 17, 95, 100
 Индрараджа 202
 Индра III Раштракута 136, 137, 139, 187
 Индраюдха 134
 И Цзин 64, 227
 Калачури 17, 136, 138—140, 142, 234, 256
 Кали 95
 Калидаса 23
 Каркот 132
 Карна Калачури 138 (см. также Лакшмикарна)
 Картавиры 17
 Кауравы 165, 226
 Каутилья 20, 35, 51, 106, 107, 116, 117, 156, 159, 246, 249, 252
 Кашика 110
 Кильхорн Ф. 197, 198, 202
 Коккалла Калачури 139, 140
 Косамби Д. Д. 37, 257, 261
 Коттерс Т. 225
 Кришна 95, 110
 Кришна III Раштракута 136, 137, 139
 Кувени 94
 Кумарагупта 127
 Кумарапала 143, 144
 Кунала 162

Куру 158
 Кушаны 126, 127, 273
 Кхаравела 126
 Лакшманадесва Парамара 142
 Лакшманараджа 139
 Лакшмикарна Калачури (Карна) 142
 Лалитадитья Муктапида 63, 132
 Лоу Н. Н. 36
 Маданапала 144
 Маджумдар Р. Ч. 36, 348
 Майти С. К. 200, 201
 Майтраки 128, 256
 Ману 98, 100, 102, 109, 114, 156, 203, 252
 Маретина С. А. 97
 Маркс К. 68
 Маукхари 130, 224
 Маурьи 65, 98, 147
 Махабхавагупта II 202
 Махендрапала 135, 137, 236
 Махипала I 135—137, 139, 140, 144
 Махмуд Газневи 140, 141, 143, 225, 226
 Махмуд Малик 141
 Магасфен 252
 Медхатитхи 203
 Михира Бходжа 135, 234
 Михиракула 119, 128, 129, 221, 222
 Мишулин А. В. 38
 Монсер-Вильямс М. 197
 Мукерджи Р. К. 36
 Мулараджа I 140
 Мунджа (Вакпати) 138
 Мухаммад Гури 141, 144
 Мухаммад ибн Касим 132
 Мухаммад Туглак 63, 289
 Нага 95, 127
 Нагабхата I, II 133—135
 Надирадзе Л. И. 80, 286
 Нараварман 142
 Нараянапала 135
 Наяпала 144
 Найалтегин 141
 Никифоров В. Н. 78, 79
 Новосельцев А. П. 170
 Осипов А. М. 39—44, 230
 Павлов В. И. 175, 293
 Паллавы 126, 127, 150
 Палы 133—135, 144, 223, 230, 235, 245
 Пандавы 153, 165, 226
 Пандья 125
 Панини 103, 106, 110, 114
 Панчалы 158
 Парамара Удайдитья 142
 Парамары 137—143

Паривраджаки 17, 35, 212
Парикшита 95
Патанджали 106
Пляттс Дж. 197
Пор 158
Праварасена Вакатака 190, 211
Прасенаджит (Пасенади) 162
Пратихары 135, 225
Притхвираджа III 141, 255
Притхвичандра 233, 270
Пулакешин III 131, 232
Пуриабхадра 25—27
Пуриаварман 190
Пуруравас 17
Пушпахути (Пушьябхути) 17, 128,
130, 226
Раджendra I Чола 138
Раджьявардхана Пушпахути 17, 130
Рама 67, 94
Рамапала 144
Раштракута Кхоттига 138
Раштракуты 133—137, 139, 143, 224,
230, 234, 245
Самкшобха 18, 185
Самудрагупта 127
Сатаваханы 126, 127, 186
Сатьяшрая Чалукья 140
Саяна 102
Свамидаса 17
Селевк 61
Сены 144, 145, 223
Сингх Г. 56
Синдхураджа Парамара 138
Сиркар Д. Ч. 197, 200, 201, 204, 256,
261, 264
Сияка II 137, 138
Сказкин С. Д. 79, 80
Скандагупта 17, 128
Смилянская И. М. 286
Сомешвара I 138
Спекторов Л. Д. 286
Стернбах Л. 23
Струве В. В. 38
Сулейкин Д. А. 41, 43
Сун Юнь 119, 129, 221, 222
Сюань Цзан 67, 119, 124, 129, 131,
154, 186, 188, 190—192, 224—230,
232, 249
Тайла II Чалукья 137, 138, 140
Тер-Акопян Н. Б. 71
Тод Дж. 254

Томары 134, 137, 141, 143
Торамана 128, 221, 222
Тхапар Б. К. 56
Улупи 95
Ульяновский Р. А. 51
Уоттерс Т. 217, 220
Урваши 17
Ушабхадатта 163
Фа Сянь 67, 218—220
Феришта 121
Флит Дж. Д. 185, 186, 203
Хайхайя 17
Харшавардхана (Харша) 17, 19, 63,
130, 137, 139, 154, 187, 190, 206,
209, 220, 221, 224, 225
Хемачандра 197
Хойсалы 143
Чакраюдха 134
Чалукьи 270
Чаиделла (Чандратрея) 121, 136,
139—144, 193
Чандрагупта I Гупта 127
Чандрагупта II Гупта 190, 204, 217
Чандрадева Гахадавала 143
Чанаи Д. Р. 37
Чапа (Чапотката) 140
Чаудукьи 137, 138, 140, 142, 143
Чауханы 136—138, 140, 141, 143
Шанкараварман 187
Шарма Р. Ш. 37, 98, 102—104, 114,
115, 230, 245, 261
Шахи 140
Шашанка 130, 220, 221
Шива 96, 139, 227
Шиваджи 289
Шиваскандаварман Паллава 17
Шиладитья 187, 197, 212
Шолпо Н. А. 59
Шудрака 23
Щетенко А. Я. 59
Ювараджа I Калачурн 139
Ювараджа II Калачурн 140
Ядава Б. Н. С. 261
Ядавы 224
Яшоварман Парамара 143
Яшоварман Чаиделла 139

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Михайлович Медведев. <i>Р. В. Медведева</i>	5
О творчестве Е. М. Медведева и об этой книге. <i>Л. Б. Алаев, В. И. Павлов</i>	9
I. <Источники и литература>	16
<Индийские дарственные грамоты>	16
<Памятники средневековой индийской литературы как исторический источник>	21
<Советские историки о формировании традиционного общества в Индии>	36
II. <Вопросы методологии>	53
<Географический фактор в становлении и развитии индийской цивилизации>	53
Рента, налог, собственность	68
III. <Этническая история и формирование кастовой системы>	84
Древнейшие цивилизации и первобытная периферия	84
Арии и автохтоны	91
<Сложение системы четырех варн>	97
<Формирование низших и неприкасаемых каст>	111
<Этносы и касты в средние века>	118
IV. <Проблемы феодализма>	124
Страна и население	124
<Политическая история>	126
Производительные силы <и торговля>	145
<Генезис феодальных отношений>	151
<Система собственности на землю>	155
<Рабовладельческий уклад>	166
Основные этапы развития феодальных отношений в древности и средневековье	173
V. <Землевладение и община>	183
Феодальное подчинение крестьянства	183
Формы феодальной собственности	186
<Сельская> община	194
VI. <Город>	216
<Проблема континуитета древнего и средневекового города>	216
<Товарно-денежные отношения>	233
<О самоуправлении городов по литературным источникам>	246
<Хартія Вишнушены и раннесредневековый город>	254
<Некоторые особенности эволюции индийского города в древности и средневековье>	270

<Вместо заключения:>	типологическая характеристика индийского доколониального общества (некоторые основные черты)	276
Примечания		296
Список сокращений		314
Список основных научных трудов Е. М. Медведева		316
Указатель терминов		319
Указатель географических названий		323
Указатель имен		327

Научное издание

Медведев Евгений Михайлович

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ИНДИИ
ДО XIII ВЕКА**

Редактор *Л. И. Юревич*

Младший редактор *О. П. Вечерина*

Художник *Л. Л. Михалевский*

Художественный редактор *Б. Л. Резников*

Технический редактор *В. П. Стуковнина*

Корректор *В. И. Мартынюк*

ИБ № 16522

Сдано в набор 24.11.89. Подписано к печати 19.04.90. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 21. Усл. кр.-отт. 21. Уч.-изд. л. 23,67. Тираж 2900 экз. Изд. № 6866. Зак. № 764. Цена 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА

Ванина Е. Ю. Средневековое городское ремесло Индии. 15 л.

Исследование городского ремесленного производства в Индии периода средневековья и начала нового времени базируется на изучении широкого круга источников: исторических хроник, произведений художественной литературы, живописи, средневековой лексикографии и др. В книге рассмотрены уровень развития техники, формы экономической организации, социальная структура и социальный облик ремесленников. Проводится сравнение городского ремесла средневековой Индии с городским производством Западной Европы того же периода.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117393, МОСКВА, УЛ. ПИЛЮГИНА, 14, КОРП. 2, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ».